

ЗВС-2019 в Томске
Агломерации

2019 / 61

малые и исторические /
small and historic

проект
байкал /
project
baikal

12+

ALFRESCO™
НАРУЖНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ
www.allfresco.ru

КОМПАНИЯ ALFRESCO

Москва, ул. Верхняя Первомайская, д.43
+7 (495) 290-31-30

e-mail: info@allfresco.ru
www.allfresco.ru

...Если до крови лоскут истончал,
Залатаю
Золотыми я
Заплатами...

Владимир Высоцкий, «Песня о России»

Небольшие города с длинной, уходящей в глубину историей, уютные и разные, каждый со своим собственным лицом – этот образ не отпускает от себя, как впечатления детства, заставляет постоянно возвращаться снова и снова. Как в капелке воды отражается небо, в малых городах – характер и судьба большой страны, миллионов семей, огромных территорий...

Тема малых городов и исторических поселений, безусловно, активизирована федеральным конкурсом «Комфортная городская среда», рассчитанным на пять лет. Два ежегодных тура уже состоялись. Но, уделяя внимание среде, следует одновременно идти от общего к частному. Укрепление ткани расселения и градостроительство – вот на что должно направить внимание государство. Ситуация вокруг малых городов полна проблем, их необходимо решать кардинально, а не латать полумерами. В стратегическом плане необходимо думать о восстановлении сети малых городов – только так можно обеспечить связанность малозаселенных территорий.

Тема возрождения малых городов на новых принципах социально-экономической, технологической и инфраструктурно-планировочной организации с каждым годом все более актуальнее. А тем временем ситуация становится все более тревожной. Наводнение накрыло малые города Сибири и Дальнего Востока, и своими силами им не справиться. Скорая помощь пришла. Однако уже очевидно, что беда становится системной.

Елена Григорьева

проект байкал/
project baikal
ISSN 2307-4485

61

малые и исторические / small and historic

... If till blood the cloth has been worn,
I will patch with the golden patches
That the good Lord will notice it more.

Vladimir Vyotsky, The Cupolas
© Ilya Shambat. Translation, (n.d.)

Small towns with deep-rooted history, cozy and diverse, each with its own appearance – this image, like a lasting impression of childhood, makes you return again and again. Like a drop of water can mirror the sky, small towns reflect the nature and fate of the big country, millions of families, vast territories...

Our focus on small towns and historic settlements was definitely stimulated by the 5-year federal competition "Comfortable Urban Environment". Two annual rounds have already been held. Together with paying attention to the environment, we should proceed from the general to the particular. Our government should focus on strengthening of the settlement fabric and town planning. There are a lot of problems facing small towns, which should be solved comprehensively, instead of tinkering at the margins. From a strategic point of view, it is necessary to think of restoration of the network of small towns – this is the only way to ensure connectivity of sparsely-populated territories.

Revitalization of small towns basing on new principles of socio-economic, technological and infrastructure-planning organization becomes more relevant with each passing year. Meanwhile, the situation becomes more disturbing. The flood has covered small towns in Siberia and the Far East. They cannot do without outside help, and the urgent help has come. However, it is obvious that the disaster becomes systemic.

Elena Grigoryeva

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала издателю Барту Голдхоорну, издательству **А-Фонд**, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор

Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

**корректор,
литературный редактор**
Марина Ткачева

дизайн, верстка
Татьяна Анненкова

**заместитель главного редактора
по международной деятельности**
Анна Григорьева

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

на обложке

Плес. Фото Марии Нащокиной
на последней обложке
Вид Сретенска. 1905 г. Открытка

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 3/4
Тираж 300 экз. Заказ 2161
Подписано в печать 19.08.19
Журнал №61 от 26.08.2019

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Периодичность 4 раза в год
Цена свободная

12+

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture “Interarch-2009” in “Periodicals” category

61

малые и исторические /
small and historic

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии **Google (Google Scholar)**
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich’s Periodicals Directory

- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCS**
- проект **SHERPA/RoMEO**
- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
- с 2019 года индексируется в **SCOPUS**

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
зодчество в сибире	Елена Григорьева		7
	Елена Григорьева	Хроника	10
		Каталог. Постройки	14
		Проекты.....	18
		Творчество архитектурных коллективов и мастерских	25
		Творчество студентов и магистров	26
		Детское архитектурно-художественное творчество.....	29
		Пропаганда архитектуры	31
		Список участников фестиваля	32
малые и исторические	Елена Григорьева		33
	Марина Ткачева	Малые и исторические города. Дискуссионный клуб ПБ	34
	Андрей Боков	Агломерации: мнимое и реальное.....	42
	Мария Нащокина	Проблемы сохранения архитектурного наследия и создания туристической привлекательности малого исторического города России	50
	Елена Булгакова Константин Лидин	Малые города, мозг и архитектурное образование	56
	Александр Логинов	FUNDERMAX в Екатеринбурге.....	60
прибайкалье и забайкалье	Елена Григорьева		61
	Андрей Большаков	Ландшафтообразное градостроительство – фактор устойчивого развития городов Иркутской области.....	62
	Николай Крадин	Малые исторические города Забайкалья: Сретенск, Акша	67
	Николай Крадин	Малые исторические города Забайкалья: Нерчинск.....	80
	Анастасия Репина Станислав Соколов Анастасия Холявко	«Золотая нить» – концепция развития исторического центра Нерчинска	90
	Роман Селиванов Полина Литовкина	Реновация Театра юного зрителя в г. Иркутске.....	96

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

proofreader, literary editor
Marina Tkacheva

upmaking
Tatyana Annenkova

associate editor-in-chief for international activity
Anna Grigorieva

address of the publisher and the editorial board
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,

email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

front cover image
Plyos. Photo by Maria Nashchokina

back cover image
The view of Sretensk. 1905. Postcard

printed by
000 "Tipografia Print Line"
Sergeeva Street 3/4 Irkutsk
print run 300
passed for printing: 19.08.19
issue 61 of 26.08.2019

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors
quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (DOAJ)
- the Avery Index to Architectural Periodicals
- Google Scholar
- Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (OAI)
- JournalTOCs
- SHERPA/RoMEO
- PKP index
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI) database
- Since 2019 the journal has been indexed in SCOPUS

12+

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID и Kaira Looro, архитектурного фестиваля «Зодчество» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID and Kaira Looro, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

спонсоры номера

	Инна Дружинина	Подземный Иркутск: легенда из прошлого и возможность развития в будущем.....	98
	Анастасия Холявко		
	Валентина Казакова	«Таежные бульвары» – концепция благоустройства парка в г. Саянске.....	100
европейская россия	Елена Григорьева		
	Константин Лидин		105
	Андрей Бодэ	Города-крепости на Онеге в XVII веке.....	106
	Елена Багина	Кострома. Вчера, сегодня, всегда... ..	112
	Анна Гельфонд	Общественные пространства малых исторических городов. В поисках адресата.....	119
	Михаил Дуцев		
	Юлия Клименко	Площадь или перекресток? Вернакулярность в градостроительной политике классицистической Москвы.....	126
	Александр Анисимов	Проектирование объектов культуры в историческом окружении.....	132
	Марина Князева	Рязанское деревянное зодчество как символ культурного наследия (на примере двухэтажной городской застройки XIX века).....	140
зарубеж	Дарья Евтюхина		
	Виктория Мельникова		
	Константин Лидин		147
	Франк ван дер Хувен	Малые (исторические) поселения с большими (городскими) проблемами социальные задачи, возникающие на пересечении проблем малых поселений и строительного наследия в Нидерландах	148
	Константин Лидин	Скан сетчатки города Визуальное выражение идентичности городов и конкуренция между ними	155
	Фатма Таныш	Формирование архитектурной культуры Турции	
	Франк ван дер Хувен	Роль конкурсов в международном обмене знаниями на примере Измира	162
	Андрей Иванов	Этюды о вернакулярном Гюмри (из будущей книги)	172
	Александр Раппапорт	Кулдига – город будущего	190
	Леонид Салмин	Величие малого. Среда малых городов юга Италии через фотообъектив	193
авторы			198

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5	
zodchestvo in siberia	Elena Grigoryeva		7	
	Elena Grigoryeva	Chronicle	10	
		Catalogue. Constructions	14	
		Projects	18	
		Creative Works by Architectural Teams and Bureaus.....	25	
		Creative Works by Students and Holders of Master's Degree	26	
		Children's Architectural and Art Creativity	29	
		Propaganda of Architecture	31	
		The List of Participants of the Festival	32	
			33	
small and historic	Elena Grigoryeva	Small and Historic Towns. PB Discussion Club.....	34	
	Marina Tkacheva	Agglomerations: the Imaginary and the Real.....	42	
	Andey Bokov	The Issues of Preservation of Architectural Heritage and Creation of		
	Maria Nashchokina	Tourist Attraction of a Small Historic Town in Russia	50	
	Elena Bulgakova	Small Towns, Brain and Architectural Education	56	
	Konstantin Lidin	FUNDERMAX in Yekaterinburg	60	
	Alexander Loginov		61	
pribaikalye and zabaikalye	Elena Grigoryeva	Landscape-Oriented Town Planning as a Factor of Sustainable Development		
	Andrey Bolshakov	of the Cities in the Irkutsk Region	62	
		Nikolai Kradin	Small and Historic Towns in Zabaikalye: Sretensk, Aksha.....	67
		Nikolai Kradin	Small and Historic Towns in Zabaikalye: Nerchinsk	80
		Anastasia Repina		90
		Stanislav Sokolov	Renovation of the Young Spectators' Theatre in Irkutsk.....	96
		Anastasia Kholiyavko	Underground Irkutsk: the Legend from the Past and the Prospective Development.....	98
		Roman Selivanov	"Taiga Boulevards": the Park Improvement Concept for Sayansk	100
		Polina Litovkina		105
		Inna Druzhinina	The Fortress Cities on the Onega in the XVII Century.....	106
european russia	Anastasia Kholiyavko	Kostroma. Yesterday, Today, Always.....	112	
	Valentina Kazakova	Public Spaces of Small Historic Towns. In Search of the Addressee	119	
		Konstantin Lidin	A Square or a Crossroads? The Vernacular in Urban Policy of Moscow Classicism	126
		Elena Grigoryeva	Designing Cultural Facilities in the Historical Environment	132
		Andrei Bode	Ryazan Wooden Architecture as a Symbol of Cultural Heritage	
		Elena Bagina	(Through the Example of Two-Storey Urban Housing of the XIX century)	140
		Anna Gelfond		147
		Mikhail Dutsev	Small (Historic) Settlements with Big (City) Issues. Societal Challenges Faced	
		Mikhail Dutsev	at the Intersection of Small Settlements and Built Heritage in the Netherlands	148
		Julia Klimenko	The City's Retina Scan. Visual Expression of the Identity of Cities	
abroad	Alexander Anisimov	and the Competition Between Them	155	
	Marina Knyazeva	Architecture Culture Formation in Turkey. The Role of the Competitions		
	Darya Evtyukhina	in Transnational Exchanges in the Case of Izmir.....	162	
	Victoria Melnikova	Studies of Vernacular Gyumri (from a future book)	172	
		Konstantin Lidin	Kuldiga, the City of the Future	190
		Frank van der Hoeven	The Greatness of the Small. The Environment of Small Towns in the South	
		Frank van der Hoeven	of Italy Through the Camera Lens	193
		Konstantin Lidin		198
		Fatma Tanış		198
	authors	Frank van der Hoeven		198

Baku Declaration: Tourism and Heritage Architecture, Planning and Design: Keys to Safeguarding Heritage in the Age of Mass Tourism

To help counter threats to our greatest assets, UNESCO adopted in 1972 the Convention Concerning the Protection of Cultural and Natural Heritage. Today, more than 1,000 places around the world enjoy at least some protections afforded by their designation as World Heritage.

However, as tourism has grown in both scale and reach all over the globe, pressures mount on many places of cultural, natural and historical significance. The effects of unregulated tourism endanger not only World Heritage, but many significant neighbourhoods and villages even entire cities and natural ecosystems. Climate change compounds these threats, along with deliberate heritage

destruction in zones of conflict, including in the Republic of Azerbaijan.

This assembly marks the important beginning of a new programme to change the paradigm of tourism, embracing sustainable design measures, education, innovation, communication, and the involvement of local communities.

Appropriate planning and architectural design measures new visitor centres, special accommodations for large groups, and expanded interest zones offer promise, provided they benefit from careful study, achieve a symbiosis with the social environment, and respect heritage.

We call upon UNESCO and others responsible for heritage protection, as well as upon the global tourism industry itself, to support development of architectural design and planning quality principles to enhance and safeguard heritage in all parts of the world.

Международные новости архитектуры / International Architecture News

Бакинская декларация: туризм и наследие

Архитектура, планирование и проектирование: ключевые аспекты защиты наследия в эпоху массового туризма

С целью противодействовать угрозам, которым подвергается наше величайшее достояние, в 1972 году ЮНЕСКО приняла Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия. Сегодня более тысячи объектов по всему миру находятся под защитой благодаря их включению в Список объектов всемирного наследия.

Однако с ростом туризма на всем земном шаре возрастает нагрузка на многие объекты культурного, природного и исторического значения. Последствия нерегулируемого туризма ставят под угрозу не только объекты Всемирного наследия, но и многие районы, деревни и даже целые города и природные экосистемы. Эта угроза усугубляется климатическими изменениями и сознательным уничтожением наследия в зонах конфликта, в том числе на территории Азербайджанской Республики.

Данная ассамблея знаменует важное начало реализации новой программы, которая призвана изменить парадигму туризма и охватывает принципы устойчивого проектирования, образование, инновации, информационное взаимодействие и привлечение местных сообществ.

Принятие надлежащих мер по планированию и архитектурному проектированию (создание новых

туристических центров и мест для размещения больших групп, а также расширение интернет-зон) станет перспективным при условии, что эти вмешательства будут основаны на тщательном изучении места, стремлении к симбиозу с социальной средой и бережном отношении к наследию.

Мы призываем ЮНЕСКО и другие организации, ответственные за сохранение наследия, а также мировую индустрию туризма поддержать разработку основных положений архитектурного проектирования и планирования, направленных на улучшение и защиту наследия во всех уголках мира. Мы должны начать с просветительской работы, охватывающей всех жителей, особенно молодежь.

Мы призываем к разработке правил архитектурного проектирования касательно объектов наследия, которые можно будет применять в разнообразных контекстах, менять и адаптировать. Мы подчеркиваем важную роль, которую могут сыграть архитектура, планирование и проектирование в деле устранения негативного влияния массового туризма, улучшения качества обслуживания приезжих и повышения ценности исторических объектов.

Мы призываем к тому, чтобы новые инвестиции в развитие культуры учитывали все разнообразие наследия и его многочисленные преимущества, а также сохраняли исторические центры как неотъемлемые элементы районов и городов.

Являясь организаторами Бакинского форума МСА 2019 года

We must begin with educating all citizens, and especially young people.

We call for the development of architectural design guidelines for heritage properties, useful in a wide variety of contexts and amenable to adaptation. We underscore the powerful role that architecture, planning and design can have to ameliorate the effects of mass tourism, improve visitor experiences, and enhance the value of historic assets.

We call for new investments in culture that recognize the diversity of heritage, sharing its many rewards, and maintain historic urban centres as organic elements of larger communities and cities.

As conveners of the 2019 UIA Baku Forum on Mass Tourism in Historic Cities, held under UNESCO Patronage, we urge stakeholders in the tourism and heritage sectors to join in our resolve to ensure that tourism is sustainable and equitable.

*President of the International Union of Architects Thomas Vanier
Chairman of the Board of the Union of Architects of Azerbaijan Elbay Gasimzade
Conveners of the 2019 UIA Baku Forum on Mass Tourism in Historic Cities, held in Baku, Azerbaijan, 9 June 2019, under the Patronage of UNESCO*

For more information on the 2019 UIA Baku Forum, visit <https://www.uia-architectes.org>

Architectural Competition "Projet Loi 130" of the European Commission in Brussels

The UIA is proud to announce the results of the "Projet Loi 130" architectural competition, organised in Brussels by the European Commission, with support from the UIA and its Belgian section, the Fédération Royale des architectes de Belgique. The invited international, two-phase project competition was launched in March 2018 to identify the best

в Проект победителя архитектурного конкурса «Проект Loi 130»: AVA ARQUITECTURA TECNICA Y GESTION (официальное название) – RAFAEL DE LA-HOZ ARQUITECTOS (коммерческое название), Perkins + Will UK Limited, Latz + Partner Landscape Architecture Urban Planning, TECNICA Y PROYECTOS S.A. и MC2 ESTUDIO DE INGENIERIA; licensed under conditions to the EU. © 2019 / 1st prize Loi 130 proposal by AVA ARQUITECTURA TECNICA Y GESTION (official name) – RAFAEL DE LA-HOZ ARQUITECTOS (business name), Perkins+Will UK Limited, LATZ+PARTNER LANDSCAPE ARCHITECTURE URBAN PLANNING, TECNICA Y PROYECTOS S.A. and MC2 ESTUDIO DE INGENIERIA; licensed under conditions to the EU. © 2019

по массовому туризму в исторических городах, проводимого под эгидой ЮНЕСКО, мы призываем всех вовлеченных в сферу туризма и наследия присоединиться к нашему стремлению обеспечить устойчивое развитие туризма, основанное на справедливости и бережном отношении к наследию.

*Президент Международного Союза Архитекторов Томас Вонье
Председатель правления Союза архитекторов Азербайджана Эльбай Касимзаде
Организаторы Бакинского форума МСА 2019 года по массовому туризму в исторических городах, проводимого под эгидой ЮНЕСКО 9 июня 2019 года в г. Баку (Азербайджан)*

Дополнительная информация по Бакинскому форуму МСА 2019: <https://www.uia-architectes.org>

Архитектурный конкурс «Проект Loi 130» Европейской комиссии в Брюсселе

Международный союз архитекторов объявил результаты архитектурного конкурса «Проект Loi 130», организованный Еврокомиссией в Брюсселе при поддержке МСА и его бельгийской организации – Королевской федерации архитекторов Бельгии. Международный конкурс был объявлен в марте 2018 года и проходил в два этапа. Целью конкурса было выбрать самое лучшее и экологически безопасное решение для офисного пространства смешанного использования в самом сердце «Европейского квартала» в Брюсселе в границах улиц Rue de la Loi, Rue de Spa, Rue Joseph II и the Chaussée d'Etterbeek.

Победителем признано объединение пяти компаний,

and most environmentally-friendly solution for a mixed-use office space in the heart of the "European Quarter" in Brussels, demarcated by streets Rue de la Loi, Rue de Spa, Rue Joseph II and the Chaussée d'Etterbeek.

The winner is a consortium of five companies specialised in the provision of architectural and engineering services: RAFAEL DE LA-HOZ ARQUITECTOS, Spain (Team leader); Perkins + Will UK Limited, UK; Latz + Partner Landscape Architecture Urban Planning, Germany; TECNICA Y PROYECTOS S.A., Spain; and MC2 ESTUDIO DE INGENIERIA S.L.U., Spain. According to architect Monica von Schmalensee, who chaired the jury alongside Commissioner Günther H. Oettinger: "Architecturally, this complex and challenging competition attained very high standards with three innovative winning designs. As a jury, we especially valued the large and accessible public spaces the 1st prize-winner will create and

how the buildings integrate into the urban context. This will bring benefits not only to staff working there, but also to residents and people passing by."

Following the recommendations of the International jury, the Commission awarded the Second Prize to the consortium 2Portzamparc, France (Team leader); Florence Mercier Paysagiste, France; and, ARTELIA Bâtiment & Industrie, France.

The Third Prize was awarded to BURRO II & ARCHI+I / B2Ai, Team Leader (Belgium); C.F. Møller Danmark A/S (Denmark), DELVA Landscape Architects (Netherlands) and VK Engineering (Belgium).

For more information, visit <https://ec.europa.eu/oib/loi130-competition/>

Results of the International Architectural Design Competition for the Knowledge and Innovation Center

The UIA is happy to announce the results of the International Architectural Design Competition for the Knowledge and Innovation Center in Tripoli, Lebanon. The competition was organised by the Lebanese Federation of Engineers and Architects on behalf of the Tripoli Special Economic Zone and the Government of the Republic of Lebanon. It was endorsed by the UIA and also supported by the Union of Mediterranean Architects (UMAR).

Located within the Rachid Karami International Fair, designed by renowned Brazilian architect Oscar Niemeyer in the 1960s, the proposed construction site will be a business and technology park that accommodates and fosters the growth of entrepreneurs, startups and SMEs in the city of Tripoli and the surrounding region. The international jury, chaired by Amale Andraos, aimed to select a project that would honour the site's historical importance as part of world architectural

heritage while advancing open spaces, urban connectivity, and cutting edge technological innovation.

The Jury met on 27 and 28 June in Tripoli, Lebanon to evaluate over 100 submissions. They attributed First Prize to MDDM - Imad Aoun and Nadim Younes Architects (Lebanon) for its "clear strategy and its rigorous approach," the "underground linear structures" of which "recalled some of Niemeyer's early designs, resonating with the rhythm of the grand canopy and in keeping with the language of the site."

The Second Prize was awarded to Lebanese firm Dagher Hanna and Partners. Spanish firm Arquívio Architects (Daniel Ortiz and Juan Rodríguez) were awarded Third Prize. The Jury also gave three Honourable Mentions.

For more information, visit <https://www.tsez.gov.lb/kic/competition>

Участок для размещения Образовательно-инновационного центра в Триполи / The proposed site of the Knowledge and Innovation Center in Tripoli

предоставляющих архитектурные и инженерные услуги: RAFAEL DE LA-HOZ ARQUITECTOS из Испании (лидер команды), Perkins + Will UK Limited (Великобритания), Latz + Partner Landscape Architecture Urban Planning (Германия), TECNICA Y PROYECTOS S. A. (Испания) и MC2 ESTUDIO DE INGENIERIA S. L. U. (Испания).

Как сказала архитектор Моника фон Шмалензи, которая возглавляла жюри вместе с комиссаром ЕС Гюнтером Х. Оттингером, «архитектура комплекса достигла очень высокого уровня благодаря трем инновационным проектам-победителям. Жюри особенно оценило большие и доступные общественные пространства, предложенные проектом, занявшим первое место,

и то, как здания интегрированы в городской контекст. Это пойдет на благо не только служащих, но и местных жителей и просто прохожих».

Следуя рекомендациям международного жюри, Комиссия вручила вторую премию объединению французских фирм: 2Portzamparc (лидер команды), Florence Mercier Paysagiste и ARTELIA Bâtiment & Industrie.

Третье место заняли BURRO II & ARCHI+I/B2Ai из Бельгии (лидер команды), C. F. Møller Danmark A/S (Дания), DELVA Landscape Architects (Нидерланды) и VK Engineering (Бельгия).

Дополнительная информация:
<https://ec.europa.eu/oib/loi130-competition/>

Результаты Международного архитектурного конкурса на проект Образовательно-инновационного центра

Международный союз архитекторов объявил результаты Международного архитектурного конкурса на проект Образовательно-инновационного центра в Триполи (Ливан). Конкурс был организован Ливанской федерацией инженеров и архитекторов по поручению Специальной экономической зоны Триполи и Правительства Ливанской Республики. Конкурс получил одобрение МСА и поддержку Союза средиземноморских архитекторов.

Участок под строительство технопарка, в котором разместятся офисы уже действующих и новых компаний, а также представители

малого и среднего бизнеса города Триполи и прилегающих к нему районов, находится на территории Международного выставочного центра Рашида Карамии, построенного в 1960 году по проекту знаменитого бразильского архитектора Оскара Нимейера. Целью международного жюри под председательством Амали Андраос было выбрать проект, который бы учитывал всю историческую значимость места как части всемирного архитектурного наследия и в то же время предлагал открытые пространства, связь с городом и использование самых передовых технологических инноваций.

27 и 28 июня в Триполи прошло собрание жюри, на котором было оценено более 100 проектов. Первое место заняло бюро MDDM – архитекторы из Ливана Имад Аун и Надим Юнес – за «ясную стратегию и строгий подход» и «подземные линейные конструкции», которые «напоминают некоторые ранние работы Нимейера, переключаясь с ритмом большого навеса и соответствия духу места».

Второе место получила ливанская фирма Dagher Hanna and Partners. Испанская фирма Arquívio Architects (Даниэль Оррис и Хуан Родригес) заняла третье место. Жюри также присудило три поощрительные премии.

Дополнительная информация:
<https://www.tsez.gov.lb/kic/competition>

Фестиваль ЗВС был учрежден на стыке тысячелетий: впервые он состоялся в 2001 году в иркутском Сибэкспоцентре и практически сразу получил широкий резонанс среди архитектурной общественности и в Сибири, и в стране. С годами фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» вошел в число важнейших ежегодных архитектурных событий России. Первыми участниками были архитекторы Восточной Сибири (города Иркутск, Ангарск, Братск, Чита, Красноярск, республика Бурятия, Тыва, Хакасия, Усть-Ордынский и Агинский бурятские национальные округа). С 2007 года к ним присоединяются архитекторы Западной Сибири из Омска и Барнаула, и фестиваль превращается в ЗВС-ореп.

В дискуссионном клубе ЗВС обсуждаются актуальные темы, участвуют самые авторитетные эксперты – А. Раппапорт, О. Вендина, Л. Коган, А. Высоковский, А. Гимельштейн, М. Рожанский, В. Дятлов, А. Иванов, Д. Фесенко, А. Сирина, А. Финогенов.

Особой популярностью пользуются мастер-классы выдающихся российских архитекторов. Благодаря ЗВС архитекторы Сибири встретились со столичными мастерами Ю. Гнедовским, А. Асадовым, С. Киселевым, А. Скоканом, А. Бавыкиным, В. Плоткиным, А. Савиным, А. Чельцовым, А. Павловой, С. Скуратовым, Н. Явейном, Т. Куземаевым, М. Мамошиным, Ю. Земцовым, А. Боковым, Т. Башкаевым, С. Гнедовским, А. Черниковым, В. Кузьминым, зарубежными архитекторами из Нидерландов, Франции, Германии, Словакии и Болгарии, сибирскими мастерами архитектуры И. Поповским, А. Мякотой, П. Анисифоровым, А. Дерингом и еще многими другими. ЗВС рассматривается организаторами как этап подготовки к международному фестивалю «Зодчество» в Москве.

Традиционно ЗВС проводится в Иркутске; впервые он поменял площадку на Красноярск в 2014, а в 2017 году Красноярск принял ЗВС во второй раз. В том же году от архитекторов Алтая мы получили предложение провести следующий фестиваль в Барнауле. Таким образом, Фестиваль утвердился в своем номадизме и перешагнул границу Восточной Сибири. Было решено сохранить привычную аббревиатуру, наполнив ее новым географическим смыслом – «Зодчество в Сибири». В этом году ЗВС проходит в Томске, уникальном городе, способном, сохраняя традиции, рождать новое – в науке, образовании, обществе...

**Елена Григорьева,
вице-президент СА России,
основатель фестиваля**

ХІХ М Е Ж Р Е Г И О Н А Л Ь Н Ы Й А Р Х И Т Е К Т У Р Н Ы Й Ф Е С Т И В А Л Ь «З О Д Ч Е С Т В О В С И Б И Р И - 2 0 1 9» «ТРАДИЦИИ - ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ - НОВАТОРСТВО»

The Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia" was founded at the turn of the millennium. The first Festival was held in 2001 at Irkutsk Sibexpocenter and caused a massive outcry among the architectural community in Siberia and throughout the country. Later the Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia" became one of the most important annual architectural events in Russia. The first participants of the Festival were the architects from Eastern Siberia (such cities as Irkutsk, Angarsk, Bratsk, Chita and Krasnoyarsk, republics of Buryatia, Tyva, Khakassia, as well as Ust-Ordynsky and Aginsky national districts of Buryatia). Since 2007 architects from Western Siberia (Omsk and Barnaul) have also participated in the Festival. The Festival becomes open.

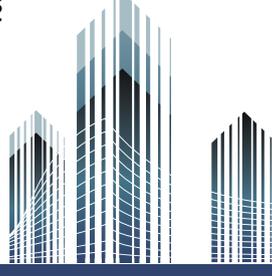
The most topical issues are discussed at the Discussion Club. Among the most prominent experts are A. Rappaport, O. Vendina, L. Kogan, A. Vysockovsky, A. Gimelstein, A. Kaftanov, M. Rozhansky, V. Dyatlov, A. Ivanov, D. Fesenko, A. Sirina, A. Finogenov.

Prominent Russian architects give master classes, which enjoy great popularity.

Thanks to the Festival, Siberian architects have met with masters from the capitals: Y. Gnedovsky, A. Asadov, S. Kiselev, A. Skokan, A. Bavykin, V. Plotkin, A. Savin, A. Cheltsov, A. Pavlova, S. Skuratov, N. Yavein, T. Kuzenbaev, M. Mamoshin, Yu. Zemtsov, A. Bokov, T. Bashkaev, S. Gnedovsky, A. Chernikhov, V. Kuzmin, foreign architects from the Netherlands, France, Germany, Slovakia and Bulgaria, as well as Siberian experts I. Popovsky, A. Myakota, P. Anisiforov, A. Dering and many other colleagues. The organizers consider the Festival to be a preparation stage for the International Festival "Zodchestvo" in Moscow.

"Zodchestvo of Eastern Siberia" is traditionally held in Irkutsk. In 2014 it was held in Krasnoyarsk, and in 2017 Krasnoyarsk housed the Festival for the second time. In 2017, Altai architects proposed to hold the next Festival in Barnaul. We decided to maintain the name of the Festival, filling it with a new geographical meaning: "Zodchestvo in Siberia". This year, the Festival is held in Tomsk, a unique city, which can preserve its traditions, while creating something new in science, education, society...

**Elena Grigoryeva
Vice-president
of the Union of Architects of Russia
Founder of the Festival**

**12-15
ИЮНЯ**

XIX международный фестиваль «Зодчество в Сибири – 2019» / XIX International Festival “Zodchesvo in Siberia 2019”

ОРГАНИЗАТОРЫ ФЕСТИВАЛЯ

Администрация Томской области

Томский государственный архитектурно-строительный университет

Томское отделение Союза архитекторов России

Национальное объединение изыскателей и проектировщиков

Состав жюри

Раздел «Постройки»

Председатель Скокан Александр Андреевич (Москва)
член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), академик Международной академии архитектуры (IAA), руководитель Архитектурного бюро «Остоженка», лауреат Государственной премии РФ

Заместитель председателя Григорьева Елена Ивановна (Иркутск)
вице-президент Союза архитекторов России, член-корреспондент РААСН, академик МААМ, лауреат Государственной премии РФ

Секретарь Левченко Илья Игоревич (Томск)
архитектор, член Томской региональной организации Союза архитекторов России

Члены жюри Анисифоров Петр Иванович
вице-президент Союза архитекторов России, Председатель правления Алтайского отделения Союза архитекторов России, советник РААСН

Кузембаев Тотан (Москва)
архитектор, лауреат российских и международных конкурсов, руководитель Архитектурной мастерской Тотана Кузембаева

Козак Игорь Владимирович (Иркутск)
председатель правления Иркутского отделения Союза архитекторов России, профессор МААМ

Лещинер Олег Вадимович (Томск)
архитектор, член Томской региональной организации Союза архитекторов России

Тэн Антон Анатольевич (Новокузнецк)
председатель правления Новокузнецкого отделения Союза архитекторов России

Раздел «Проекты»

Председатель Гнедовский Сергей Викторович (Москва)
вице-президент СА России, академик РААСН, руководитель «Архитектура и культурная политика ПНКБ», лауреат премии Правительства РФ

Заместитель председателя Черников Андрей Александрович (Москва)
профессор Международной Академии Архитектуры (IAA), президент Международного благотворительного фонда им. Якова Чернихова, творческий руководитель «Мастерской архитектуры Андрея Чернихова»

Секретарь Перемитин Евгений Викторович (Томск)
архитектор, член Томской региональной организации СА России

Члены жюри Дьякова Татьяна Федоровна (Барнаул)
главный архитектор мастерской ЗАО «Творческая мастерская архитектора Анисифорова», член Союза архитекторов России

Зыков Сергей Николаевич (Кемерово)
председатель правления Кемеровского отделения СА России

Классен Петр Яковлевич (Томск)
Почетный архитектор РФ, член Союза архитекторов России, профессор МААМ, руководитель мастерской «Классен и Ко»

Макаров Андрей Юрьевич (Иркутск)
Президент коллегии СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров», вице-президент МААМ

Раздел «Творчество архитектурных коллективов и мастерских»

Председатель Кузьмин Владимир Георгиевич (Москва)
профессор МААМ, старший преподаватель МАРХИ, руководитель проектной группы «Поле-Дизайн», лауреат Государственной премии РФ

Секретарь **Семьнина Ирина Юрьевна** (Томск)
пом. директора ООО «Архнуво»

Члены жюри **Стахеев Олег Васильевич** (Томск)
кандидат архитектуры, Почетный архитектор России,
член СА России

Раздел «Пропаганда архитектуры»

Председатель **Гудков Алексей Алексеевич** (Новосибирск)
кандидат архитектуры, директор института архитектуры и
градостроительства при НГАСУ (Сибстрин), профессор кафе-
дры архитектуры и реконструкции городской среды

Заместитель председателя **Ладейщиков Александр Юрьевич** (Иркутск)
заместитель директора по архитектурным направлениям
института архитектуры, строительства и дизайна Иркутского
национального исследовательского технического универси-
тета (ИАСиД ИРНИТУ), председатель Общественного совета
при службе архитектуры Иркутской области

Секретарь **Ситникова Елена Владимировна** (Томск)
кандидат архитектуры, доцент кафедры реставрации и рекон-
струкции архитектурного наследия архитектурного факуль-
тета Томского государственного архитектурно-строительного
университета (ТГАСУ)

Члены жюри **Поляков Евгений Николаевич** (Томск)
доктор искусствоведения, кандидат архитектуры, профессор
кафедры «Теория и история архитектуры» архитектурного
факультета ТГАСУ

Манонина Татьяна Николаевна (Томск)
кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория и
история архитектуры» архитектурного факультета ТГАСУ

Рачковский Павел Юрьевич (Томск)
начальник отдела культурного наследия и образования
департамента по культуре и туризму Томской области

Раздел «Молодежное архитектурное творчество»

Председатель **Кузьмин Владимир Георгиевич** (Москва)

профессор МААМ, старший преподаватель МАРХИ, руково-
дитель проектной группы «Поле-Дизайн», лауреат Государ-
ственной премии РФ

Секретарь **Верёвкина Ирина Дмитриевна** (Томск)
архитектор, старший преподаватель кафедры «Теория и
история архитектуры» ТГАСУ

Члены жюри **Стахеев Олег Васильевич** (Томск)
кандидат архитектуры, Почетный архитектор России,
член СА России

Раздел «Детско-юношеское архитектурно-художественное творчество»

Председатель **Кубенский Эдуард Александрович** (Екатеринбург)
архитектор, член СА России, директор и главный редактор
издательства TATLIN

Заместитель председателя **Ямалетдинов Сергей Фёдорович** (Красноярск)
доцент Института архитектуры и дизайна Сибирского
федерального университета

Секретарь **Дубынина Ольга Михайловна** (Томск)
доцент кафедры рисунка, живописи и скульптуры архи-
тектурного факультета ТГАСУ, член Томской региональной
организации Союза дизайнеров России

Члены жюри **Сидорова Елена Валерьевна** (Северск)
искусствовед

Ильин Сергей Аркадьевич (Томск)
архитектор, член СА России, заведующий кафедрой рисунка,
живописи и скульптуры архитектурного факультета ТГАСУ

Деринг Александр Фёдорович (Барнаул)
архитектор

Цикл «Спор гармонии с изобретением» (итал. «Il cimento dell'armonia e dell'invenzione») выдающегося итальянского композитора Антонио (Вивальди (1678–1741) состоит из 12 концертов для скрипки, струнного оркестра и басса континуо.

Музыку так же, как и архитектуру, комментировать вербально – неблагодарное занятие. Комментаторы-музыковеды, однако, объясняют это название как вечное противоречие традиций и новаторства. Про это же и девиз ЗВС–XIX. /

The cycle “The Contest Between Harmony and Invention” (it. “Il cimento dell’armonia e dell’invenzione”) by an outstanding Italian composer Antonio Vivaldi (1678–1741) consists of 12 concertos for violin, strings and bass continuo. Verbal commenting on music, as well as on architecture, is a thankless job. Music commentators, however, explain this name as an eternal contradiction between traditions and innovations. The slogan of Zodchestvo in Siberia XIX has the same meaning.

1

Хроника / Chronicle

Как и коренные народы Сибири, наш фестиваль стал-таки номадическим, что, несомненно, сделало его глубже и интереснее. На этот раз в роли организаторов ЗВС – XIX выступила Томская организация Союза архитекторов России во главе с председателем правления Сергеем Худяковым. Город Томск, средоточие лучших университетов и уникальной деревянной архитектуры, отличается способностью, сохраняя традиции, рождать новое – в науке, образовании, обществе. Рожденный здесь Бессмертный полк, как известно, стремительно завоевал весь мир. Томские архитекторы сразу четко сформулировали тему ЗВС – XIX. Самое главное для города –

разумное, полезное для успешного развития сочетание традиций и новаторства. Эта задача была сформулирована организаторами в девиз «ТРАДИЦИИ – ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ – НОВАТОРСТВО». Девиз предложен томичами не случайно. Противоречие старого и нового, сохранения и развития – главная тема для архитекторов, историков, креативного класса любого исторического города. А Томск – даже не любой, а совершенно особенный благодаря своему деревянному наследию, благодаря великой истории, событиям и легендам четырех веков.

Одновременно с ЗВС 12–15 июня в Томске проходило XLIV заседание Совета главных архитекторов

субъектов РФ и муниципальных образований «ГОРОД и ЛЮДИ – СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ ДЛЯ ЖИЗНИ». Синергия этих двух событий не только расширила традиционный для фестиваля круг общения внутри архитектурного цеха, но и усилила резонанс в городском культурном сообществе.

Фестиваль начался со знакомства с городом, полным легенд и мифов, о которых гостям поведал неподражаемый экскурсовод – архитектор и историк Павел Рачковский.

Еще одним ярким событием преамбулы к форуму стала посадка аллеи архитекторов в одном из новых микрорайонов города. Акция,

достойная (извиняюсь за каламбур) укоренения в повестке будущих фестивалей ЗВС.

Следующий день был полон открытий: утром в Администрации Томской области состоялось торжественное открытие XLIV заседания Совета главных архитекторов субъектов РФ и муниципальных образований (фото1), а после обеда в Томском государственном архитектурно-строительном университете открыли и наш фестиваль (4, 5). В своем приветствии губернатор Томской области С. А. Жвачкин, процитировав Гете (архитектура – застывшая музыка) отметил, что на томском форуме собрался самый крупный симфониче-

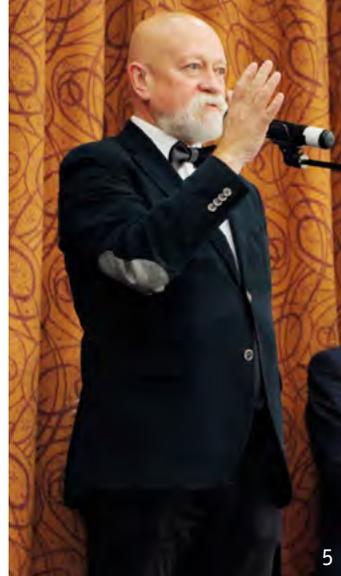
2

3

4

5

ский оркестр. Губернатор объявил международный конкурс на проект кампуса на 20 тысяч мест на левом берегу Томи (документ об этом был незадолго до этого подписан на питерском экономическом форуме). Тема для университетского города, где обучаются студенты из 78 стран мира и 78 субъектов Российской Федерации, сверхактуальная, а вот выбор места – довольно неожиданный, ведь Томск традиционно развивался на правом берегу, и все его университеты расположены в историческом центре.

Председатель Совета главных архитекторов субъектов РФ и муниципальных образований, президент РААСН А. В. Кузьмин в своей

приветственной речи говорил о необходимости координации всех тринадцати национальных проектов и их синергии. Архитекторов, ректоров сибирских вузов и мэров сибирских городов приветствовали президент Союза архитекторов России Н. И. Шумаков и Президент Национального объединения изыскателей и проектировщиков М. М. Посохин.

Фестиваль «Зодчество в Сибири-2019» открыли заместитель губернатора Томской области по строительству и инфраструктуре Е. В. Паршуту, мэр Томска И. Г. Кляйн, президент Союза архитекторов России Н. И. Шумаков, вице-президент СА России

по Сибирскому федеральному округу Е. И. Григорьева, председатель Правления Иркутского регионального отделения И. В. Козак и председатель Правления Томского регионального отделения С. Ю. Худяков.

Сразу после открытия жюри смотров конкурса начали свою работу (3). Фестиваль проходил в профильном университете (2), и будущие архитекторы вместе с участниками ЗВС побывали на мастер-классах и лекциях настоящих «звезд» (6, 8–11, 14). Полные залы благодарных слушателей собрали Александр Кузьмин, Андрей Черников, Сергей Гнедовский, Александр Скокан, Николай Шумаков, Тотан

Кузембаев, Владимир Кузьмин и Эдуард Кубенский.

Модераторами панельной дискуссии на тему ТРАДИЦИИ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, НОВАТОРСТВО выступили заместитель губернатора Томской области по строительству и инфраструктуре архитектор Е. В. Паршуту и В. И. Корнев, декан архитектурного факультета ТГАСУ. Участники (13, 15) высказались по горячим для города темам. Кроме российских архитекторов к обсуждению горячих тем были приглашены иностранные гости (15). Архитектурное бюро LEVS в рамках круглого стола на фестивале «Зодчество в Сибири» представило проект нового жилого

6

7

Хроника / Chronicle

8

9

10

11

микрорайона на берегу реки Ушайки в Томске. Руководитель проекта Адриан Моут взял за основу классическую для Европы модель, когда дворовая часть микрорайона является закрытой, а внешняя «открыта городу». О ландшафтном дизайне микрорайона рассказал Мирослав Штука из Польши.

На Совете организаций СА России Сибирского федерального округа с участием Президента и двух вице-президентов по СФО председатели правлений поделились своими проблемами, в том числе по поводу Домов архитекторов в столицах регионах и молодежной политики. В рамках форума состоялся и Совет Сибирского отделения Российской академии архитектуры и строительных наук с участием

12

13

14

15

показал свою полезность для города и для архитектурного сообщества. Не случайно к моменту выхода этого номера в мэрии Красноярска решили утвердить наше предложение о проведении ЗВС – XXI в этом славном миллионнике. А юбилейный, XX фестиваль «Зодчество в Сибири» состоится на его родине в Иркутске в первой декаде июня 2020.

**Елена Григорьева/
Elena Grigoryeva**

Фото предоставлены
Томской организацией
Союза архитекторов России

13

президента Академии А. В. Кузьмина (12).

Завершился ЗВС церемонией награждения лауреатов в величественном зале ТГАСУ и вручением Гран-при (16, 17). Полный каталог работ, представленных на смотр-конкурсы, опубликован на следующих страницах ПБ.

Будущее покажет, были ли выработаны на архитектурном форуме совместными усилиями российских практикующих архитекторов, чиновников и академиков новые форматы и подходы к решению актуального для Томска вопроса: как увязать историческое наследие и развитие города. Однако, без всякого сомнения, очередной фестиваль привлеч внимание общества и власти к архитектуре,

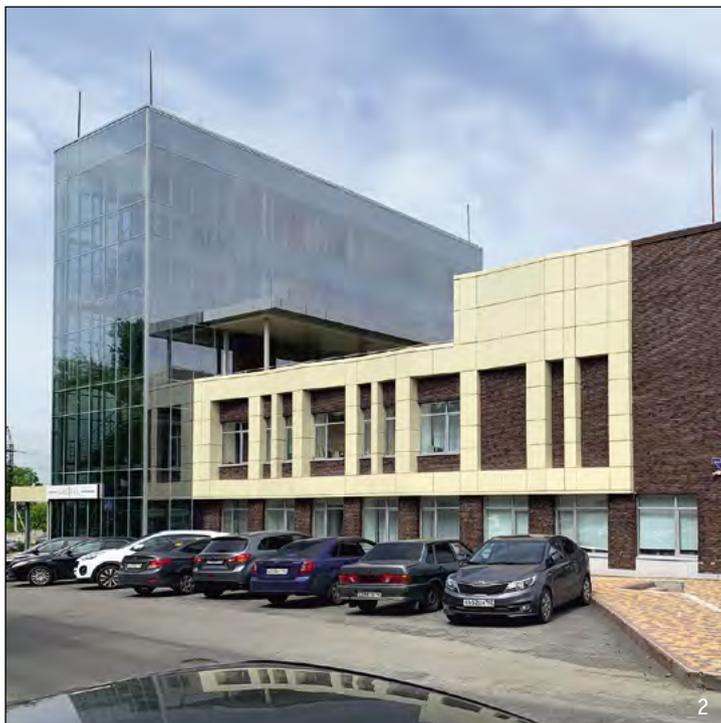
16

17

1

2

3

номинация «ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ»

1. ГРАН-ПРИ ФЕСТИВАЛЯ
ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ
База отдыха в Заельцовском бору
в городе Новосибирске
Авторы: Баранов А. Ю., Смирнов С. В.,
Ощепков Д. К., Плаксин Е. В.,
Ющук Л. А.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ
Реконструкция нежилого здания
под центральный офис IT-компани
Авторы: Фетисов А. В., Стенин М. В.,
Лапина М. О., Демина Д. В.,
Мелехова Т. Ю., Рюттель Е. Г.,
Петрущенко О. И., Павлов О. В.,
Шахворостова В. А., Береснев В. И.

3. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ
Деловой центр «Бульварное кольцо»
по ул. Бульварная в ЦАО города
Омска
Авторы: Бегун А. В., Бегун Т. А.,
Горчуков Д. С., Музыка А. О.,
Лиходумов А. В.

4. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ
Начальная общеобразовательная
школа по ул. Кирова, 34–36
в г. Новокузнецке
Авторы: Цой В. В., Гришкин С. М.,
Королева С. Г., Лыкова О. Л.,
Дрожжин Р. А., Казанцева Л. Б.,
Сизова И. А.

4

5

6

7

8

9

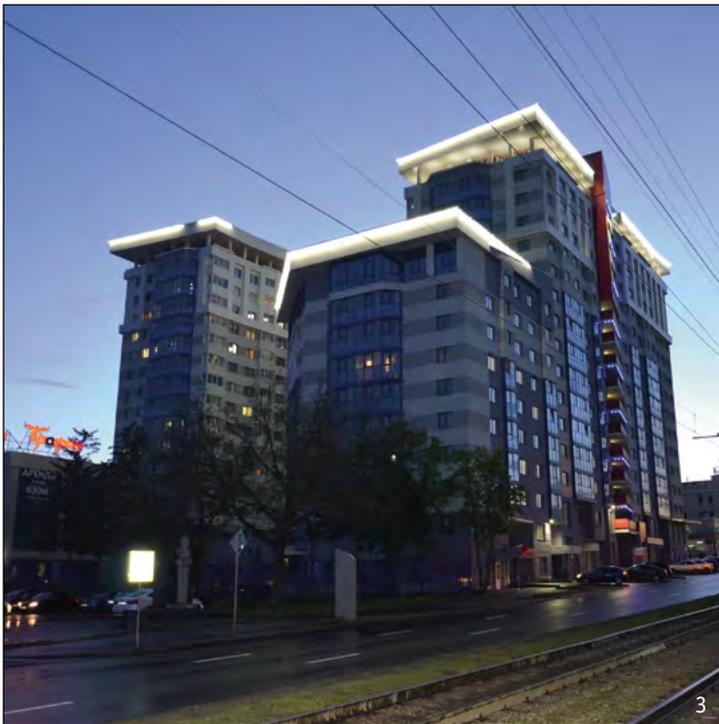
5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ ДИПЛОМ
Капитальный ремонт здания школы №25, г. Салаир
Авторы: Гежа Г. А., Титов А. А., Гусарова О. Ю., Волос А. С., Чудасова В. И., Степанов В. В., Ваун А. А., Горовая А. П.

6. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ ДИПЛОМ
Капитальный ремонт здания АБК ООО «КАМСС», расположенного по адресу: Кемеровская обл., Новокузнецкий район, п/ст. Тальжино, ул. Советская, 1а
Авторы: Филатова М. В., Дзарасов Д. В., Гаврилова О. Б., Филатова Д. А.

7. Торгово-административное здание с подземной автостоянкой по улице Кожова в городе Иркутске
Авторы: Былков А. П., Попов А. И.
конструктор – Коробченко Е. С.

8. Капитальный ремонт здания МБДОУ «Детский сад № 28 «Вишенка», Кемеровская обл., г. Междуреченск, ул. Кузнецкая, 13
Авторы: Филатова М. В., Дзарасов Д. В., Гаврилова О. Б., Филатова Д. А.

9. Здание жилищно-эксплуатационного центра в микрорайоне «Северный парк»
Авторы: Скрипник Г. А., Скрипник А. А., Белобров Д. С., Недоговорова Н. В., архитекторы – Смалько И. И., Багаева О. В.

номинация «ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1. **ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ**
Жилой дом «Квадрат» в с. Коларово
Томского района
Автор: Скрипник Г. А.

2. **СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ**
Частный жилой дом в поселке
«Пурга» г. Новокузнецк, Кемеровская
область
Авторы: Большух М., Христюков А.,
Юдин А.

3. **БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ**
Многokвартирный жилой дом
со встроенными объектами
общественного назначения,
подземным гаражом-стоянкой и
трансформаторной подстанцией
по адресу: г. Барнаул, ул. Никитина,
107
Авторы: Золотов В. И., Шерунов К. В.,
Боровинская Т. Н., Золотова Ю. В.

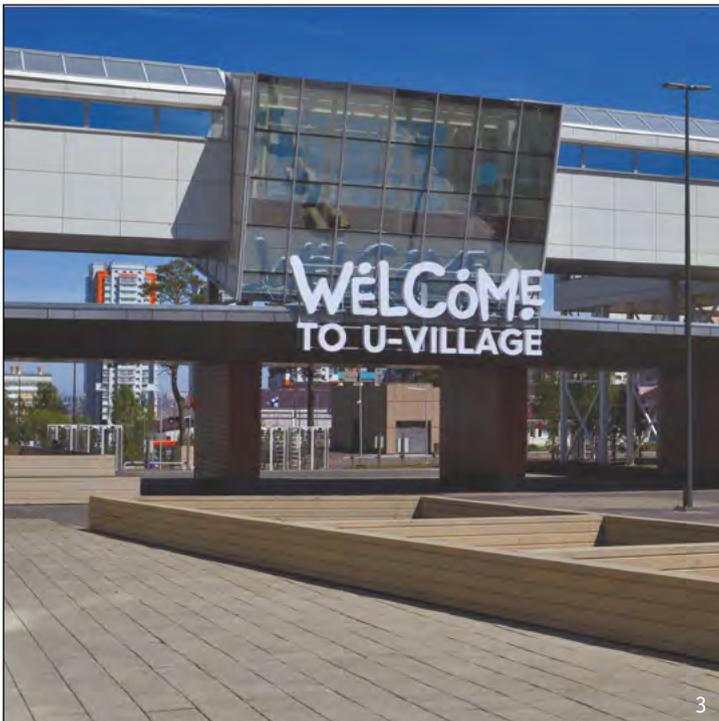
4. Многоквартирные 17–23-этажные
жилые дома по ул. Аэродромной –

пер. Овражному в Томске
Авторы: Скрипник Г. А.,
Скрипник А. А., Белобров Д. С.,
Недоговорова Н. В., Смально И. И.,
Щербинина Ж. А.

5. Низкобюджетные
многоквартирные
17-этажные жилые дома по ул.
Некрасова в г. Томске
Авторы: Скрипник Г. А.,
Скрипник А. А., Белобров Д. С.,
Недоговорова Н. В., Калашник А. В.,
Щербинина Ж. А.

6. Индивидуальный жилой дом
с баннным комплексом «Рыба», остров
Низковский на Оке, Нижегородская
область
Архитектурные и интерьерные
решения: 8D Architects,
реализация: Logworks

7. Жилой дом Козлова
по ул. Клюева в г. Томске
Авторы: Попова Е. А., Белобров Д. С.,
Смально И. И.

номинация «ОТКРЫТЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА»

1. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ

Видовая терраса на набережной
Енисея, город Дивногорск,
Красноярский край
Авторы: Мякота А. Д.,
Грибакина Л. В., Якимова А. Ю.,
Туровнина М. В., Рубцов А. В.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ

Парк в микрорайоне «Северный
Парк» Томского района
Авторы: Попова Е. А., Савельева И. А.

3. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ

Кампус Сибирского федерального
университета в Красноярске,
благоустройство территории Деревни
Универсиады – 2019
Авторы: Крылова И. Н.,
Сергуничева Е. М.,
Ямалетдинов С. Ф., Антоненко О. Ю.,
Ефремова Я. Ю., Лямзина П. В.,
Мигас Я. А. Орлова Л. А.,
Полкова Н. А., Туровнина М. В.

4. Многофункциональные
градостроительные ансамбли
и комплексы. Застройка микрорайона
«Северный парк» в Томском районе
Авторы: Скрипник Г. А.,
Скрипник А. А.
Белобров Д. С., Недоговорова Н. В.,
Смалько И. И., Багаева О. В.,
Терентьев К. Д., Терентьева О. А.,
Попова Е. А., Багаев А. Г.,
Перемитин Е. В.

5. Реконструкция пешеходной
части бульвара Строителей в городе
Кемерово. Открытое общественное
пространство – Линейный парк (пр.
Московский – пр. Ленина)
Авторы: Гежа Г. А., Ярилов В. Е.,
Титов А. А., Гусарова О. Ю.,
Волос А. С.

номинация «МНОГОКВАРТИРНЫЕ ЖИЛЫЕ ДОМА»

1. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ
Жилой комплекс «Байкальские самоцветы» в микрорайоне Северный г. Иркутска
Авторы: Козак И. В., Бобина С., Кищенко И., Хороших А., Чупарин Е., Шевченко Ю.

2. «Дом Спешилова»
по улице Сурикова в г. Иркутске
Авторы: Бадула О. Б., Петрук Ю. П., Щербинина А. О.

3. Многоквартирный жилой дом со встроенными автостоянками и офисами по ул. Герцена, 14 в г. Томске
Авторы: Скрипник Г. А., Скрипник А. А., Перемитин Е. В.

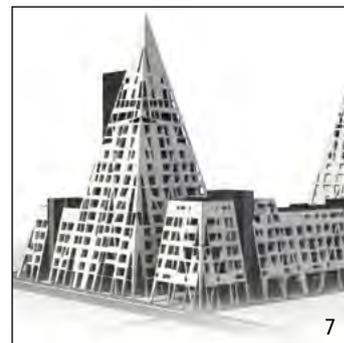
4. Микрорайон «Северный» в Заречном сельском поселении Томского района. Первая очередь строительства. Жилое здание № 18 с инженерными сетями
Авторы: Скрипник Г. А., Скрипник А. А., Попова Е. А., Белобров Д. С., Недоговорова Н. В., Смалько И. И., Терентьева О. А., Багаев А. Г., Терентьев К. Д.

5. Жилой комплекс «Осень» в КАО г. Омска
Авторы: Совалкин А. В., Гусельников Л. С.

6. Микрорайон «Северный» в Заречном сельском поселении Томского района. Многоэтажный жилой комплекс «Алые паруса» со встроенно-пристроенными и подземными автостоянками
Авторы: Скрипник Г. А., Скрипник А. А., Попова Е. А., Белобров Д. С., Недоговорова Н. В., Смалько И. И., Терентьева О. А., Багаев А. Г.

7. Микрорайон «Северный» в Заречном сельском поселении Томского района. Первая очередь строительства. Жилой комплекс «Пирамида» с инженерными сетями
Авторы: – Скрипник Г. А., Скрипник А. А., Попова Е. А.

8. «Три дома» в микрорайоне Прибрежный в городе Омске
Авторы: Совалкин А. В., Гусельников Л. С.

1

2

3

**номинация «МАЛОЭТАЖНЫЕ ЗДАНИЯ
(КОТТЕДЖНОГО ТИПА)»**

1. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ

Индивидуальный жилой дом
«Бельгия»

Авторы: Шубин С. О., Узгоров Н. Н.,
Сыруев К. А.

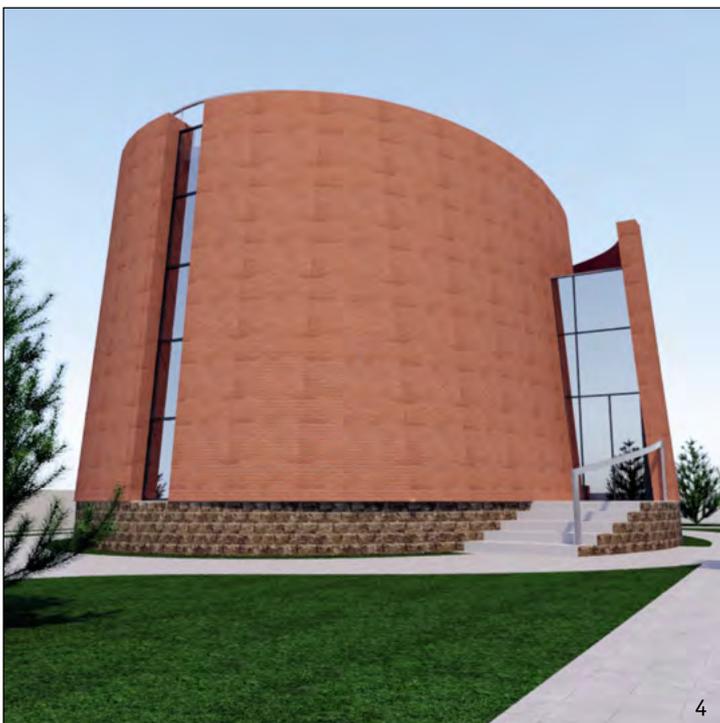
2. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ ДИПЛОМ

Микрорайон «Северный»
в Заречном сельском поселении
Томского района. Комплекс
жилых индивидуальных здания
с инженерными сетями

Авторы: Скрипник Г. А.,
Скрипник А. А., Попова Е. А.,
Белобров Д. С., Недоговорова Н. В.,
Гусынина Я. А.

3. Технический блок со встроенными

жилыми помещениями «Свирь»
Авторы: Шубин С. О., Узгоров Н. Н.,
Сыруев К. А., Щербакова К. А.,
Евлахов Е. А.

4

5

номинация «КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ»

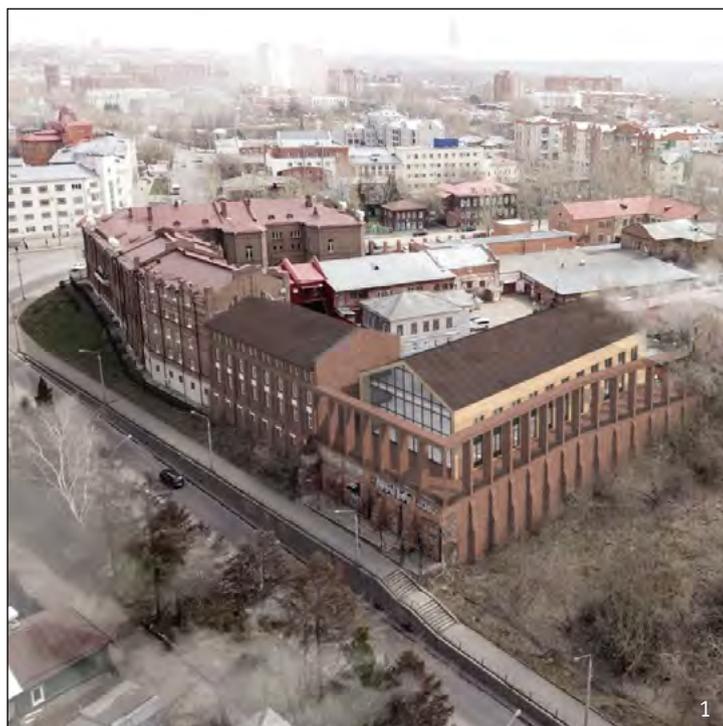
4. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ

Дуган (малый буддийский храм)
в Бурятии

Автор: Алексеев А. А.

5. Крестовоздвиженский храм
в пос. Горячий Ключ, Иркутская
область
ООО «ГАБР»

Авторы: Бадула О. Б.,
Щербинина А. О.

1

2

3

4

5

номинация «ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ

Реконструкция комплекса зданий
Томского областного суда по пер.
Макушина, 8 в г. Томске
Авторы: Худяков С. Ю., Гончаров А. О.,
Лоскутников А. Б.

3. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ

Гостиничный комплекс на берегу
Телецкого озера
Авторы: Максименко М. А.,
Индюков Д.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ

Реконструкция торгового центра ЦУМ
по пр. Ленина, 121
Авторы: Жаркой Р. А., Зубарев А. Г.,
Ведерникова О. Л., Перемитин Е. В.

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ ДИПЛОМ

Концепция Иркутской зоогаалеры
на острове Конный
Авторы: Бадула О. Б.,
Щербинина А. О.

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ ДИПЛОМ

Концептуальные модели
функциональной модернизации
библиотек Новосибирской области
Авторы: Багрова Н. В.,
Правоторова А. А., Лихачев Е. Н.,
Ожередова И., Богословская З.,
Ермакова М., Касис П., Белова Е.,
Беляева Е., Боровик Е., Зименина М.,
Попова К., Коровайцева Д.,
Антилова Е., Рагино Г.,
Синельникова А., Явкина Ю.,
Топорищева Д., Сиднева А.

6. Многофункциональное деловое и обслуживающее здание по пр. Кирова, 9 в г. Томске
 Авторы: Скрипник Г. А., Скрипник А. А. Белобров Д. С., Недоговора Н. В., Перемитин Е. В., Смалько И. И., Багаев А. Г.

7. Гостиничный комплекс в Свердловском округе г. Иркутска (реконструкция здания треста «Промстрой») Авторы: Козак И. В., Бобина С., Кищенко И., Хороших А., Чупарин Е., Шевченко Ю.

8. Учебно-лабораторный корпус ТГУ на месте аварийного корпуса по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 49
 Авторы: Жаркой Р. А., Зубарев А. Г., Ведерникова О. Л., Перемитин Е. В.

9. Технопарк «Да Винчи» в зоне Академгородка г. Новосибирска
 Авторы: Багрова Н. В., Гамалей А. А., Ласкарис П. В., Соломахин М.

10. Школа на 900 мест в с. Баклаши Шелеховского района Иркутской области
 Авторы: Ларионова О. С., Лисовая Ю. А., Власов А. А., Коноваленко Ю. А.

11. Омская юридическая академия по ул. Театральная-Съездовская в ЦАО г. Омска «Сюр-сюр»
 Авторы: Пущенко О. М., Хусаинов С. Ш., Носова В. Ю.

12. Проект общественно-делового кампуса на крыше производственного корпуса Б на территории «Севкабель Порт» в Санкт-Петербурге
 Авторы: Середенкина С. В., Максимов В. Г., Максимов С. В.

12

13

номинация «РЕСТАВРАЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»

13. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ
 Проект реставрации памятника истории и культуры регионального значения – Дворца культуры г. Салаира, расположенного по адресу: Кемеровская область, Гурьевский район, г. Салаир, ул. Гагарина, д. 1

Авторы: Плевков В. С., Лещинер О. В., Болтовская И. Ю., Смагина Т. А., Яценецкая Н. Э., Фролова О. С., Рачковская О. Н., Боброва Н. П., Евсева Е. Ю.

1

2

3

4

НОМИНАЦИЯ «ОТКРЫТЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА»

1. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ
«Причал у дивных гор», г. Дивногорск
Авторы: Мякота А. Д., Грибакина Л.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ
Концепция реновации
инфраструктуры о. Молокова
и разработка эскизного проекта
парка активного отдыха «Сибирский
характер»
Авторы: Спиридонов А. Н.,
Грибань В. В., Михайлина А. О.,
Спиридонов Е. А.

3. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ
«Таежные бульвары». Проект
благоустройства парка города Саянск
Авторы: Каткова Н. М., Маяренков С.,
Московская А., Казакова В.,
Холявко А., Лобаева А., Кензина Е.,
Алешина А.

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ ДИПЛОМ
Стратегия развития общественного
пространства набережной реки
Ушаковка в городе Иркутске
Авторы: Козак И. В., Козак А. И.,
Ямова Е. В., Золотухина Д. К.,
Митичкина А. Е., Чупарин Е. Н.,
Шешукова А. Е., Демков С. Б.,
Стегайло В. Б., Цыбенков А. Б.

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ ДИПЛОМ
«Видовая площадка Красноярской
ГЭС»
Авторы: Мякота А. Д., Грибакина Л.

6. Мероприятия по экологической реабилитации туристически привлекательного природного объекта Алтайского края – озеро Ая
 Авторы: Золотов В. И., Реутов С. А., Шерунов К. В., Золотова Ю. В., Боровинская Т. Н.

7. «Территория истины»
 Авторы: Дьяков А. П., Лазаренко Е. Д.

8. Проект благоустройства ключевых общественных пространств. Новосибирск. Улица Ленина
 Авторы: Иваненко Т. Ю., Архипова А. М., Архипов А. Г.

9. Концепция создания исторического квартала в г. Минусинске
 Авторы: Арбатский И. В., Зыков Е. А., Савицкая К. Е., Оглоблина Ю. С., Смирнов А. Г. Третьяков А. В., Галкина Г.

10. Парк «Воспоминания об Интендантском саде»
 Автор: Иванова К. Г.

11. Парковая территория, продолжение бульвара Строителей
 Авторы: Гежа К. А., Ярилов В. Е., Титов А. А., Степанов В. В., Волос А. С.

12. Архитектурно-планировочная концепция развития особо охраняемой природной памятника природы областного значения «Дендрологический парк» на период 10 лет
 Авторы: Багрова Н. В., Ерохин Г. П., Туманик Г. Н., Колпакова М. Р., Тимофеев К. О., Кирюхин Д. О., Черновская Л. И., Харламова Е. В., Ерохин М. Г., Банаев Е. В., Чиндяева Л. Н., Беланова А. П.

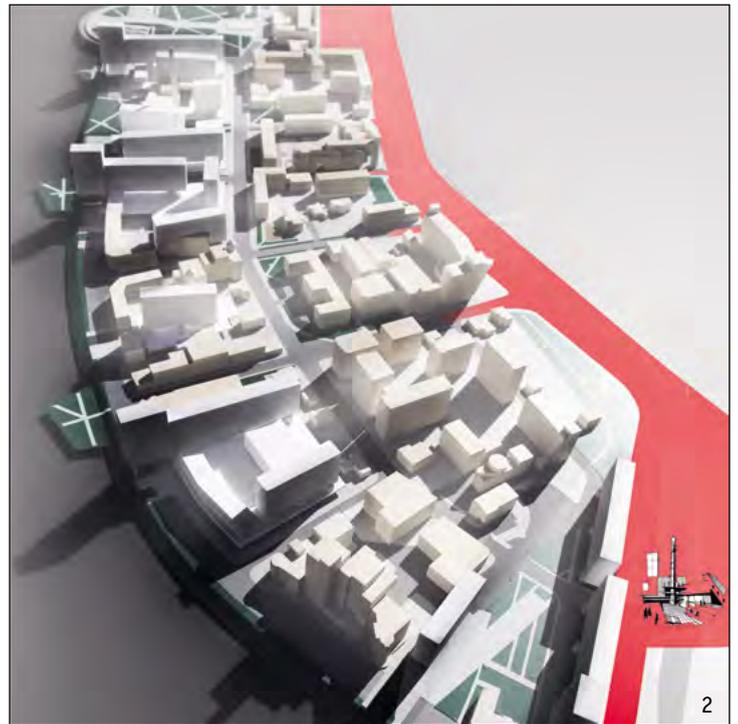

номинация «ИНТЕРЬЕРЫ»

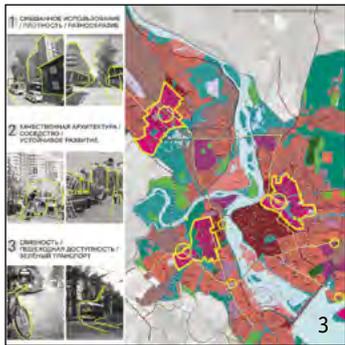
13. Офисное здание компании «Артлайф»
 Скрипник Г. А., Попова Е. А., Белобров Д. С., Савельева И. А., Мелехина Н. А., Барская М. О.

1

2

3

4

6

7

номинация «МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ АНСАМБЛИ И КОМПЛЕКСЫ»

1. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ
«Золотая нить». Концепция развития и благоустройства исторического центра Нерчинска
Авторы: Каткова Н. М., Маяренков С., Репина А., Соколов С., Холявко А., Кензина Е., Бобылев А., Алешина А.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ
Архитектурно-градостроительная концепция застройки территории в границах улиц Цесовская набережная, Сурикова, Ленина, Степана Разина в г. Иркутске
Авторы: Жуковский Н. Л., Козак И. В., Стегайло В. Б., Юшков А. Н. при участии Кищенко И., Морозова Б., Хотулева Р., Шандуровой В.

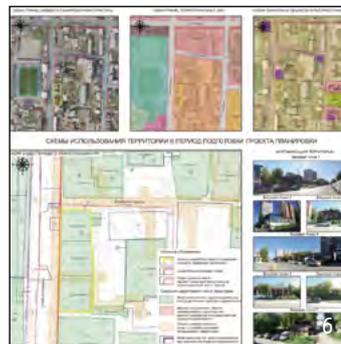
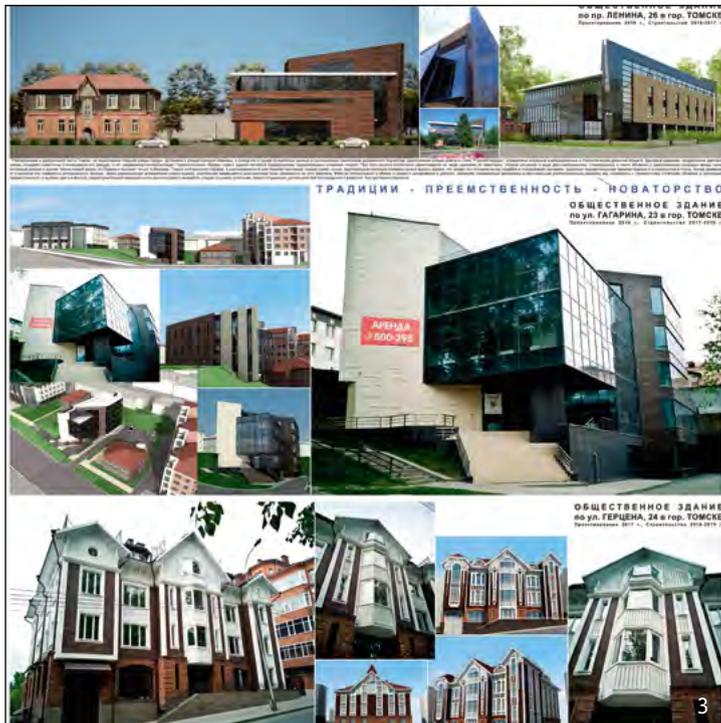
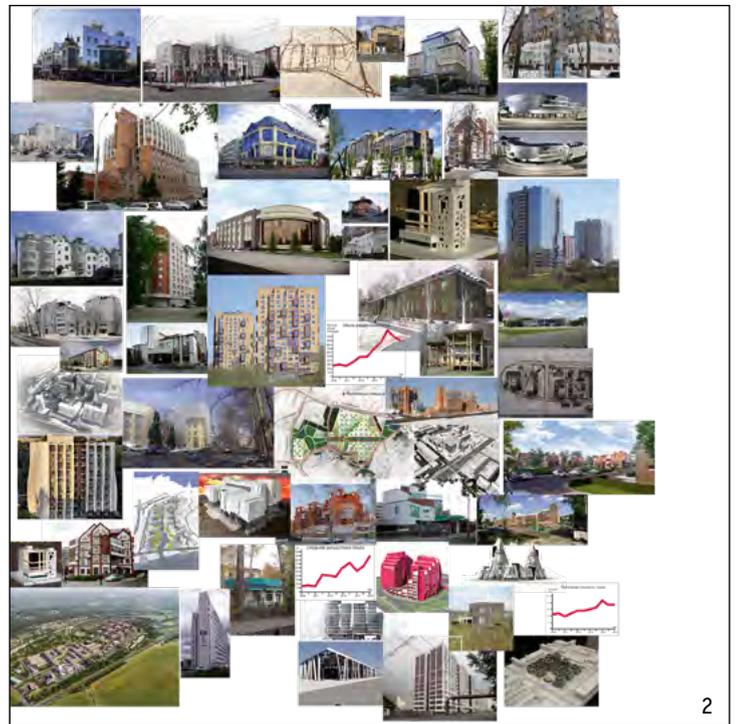
3. Принципы нового урбанизма в генеральном плане города Иркутска
Авторы: Хотулев Р. А., Московская А., Хотулева В. при участии Александрова С., Куцаковой О., Левашева А., Маргеевой Д., Михайлова А., Наговициной Е., Яворской В., Щербининой А.

4. Жилой район в Заречном сельском поселении Томского района Томской области. Микрорайон «Центральный»
Авторы: Скрипник Г. А., Скрипник А. А., Попова Е. А., Савельева И. А.

5. Концепция размещения универсального концертного зала на 1200 мест в городе Иркутске
Авторы: Хотулев Р. А., Буковская И., Войтович В., Горбунов М., Московская А., Середёнкина С., Скоморохова У., Скоморохов Д., Тучина О., Хотулева В.

6. Урбанистическое исследование Имеретинской низменности г. Сочи, Краснодарский край
Авторы: Багрова Н. В., Родионова Ю. В., Ерохин Г. П., Гашенко А. Е., Кириухин Д. В., Тимофеев К. О., Черновская Л. И., Тугужекова М. М., Ерохин М. Г.

8. Концепция реновации с приспособлением к современному использованию старого железнодорожного моста через реку Преголю в составе комплекса музея Мирового океана в г. Калининграде
Авторы: Середенкина С. В., Максимов В. Г., Максимов С. В.

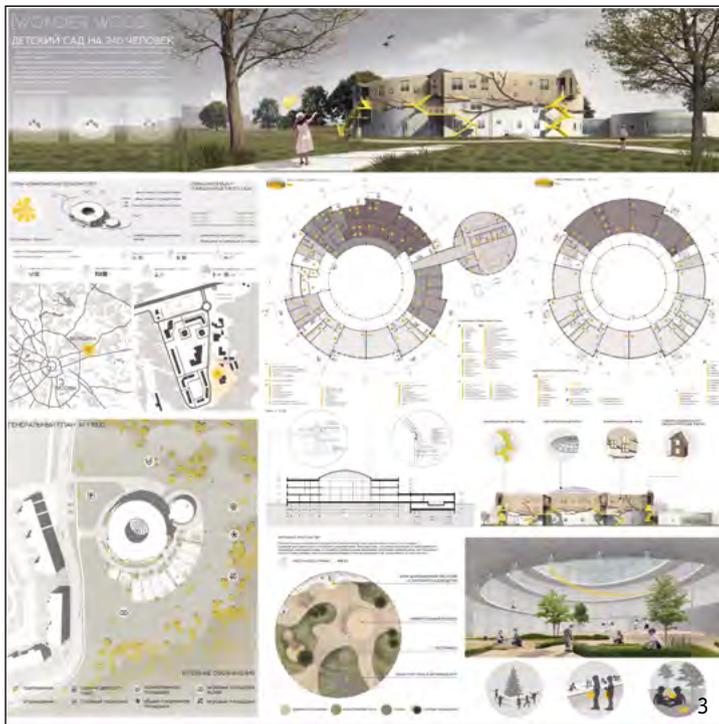
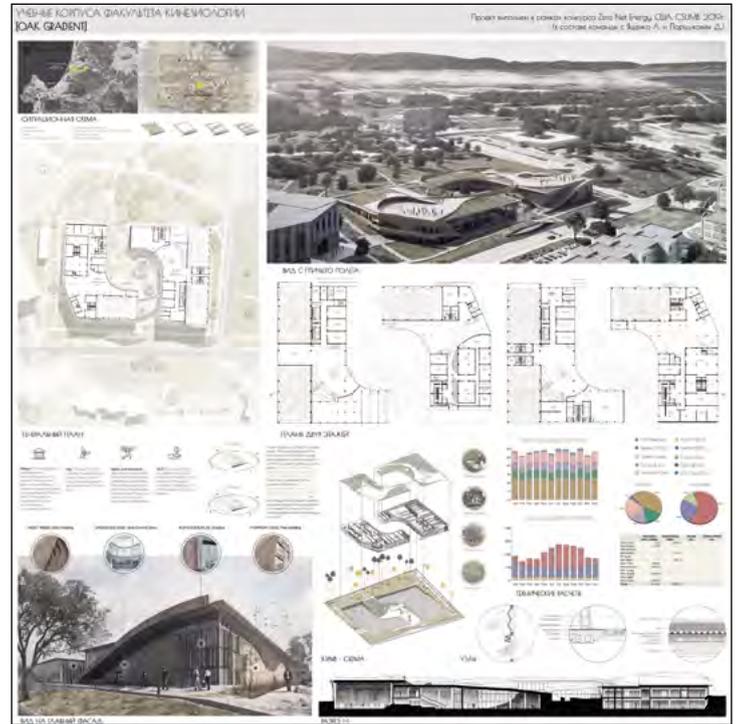
номинация «ТВОРЧЕСТВО АРХИТЕКТУРНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ И МАСТЕРСКИХ»

- 1. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ
«Архитектурно-реставрационная мастерская 10» г. Иркутск
Архитекторы: Поликарпочкин А. В., Захарова Л. А., Басина Л. Г.
- 2. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ
ООО «Архитектурно-конструкторская мастерская – 3» г. Томск
Архитекторы: Скрипник Г. А., Подваленчук Р. В., Попова Е. А.

- 3. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ
ООО «Архитектурное ателье» г. Томск
Архитекторы: Лещинер О. В., Мартынова А. Е., Воронков И. Ю., Змиевская Е. А., Аблеева Ю. М., Титов А. А.
Конструкторы: Шкабаров С. П., Классен А. Д., Сапцына С. Н., Евтюшкина Е. С.

- 4. ООО «Первый Проектный» г. Омск
Авторы: Гусельников Л., Совалкин А.
- 5. Территориальный градостроительный центр ООО «ГЕОПРОЕКТ» г. Тюмень
Архитекторы: Лесков С. Н., Субботин П. В.

- 6. Муниципальное бюджетное учреждение «Архитектурно-планировочное управление» (МБУ АПУ) г. Томск
Отдел градостроительного проектирования
Авторы: Левченко И. И., Наймушина И. В., Вагнер А. А., Марарескул А. И.

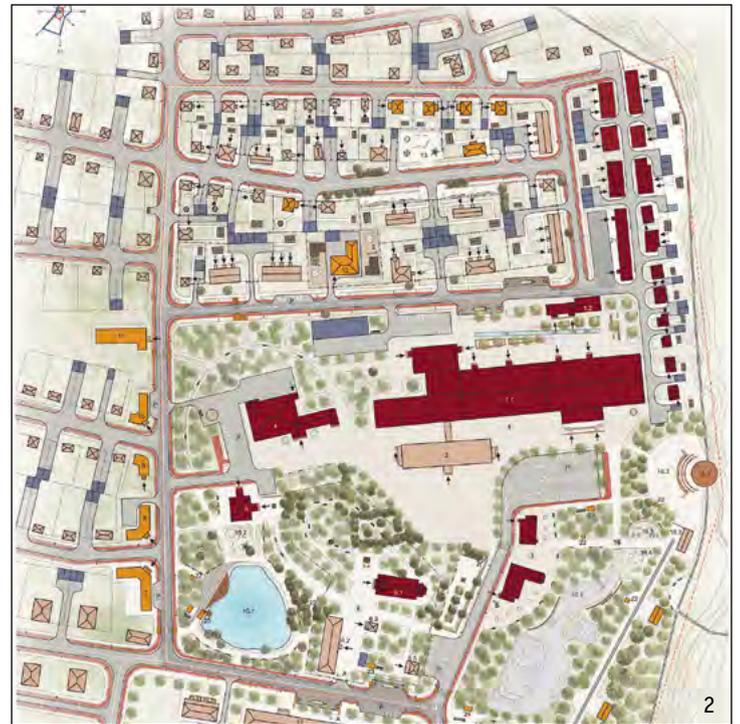
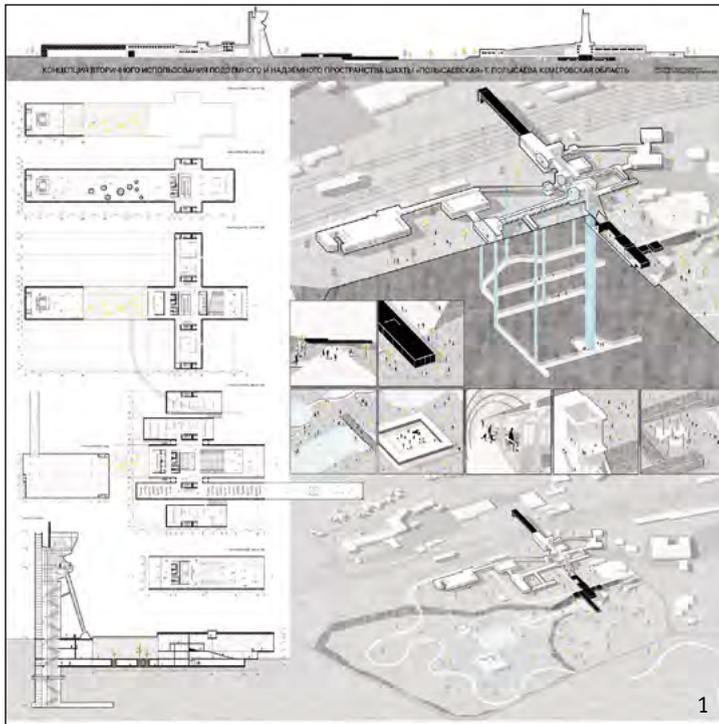
номинация «БАКАЛАВРСКАЯ ПОДГОТОВКА»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Автор: Карпенко Н. С.
Томский государственный архитектурно-строительный университет г. Томск
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Автор: Елизарова В. И.
Томский государственный архитектурно-строительный университет г. Томск

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Автор: Рекун Т. А.
Томский государственный архитектурно-строительный университет г. Томск
- ПОЩРИТЕЛЬНЫЕ дипломы:
4. Распопова У. В.
Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск
5. Тащилина Е. С.
Иркутский национальный исследовательский технический университет г. Иркутск

6. Яценко А. В.
Томский государственный архитектурно-строительный университет г. Томск
7. Чигодаев Н. В.
Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова Институт архитектуры и дизайна г. Барнаул
8. Резниченко Т. Ю.
Томский государственный архитектурно-строительный университет г. Томск

номинация «МАГИСТЕРСКАЯ ПОДГОТОВКА»

1. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ
 «Концепция вторичного использования подземного и надземного пространства шахты «Полысаевская» г. Полысаева Кемеровская область»
 Автор: Забардыгина К. А.
 Томский государственный архитектурно-строительный университет
 рук. Муленок В. В.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ
 «Концепция реконструкции территории историко-архитектурного комплекса спичечной фабрики «СИБИРЬ» в г. Томске»
 Автор: Прислонова Д. В.
 Томский государственный архитектурно-строительный университет
 рук. Болтовская И. Ю.

3. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ
 «Принципы проектирования зоны экспозиции в зоопарках Сибири»
 Автор: Гоголинская Л. Е.
 Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
 Институт архитектуры и дизайна г. Барнаул
 рук. Сергеева Н. В.

**номинация «ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ
АРХИТЕКТОРОВ»**

1. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ

коллектив студенческого научно-проектного центра формирования предметно-пространственной среды Иркутского национального исследовательского технического университета г. Иркутск
Авторы: Евстафьева П. А., Сурепова Е. А., Алешко З. С., Струнникова А. В., Рубцова А. О., Потапова Е. А.
Рук. Железняк О. Е., Корелина М. В.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ

Малинович Р. Д., Авдосенко Д. А., Кожевникова В. Е., Янтранова Л. Л. Автономная некоммерческая организация «Клуб Молодых Архитекторов» г. Иркутск

3. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ

Былков А. П., ведущий архитектор ООО «СИПИ» г. Иркутск

номинация «ПЛЕНЭР»

1. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ
«Зарисовка дворика»
Автор: Курьянович Марина,
рук. Распопова Л. Н.
МАОУДО «ДХШ № 1» г. Томск

< Томск
МАОУДО «Детская
художественная школа
№ 1»

2. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ
«Пейзаж район «Заозёрье»
Автор: Романчукова Алина,
рук. Самандросова Е. А.
МАОУ Заозерная средняя общеобразовательная
школа № 16
г. Томск

< Северск
МБУДО
«Художественная
школа»

номинация «КОЛОРИСТИКА»

ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ
«Вечерний город»
Автор: Звонцова Екатерина,
рук. Колмакова В. В.
МАОУДО «ДХШ № 1» г. Томск

< Томск
МАОУ Заозерная
средняя
общеобразовательная
школа с углубленным
изучением отдельных
предметов № 16

БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ
«Портрет. Игры с цветом»
Автор: Щетинина Евгения,
рук. Юстус А. М.
ЦАПП АРХИД ТИУ
г. Тюмень

< Тюмень
ЦАПП АРХИД ТИУ

номинация «БУМАЖНАЯ ПЛАСТИКА»

ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ
«Китайские мотивы»
Автор: Киселёва Виктория,
рук. Терехова Н. В.
МБУДО «ДХШ № 2»
г. Новосибирск.

< Новосибирск
МБУДО «Детская
художественная школа
№ 2»

ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ
«По дорогам города»
Автор: Кочкина Надежда,
рук. Терехова Н. В.
МБУДО «ДХШ № 2» г. Новосибирск

СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ
«Дом – башня»
Автор: Коротыч Катрин,
рук. Самандросова Е. А.
МАОУ Заозерная средняя общеобразовательная
школа № 16
г. Томск

< Иркутск
ЦДТ «Пирамида
ИРНТУ»

СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ
«Скрипка»
Автор: Ефременко Анастасия,
рук. Радченко В. Ю.
МБУДО «Художественная школа»
г. Северск

БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ
«Дом – башня»
Автор: Корж Михаил,
рук. Самандросова Е. А.
МАОУ Заозерная средняя общеобразовательная
школа № 16
г. Томск

номинация «ПРОЕКТ»

ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ

«Лазурный берег»

Авторы: Большанина Арина, Болтовская Елена, Свиридова Анна, Пархоменко Евгения, Ледовская Полина, Полякова Мария, Харитонов Роман, Кузнецов Никита,
рук. Радченко В. Ю., Радченко О. С.,
Ермакова Л. Н.
МБУДО «Художественная школа»
г. Северск

< Новосибирск
АНО «Студия Контур»

СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ

«Интерьер холла 4 этажа ТюмГАСУ»

Автор: Киселёва Анастасия,
рук. Медведева А. Б.
ЦАПП АРХИД ТИУ г. Тюмень

< Братск
МАУ ДО ОДШИ №3

СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ

«Информационный центр «АртПортал»

Авторы: Полякова Мария, Прохоренко Анжелика, Пестрикова Ксения, Лавренков Даниил, Скрынников Максим, Киселёва Полина, Соколов Антон,
рук. Радченко В. Ю., Красикова К. В.
МБУДО «Художественная школа»
г. Северск

< Новосибирск
НОЦ НГАУДИ

БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ

Проект детского игрового комплекса «Народные промыслы»

Автор: Коновалова Елизавета,
рук. Бусурманова И. С.
МАУ ДО ОДШИ №3 г. Братск

номинация «ГРАФИКА»

ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ

«Растры»

Автор: Володин Даниил,
рук. Медведева А. Б.
ЦАПП АРХИД ТИУ г. Тюмень

< Иркутск
Детская студия
дизайна и
архитектуры «СПЕКТР»

СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ

«Башня»

Автор: Босина Анастасия,
рук. Терехова Н. В.
МБУДО «ДХШ №2» г. Новосибирск

БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ

«Томск студенческий»

Автор: Брянская Галина,
рук. Двизова О. В.
МАОУДО «ДХШ №1» г. Томск

< Братск
Художественная
мастерская «Облако»

БРОНЗОВЫЙ диплом

«Подражание Фрэнку Ллойд Райту»

Автор: Голлобова Олеся,
рук. Медведева А. Б.
ЦАПП АРХИД ТИУ г. Тюмень

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМ

«За архитектуру» за работу «Угол преломления»

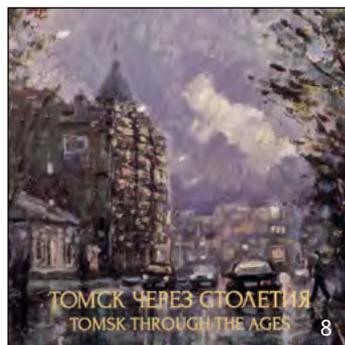
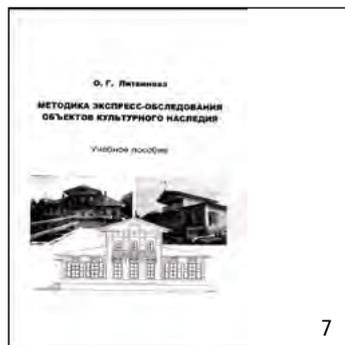
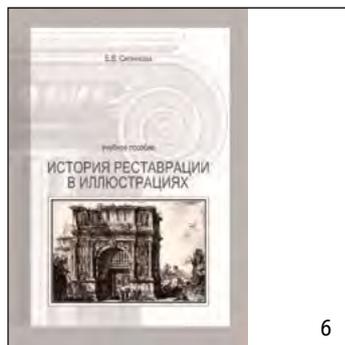
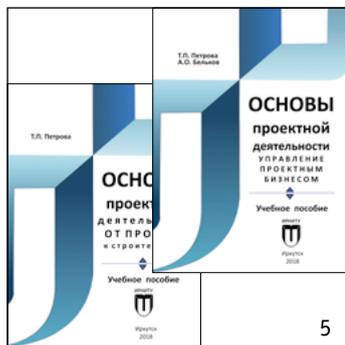
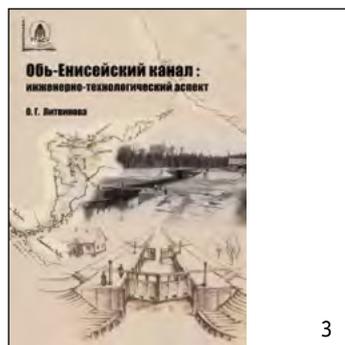
Автор: Власова Евгения,
рук. Польская Е. А.
АНО «Студия Контур» г. Новосибирск

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМ

«За архитектуру» за работу «Пробел в городе»

Автор: Клеменкова Александра,
рук. Польская Е. А.
АНО «Студия Контур» г. Новосибирск

номинация «МОНОГРАФИИ»

1. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ за монографию «Архитектура деревянных доходных домов Томска (конец XIX – начало XX в.)» Авторы: Куликова И. В., Залесов В. Г.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ за монографию «Формирование архитектурного облика городов Западной Сибири в XVII – начале XX в. и местное купечество» Авторы: Бойко В. П., Ситникова Е. В., Богданова О. В., Шагов Н. В.

3. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ за монографию «Обь-Енисейский канал: инженерно-технологический аспект» Автор: Литвинова О. Г.

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ ДИПЛОМ по разделу «ПРОПАГАНДА АРХИТЕКТУРЫ 2017-2019» за монографию «Метаморфический системогенезис и архитектурно-энергетические итерации» Автор: Истомина С. А.

номинация «УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ»

5. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ за серию учебных пособий «Основы проектной деятельности» Автор: Петрова Т. П.

6. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ за учебное пособие «История реставрации в иллюстрациях» Автор: Ситникова Е. В.

7. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ за учебное пособие «Методика экспресс-обследования объектов культурного наследия» Автор: Литвинова О. Г.

номинация «СЕРИИ СТАТЕЙ, БУКЛЕТЫ, НАБОРЫ»

8. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ за подарочный комплект «Томск через столетия» Авторы: Олеар А. М., Ситникова Е. В., Залесов В. Г.

9. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ за настольную игру «Иркология» Авторы: Бобрышева А. А., Кузнецова Е. А.

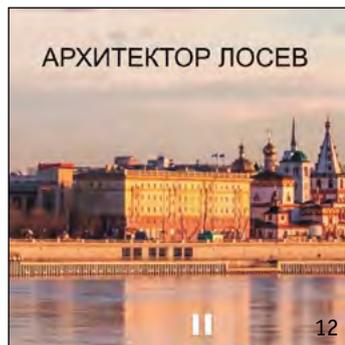
10. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ за цикл работ (монография, сборник научных трудов, каталог художественно-проектных работ, статьи, аннотированный фоторепортаж) «Between»: в пространстве виртуального и реального Авторы: Железняк О. Е., Корелина М. В., Мурашова С. В.

номинация «ВИДЕОФИЛМЫ И ВИДЕОРОЛИКИ»

11. ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ за видеоролик «Воссоздание утраченного облика усадебного сада Ф. А. Горохова в г. Томске» Автор: Мамедова Э. Э.

12. СЕРЕБРЯНЫЙ ДИПЛОМ за видеофильм «Архитектор Лосев» Авторы: Лерёк К., Хотько Д., студенты гр. АТ-14–401 Филиала ГБПОУ ИО ИТАС в г. Шелехове. Руководители: Петрова Т. П., Дей А. Я.

13. БРОНЗОВЫЙ ДИПЛОМ за MODEL FEST 3000. Композиционное моделирование. Методическое пособие (видеофильм 12 min) Автор: Тельцов М. Б.

Раздел «Постройки»

Антоненко О. Ю.
 Арминов Д. В.
 Астанин А. С.
 Багаева О. В.
 Бандура Т. В.
 Баранов А. Ю.
 Бегун А. В.
 Бегун Т. А.
 Белобров Д. С.
 Береснев В. И.
 Больбрух М.
 Боровинская Т. Н.
 Былков А. П.
 Ваун А. А.
 Волос А. С.
 Гаврилова О. Б.
 Гасич А. М.
 Гежа Г. А.
 Горовая А. П.
 Горчуков Д. С.
 Грибакина Л. В.
 Гришкин С. М.
 Губин С. В.
 Гусарова О. Ю.
 Демина Д. В.
 Деринг А. Ф.
 Дзарасов Д. В.
 Дрожжин Р. А.,
 Ефремова Я. Ю.
 Золотов В. И.
 Золотова Ю. В.
 Зыков Е. А.
 Казанцева Л. Б.
 Калашник А. В.
 Коробченко Е. С.
 Королева С. Г.
 Крылова И. Н.
 Лапина М. О.
 Лиходумов А. В.
 Лыкова О. Л.
 Лямзина П. В.
 Маценко Е. И.
 Мелехова Т. Ю.
 Мигас Я. А.
 Музыка А. О.
 Мякота А. Д.
 Неволин В. В.
 Недоговорова Н. В.
 Орлова Л. А.
 Ощепков Д. К.
 Павлов О. В.
 Перемитин Е. В.
 Петрущенко О. И.
 Плаксин Е. В.
 Побожий А. А.
 Пономарев С. А.
 Попкова Н. А.
 Попов А. И.
 Попова Е. А.
 Рубуцов А. В.
 Руднев Д. Н.
 Рюттель Е. Г.
 Савельева И. А.
 Семеряков А. В.
 Сергеева Е. В.
 Сергуничева Е. М.
 Серов А. А.
 Сизова И. А.
 Скрипник А. А.
 Скрипник Г. А.
 Смалько И. И.
 Смирнов А. Г.
 Смирнов С. В.
 Стенин М. В.
 Степанов В. В.
 Сусова Г. А.

Терентьев К. Д.
 Терентьева О. А.
 Тисленко С. И.
 Титов А. А.
 Третьяков М. Ю.
 Туровинина М. В.
 Фетисов А. В.
 Филатова Д. А.
 Филатова М. В.
 Христолюбов А.
 Цой В. В.
 Чудасова В. И.
 Шахворостова В. А.
 Шерунов К. В.
 Щастливцев Т. Н.
 Щербинина Ж. А.
 Юдин А.
 Юшук Л. А.
 Якимова А. Ю.
 Ямалетдинов С. Ф.
 Ярилов В. Е.

Раздел «Проекты»

Александров С.
 Алексеев А. А.
 Алешина А.
 Антилова Е.
 Арбатский И. В.
 Архипов А. Г.
 Архипова А. М.
 Багаев А. Г.
 Багрова Н. В.
 Бадула О. Б.
 Банаев Е. В.
 Барская М. О.
 Беланова А. П.
 Белобров Д. С.
 Белова Е.
 Беляева Е.
 Бобина С.
 Боброва Н. П.
 Бобылев А.
 Богословская З.
 Болтовская И. Ю.
 Боровик Е.
 Боровинская Т. Н.
 Буковская И.
 Ведерникова О. Л.
 Власов А. А.
 Войтович В.
 Волос А. С.
 Галкина Г.
 Гамалей А. А.
 Гашенко А. Е.
 Гежа К. А.
 Гончаров А. О.
 Горбунов М.
 Грибакина Л.
 Грибань В. В.
 Гусельников Л. С.
 Гусынина Я. А.
 Демков С. Б.
 Дьяков А. П.
 Евсеева Е. Ю.
 Ермаков М.
 Ерохин Г. П.
 Ерохин М. Г.
 Жаркой Р. А.
 Жуковский Н. Л.
 Зименина М.
 Золотов В. И.
 Золотова Ю. В.
 Золотухина К. К.
 Зубарев А. Г.
 Зыков Е. А.
 Иваненко Т. Ю.
 Иванова К. Г.

Индюков Д.
 Казакова В.
 Касис П.
 Каткова Н. М.
 Кензина Е.
 Кирюхин Д. В.
 Кирюхин Д. О.
 Кищенко И.
 Козак А. И.
 Козак И. В.
 Колпакова М. Р.
 Коноваленко Ю. А.
 Коровайцева Д.
 Куцакова О.
 Лазаренко Е. Д.
 Ларионова О. С.
 Ласкарис П. В.
 Левашев А.
 Лисовая Ю. А.
 Лихачев Е. Н.
 Лобаева А.
 Лоскутников А. Б.
 Максименко М. А.
 Максимов В. Г.
 Максимов С. В.
 Маргеева Д.
 Маяренков С. Ю.
 Мелехина Н. А.
 Митичкина А. Е.
 Михайлина А. О.
 Михайлов А.
 Морозов Б.
 Московская А.
 Мякота А. Д.
 Наговицина Е.
 Недоговорова Н. В.
 Оглоблина Ю. С.
 Ожередова И.
 Перемитин Е. В.
 Петрук Ю. П.
 Попова Е. А.
 Попова К.
 Правоторова А. А.
 Рагино Г.
 Рачковская О. Н.
 Репина А.
 Реутов С. А.
 Родионова Ю. В.
 Савельева И. А.
 Савицкая К. Е.
 Середёнкина С. В.
 Сиднева А.
 Синельникова А.
 Скоморохов Д.
 Скоморохова У.
 Скрипник Г. А.
 Смагина Т. А.
 Смалько И. И.
 Смирнов А. Г.
 Совалкин А. В.
 Соколов С.
 Соломахин М.
 Спиридонов А. Н.
 Спиридонов Е. А.
 Стегайло В. Б.
 Степанов В. В.
 Сыруев К. А.
 Терентьев К. Д.
 Терентьев О. А.
 Тимофеенко К. О.
 Титов А. А.
 Топорищева Д.
 Третьяков А. В.
 Тугужекова М. М.
 Туманик Г. Н.
 Тучина О.
 Узгоров Н. Н.

Фролова О. С.
 Харламова Е. В.
 Холякова А.
 Хороших А.
 Хотулев Р. А.
 Хотулева В. А.
 Худяков С. Ю.
 Цыбенко А. Б.
 Черновская Л. И.
 Чиндяева Л. Н.
 Чупарин Е. Н.
 Шандурова В.
 Шевченко Ю.
 Шерунов К. В.
 Шешукова А. Е.
 Шубин С. О.
 Щербинина А. О.
 Юшков А. Н.
 Явкина Ю.
 Явская В.
 Ямова Е. В.
 Янценецкая Н. Э.
 Ярилов В. Е.

Раздел «Творчество архитектурных коллективов и мастерских»

Авдеева Ю. М.
 Басина Л. Г.
 Вагнер А. А.
 Воронков И. Ю.
 Гусельников Л.
 Евтюшкина Е. С.
 Захарова Л. А.
 Змиевская Е. А.
 Классен А. Д.
 Левченко И. И.
 Лесков С. Н.
 Лещинер О. В.
 Марарескул А. И.
 Мартынова А. Е.
 Наймушина И. В.
 Подваленчук Р. В.
 Попова Е. А.
 Сапцына С. Н.
 Скрипник Г. А.
 Совалкин А.
 Субботин П. В.
 Титов А. А.
 Шкарабов С. П.

Раздел «Пропаганда архитектуры 2017–2019 годы»

Ашихмин А. В.
 Белькова А. О.
 Благинных Е. А.
 Бобрышева А. А.
 Богданова О. В.
 Бойко В. П.
 Герасимов А. П.
 Дей А. Я.
 Железняк О. Е.
 Залесов В. Г.
 Истомина С. А.
 Коблашова Г. В.
 Ковалевская И. С.
 Корелина М. В.
 Крейдун Ю. А. (Протоирей Георгий)
 Кузнецова Е. А.
 Куликова И. В.
 Лерёк К.
 Лидов А. М.
 Литвинова О. Г.
 Мамедова Э. Э.

Михнова П. В.
 Мурашова С. В.
 Олеар А. М.
 Перетягина Е. В.
 Петрова Т. П.
 Подорова А. П.
 Поморов С. Б.
 Попова З. В.
 Романова Л. С.
 Середёнкина С. В.
 Ситникова Е. В.
 Смольков С. А.
 Тельцов М. Б.
 Терентьева Г. А.
 Хотько Д.
 Хохрин Е. В.
 Чередниченко Ж. М.
 Чешуина Т. Г.
 Шагов Н. В.

Раздел «Молодежное архитектурное творчество в Сибири в 2017–2019 гг.»

Авдосенко Д. А.
 Алешко З. С.
 Андреев К. Е.
 Артамонов М.
 Ахтямов К. Х.
 Бандура Т. В.
 Благинных Е. А.
 Болтовская И. Ю.
 Бутова О. Г.
 Бурцева Е. Н.
 Былков А. П.
 Васина А. И.
 Верёвкина И. Д.
 Веретенникова Е. П.
 Вострикова Д. С.
 Гатин Т. Н.
 Гоголинская Л. Е.
 Давыдов А. Е.
 Евстафьева П. А.
 Елизарова В. И.
 Еремеев С. Н.
 Железняк О. Е.
 Забардыгина К. А.
 Залесов В. Г.
 Ильина Д. С.
 Карпенко Н. С.
 Киселева А. Н.
 Кожевникова В. Е.
 Козлова Т. Ю.
 Конева В. С.
 Конева В. С.
 Кочтыгова Е. А.
 Кыдыев А. М.
 Лазарев Н. А.
 Малинович Р. Д.
 Манонина Т. Н.
 Манылова К. О.
 Марудина Ю. В.
 Наац К. О.
 Отихайленко А. Б.
 Павлова А. Г.
 Панин А. Ю.
 Паршуков Д. С.
 Пирогова Н. А.
 Потаньева Е. А.
 Прислонова Д. В.
 Распопова У. В.
 Резниченко Т. Ю.
 Рекун Т. А.
 Романова Л. С.
 Романова Л. С.
 Романова Л. С.
 Рубцова А. О.

Сергеева Н. В.
 Сиков Н. Е.
 Ситникова Е. В.
 Ситникова Е. В.
 Слободчиков С. Ю.
 Сраждинов М. У.
 Стародубцева М. А.
 Стецко Г. С.
 Струнникова А. В.
 Сурелова Е. А.
 Сысоев Г. А.
 Тащилина Е. С.
 Терещенко Н. А.
 Ткачёва А. А.
 Тропина А. В.
 Хамматов А. Н.
 Чайкова А. Ю.
 Чигодаев Н. В.
 Чинченкова А. А.
 Шеловских Е. С.
 Щетинина Д. Г.
 Янтранова Л. Л.
 Яценко А. В.

Раздел «Детско-юношеское архитектурно-художественное творчество»

Болтовская Елена
 Большанина Арина
 Босина Анастасия
 Брянская Галина
 Бусурманова И. С.
 Власова Евгения
 Васина А. И.
 Верёвкина И. Д.
 Веретенникова Е. П.
 Вострикова Д. С.
 Гатин Т. Н.
 Гоголинская Л. Е.
 Давыдов А. Е.
 Евстафьева П. А.
 Елизарова В. И.
 Еремеев С. Н.
 Железняк О. Е.
 Забардыгина К. А.
 Залесов В. Г.
 Ильина Д. С.
 Карпенко Н. С.
 Киселева А. Н.
 Кожевникова В. Е.
 Козлова Т. Ю.
 Конева В. С.
 Конева В. С.
 Кочтыгова Е. А.
 Кыдыев А. М.
 Лазарев Н. А.
 Малинович Р. Д.
 Манонина Т. Н.
 Манылова К. О.
 Марудина Ю. В.
 Наац К. О.
 Отихайленко А. Б.
 Павлова А. Г.
 Панин А. Ю.
 Паршуков Д. С.
 Пирогова Н. А.
 Потаньева Е. А.
 Прислонова Д. В.
 Распопова У. В.
 Резниченко Т. Ю.
 Рекун Т. А.
 Романова Л. С.
 Романова Л. С.
 Романова Л. С.
 Рубцова А. О.

малые и исторические / small and historic

Рассматриваются вопросы, возникающие при изменении статуса малых городов и исторических поселений. Обсуждаются результаты федерального архитектурного конкурса. Предлагаются экономические, градостроительные и социальные пути решения проблем привлекательности малых городов Восточной Сибири. Ставится вопрос о возможностях реализации проектов-победителей и необходимости архитектурного надзора при реализации градостроительных проектов.

Ключевые слова: малые города; исторические поселения; развитие территорий; городская среда; федеральный конкурс; соучаствующее проектирование; Нерчинск; Саянск; Черемхово; проектирование; авторский надзор./

The discussion touches upon the issues related to the change in the status of small towns and historic settlements. The results of the Federal Architectural Competition are discussed. Economic, town-planning and social solutions are proposed to increase the attractiveness of small towns in Eastern Siberia. The discussion explores the possibilities of realization of the winning projects and the necessity of architectural supervision during the realization of town-planning projects. Keywords: small towns; historic settlements; territorial development; urban environment; federal competition; participatory design; Nerchinsk; Sayansk; Cheremkhovo; design; designer's supervision.

Малые и исторические города Дискуссионный клуб ПБ /

подготовка текста

Марина Ткачева

фото

Евгения Сурикова /

text prepared by

Marina Tkacheva

photos by

Evgeniya Surikova

В июне 2019 года в Доме архитектора состоялось традиционное обсуждение темы номера «Малые и исторические города».

В обсуждении участвовали: архитектор, издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал» Елена Григорьева; архитекторы Сибирской лаборатории урбанистики Полина Заславская, Валентина Казакова, Анастасия Репина; президент коллегии СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров», член-корреспондент Международной академии архитектуры в Москве (МААМ) Андрей Макаров; член Общественной палаты г. Иркутска, руководитель АНО «Иркутские кварталы» Сергей Маяренков; генпланист ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа», аспирантка ИРНТУ Анастасия Митичкина; генеральный директор ООО «Мастерская архитектуры и дизайна ФОКС» Дмитрий Фальковский; архитектор, председатель Совета ИРО ВООПИК, доцент ИРНТУ Алексей Чертилов; генеральный директор ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа», архитектор Евгения Ямова.

Елена Григорьева Тема малых городов и исторических поселений, безусловно, активизирована федеральным конкурсом, итоги которого были оглашены четыре дня назад в Воронеже вице-премьером Мутко. Сегодня мы пригласили к разговору в дискуссионном клубе ПБ непосредственных участников разработки концепций и, как выяснилось, победителей этого конкурса. Благодаря квалифицированной работе этих команд забайкальский Нерчинск и два малых города Иркутской области – Черемхово и Саянск – получают финансирование для реализации своих концепций.

Насколько важен этот конкурс для малых городов?

Начиная с 2018 г. в течение пяти лет государство ежегодно выделяет 5 миллиардов рублей на проведение конкурса по городской среде малых городов и исторических поселений (о конкурсе см. публикации в пб57). Сумма, которую получают победители, от 50 до 80 млн. руб., является ли она существенной для городского бюджета малого города?

Анастасия Репина Да. Хотя есть и неподъемные объемы. Участвуя в программе «Комфортная городская сре-

да» или в других федеральных программах, мы понимаем, что там финансирование гораздо меньше. Например, если хотят восстановить исторический объект, то для малого города это сумасшедшие суммы; самостоятельно ему не осилить. Есть некоторые федеральные программы, по которым города могут получить больше денег в бюджет, но средства выделяются только для инфраструктуры, это не касается культуры, архитектуры и др.

Сергей Маяренков У малых городов впервые появился шанс хотя бы что-то начать делать с городской средой. Бюджетное законодательство устроено так, что у них не остается ресурсов для изменения своей территории. Муниципалитеты, тем более малые, по логике сегодняшней российской модели остаются совершенно без денег. Если судить по критериям, объявленным в конкурсе (например, одним из критериев было обязательное софинансирование и соучастие местных предпринимателей), эти объекты могут стать как обузой, так и импульсом для развития территории. Многие города проектируют благоустройство, которое впоследствии становится обузой для бюджета. А если его сделать импульсом развития территории, в условиях ограниченности ресурсов, с целью пополнения местного бюджета, то такое решение будет более правильным.

Евгения Ямова Это один из вариантов – посмотреть, какие города еще живы. Программа уже на стадии подачи документов на конкурс дает малым городам возможность «всплыть», показать свою жизнеспособность и заинтересованность в улучшении среды для горожан. Даже если и не выиграют, на уровне Федерации они уже будут замечены. Кроме того, конкурс дает возможность понять ресурсы муниципального администрирования: насколько оно сильное; стоит ли что-то делать в этом городе, какой есть потенциал у населения и территории. На всех этапах работы над конкурсной заявкой есть возможность посмотреть, как муниципалитет взаимодействует с жителями, с бизнесом, готов ли он вообще взять на себя обязательство дальше развивать и поддерживать уже реализованное пространство.

Андрей Макаров Мы сейчас говорим о федеральных деньгах. Но не надо забывать, что участие губернии

**БАЙКАЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО
АРХИТЕКТОРОВ
И
ИНЖЕНЕРОВ**

664025, г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1А
тел. +7 (3952) 203-767
<http://boai-sro.ru>

Small and Historic Towns PB Discussion Club

и губернатора тоже очень важно. Губернатор Левченко, рассматривая проекты благоустройства в Чуне, говорил, что нужно разработать систему поощрения для тех, кто научился хорошо и правильно работать на территориях. Если все это объединить: что-то дает муниципалитет, что-то область, что-то федерация – то получается довольно крупная сумма денег, на которую можно реализовать проекты малых городов. Люди, которые живут в этих городах, независимо от их жизнеспособности, разве не заслуживают, чтобы в них вкладывали деньги!?

ЕГ Являются ли убывающими города, с которыми вы работали? Прогнозируете ли вы как специалисты, что на процесс можно повлиять с помощью этих проектов?

Анастасия Митичкина Город Черемхово действительно является убывающим, имея статус моногорода. Там чуть больше 50 тыс. человек, и постепенно население уезжает, в основном в Иркутск, хотя есть небольшой приток из сельских территорий. Причиной этого процесса является уменьшение объема добычи угля основного градообразующего предприятия. Появление нового благоустройства и новых экономических составляющих вокруг этого благоустройства, мы надеемся, спровоцирует импульс к новому развитию – возможно, это стало бы причиной остаться.

Дмитрий Фальковский Не соглашусь. Этот проект не повлияет на увеличение населения. Потому что очень малы инвестиции, слишком мало количество рабочих мест, чтобы кардинально изменить ситуацию в городе.

ЕГ Тем не менее, большой участок земли в самом центре города приобретает другой облик, связь с центральными общественными пространствами, обретает новые смыслы...

ДФ Определенный комфорт будет создан для тех, кто выбрал это место для постоянного жительства и в принципе не планирует оттуда уезжать; это коренные черемховцы. В данной ситуации они, конечно же, будут за город радевать. Но активная молодежь, которая хочет развиваться, хочет чего-то достигать – уедет. Потому что данная тенденция прослеживается во многих городах, и укрупнение мегаполисов происходит именно

поэтому. Появление реальных, серьезных возможностей для развития на месте можно стимулировать только градообразующим предприятием. В Черемхово сейчас ООО «Востсибуголь» открывает второй разрез; тем не менее, кардинально это на ситуацию не повлияет: внутренняя экономическая политика ООО «Востсибуголь» очень далека от стимулирования населения.

ЕГ А как дела обстоят с другими городами, например, Саянском?

Полина Заславская Мне кажется, данный проект может стимулировать и дать хороший толчок для работы администрации с городом, с инвесторами и с собственниками, благодаря этому запустится какой-то процесс и повлечет за собой дальнейшее развитие. Но я согласна: люди вряд ли здесь останутся. Да, новое качество жизни постоянных жителей привлечет, но в вопросе финансов нужны более крупные шаги. Такой проект хорош только для старта – начала.

ЕГ Он показывает, что у города есть будущее, что он движется куда-то. Интересно, что ваш проект в большей степени, чем другие, ориентируется на школы: подрастающие саянцы смогут ощутить прогресс и движение.

ПЗ Ребенок, участвующий в этом проекте, нарисовавший будущее своего города и наблюдающий за его воплощением, понимает, что от него что-то зависит и что он может на это развитие в будущем повлиять.

ЕГ Вам удалось их втянуть в процесс?

ПЗ Мы в Саянске и в Нерчинске осуществляли соучастующее проектирование, и с их стороны была заинтересованность.

АР Мы работали на разных уровнях: провели работу с детьми, подростками, студентами сельскохозяйственного техникума, которые предположительно там останутся, потому что для них будет работа. Они изначально настроены на воплощение своих идей, поэтому охотно вовлекаются.

ЕГ Именно соучастие в проекте, если он реализуется, может поспособствовать укоренению?

АР Укоренению – да; численность города Нерчинска не колеблется уже несколько лет. Но она сохраняется

не из-за того, что местные не уезжают, а из-за того, что из деревень мигрируют в город. Это районный центр, и за счет погибающих поселений численность не изменяется.

Могу привести пример: зам. мэра хотела уехать вслед за ребенком, поступившим в вуз в Санкт-Петербурге. Но за счет этого конкурса (в том числе), за счет культурной мозаики у семьи появилось такое воодушевление и вера в будущие изменения, что они решили остаться. Сейчас в городе энтузиазм зашкаливает.

СМ Ради справедливости надо сказать, что, делая проект для конкурса, мы выходим далеко за его границы. Потому что проекты могут стать импульсами, только если проектировщики понимают, импульсами чего они становятся. Один парк никогда не оставит человека в городе – это не критерий. Только если ты рисуешь парк как некую программу действий или начало старта большого процесса, который направлен на изменение города. И это не болтовня, а реальный поиск и результаты изменений. Несколько критериев держит людей на местах. Это либо высокая зарплата (и она показывает, что ради нее люди готовы ездить и жить в неудобных условиях), либо качество жизни улучшается. И тогда работникам становится доступно поведение человека мира. Я, конечно, делаю некий переброс на Иркутск, но в каждом городе человек должен чувствовать себя достойно и не ощущать, что он здесь живет по единственной причине – недостатка денег для отъезда из этого города. И когда приезжают в эти города люди, которые живут в Санкт-Петербурге, Москве и еще где-то, я уверен, что местные жители чувствуют себя очень неловко, что они здесь живут. Я часто наблюдаю такое поведение. У местных жителей присутствует оправдательная позиция: они здесь родились, это их земля. У них, видимо, нет оснований сказать: мы здесь живем, потому что наша жизнь не хуже, чем в любом городе России, включая Санкт-Петербург и Москву. Один парк – не коренная причина, чтобы остаться.

АР Не все уезжают из-за отсутствия денег. Есть люди с деньгами, которые не уезжают, потому что у них есть работа.

СМ Я говорю про массы. Конечно, есть люди, которые зарабатывают в этой деревне. Но в массе люди бедные. Надо признать, что в малых городах ниже качество человеческого капитала из-за того, что из деревни уезжают, а в города прибывают. И зарплаты в этих деревнях и малых городах невысокие.

АМ Опасно менять градостроительство на благоустройство, рассуждая при этом о комфортной среде. Исчезновение крупных градостроительных институтов, разрушение системы региональных гражданских проектов, на мой взгляд, – трагедия нашего времени. Сначала все удивлялись, но сегодня привыкли к отсутствию комплексных подходов по развитию городских и межселенных территорий. Трудно представить себе эту комфортную среду на хаотично застроенной, а зачастую затопленной или выгоревшей территории. Необходима аналитика: сначала генплан, проект планировки и только потом решаем, что и как благоустроить.

ЕЯ Конкурсная программа по малым городам – это как раз возможность сделать не как обычно. Хорошо, что есть условие выбрать площадку голосованием. Тогда и муниципалитеты, и горожане, и проектировщики более осознанно подходят к выбору места. Если говорить конкретно про Черемхово, то в этом случае мы проанализировали территории, представленные на голосование, и показали, что площадка вокруг озера подходит для проектирования по многим параметрам. И жители выбрали именно ее. Эта территория собрала в себе историческую память, несколько сценариев пребывания горожан, их досуг, активный и тихий отдых, образовательную и коммерческую функции круглогодично. Мы смогли вписать туда и спорт, и праздники, и торговлю – почти все то, что предложили жители, бизнес, комитеты муниципалитета. Другие территории не смогли бы ответить на этот запрос, и понадобилось бы больше ресурсов на реализацию.

А если мы говорим про программу «Комфортная городская среда», то это действительно рассыпанный «горох» площадок по городу – или латание дыр, или не сконцентрированные финансовые усилия, которые больше напоминают ремонт. Проекты делают по техзаданию

соучастного проектирования и муниципалитета, а в результате смета не соответствует финансовым возможностям реализации.

АМ Сейчас создается центр компетенции, и мы пишем губернатору. Вы сделали проекты трех городов, выиграли и получили федеральные транши – это нужно каким-то образом отметить в нашей областной администрации, вас должны похвалить за проделанную работу. Ваш подход должен стать образцом для дальнейших событий.

ЕГ Мы привычны к тому, что на федеральном уровне получаем первые места, и никто в Иркутске нас не гладит по головке – ничего страшного, не для этого работаем...

СМ Что в действительности дает этот проект? Какие он раскрывает возможности для территории? Мне кажется, что даже в самой подаче заявки в формате конкурса довольно грамотно представлены критерии, по которым оценивается конкурс. Для устроителей это следующий шаг, понимание того, как работает территория – это повышение квалификации всей администрации. Планка поднимается гораздо выше.

ЕГ Есть другая сторона: повышение компетентности местной администрации в этом вопросе. В идеале это касается не только мэров, но и всех участников процесса.

СМ При этом работа с хорошей командой их воодушевляет. Это стало интересным элементом.

ЕГ Побочный эффект – наконец-то на урбанистическую деятельность обратили внимание чиновники. Мы многие годы сетовали на то, что в советские времена худо-бедно чиновники слушали лекции по градостроительству; их заставляли повышать квалификацию в этой области. В постсоветские времена посты часто занимали люди, совершенно некомпетентные. Безусловно, позитивно то, что отмечается этот дополнительный эффект.

В конкурсе было пять номинаций; первая из них, самая многочисленная по лауреатам – исторические города (кроме региональных центров). 20 городов должны были стать победителями, но получилось меньше: заявок всего было 20, и несколько городов выпало по некомплектности и другим причинам. Как вы думаете, с чем связана такая пассивность исторических городов (не только

федерального, но и регионального подчинения)? Мы знаем, что этот конкурс является стимулом к получению статуса «исторического города» хотя бы на региональном уровне. Идет ли этот процесс? Если нет, то почему? Что останавливает? Бюрократия? Нет градостроительной документации, которую нужно сделать, чтобы стать историческим? Нет денег на то, чтобы делать эту градостроительную документацию?

Алексей Чертилов Тут был назван Нерчинск. Статуса «исторического» у него сейчас нет по нескольким причинам. Первая причина такая же, как и с памятниками архитектуры – по факту сегодняшнего дня это обуза для властей, собственников, жильцов: деньги еще могут и не дать, а проблем будет достаточно. А бомба негативного отношения к наследию заложена в законодательстве, и не только в сфере охраны наследия. Требования к собственникам памятников есть, а компенсаций, реальной помощи от властей, как в других странах, нет. Это выработало у россиян постсоветский менталитет, став человеческим фактором.

ЕГ Памятники архитектуры и так, без статуса города, надо охранять. Почему обуза? В чем конкретно заключается проблема?

АЧ Хочу провести аналогию с памятниками архитектуры: очень плохо и очень накладно быть в списке памятников. Сразу появляются серьезные правила, которые, как считают власти – да и градостроители тоже – сразу тянут за собой торможение в развитии.

ЕГ Но города эти и так не развиваются.

АЧ Это чисто российская проблема, потому что во всем мире наоборот: любой исторический город очень интересен, у него и доход другой, и программы особые; они получают разные гранты. У нас этой системы, как таковой, не существует. У нас до сих пор не решен вопрос о компенсации за реставрацию памятника, за проживание в памятнике – это все отталкивает людей от истории и от старой архитектуры. Второе. Только начинает развиваться соучастующее проектирование, привлечение населения в проекты; во всем мире это уже развито. Если горожане сами принимают решения, не просто обсуждая

чь-то – это 50% успеха. Тогда будет толк, тогда города будут по-другому жить. А сегодня, так как нет приложения труда...

СМ Охранное сообщество до того заохраняло и регулировало исторические города, что они сами стали губителями этих памятников. Объясню почему. Сейчас мир ускоряется, а в этих местах ты не можешь имплантировать новое. А если новое не образуется и новые функции не зарождаются, то город вымирает. Потом останутся только одни документы и руины – это предел действий охранного сообщества. Должна быть новая деятельность, которая все окупает, и тогда город будет в хорошем состоянии, а не потому, что там нормы и регламент. Должен быть баланс нового и старого в развитии исторических территорий. Одно время в новосибирском Академгородке для того, чтобы получать больше денег, задали некую историческую зону. Теперь в борьбе за сохранение исторических ценностей законсервировали этот городок вместо того, чтобы правильно регулировать его обновление. Теперь развитие Академгородка приостановилось, а ведь это инновационный центр: там ничего не строится, стройка начинает пузырями вспухать вокруг Академгородка. Он и так спланирован неплотно, не соответствует современной концепции. Если мы не научимся это понимать, то с существующими историческими регламентами мы все разрушим.

ЕГ В пределах исторического поселения развитие не запрещается.

СМ Некоторые объекты ты не можешь вставить, потому что у тебя нет новых зон на строительство.

ЕГ На это жалуется город Томск. Там этот вопрос дошел до уровня президента РФ.

СМ Вот последние новости. Томскому университету сказали, что они не смогут реализовать концепцию модернизации и развития кампуса, университету выделяют территорию за пределами Томска. Это уничтожение городов.

ЕГ Чем закончилась история с границами исторического поселения? Президент распорядился разобраться с этим вопросом до мая.

АЧ Война в суде до сих пор идет. Одна команда заняла сторону уменьшения требований, а вторая – консерваторы – голосует за обновленный проект охраны исторического города.

СМ Причина в этих «охранниках»: они хотят все так жестко зарегулировать, что бизнес не может помочь городу развиваться. И две эти стороны друг друга ненавидят: одни зажимают все инициативы к изменению, а другие хотят все заменить.

АЧ Мы действительно не умеем рационально управлять историческим наследием, потому что для нас сама ситуация новая. Запад занимался этим давно, и у них нет, как у нас, обособленных от муниципалитетов зон охран: у них все охранные требования федеральных и региональных властей включены в градостроительный регламент. Так надо сделать и в России, по-моему, это единственный выход. Сшивать зоны охраны и градостроительные регламенты надо было еще в 90-е гг. К примеру, сегодня субъект федерации – Иркутская область – по закону утверждает для муниципалитета – города Иркутска – зоны охраны. Какому мэру, городской думе это понравится?

ЕГ На президиуме областного градостроительного совета, когда служба охраны наследия душила концепцию превращения учительской семинарии Князе-Владимирской церкви в классический лицей, мы приводили пример из Санкт-Петербурга. Нашей концепцией предусматривалось, оставив фасады историческими, внутри произвести преобразования для благополучного осуществления учебной функции на современном уровне. Пример реконструкции здания Главного штаба на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге – федерального памятника – под музейную функцию нашу службу охраны наследия не убедил. В Иркутске здание 7 лет стоит в руинах, и все ждут, когда оно погибнет вместо того, чтобы ухватиться за желание конкретного энтузиаста и восстановить комплекс, оставив предметом охраны фасады. Санкт-Петербург – исторический город. Почему он развивается, включая исторический центр? Почему там, опираясь на российские законы, получается, а в Иркутске или том же Томске – нет?

АЧ Пока в этом вопросе не будет согласованного властного единого решения, ни к какому сбалансированному итогу это не приведет. Федералы принимают решения по поводу регионалов, регионалы и федералы – по муниципальным образованиям, не спрашивая их. И эти жесткие требования образуют трещины в отношениях властей разного уровня. В Санкт-Петербурге такого нет – это субъект федерации, который сам себе себя и под себя принимает и закон, и градостроительный регламент. Москва такая же. Там нашего конфликта нет изначально.

ЕГ Наследие гибнет, территории теряют темпы развития из-за отсутствия взаимодействия разных уровней власти?

АЧ Это надо устранять на федеральном законодательном уровне; пока такой необходимости в Москве не поймут – конфликты будут продолжаться.

СМ Проблема Томска – пример того, что будет с городом, если его законсервировать. Люди, которые не подадут на конкурс заявки, будут жить в этом законсервированном городе.

АЧ В Иркутске год назад обсуждался важный вопрос: включение деревянной застройки и части исторического центра в список ЮНЕСКО. Вопрос обсуждается уже в течение 25-ти лет. ЮНЕСКО ужесточило требования, так что, если мы вступим в это всемирное общество – город «вымрет». Я в Москве этот вопрос выяснял, и все эксперты в один голос говорили, что если включимся в этот список, то все согласования необходимо будет проводить через ЮНЕСКО, а это значит, что вопрос повиснет на долгое время из-за жестких требований. Если хоть одна иркутская «деревяшка» попадет в список ЮНЕСКО, то ни один житель там не сможет ничего отремонтировать, живя в этом памятнике. Это факт; тем более, что мы не умеем работать с бумагами по-честному, по закону; мы всегда выискиваем лазейки, как их обойти. Дрезден же исключили из списка Всемирного наследия, потому что они построили необходимый им мост. Он, по их мнению, не мешал, наоборот, даже вписался в общую планировочную, композиционную историческую ситуацию.

ЕЯ Решение об участии в конкурсе остается за мэром исторического поселения. По сути, историческое наследие – не его вотчина. Для большинства это обременение. Мэр понимает, что на законодательство по наследию он влияния не имеет, только на управление. И как привлечь инвесторов для муниципально-частного партнерства, ведь инвестирование в объекты наследия обходится дороже, в таких городах практики, по сути дела, нет. Поэтому, во-первых, спроектировать и реализовать такие территории гораздо сложнее и дольше. А во-вторых – действительно, возникает конфликт непонимания: как с наследием можно работать с извлечением прибыли. 130-й квартал, «Иркутские кварталы» и Агентство развития памятников Иркутска не скопируешь. Это настройка на месте, которая занимает время, нужны люди, системно с такими объектами работающие. По этому пути сейчас идет Волоколамск, например.

АМ Вот пример Енисейска: один губернатор не обращал на него внимания, второй обратил. В Иркутске просто слабая власть.

АЧ Губернатор Мезенцев появился – появился 130-й квартал. Все города рождались только на экономической основе, а не на культуре, и они развивались. Новые советские города тоже создавались только на экономической базе. Если была идея создания предприятия, то рядом рождались жилые массивы, где появлялись, соответственно, социальная и культурная сферы; умирает предприятие – умирает город. Сегодня для того, чтобы двигаться, российскому правительству необходимо развивать производства – главные места приложения труда. Насильно или не насильно, но на законодательном уровне это провоцировать. Надо сохранить Нерчинск – значит, необходимо придумать некий экономический стимул, толчок.

СМ Такие методы, о которых сказал Андрей Юрьевич, сейчас не работают: смотреть на СТП, на производство, назначить им функцию – это все логика советской модели, отголоски советского прошлого. Теперь работают другие механизмы. Прежняя градостроительная политика не действует.

АМ Чтобы сделать СТП, нужно делать аналитику.

СМ Сейчас нет такого масштаба организаций, которые способны через аналитику узнать, где может возникнуть новый бизнес. Они продолжают множить старые сущности, расставляя старую сырьевую экономику по стране. Ничего нового в СТП я не увидел.

АМ Если такие структуры не появятся, страны не будет.

ЕГ Функция государства – сохранять свою территориальную целостность. Государство должно быть этим озабочено. Если государство хочет удержать большую территорию, оно должно препятствовать процессу оттока населения из городов, основанных героическими усилиями наших предков – первопроходцев XVII–XVIII веков, сильных государственных деятелей, осуществивших заселение этой территории. Здесь должна присутствовать государственная политика и разумная система расселения и, прошу прощения у новых урбанистов за советский термин, – размещение производительных сил.

СМ Новая деятельность не появляется по приказу. Можно на всю страну «размазать» промышленность и города создавать. Сейчас все это рухнуло.

АМ Никто не говорит, что это было правильно.

ДФ О какой форме контроля идет речь?

АМ Государство утратило контроль над развитием территорий. Что, на мой взгляд, нужно контролировать. Первое – размещение производительных сил. Второе – контроль над объемом производства (планирование государства в какой-то степени).

ДФ Каким образом государство может управлять частным объектом, если доказано, что ни одна госкорпорация по эффективности не сравнится с частной? Если мы говорим о производстве и об экономике, то я приведу в пример Сингапур, его структуру экономики и его территориальное размещение – и российскую экономику и территорию. Чем они отличаются? Сингапуру на малом клочке земли ничего не мешает создавать солидный ВВП. А Россия, исторически обладая огромной территорией, финансово не способна грамотно ее освоить. Это проведено давным-давно. Продать – не продать – это патристическое разговоры, которые задевают каждого. Теми путями, которыми сейчас идет государство, оно эффективно развивать свои города не сможет – не хватит средств. В любом городе, в котором собирается определенное количество людей, формируется рынок. Чем больше будет производиться в нем товаров и услуг, тем он будет больше, и возможностей будет больше. Конкурс и его возможности – капля в море для развития города. Например, Черемхово, который пытается из малых средств своей экономики заниматься благоустройством. Сейчас у них появилась возможность зайти в федеральный бюджет, они это сделают по проекту. Но второй возможности в ближайшие три года у них не появится. Они могут рассчитывать только на внутренние ресурсы и внутренний рынок производства, в том числе и благоустройство. Какой прирост с этих денег даст благоустройство? Чтобы они потом могли потом через налоги направить средства на возведение парка, школы, промышленных объектов – социальных либо частных.

ЕГ А ваш проект, который формирует рабочие места, не превращает ли он свою территорию в самоокупаемую и саморазвивающуюся?

ДФ Да, он позволяет ее эксплуатировать, не сидя «на плечах» у бюджета.

АЧ То, что вы говорите, совершенно правильно. Почему эта инициатива не поддерживается государством, не превращается законодательно в государственную программу, чтобы распространять ее на малые города? Почему брошены эти города без государственной поддержки на самообеспечение и на самовывживание? Советская система, сколько ее не ругай, работала, позволяла жителям в городах жить достойно. Царская система также регулировала и планировала. Рынок всегда и везде регулировался и регулируется государством, по-разному, но регулируется, по-другому быть не может. Почему сегодня в России это невозможно?

ДФ Для того, чтобы происходили какие-либо изменения, должны быть люди – профессионалы в своей области. Тогда этап изменения будет понятен и прозрачен.

ЕГ Вернемся к нашим реальным проектам. Какой опыт вы приобрели, участвуя в этом проекте? Что для себя почерпнули? Настя, ты до этого имела опыт соучаствующего проектирования в Иркутске; была ли интересна работа с Нерчинском тебе как профессионалу? Чему ты там научилась или просто применила свои знания и убедилась еще раз в своей компетентности?

АР Был опыт работы с командой, и что очень важно – с администрацией, когда проект плотно на них завязан. Если у них внутри есть согласованность, то они понимают важность взаимодействия и помогают. Это был очень приятный опыт, в отличие от другого города: там работа шла тяжелее.

Валентина Казакова В нашем случае в администрации не было команды, которая работала бы согласованно. Поэтому нам приходилось больше работать и за себя, и за администрацию.

ПЗ Если посмотреть по затраченному времени, то мы увидим, что Нерчинск сделан за месяц, а работа с Саянском растянулась на 2–3 месяца.

АР Это был опыт работы с разными командами. Во-первых, с сообществом предпринимателей. Обычно мы работаем с одним заинтересованным лицом (инвестором), а здесь необходимо было выстроить взаимосвязь со всем городом; это более широкое соучастие. Во-вторых, нужно было постараться убедить, в чем выгода этого проекта для всех и почему важно включиться на стадии разработки проекта.

АЧ У меня есть небольшая аналогия. Когда американцы в новой России в 90-е гг. насаждали свои проекты, они применили свою трехступенчатую модель; во всем мире она у них была одна. Первое: обучали людей новым технологиям. Второе: обучали российскую муниципальную и губернскую власть – у себя дома! – новым понятиям, и проделывали это с чиновниками постоянно при смене власти. Поэтому власти это подхватывали, поддерживали и как-то двигали. Вы сегодня отработали свои проекты – и там никого не осталось, и никто на местах чиновников, специалистов – двигателей новых идей не обучал новым технологиям; поэтому это обречено на забвение.

АР Важно еще, что была федеральная поддержка; было много обучающих семинаров, мы все пересматривали по несколько раз – это помогало смотреть на проект с новой точки зрения.

ЕЯ Мы с командой ООО «ФОКС» пошли по пути разделения функций. Наши команды работали вместе впервые благодаря Марку Григорьевичу Мееровичу. Он видел у нашего Агентства развития территорий «Градостроительная школа» одну сильную сторону; у компании «ФОКС» – другую. Мы отвечали за схему благоустройства, общую концепцию, дизайн-проект. ФОКС отвечала за экономику и архитектуру. При таком разделении обязанностей проработка каждого сегмента происходит более углубленно. Если идти по пути такой специализации, проект можно делать быстрее и качественнее. Одна компания редко может собрать специалистов разных областей, особенно если это небольшие города и работают там с локальными командами. На примере общения с коллегами со всей России, благодаря образовательной программе «Архитекторы. рф» сформировано понимание, как работают специалисты со своими проектами, какие ситуации складываются как со стороны проектировщиков, так и со стороны администрации конкурсных городов.

Вопрос в том, что сама федеральная конкурсная комиссия должна понимать, какие требования она предъявляет не только к проекту, но и к проектной команде. Список исполнителей, наверное, как-то влиял на принятие решения?

ЕГ Я так не думаю. Экспертов интересует качество концепции, идет оценка по критериям. А сделал ли работу один человек или команда с разделением функций – несущественно; важен результат. Расскажите о вашем опыте работы с администрацией.

ЕЯ В малых городах мэр – очень влиятельная фигура, и возможно, отток или приток населения в городе зависит от того, доверяет ему население или не доверяет. По нашему анализу в проекте города Черемхово у мэра очень высокий статус доверия. И благодаря этому чиновники, горожане и предприниматели активно участвовали в процессе, верили в успех конкурса и ждут реализации. И если в таких городах меняется руководство города, непонятно, что будет с городом и населением?

ЕГ Вы не прогнозируете преемственность?

ЕЯ А у нас в стране есть такая ситуация?

ЕГ А за рубежом?

ЕЯ В отношении положительного опыта там другая ситуация, там работает отлаженная система. Администрация и чиновники – это сервис для жителя. Если они сориентированы на стратегию развития, согласованную предварительно со всеми участниками процесса, они по этому пути и идут. Опыт работы там большой именно в следовании пути развития, в умении договариваться и следовать закону.

ДФ Для нас была отличная возможность поучаствовать в этом проекте. До этого момента мы были связаны в основном с объемными проектами: архитектура, реконструкция. Наша основная специфика – это коммерция, и здесь мы смогли ее рассмотреть в масштабах макроэкономики – макроргорода. Проект рассматривался как финансовый, который имеет плюсы и минусы; этот финансовый рейтинг был представлен на всех уровнях администрации. Мы получали поддержку, выстраивали отношения со всеми предпринимателями города через совет предпринимательства города. Обосновывали и убеждали, почему они получают определенные преимущества от участия в этом проекте; почему этот проект нужен городу. Возникал вопрос архитектуры: в проекте был существующий объект-«гвоздь», частный замок, который необходимо было интегрировать и запустить; это зависело от успешной реализации проекта на территории. Все эти связи и возможности, обоснование участия лиц очень нам помогали. Процесс участия был хорош, интересен, результативен.

ЕГ К вопросу о возможности существования этой территории без дотации из города в дальнейшем. Возможно ли выйти не только на самодостаточную, но и на развивающуюся систему? Возможен ли на территории запуск саморазвития?

ДФ Может, но будет развиваться эволюционно, не революционно. То, что мы сейчас предложили в проекте – это революция. Та генерируемая прибыль и те возможности, которые город получит, при грамотном ее использовании, возможность дальнейшей эволюции... Она будет в определенной части работать. Но черемховский рынок очень мал, поэтому ожидать резких скачков не придется. Что касается преемственности – это действительно краеугольный камень. Если вдруг в 2020 г. сменится власть – неизвестно, что там будет происходить. Если останется – то есть надежда, что тенденция, которую они запустили, начнет активно развиваться дальше.

СМ Попробовать запустить из данных проектов то, что вы хотите, очень сложно. Никто сейчас не собирается платить – они думают, что все само собой сложится. В 90-е годы сказали, что «невидимая рука рынка» все регулирует, и мы на примере китайского рынка «Шанхайка» увидели, как она дорегулировалась. Сейчас много других инструментов, которые замещают ту политику, которую по функции выполняло в СССР градостроительное планирование; они по принципу очень похожи, но у нас все обрезали. Сейчас необходимо применять другие инструменты, но мы еще не созрели и не готовы за это платить – поэтому нет профессионалов, не идет молодежь в профессию. Мы строим в Иркутске на одном пятачке два ледовых стадиона и две библиотеки, уничтожая землю для развития научно-образовательного кластера. Но до сих пор думаем, что градостроители не нужны. Не градостроители как создатели планировочных документов, а градостроители – как строители деятельности, на которой держатся города.

ЕГ Вы, Сергей Юрьевич, как никто другой, знаете популярность иркутской деятельности в стране. 130-й квартал, самокупаемый сейчас, запустил несколько

векторов: «Иркутские кварталы», АРПИ, проект Разумова, спортпарк «Поляна».

СМ Одной из волн дополнительно стало появление студенческого квартала на Верхней набережной (набережная «Ривьера»).

ЕГ И это несмотря на то, что таких далеко идущих планов не было, потому что при работе над кварталом 130 мы понимали: политическая воля двигает этот проект. Тем не менее, механизмы саморазвития запустились.

СМ И в других городах появились попытки сделать что-то подобное. Это знаковый проект.

ЕГ Итак, энергия локального проекта может запустить какое-то развитие.

СМ Может, но мы не сможем это прогнозировать.

АМ Когда делали генплан города Иркутска 1996–2006 гг., «Иркутскгражданпроект» не был государственным учреждением. В том регламенте не было на площадке Академгородка объектов, которые сейчас появились. Не исчезали парки и скверы. Этот генплан выполняли квалифицированные специалисты. Потеря квалификации... У нас сегодня занимаются этим неспециалисты. Если ты и твоя команда готовы, я предлагаю уйти от благоустройства и концепций и перейти к реальным регламентам.

СМ Дело не в этом. Эта функция сейчас не востребована. Я считаю, что такие градостроительные ошибки оказывают огромное влияние на производительность труда города, возможность развиваться или не развиваться в этом городе, синергию располагающихся предприятий, когда одна функция противоречит другой. Это огромные механизмы, и если их неправильно складывать, то весь город и все жители работают с препятствиями и с их преодолением, что ломает всю структуру города. И из-за того, что этот модуль был потерян, мы пока не умеем просчитывать влияние градостроительных ошибок на экономику города.

ЕЯ Спроектировать не проблема, проблема реализовать проект в соответствии с тем качеством, которое должно быть, к которому стремимся. Как влиять на это? На качество проекта влияет конкурсная комиссия. Кто повлияет на качество реализации?

ЕГ Те же архитекторы, которые создали концепцию, должны выполнять рабочую документацию и вести авторский надзор. Каждый шаг влево-вправо от одобренной на федеральном уровне линии должен обсуждаться и согласовываться с авторами-архитекторами.

Такой порядок не просто соблудности. Некоторым силам выгодно в мутной воде ловить рыбу, особенно когда исчезает авторский надзор. В этом заинтересованы совершенно конкретные силы, имеющие мощное лобби в законодательных органах: я имею в виду подрядчиков, строителей. Архитектор убран из процесса приемки объекта в эксплуатацию – как отдельного здания, так, тем более, объекта благоустройства – площади, улицы...

АМ В некоторых регионах есть отдельные законы.

ЕГ Это вселяет надежду. Создавая в своем регионе и городе местные законы и подзаконные акты, мы сможем навести порядок. И будем приводить наши гениальные проекты к не менее блестящей реализации. Пока так не получается. Предстоит трудный путь.

Участников команд я хочу поздравить с удачными проектами, с тем, что эксперты комиссии поняли и высоко оценили их. И желаю трем нашим организациям, участвовавшим в конкурсе, продолжать деятельность на благо малых городов Иркутской области, Сибири, России.

Излагается новый подход к проблеме природы агломераций в современном мире, специфически-национальные характеристики агломераций. Анализируется процесс градообразования в России. Подчеркивается процессуальный характер агломерирования, разнокачественность агломерации и конурбации. Характеризуется связь советского подхода к городу и деревне и современного состояния процессов в современной России.
Ключевые слова: система расселения; агломерация; конурбация; мегалополис; пространственное развитие; город; поселение. /

The article presents a new approach to the issue of agglomerations in the contemporary world and gives specific national characteristics of agglomerations. The process of town formation in Russia is analyzed. The article points out the procedural nature of agglomeration and different qualities of agglomeration and conurbation. It speaks about the correlation between the Soviet approach to the city and the village and the current processes in today's Russia.

Keywords: settlement system; agglomeration; conurbation; megalopolis; spacious development; town; settlement.

Агломерации: мнимое и реальное / Agglomerations: the Imaginary and the Real

текст
Андрей Бокон /
 text
Andey Bokov

Агломерация в представлениях

В лексиконе российских архитекторов и градостроителей слово «агломерация» появилось во времена хрущевской оттепели вместе со множеством других до того неведомых слов, понятий и представлений. Зарождающаяся в те годы архитектурная наука не только охотно вбирала ставший доступным зарубежный опыт, но, в соответствии с установленным порядком, проводила его жесткую селекцию и давала ему строгую оценку. Отношение к агломерации в духе того времени носило нейтрально-скептический характер, то есть не было ни агрессивно-негативным, ни, тем более, сочувственным. Об агломерациях разрешалось говорить, как о чем-то любопытном, но не имеющим к нам прямого отношения, то есть возникшем в результате стихийного или неуправляемого роста капиталистического города. Образцовому социалистическому городу, каким была Москва, хотелось быть большим, даже, возможно, самым большим в мире, но при этом оставаться полностью управляемым и строго ограниченным. Институт прописки и генпланы с жесткими параметрами до последних дней советской власти сдерживали рост городов и препятствовали появлению огромных нерасчлененных, сплошь застроенных территорий. Следы этих усилий сохранились до наших дней в административном разделении столицы и области. С обрушением этих и иных барьеров, с ослаблением административного контроля агломерации становятся и российской реальностью.

К концу третьего десятилетия истории новой России у лиц, принимающих решения, складывается свое, отличное от советского, отношение к агломерации. Агломерации представляются признаком успеха и принадлежности к привилегированному клубу мировых лидеров, а место страны в современном мире связывается с числом и размером агломераций. Агломерации рассматриваются как нечто неизбежное, желательное и прогрессивное. Остальные формы пространственного бытия оцениваются и существуют по «остаточному принципу», памятному с советских времен. Идея приоритетного развития 12–14 крупнейших российских агломераций, предложенная на ранних этапах работы над Стратегией пространственного развития (СПР), к моменту завершения этой работы

хоть и была приглушена усилиями сторонников политкорректности, но в основном сохранилась, продемонстрировав завидную устойчивость.

Предметом особой гордости российской власти, как и прежних властей, является Москва и столичная агломерация – бесспорно, явление мирового уровня, на которое предложено равняться остальным. Московская агломерация, сложившаяся в последние десятилетия, силою многих совпавших обстоятельств ставшая абсолютным лидером и рекордсменом по большинству показателей – от численности населения до ВВП на душу – все чаще рассматривается как пример реализации успешной политики, которую можно записать в актив.

Агломерация, или некий сверхгород, супер-город, оказалась прочно встроенной не только в картину мира и систему ценностей, но стала все чаще фигурировать в заявлениях официальных лиц и во все большем числе официальных и квазиофициальных документов. Судя по тому, что число агломераций, обнаруживаемых разными авторами в российском пространстве, отличается даже не в разы, а на порядок, каждый понимает это явление по-своему. Отсутствие попыток разобраться в феноменологии российских агломераций и дать им внятные и аргументированные определения странным образом не вызывает у использующих этот термин, ощущение дискомфорта.

Причиной тому – характерный тип сознания активных сторонников и адептов агломерационной идеи из числа российских менеджеров и людей бизнеса. В отличие от своих западных и восточных коллег, российские топовые фигуры отличаются отчетливым неприятием научного знания и склонны предпочитать простые и универсальные решения, во многом сходные с теми, что были популярны во времена СССР. Признаки этого сознания проявляются в двух особо значимых для судеб агломерации случаях: при анализе существующего положения и при формировании образа будущего. Картины настоящего и будущего сегодня строятся с использованием особой «оптики», неких усредненных и трудно верифицируемых отвлеченных показателей, самым популярным из которых является ВВП на душу населения. Обе картины предстают в виде суммы фрагментов,

^ Основное ядро
 Иркутской агломерации:
 вид из космоса

произвольно выбранных, плохо взаимосвязанных, меняющихся в зависимости от конъюнктуры. Выбираемые и предпочитаемые показатели и фрагменты, как правило, не коренятся в природе, феноменологии агломераций, остающейся загадкой. Характерны и способы предъявления видения настоящего и будущего, практически исключая изображение и отражение физической реальности. Слова и скупые цифры вытеснили карты, планы и зримые образы.

С другой стороны, сущностные, содержательные, концептуальные модели вроде модели микрорайона или города-спутника, вытеснены наглядными примерами и образцами. Взгляды нынешних управленцев и представителей бизнеса обращены к Москве и отмечены характерным «москвоцентризмом». Все, что хорошо для столицы, полагается приложимым ко всему остальному, что есть в России. Привлекательность такого подхода заключена еще и в том, что московская действительность легче сопоставима с «позитивными мировыми практиками», которые оказывают существенное влияние на картины настоящего и будущего необъятной страны. Новое сознание новой российской элиты – и «молодых технократов», и старых управленцев – воздействует на представления об агломерациях больше, чем реальность. А поскольку сведения о реальности не всегда оправдывают ожидания, да к тому же требуют значительных и непростых усилий, которые не всегда предпринимаются, разрыв между тем, что есть на самом деле и представлениями неизбежен.

Специфичное отношение к настоящему сочетается с отсутствием внимания к будущему, которое так волновало в недавнем коммунистическом прошлом. Стратегическое видение того, что может произойти за пределами двух-трех лет, не вызывает особого интереса. Прошлое, настоящее и будущее в сознании многих управленцев сегодня мало связаны. Причины прошлых успехов и неудач, как и последствия принимаемых сегодня решений, волнуют совсем немногих. И опыт, и концептуальное видение будущего утрачивают ценность и значение.

Все это объясняет очевидную неопределенность понятия агломерации и возможную заинтересованность в такого рода неопределенности представителей бизнеса и управленцев, стремящихся избежать любых ограничений и сохранить понятные им инструменты контроля и управления. Профессиональное сознание устроено иначе и склонно к преодолению неопределенности, что, в конечном счете, представляется выгодным для всех.

Агломерации: размер имеет значение

Город, каким он казался, был, проектировался, строился и развивался в XIX и XX столетиях, город как некая противоположность деревни и воплощение всего передового и нового, себя исчерпал. Слово агломерация стало словом-символом, воплотило ожидание и предчувствие чего-то иного, выбрало то, что не укладывалось в привычное понятие города, района, деревни и т. п. Символическое бытование сообщило агломерации черты и признаки сверхбольшого города, окончательно победившего деревню, ставшего неизбежным итогом процесса урбанизации и следствием окончательной победы городского образа жизни. При упоминании агломерации в сознании энтузиастов агломерационной модели возникает образ Москвы с ее окружением и всего того, что в той или иной степени приближается к столице, то есть может претендовать на титулы «крупная» и «городская».

В сознании и управляющих, и обывателей, и профессионалов, в справочниках и словарях понятия «агломерация» и «большой город», или «мегаполис», практически неразличимы, а при упоминании Большого Лондона или Большого Парижа исчезают последние сомнения

в каком-либо отличии этих гигантов от агломераций. Тем не менее, эти отличия существуют, и главным из них является то, что большой город имеет четкие и устойчивые искусственные административные границы, отражающие баланс интересов, а агломерации не имеют устойчивых границ: их границы подвижны, они ближе к тому, что принято считать «реальным» городом. Пространство агломерации наделено внутренней связанностью, опирающейся на эффективный коммуникационный каркас, при этом территориальные компоненты агломерации могут обладать высокой степенью административной и пространственной автономии. Иными словами, агломерация – не огромный город, но, в первую очередь, система расселения.

Гигантский разросшийся, расплзающийся во все стороны сверхгород, поглощающий малых соседей, не единственный и, возможно, не идеальный представитель семейства агломераций. Понятие агломерации не содержит само по себе оценочных суждений и является предельно широким, обозначающим лишь сообщество нескольких поселений, сохраняющих относительную независимость. Агломерация – это связи и отношения элементов, безразличные к их параметрам, количественным и качественным.

ТЕОРЕТИЧЕСКИ АГЛОМЕРАЦИЕЙ МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ И РЯД ПОСЕЛКОВ, ИДУЩИХ ВДОЛЬ ОДНОЙ МАГИСТРАЛИ, И МОСКВА С ЕЕ ОКРУЖЕНИЕМ. ПОНИМАЕМЫЕ ПОДОБНЫМ ОБРАЗОМ, Т. Е. ШИРОКО И НЕПРЕДВЗЯТО, АГЛОМЕРАЦИИ ЛИШАЮТСЯ ОСНОВАНИЙ БЫТЬ БЕЗУСЛОВНЫМИ ЛИДЕРАМИ, «ТОЧКАМИ РОСТА» И ОАЗИСАМИ БЛАГОПОЛУЧИЯ.

Каждая страна выстраивает сегодня собственную стратегию и политику пространственного развития и агломерирования, определяет параметры, направления и инструменты этого процесса. В итоге скандинавские или швейцарские агломерации имеют мало общего не только с китайскими, но и, например, с североамериканскими. России работа такого рода только предстоит, и ее успех будет определяться не столько заимствованием чужого опыта, но внимательным погружением в собственную действительность и выбор точных решений.

Вопреки устойчивым представлениям, агломерация и агломерирование не столько объект и некая сложившаяся конструкция, сколько процесс, идущий непрерывно и постоянно, ведущий к интеграции местных и локальных систем, хотя и живущих по своим правилам, но имеющих много общего.

Поселений, не связанных с внешним миром, отрезанных от основных коммуникаций и узлов, то есть неагломерированных, в современном мире становится все меньше. Отличия заключаются лишь в степени агломерированности или эффективности связей. Вполне очевидна прямая зависимость между размером поселения и уровнем интеграции. Чем больше поселение, тем выше его интегрированность и тем активнее внешние связи.

ВНЕ АКТИВНОЙ СВЯЗАННОСТИ ОКАЗЫВАЮТСЯ, КАК ПРАВИЛО, МАЛЫЕ И СВЕРХМАЛЫЕ НАСЕЛЕННЫЕ МЕСТА. МАЛЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ОКАЗАВШИЕСЯ ДАЛЕКО ЗА ПРЕДЕЛАМИ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ КРУПНОГО СОСЕДА, БОЛЕЕ ДРУГИХ НУЖДАЮТСЯ ВО ВНЕШНИХ СВЯЗЯХ, И ИМЕННО ЭТА СВЯЗАННОСТЬ ДАЕТСЯ КРАЙНЕ НЕПРОСТО.

Агломерационные процессы охватывают поселения всех уровней – от малых до самых крупных. Участниками сообществ становятся или относительно подобные, сопоставимые по весу и размерам поселения, или меньшие поселения, собранные вокруг доминантного центрального места. Сообщества или агломерации первого рода часто называют конурбациями, сообщества второго рода считаются «каноническими» агломерациями. Принципиальная разница между конурбациями и агломерациями заключена в пространственной организации: агломерации моноцентричны, имеют очаговую или звездообраз-

ную структуру, конурбации полицентричны и имеют линейную, кольцевую или сетевую структуру.

Размеры агломераций и конурбаций колеблются в самых широких пределах. Условно поделив города на большие, средние и малые, мы можем обнаружить бесконечное разнообразие сочетаний различных по размеру сообществ. Большой город вроде Москвы, выступающий в роли центрального места, обычно окружен центральными местами среднего и малого размера, вроде областных и районных центров, каждый из которых окружен малыми, входящими в его сферу влияния. При этом и средние, и малые поселения могут входить в локальные конурбации, а самое большое центральное место вместе с образующей им агломерацией способны входить в образования еще более высокого уровня.

Крупные городские агломерации, мировые города или сверхгорода, которые так популярны сегодня, не являются конечной целью развития, сходной с коммунистическим городом. Это всего лишь эпизод на пути к следующему, более высоким уровням и этапам пространственной интеграции.

На снимках атлантического и тихоокеанского побережья США, Восточного Китая и Евросоюза, сделанных ночью со спутника, отчетливо видно, как крупные агломерации сливаются в линейные и сетевые гиперконурбации. Самое популярное и внятное описание этого процесса и его этапов почти полвека назад дал К. А. Доксиадис. Крупные городские агломерации были названы им «метрополисами», конурбации из нескольких «метрополисов» «мегалополисами», сочетание нескольких мегалополисов, которое обнаруживается на Европейском континенте, в США и в Китае, Доксиадис окрестил «колоссополисами» а мировой город, охватывающий все континенты, он назвал «экуменополисом».

Оценивая состояние российского пространства по шкале, предложенной Доксиадисом, сравнивая спутниковые изображения РФ и ЕС, можно прийти к выводу, что Россия находится сегодня на первом этапе процесса агломерирования, отмеченного присутствием метрополисов, главными из которых являются столичные, сложившиеся вокруг Москвы и Питера, как правило, и именуемые агломерациями. Оставаясь наиболее развитыми компонентами системы расселения, агломерации-метрополисы вызывают объяснимый интерес, который отчего-то не перерастает в заботу о будущем этих образований, и в представление об агломерации как процессе. Будущее, в лучшем случае, ассоциируется с ростом размеров и числа метрополисов, но не с трансформацией пространства в целом.

Материал, из которого состоят агломерации

Крупные агломерации, метрополисы или мегалополисы, как их часто называют, обычно считаются «городскими», и сердцевина этих агломераций в виде центрального ядра с расходящимися от него лучами, как правило, представляет собой непрерывно и плотно застроенное пространство. И если принадлежность к агломерациям урбанизированных пространств не вызывает споров и сомнения, то отношение к агломерации всего того, что по определению не является городским, остается невыясненным, противоречивым и выглядит в разных местах и странах по-разному. Упорное стремление видеть российские агломерации именно «городскими», а не какими-либо еще, связано с нечетким пониманием природы отличий городского от негородского, т. е. сельского, деревенского, аграрного, природного и т. д., и т. п.

Повышенное внимание к «городскому» – результат устойчивых убеждений, сформировавшихся столетие назад, особо поддерживаемых и культивируемых советской властью. Индустриальный город, агрогород, соцгород,

город-сад, образцовый социалистической или коммунистической город не предполагали альтернатив. Села, деревни и хутора очевидно не вписывались в картину будущего и были обречены на поглощение городом. Идея ликвидации противоположности города и деревни, рожденная классовым, большевистским подходом, трансформировалась на практике в усиление противоположности. Индустриализация за счет деревни и последующая консервация сельского населения только увеличили разрыв, который ощущается по сей день.

Рудименты и отблески этих настроений по-прежнему заставляют все «негородское» считать второсортным, бесперспективным и безнадежно отсталым. Сельское и пригородное строительство, планировка сельских населенных мест и пригородов не считаются чем-то заслуживающим внимания и практически не регулируются. Это состояние не только существенно отличает Россию от окружающего мира, но и означает игнорирование реальности.

Суть этой реальности в том, что на смену городу и деревне пришел средовой континуум, непрерывная цепь зон или сред от высокоплотных и урбанизированных до предельно разреженных. В практике разных стран число таких зон колеблется от трех до пяти, а сами эти зоны, пребывая в теле агломерации, предпочитают находиться в определенной последовательности, то есть произвольно не смешиваться.

Если исходить из того, что отличия города и деревни коренятся в образе жизни, характере среды и правовом статусе, то нетрудно заметить сглаживание этих отличий в пореформенной России и в краткий период НЭПа. Именно в эти периоды начинается выравнивание уровня доходов и доступности услуг без поголовного переезда на ПМЖ в город. Урбанисты начала XX века не могли представить, что спустя несколько десятилетий блага цивилизации двинутся навстречу предполагаемым переселенцам из деревни, и понесут их с собой горожане, становящиеся жителями быстро растущих пригородов.

Образование пригородов повлекло за собой не только стабилизацию большого города и прекращение его стихийного роста, не только изменило лицо и удаленных от города домов и поселений, но фактически и создало агломерацию, простирающуюся от высокоплотных участков с многоэтажной застройкой до природных территорий, сельхозземель и земель лесхозов. При этом большая часть земель поселений, где бы эти поселения не находились, оказываются заняты малоэтажными домами, жители которых выходят из наружных дверей на улицу, а не на общую лестницу.

70% американцев и 60% европейцев живут именно в таких домах, и эти дома составляют еще большую долю жилого фонда, поскольку обеспеченность площадью в доме выше, чем в квартире.

Пригородные территории успешных агломераций отмечены несомненным разнообразием, внутри которого можно выделить две морфологические группы: это малые поселения – «спутники» города, села и деревни с выраженным центром и осязаемыми пешеходными параметрами, пространственно относительно обособленные; и это «сабербия» – обширные территории, застроенные индивидуальными домами, владельцы которых перемещаются на автомобилях до торговых моллов, и где детей в школу возят школьные автобусы.

УДИВИТЕЛЬНО, ЧТО РОССИЙСКАЯ СИТУАЦИЯ, ВОПРОКИ ЖЕЛАНИЮ НАЧАЛЬСТВА ПЕРЕСЕЛИТЬ ВСЕХ В КВАРТИРЫ, НЕ СИЛЬНО ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ СИТУАЦИИ В АМЕРИКЕ ИЛИ ЕС. СОБСТВЕННЫМИ ДОМАМИ И ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ СЕГОДНЯ ВЛАДЕЕТ БОЛЬШИНСТВО НАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, СРЕДИ КОТОРЫХ НЕ ТОЛЬКО 20% СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛИ, НЕ ТОЛЬКО 20–25% ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛКОВ ГОРОДСКОГО ТИПА

И МАЛЫХ ГОРОДОВ, НЕ ТОЛЬКО ЖИТЕЛИ ПРИГОРОДОВ, НО И МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ГОРОЖАНЕ, ИМЕЮЩИЕ ДАЧИ, САДОВЫЕ И ОГОРОДНЫЕ УЧАСТКИ. ПРИ ЭТОМ ВСЕ БОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫМ КАК В РОССИИ, ТАК И СТРАНАХ-ЛИДЕРАХ С БОЛЕЕ РАЗВИТЫМ РЫНКОМ ЖИЛЬЯ И БОЛЕЕ ВЫСОКОЙ ПОДВИЖНОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ СТАНОВИТСЯ ТОТ ОБРАЗ ЖИЗНИ, КОТОРЫЙ, НЕ ЯВЛЯЯСЬ ГОРОДСКИМ И СЕЛЬСКИМ, ПРЕДПОЛАГАЕТ СУЩЕСТВОВАНИЕ В ДВУХ СРЕДАХ.

Люди предпочитают иметь квартиру в городе, а затем переезжать в пригород или жить в пригороде, а работать и развлекаться в городе. Связанность разных сред и «гибридный» образ жизни становятся более очевидной особенностью и признаком агломерации, чем однаправленная и не вполне определенная урбанизация. Этот вывод подтверждается исходом из больших городов промышленных производств и мест приложения труда, учебных заведений, исследовательских институтов и прочих «градообразующих» сил и объектов, часто чувствующих себя более уверенно за пределами большого города.

Если принадлежность к агломерации пригородов, даже не будучи вполне осознанной, не вызывает особых сомнений и возражений, то относительно удаленные малые города, деревни и хутора рискуют не только оказаться вне агломерации, но и лишиться сколь-либо внятных перспектив, став кандидатами на ликвидацию в процессе управляемого сжатия и достижения желаемой компактности. Не менее актуальна тема принадлежности к агломерации территорий сельхозназначения, рекреационных зон, природных территорий, зон разработки полезных ископаемых и т. д.

Ответ прост. Если агломерация есть нечто самодостаточное, то есть объединяющее весь рукотворный, культурный, созданный человеком мир, и ее границы совпадают с границами сохраняемого нами природного комплекса, то налицо некая система, сложная и разнообразная. Если агломерация собирает лишь избранные, например, урбанизированные земли поселений, то налицо еще один умозрительный географический феномен. За отрицанием будущего у малых поселений, деревень и хуторов стоит непонимание простой истины, что неагломерированных населенных мест в современном мире нет. Есть отсутствие современной инфраструктуры. Агломерация безразлична к материалу, которым заполнено ее пространство, урбанизирован или не урбанизирован тот или иной ее участок.

Собственно инфраструктурная обеспеченность и есть признак агломерации, полностью снимающий столь же упорные, сколь и бессмысленные попытки определения границ агломераций. Границы агломераций носят договорной характер, их можно назначить исходя из часовых или полтора-часовых изохрон, можно сделать это опираясь на границы муниципалитетов, вступивших в соглашение о совместном развитии инфраструктуры, но твердо устанавливаемых границ, наподобие границ города или региона, у агломераций нет и быть не может. Агломерации – открытые системы расселения, а их границы представляют собой пространственные континуумы, широкие транзитные переходы или пояса, идущие от города к негороду. Границы встроены в ткань агломерации. И главная проблема агломерации в том, что ими стремятся управлять как «сверхгородами», не признавая принципиально иной природы явления; и покада эта природа не будет раскрыта и понята, покада не возникнут адекватные ей инструменты управления, все действия будут напоминать бег за уходящим поездом.

Агломерации: доноры и вампиры

Рост большого города, сопровождаемый поглощением окружающих его малых собратьев, и объединение поселений внешне сходны, но по сути – глубоко различны.

Большой, сверхбольшой город-интроверт, или агломерация-«вампир», обычно противостоит окружению, кажется островом благополучия в океане неопределенности и неустроенности. Эти агломерации принято сравнивать с масляным пятном, нерасчлененной, сплошь застроенной поверхностью. Постоянное расширение за счет вытягивания ресурсов из окружения и деградации окружения – форма выживания и существования образований такого рода. Интровертное состояние, пребывание в роли вампира и захватчика переживали почти все крупные города. Однако Лондон, Париж, Нью-Йорк, бывшие еще век назад центрами промышленности и торговли, в которые стремились все, кому не лень, стали постепенно менять стратегию развития, становясь центрами агломераций – экстравертами или донорами, не только вбирающими ресурсы, но и отдающими, делящимися ресурсами, материальными и человеческими. Основой этих процессов становятся интенсивное инфраструктурное развитие, которое не наблюдается вокруг агломераций-вампиров. В агломерациях-донорах более отчетливо читаются отдельные их компоненты, их пространство дифференцировано и расчленено на части, они склонны развиваться от моноцентричности к полицентричности, к конкуренции и взаимодополняемости центров. Формой существования и гарантией успеха доноров становится внешняя активность и повышение внутренней связанности, то есть интеграция.

Агломерации-вампиры, несмотря на гигантские размеры, не становятся мировыми лидерами и остаются главными на своей национальной территории. Население таких агломераций обычно четко делится на богатое меньшинство и бедное большинство. Эти образования, часто поражающие своей массой, обречены на доминирование и одиночество. У Джакарты, Лагоса и Мехико нет конкурентов, а у стремящихся к лучшей жизни жителей страны нет выбора. Растущий разрыв доступности услуг и уровня доходов между провинцией и столицей привлекает все новых и новых мигрантов на ПМЖ. Расширяющиеся периферийные пояса такой агломерации становятся вмещалищем трущоб, гетто и депрессивных районов. Инфраструктурное отставание, неблагоприятная экология и хронический дефицит жилья – характерные, но не единственные встречающиеся здесь болезни.

Экономика вампиров опирается на дешевую избыточную неквалифицированную рабочую силу, занятую часто в теневом сегменте, на административный ресурс и контроль над финансовыми потоками страны, над налогами и рентой того или иного свойства. Вопреки убежденности отечественных урбанистов том, что крупные городские агломерации обязаны автоматически производить некий высокоинтеллектуальный и инновационный продукт, вампиры специализируются на заимствованиях и имитациях, а огромная численность их населения вовсе не гарантирует его подготовленность к интеллектуальным производствам и прорывам.

Агломерации-«вампиры» являются, как правило, итогом стихийного неуправляемого и нерегулируемого процесса, а реакция на происходящее со стороны властей сводятся чаще всего к попыткам установления формальных границ и малоэффективных запретов.

Агломерации-доноры, в отличие от вампиров, реже оказываются в роли столиц. Нью-Йорк, Сидней, Роттердам, Торонто, Франкфурт, Шанхай и т. п. гиганты не нуждаются в административных полномочиях и не избегают конкуренции. Это «ворота», а не «мешки». Сквозь них, при их участии, поверх любых границ текут потоки продуктов, услуг и людей. Именно здесь в процессе естественной конкуренции складываются и отрабатываются особого рода инновации, которые можно назвать новыми стандартами жизни. Это не великие открытия физиков

и биологов, не прозрения художников и поэтов, многие из которых предпочитают уединение. Это «дары цивилизации» – все то, что формирует и совершенствует среду жизнедеятельности. Это большие и малые новшества и изобретения в медицине и торговле, в обучении и домашнем хозяйстве, в индустрии развлечений и офисной жизни.

Объединяющие самые разные среды и поселения, агломерации в состоянии обеспечивать связанность и сбалансированность компонентов, их взаимодополняемость. Это состояние относительного равновесия вполне уживается с постоянным развитием и изменениями, со способностью генерировать, накапливать и обменивать значительные материальные и нематериальные ресурсы, поддерживая состояние интенсивного саморазвития.

Агломерации-«доноры» обычно имеют четко выстроенный коммуникационный каркас, простирающийся до самых, казалось бы, удаленных точек. При этом удаленные от центров агломерации точки, как правило, оказываются в сфере влияния другой агломерации, извлекая несомненную выгоду из своего приграничного положения. Агломерации-«доноры» свободно движутся навстречу друг другу, одновременно сотрудничая и соперничая в борьбе за новых резидентов. Располагающие и большими возможностями выбора, и большей мобильностью, их резиденты, часто меняющие место жительства и привычные к регулярным перемещениям, движутся разнонаправленно по самым разным траекториям как в сторону центрального места, так и в противоположные стороны.

Основная масса населения этих агломераций принадлежит среднему классу, а предпочитаемый им для проживания ближний и дальний пригород нередко превосходит центральное место по показателям цена-качество. Судьбы больших городов, как известно, решаются за их пределами. Смысл и принципом «донорской модели» агломерационного развития является не только усиление центрального места, но и достижение баланса между успешной и благополучной сердцевиной и менее благополучным окружением.

Создание единого агломерационного пространства предполагает выравнивание условий жизни в Москве и в столицах окружающих регионов, в Московской области и в сопредельных областях. Доступность качественных услуг, сопоставимая оплата за равный труд, компенсация удаленности от столицы разумной ценовой и налоговой политикой, преимуществами комфортности проживания в пригородном окружении и т. п. Столица в собственных интересах и в интересах сохранения национального пространства должна способствовать развитию регионов, начав, например, создание за пределами своих границ сети предприятий, больниц, ВУЗов, театров и музеев, сопровождающих агломерационный каркас.

Развитие агломерации, предполагающее доступность в любой их точке базового набора необходимых и качественных услуг, положило конец извечной вражде мирового города с мировой деревней, связало город и деревню в единое целое, предложив жизнь вне привычных границ, в иной реальности, которую принято называть системой расселения.

Правда в том, что агломерации способны стать и принадлежностью светлого будущего, и проклятием. А потому не вполне правы те, кто считает, что любая агломерация – благо, некое свалившееся на нас счастье, не требующее и не предполагающее никаких усилий, подарок судьбы, которым следует лишь воспользоваться.

Разумеется, жесткое деление агломераций на «доноров» и «вампиров» носит условный характер. Каждая из агломераций неповторима и наделена признаками

одного и другого свойства. Таковы сегодня российские агломерации, таковы Шанхай и Мумбай, еще недавно бывшие очевидными вампирами, но, как свидетельствует их опыт и опыт Лондона середины XIX века, упрек в вампиризме – не приговор. Агломерации способны менять свою природу и становиться донорами.

Агломерации и территории

Если на ночных снимках со спутника созданный человеком мир предстает непрерывной сетью коммуникаций и узлов, то на политических картах мы видим покрашенные в разные цвета пятна территорий с четко очерченными границами и кружочками городов, локализация которых практически совпадает с локализацией светящихся узлов. В зависимости от избранного «фильтра» одна и та же реальность предстает или открытой трансграничной агломерацией, или совокупностью закрытых территориальных единиц. Территории со своими центрами и столицами – антиподы, оппоненты и конкуренты агломерациям. Территориальные образования старше по возрасту, имеют привычные, понятные традиционные институты управления, они строго иерархизированы и имеют складывавшиеся столетиями отличительные особенности. Территориальные образования, которые можно условно поделить на общенациональные, региональные и местные, стремятся к завершенности и законченности. Они статичны и консервативны, ревниво оберегают свои границы и крайне болезненно реагируют на режущие территории транзитные магистрали. Территориям чужда хозяйственная ограниченность и жесткая специализация. И «отдельное» домохозяйство, и большая страна стремятся к относительной самодостаточности и многофункциональности, к тому, чтобы стать комплексами, способными гарантировать «сбережение народа», то есть обеспечить всем самым необходимым территориальное сообщество, будь то семья или целая страна.

Территория развивает локальные транспортные системы, локальные системы инженерного обеспечения, инженерной защиты и обработки отходов. Территориальная экономика ориентирована на внутренний рынок. Ее основные акторы – малый и средний бизнес, основная цель – обеспечение повседневного спроса, основные отрасли – сельское хозяйство, строительство и местная промышленность. Их доля производства внутри ВВП весьма скромна, но их роль в обеспечении благополучия и безопасности территории оказывается решающей.

Локальные рынки труда, работа в домашнем хозяйстве, на своем участке земли, в местной школе, в местной поликлинике или больнице не утрачивают популярности и привлекательности для большинства занятых. Жизнеспособность и устойчивость локальных рынков, локальных экономик поддерживалась и поддерживается присутствием обширного гаражно-огородного сегмента, не очень производительного и «серого», зато гибкого и успешно выполняющего роль демпфера, компенсатора, гасящего многие негативные воздействия со стороны большой экономики, включая экономику сельского хозяйства.

ОСНОВОЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, РУДИМЕНТЫ КОТОРОЙ СОХРАНИЛИСЬ ПО СЕЙ ДЕНЬ, БЫЛИ МАЛЫЕ УЕЗДНЫЕ И СРЕДНИЕ ГУБЕРНСКИЕ ГОРОДА, ОКРУЖЕННЫЕ СЕТЬЮ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ, БОЛЬШИХ И МАЛЫХ ДЕРЕВЕНЬ С ОБЩИНЫМ УКЛАДОМ. ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА, ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕСТНОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СПОСОБСТВОВАЛИ БЫСТРОМУ ПОДЪЕМУ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ГОРОДА.

Затеянная Столыпиным аграрная реформа предполагала повышение продуктивности сельского хозяйства, изменение системы расселения и рынка труда, развитие

кооперации, местной промышленности, формирование устойчивых региональных социально-хозяйственных комплексов и освоение внешних рынков. Случись все так, как задумывал Столыпин, российская система расселения, возможно, была бы избавлена от многих нынешних дисбалансов и напоминала бы нечто сложившееся в пространстве таких «новых» стран, как США, Австралия или Канада. С появлением машин сельскому хозяйству уже не требовалось прежнее количество рабочих рук. Руки перемещались в промышленность и торговлю, а деревня стала постепенно замещаться более продуктивными фермерскими хозяйствами. Коллективизация положила конец этому процессу, ликвидировала фермерство, превратила оставшиеся сельские общины в колхозы и совхозы и на долгие десятилетия законсервировала практически дореформенное состояние и деревни, и сельского хозяйства. С ликвидацией рынка и кооперации распалась связь малого города и его сельского окружения, малый город оказался не у дел, о нем попросту забыли. Все планы властей связывались отныне с новым городом-заводом, который не столько обменивался с деревней, сколько пользовался ее ресурсом.

Новая Россия, выбирая между разнообразием, в котором представлены и малые фермерские хозяйства, и крупные агрохолдинги, выбрала холдинговое разнообразие, невзирая на свидетельства высокой эффективности фермерских хозяйств. Итогом этого стали господство близких холдингам крупных сетевых компаний, резкое сокращение количества и размера сельских населенных мест из числа тех, что могли бы поддерживать слабеющие региональные внутренние рынки. И сельскохозяйственные холдинги, и крупные торговые сети тянутся к большим городам, опираются на большой город и поддерживаются им.

Если трагедия умирающих деревень – результат распада локальных комплексов и внутренних рынков, то трагедия моногородов, они же «новые» города и «города-заводы», в том, что они, не став частями и участниками региональных, местных, локальных комплексов, утратили внешние отраслевые связи. Узкая специализация моногородов, жестко встроенных в закрытые технологические цепи, оказалась принципиально отличной от той специализации, которая складывается в итоге конкуренции и открытого многовекторного и разнонаправленного рынка.

Специализация, монопрофильность региона и города сами по себе не являются ни чем-то исключительным, ни, тем более, неким приговором. Более устойчивыми являются поселения, опирающиеся на уникальные культурные или природные ресурсы, включая месторождения полезных ископаемых или источники минеральных вод, и поселения, ориентированные на «человеческие» индустрии: отдых, развлечения, образование, здравоохранение. Рискованными становятся искусственные, навязанные или случайно обретенные специализации, связанные с приходом в город или регион налогового резидента в лице крупного государственного или частного предприятия, полностью контролирующего хозяйственную и общественную жизнь, подавляющего местный малый и средний бизнес.

Земледелие, сельское хозяйство и сопровождающая его деятельность были и остаются основой культуры, экономики и безопасности, поддерживаемые усилиями государственной власти многих стран. Логика проста: хотя айфоны стоят все дороже и обеспечивают все большую прибыль, без них можно обойтись, а без хлеба, который стоит много меньше, без культуры его производства обойтись нельзя.

ТЕРРИТОРИИ – ХРАНИТЕЛИ КУЛЬТУРНЫХ И ПРИРОДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ПАМЯТНИКОВ И ЛАНДШАФТОВ, ОЩУЩАЕМЫХ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДО-

СТОЯНИЕМ И ИМЕЮЩИХ ЧЕТКУЮ ЛОКАЛИЗАЦИЮ. СИМВОЛИЧЕСКИЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ МЕСТА – ЭТО ГЛАВНОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ, ЧТО ПРОТИВОСТОИТ ПОГЛОЩЕНИЮ ТЕРРИТОРИЙ, ИХ РАСТВОРЕНИЮ В АГЛОМЕРАЦИЯХ-ВАМПИРАХ.

Бежать от агрессивного окружения, остаться наедине с природой, укрыться – для человека столь же характерно, как и стремление жить в плотном насыщенной культурном мире. Распространенная, глубоко укорененная в человеке склонность к эскапизму, закрытости и самоизоляции – воспоминание о доагломерационной эпохе, о натуральном хозяйстве и той жизни, которой продолжают жить многие этнические группы и народы Сибири и российского Севера, труднодоступных горных районов и других подобных мест. Новыми временными эскапистами становятся как обитатели по-разному удаленных садово-огородных участков, дач и коттеджей, детских и туристических лагерей, так и жители вахтовых поселков или военных баз. Все они не утрачивают связи с внешним агломерированным миром и в корне отличны от вынужденных изолятов и эскапистов, лишенных как устойчивых внешних связей, так и локальной обеспеченности. В роли таких изолятов выступают депрессивные деревни, малые исторические и моногорода, приговоренные к управляемому сжатию.

ИСХОДЯ ИЗ ТОГО, ЧТО ЭТИ ПОСЕЛЕНИЯ – НЕ ПРОСТО ОТРАБОТАННЫЙ МАТЕРИАЛ, НО СОЗДАННЫЕ ОГРОМНЫМИ УСИЛИЯМИ ЦЕННОСТИ, ЗА СОСТОЯНИЕ КОТОРЫХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСЕТ СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО, БЫЛО БЫ РАЗУМНЕЕ ВМЕСТО ПРОСТРАНСТВЕННОГО СЖАТИЯ ПРЕДЛОЖИТЬ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПРОГРАММУ РЕАБИЛИТАЦИИ, РЕВИТАЛИЗАЦИИ ИЛИ РЕНОВАЦИИ. СУТЬ ЭТОЙ ПРОГРАММЫ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ИНФРАСТРУКТУРНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ И ПОСТЕПЕННОМ ИЗМЕНЕНИИ ЖИЗНЕННОГО УКЛАДА ДЕПРЕССИВНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ, ИХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ. БОЛЬШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ДОЛЖНЫ ПОНЯТЬ, ЧТО В ОБЩИХ АГЛОМЕРАЦИОННЫХ ИНТЕРЕСАХ ВЫГОДНО ДЕЛИТЬСЯ С МАЛЫМИ СОБРАТЬЯМИ И НАЧАТЬ ОТДАВАТЬ ИМ НАКОПИВШИЙСЯ ДОЛГ.

Агломерации – явление новое, недавно осознанное и возникшее на фоне послевоенной глобализации и транснациональных процессов. Агломерации – это материальное воплощение развивающихся, растущих, агрессивных рынков труда, жилья и услуг. Успех на этих рынках обеспечивают специализация, профессионализация, разделение труда, которые приводят к появлению и усилению крупного отраслевого бизнеса. Большой бизнес чувствует себя уверенно именно в агломерированном, открытом пространстве, и само это пространство создается в первую очередь его усилиями. Только большому бизнесу, объединившемуся с государством, под силу создание огромных многофункциональных и мультимодальных коммуникационных узлов, составляющих основу крупных агломераций. И если внутри территории ведущее системообразующее место принадлежит неким эмоциональным, историческим очагам, центрам власти и местам собраний, то основой агломераций, ее центральными местами становятся города-ворота, портовые города, города-перекрестки, сквозь которые в разных направлениях текут потоки людей, грузов и информации.

Если сравнить территориальные комплексы с домами, агломерации с улицами и площадями, то станет понятно: одно без другого не создает полноценное целое. Сборочной площадкой, на которой встречаются территориальные и отраслевые комплексы, открытые и закрытые, локальные и транснациональные интересы, становится одно и то же пространство, нуждающиеся в гармоничных и сбалансированных отношениях всех его обитателей и компонентов.

Управление агломерациями: градостроительство и градоустройство

Если управление пространством регионов и городов, которым человечество занимается не одно столетие, далеко не всегда бывает результативным и эффективным, то управление агломерациями, которые оказываются и более сложными, и менее понятными объектами – дело относительно новое и в России не освоенное.

Сложности начинаются с выяснения того, что есть управление пространством, каковы его инструменты, средства и методы. В течение всех семидесяти лет Советской власти управлением пространством и его развитием занимались градостроители, которые радикально меняли окружающий мир, руководствуясь вполне определенными представлениями о том, каким ему надлежит быть. Как выяснилось в период перестройки, эти представления носили утопический характер, то есть не всегда совпадали с интересами граждан и жизненными реалиями. Спустя некоторое время претензии на право управлять городом, его пространством стали проявлять носители «успешных мировых практик» – лица, называющие себя урбанистами и те, кто настаивал на замене градостроительства градоустройством, противники больших проектов и преобразований, сторонники «умного города», малых дел, рыночных регуляторов, прямого участия граждан в принятии решений, работы в пределах освоенных территории и строгих границ. Спор градостроителей и градорегулировщиков при ближайшем рассмотрении оказывается недоразумением, которое стало возможным в связи с отсутствием или деградацией научного знания о городе, о культурном пространстве, и неспособностью правильно оценить существующее положение, выстроить адекватную картину будущего, наметить программу или шаги, оценить их последствия, выстроить механизмы обратной связи и т. п.

Управленческие действия можно поделить на радикальные, развивающие – или градостроительные, и обеспечивающие устойчивость, равновесие, гомеостаз – градорегулирующие. Если смириться с фактом, что российские города за годы застоя и последующий за ним сложный период преобразований отстали в своем развитии от европейских городов, городов юго-восточной Азии, прошедших за это время через сложнейшие градостроительные преобразования, то было бы справедливо, соотнося и сравнивая себя с соседями, ожидать и также готовить радикальные шаги. Однако вместо того, чтобы изучать опыт США шестидесятых и семидесятых, Евросоюза семидесятых и восьмидесятых и Китая девяностых, игнорируя видимые различия, многие продолжают изучать и копировать опыт сегодняшнего посткризисного регулирования преобразованным, обновленным пространством.

Регулирование не заменяет строительство и не дает того эффекта, который обеспечивается созданием современной инфраструктуры, столь необходимого жилья и появлением новых рабочих мест. Незрелому, неисследованному, неорганизованному, непонятому пространству не помогут самые современные цифровые сервисы и умные средства регулирования. Иными словами, переход к градорегулированию предполагает возвращение к градостроительству.

Градостроительство нуждается в планах и картах, изображениях и имеет дело с физическими реалиями. Градорегулирование работает с правилами, процедурами и словами. Градостроительство состоит из отдельных актов и руководствуется конечными целями. Градорегулирование являет собой непрерывный процесс эксплуатации построенного, вплоть до момента, когда необходимо строить нечто новое или реконструировать

старое. Градостроительство опирается на генеральные планы, градорегулированию ближе правила землепользования и застройки. Градостроительство озабочено созданием инфраструктуры, надежного транспортного каркаса, градорегулирование отвечает за наполняющую этот каркас ткань.

Стремление сгладить разрыв между градостроительством и градорегулированием нашло отражение в концепции устойчивого развития, суть которой в достижении баланса и исключении противоречий. Устойчивое развитие родственно системному подходу, всесторонним оценкам и комплексным действиям, тому, что в корне отлично от практики импровизации, спонтанных, трудно предсказуемых, фрагментарных, управляющих воздействий, плохо связанных с прошлым и с будущим.

Управление пространством – это «игра вдолгую», обязанная опираться на понятную стратегию, которая не может меняться и в которой необходимо различать градостроительство и градорегулирование. Это управление не может быть ручным, ситуативным, по месту или в интересах отдельных групп или лиц.

ПАРАДОКС РОССИЙСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ В ТОМ, ЧТО, БУДУЧИ ОДНИМИ ИЗ САМЫХ УПОМИНАЕМЫХ И ЛЮБИМЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ РАССКАЗА О ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ, ОНИ НЕ УПОМИНАЮТСЯ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ОБЪЕКТОМ ИССЛЕДОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ. РОССИЙСКИЕ АГЛОМЕРАЦИИ БЫЛИ И ОСТАЮТСЯ СТИХИЙНО СКЛАДЫВАЮЩИМИСЯ ОБРАЗОВАНИЯМИ СО СКЛОННОСТЬЮ К МОНОЦЕНТРИЗМУ, ТО ЕСТЬ ДОМИНИРОВАНИЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО МЕСТА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПЕРИФЕРИИ.

Позитивные управляющие воздействия могут быть направлены как на постепенное превращение агломераций-вампиров в доноров, так и на создание новых агломераций на основе ранее разобщенных поселений. В первом случае речь может идти о диверсификации функций центрального места, например, о создании в центрах областей, окружающих Москву, новых узлов и центров, достойных мест занятости людей, избавленных от необходимости постоянных миграций, способных изменить локальные рынки услуг и налоговую базу регионов. Второй случай иллюстрируется примером линейного скандинавского мегалополиса, собирающегося пройти от Осло до Копенгагена, вобрать в себя несколько миллионов жителей, значительное число компаний и бросить вызов другим агломерациям. Главным инструментом развития такого рода становится система высокоскоростных магистралей, интегрированных с локальными сетями коммуникаций. Характерно, что в обоих случаях градостроительство и градорегулирование оказывается тесно связанными, играя свои роли и следуя своим целям.

Реальные размеры компонентов и структура агломераций, определение того, что есть агломерация, а также практики управления ими в разных странах мира существенно различаются. Общим является стремление не столько ограничить пространство таких систем, сколько добиться определенности в отношении пула участников процесса управления и их полномочий.

Агломерации, как правило, управляются совместными усилиями верха и низа, муниципалитетов, бизнеса и центральной исполнительной власти, то есть всеми причастными к делу субъектами. При этом в разных странах и в разных обстоятельствах степень влияния и уровень ответственности разных структур оказываются различными. Тем не менее, природа агломераций такова, что само их существование зависит не столько от территориальных, локальных структур, сколько от структур, соединяющих их – трансрегиональных и трансмуниципальных. Управление агломерациями ближе к управлению сетевыми, инфраструктурными объектами и отраслями

хозяйства, а успех агломерирования зависит от согласованности, эффективности совместных действий, открытости большого бизнеса, отраслевых госкорпораций и министерств, то есть всех тех, кто несет ответственность за создание общенационального коммуникационного каркаса. Сегодня судьба российских агломераций, судьба процесса агломерирования напрямую связана с избавлением от хронической инфраструктурной болезни, от качества принимаемого Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. Это задача непосильна низам и муниципалитетам и не относится к их компетенции. Муниципалитеты, органы местного самоуправления, склонные к проведению политики градорегулирования, отстаивающие интересы территорий, приступают к сотрудничеству с соседями, когда магистрали уже проложены и процесс инфраструктурного развития запущен.

Агломерации и стратегия пространственного развития

Из 17,5 миллионов квадратных километров, занимаемых Российской Федерацией, условиям постоянного успешного проживания соответствует четверть или треть этих земель, то есть около 5 миллионов, протянувшиеся сужающейся полосой от Русской равнины на западе до Дальнего Востока. Пространство российского Севера и приравненных к нему территорий принципиально отлично по характеру освоения от обжитых и более населенных территорий, охватывающих Север с Запада и Юга. Плотность населения северных территорий, число и размер населенных мест, тип этих мест, их отношения друг с другом и перспективы развития несовместимы ни с рождающейся агломерационной моделью, ни с более привычной территориальной моделью.

ДВУХЧАСТНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА, ПРИСУТСТВИЕ ОГРОМНЫХ, ПРАКТИЧЕСКИ НЕ НАСЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ, ОТЛИЧАЕТ РОССИЮ ОТ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН И РОДНИТ С КИТАЕМ, СТРАНАМИ НОВОГО СВЕТА ВРОДЕ США, КАНАДЫ, БРАЗИЛИИ, АРГЕНТИНЫ И ДАЛЕКОЙ АВСТРАЛИЕЙ. ПРИ ЭТОМ РУССКИЙ СЕВЕР САМ ПО СЕБЕ РАСПОЛАГАЕТ НЕСРАВНИМО БОЛЬШИМИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ И СЫРЬЕВЫМИ РЕСУРСАМИ, ЧЕМ ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ, АВСТРАЛИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ, ПРИПОЛЯРНАЯ КАНАДА, УДАЛЕННЫЕ ОТ ПОБЕРЕЖЬЯ ТЕРРИТОРИИ АРГЕНТИНЫ, БРАЗИЛИИ И СРЕДНЕГО ЗАПАДА США.

Российский Север располагает не только уникальными запасами ископаемых, огромным энергетическим потенциалом, но и естественной системой транспортных коммуникации, состоящей из Северного морского пути, соединяющего по кратчайшему расстоянию Европу с Азией и Америкой, и сети сибирских рек, связывающих северные территории России с заселенным южным коридором.

Территориальному устройству Севера, за исключением ареалов проживания малых народов, небольших замкнутых этнических групп, как правило, не знакомы устойчивые долговременные местные муниципальные сообщества, радеющие за благополучие и процветание своей земли, стремящиеся к созданию полноценных завершенных социально-хозяйственных комплексов. На Севере не возникает и тот тип инфраструктуры, который ведет к образованию агломераций. Связи с ближайшими соседями оказываются менее важными, чем в связи с метрополиями, социальные связи менее весомыми, чем хозяйственные. Северные поселения отличаются выраженной монопрофильностью. Это моногорода, но моногорода, существующие лишь в отведенное им время, проживающие, подобно полярным базам и станциям, отведенные им судьбой жизненные циклы. Жители этих городов могут быть преданы своему делу, профессии, предприятию, бизнесу, могут быть любителями приклю-

чений и романтиками дальних странствий, но из них не вырастают старожилы, аборигены и патриоты.

Освоение Севера, северное расселение следует колониационной, вахтовой или эксплуатационной модели, которую советская власть старалась заменить на модель, установленную для районов с более благоприятным климатом, предполагающую постоянное проживание устойчивых сообществ. Эпитет «колонизаторский» отсылает в данном случае не к опыту порабощения свободолюбивых народов Африки и не намекает на взаимосвязь с неправительственными учреждениями, а указывает на тип пространственного поведения, характерный для освоения космоса, мирового океана, необитаемых земель, наконец, удаленных пастбищ, лесозаготовок и месторождений полезных ископаемых. Речь идет о зависимых, несамодостаточных, очаговых образованиях, располагающихся, как правило, не группами, а дискретно, на значительном расстоянии друг от друга. Окружающая земля, территория, ее ресурс являются главным источником и условием существования этих поселений. Собственно человеческий потенциал таких мест – вторичен, а их судьба пребывает в руках бизнеса и отраслевых министерств. Но Север – это не только огромная промзона, гигантское место приложения труда с отчетливой сырьевой специализацией, но и экологический заповедник, природная территория, которая нуждается в особой индустрии сохранения и рекультивации природных ресурсов, обеспечивающих жизнь для новых, следующих поколений.

Система расселения Российской Федерации, как и ряда других, относительно молодых стран мира, складывается из двух тесно взаимосвязанных подсистем, предполагающих, в одном случае, постоянное, в другом – временное присутствие людей. Агломерации и агломерационные процессы определяют в конечном счете содержание лишь одного из двух равнозначных слоев (агломерационного и территориального), одной из двух подсистем российского пространства.

Взвешенный, системный и здравый взгляд на происходящее, естественное стремление к сбалансированности и устойчивости способны, в конечном счете, преодолеть странную увлеченность агломерациями и представление об их доминантности и универсальности.

Литература

1. Стратегия пространственного развития РФ до 2025 г.
2. Doxiadis C. A. *Anthropopolis: City for Human Development*. – York: W. W. Norton, 1974
3. Глазычев В. Л. *Город без границ*. – Москва: Территория будущего, 2011
4. Лаппо Г. М. *География городов*. – Москва: Владос, 1997
5. Боков, А. В. О стратегии пространственного развития // Проект Байкал. – 2018. – № 57. – Сс. 112–124

References

- Bokov, A. (2018). On the Spatial Development Strategy. Project Baikal, 15(57), 112-124. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1367>
- Doxiadis, C. A. (1974). *Anthropopolis: City for Human Development*. York: W. W. Norton
- Glazychev, V. L. (2011). *Gorod bez granits [City without borders]*. Moscow: Territoriya budushchego.
- Lappo, G. M. (1997). *Geografiya gorodov [Geography of cities]*. Moscow: Vlados.
- Strategiya prostranstvennogo razvitiya RF do 2025 g. [The Strategy of Spatial Development of the RF until 2025].

Сохранение туристической привлекательности малого исторического города в России затрагивает культурную, социальную, экономическую стороны его жизни. Кратко характеризуются важнейшие задачи, стоящие сегодня перед малыми историческими городами России: сохранение местного населения, поиск возможных путей для создания мест приложения труда для прекращения оттока работающих в крупные города; сохранение и развитие традиционного «усадебного» образа жизни; возрождение производства экологически чистой продукции на прилегающих к городу землях; развитие агро- и гастрономического туризма и индустрии отдыха, местных инициатив, способных продолжить и создать востребованные в мире кустарные промыслы.

Ключевые слова: малый исторический город; усадебная застройка; природное окружение; местная промышленность; традиционное сельскохозяйственное производство; экологически чистая продукция; кустарные промыслы; индустрия туризма и отдыха. /

Preservation of tourist attractiveness of a small historic town in Russia concerns its cultural, social and economic aspects. The article outlines the most important challenges faced by small historic towns in Russia: preservation of local population, search for possibilities to create workplaces and prevent the outflow of employees to big cities; preservation and development of traditional "homestead" style of life; revitalization of organic production in suburban areas; development of agricultural and gastronomy tourism and recreation, as well as local initiatives that can promote and create internationally recognized handicraft industry.

Keywords: small historic town; housing estate; natural environment; local industry; traditional agriculture; organic production; handicraft industry; tourism and recreation industry.

Проблемы сохранения архитектурного наследия и создания туристической привлекательности малого исторического города России /

текст
Мария Нащокина /
text
Maria Nashchokina

Решение заявленных в заглавии проблем в экономически заметном масштабе фактически затрагивает все стороны жизни русского исторического города – культурную, социальную и экономическую. Кратко коснемся связанных с этим основных задач.

Задача № 1. Сохранение архитектурного наследия

Для вовлечения в туристический оборот любого исторического поселения в первую очередь важен его облик, сохраняющий пространственные параметры, историческую архитектурную среду, силуэт и соотношение с окружающей природной средой. Этому служат историко-архитектурные опорные планы, границы зон охраны объектов культурного наследия, градостроительные регламенты и т. д., которые отражают профессиональную оценку сохранившейся среды, определяют статус отдельных сооружений, археологических и природных объектов, допустимость и параметры нового строительства. Таков исходный материал, без которого невозможно обойтись при разработке любых перспективных планов.

В составе проектного плана города должны найти отражение объекты реставрации, реконструкции и воссоздания (например, утраченные церкви, пожарные каланчи, незаурядные утраченные жилые постройки), а также характер уличного благоустройства, который может быть сориентирован на исторические образцы, работающие на возрождение исторической атмосферы.

Сохранение архитектурных памятников определено законом; но далеко не все строения в исторических центрах являются памятниками. Поэтому необходимо понимание, что без сохранения однородной малоэтажной городской среды центра – и каменной, и деревянной – отдельные памятники не будут восприниматься цельной архитектурной средой, что очень важно для ее туристического использования. И следует направить все возможные силы на ее сохранение.

В последние 30 лет в исторических городах России особенно быстро исчезает традиционная городская деревянная застройка XIX – начала XX в. с элементами классицизма и ренессансной эклектики, которая лишь недавно, на волне массовых сносов, стала осознаваться как национальное культурное наследие. Для историче-

ских городов сохранение этого компонента застройки архиважно, ибо деревянное зодчество без преувеличения можно назвать генофондом русской культуры. Именно эта застройка чаще всего позволяет воспринимать центр города как единое архитектурное целое. Необходима программа по ее ремонту и оснащению инженерными сетями, а в случае необходимости – функциональному перепрофилированию. Стоит обратить внимание на положительный опыт Суздаля, Плеса, Гороховца и Мышкина.

Помимо экономического аспекта (повышение уровня городского благоустройства и комфорта жилья, обеспеченность всеми инженерными сетями), эта проблема имеет весьма существенный ментальный аспект [4]. Речь идет об отношении общества к традициональному культурным ценностям, включая жилище и образ жизни провинциального русского города. Обнищание жителей малых российских городов в 1990–2000-е годы в определенном смысле законсервировало значительный процент традиционной застройки центра. Однако оно же в наши дни приводит ее в аварийное, уже не подлежащее восстановлению состояние. Традиционный русский дом, так восхищающий нас своим разнообразием и изобретательностью декора в малых городах и селах [9], к сожалению, на наших глазах уходит в прошлое, и именно в исторических городах этому процессу может и должен быть поставлен заслон. Если сегодня не воспрепятствовать его тотальному исчезновению, мы лишимся наследия, которое сегодня составляет абсолютную ценность любого развитого европейского государства, хорошо понимающего, что сбережение традиционного городского и сельского жилища – важное основание национальной идентичности. Необходимо всеми возможными способами повышать престиж русского дома и русского города с его строительными традициями и особым укладом жизни. Тем более, что историческая, в том числе деревянная, застройка русских городов уже является, а со временем станет еще более притягательным туристическим магнитом.

У большинства исторических объектов в городе есть пользователи, от желания которых во многом зависит их сохранение. Только стремление самих жителей продлить существование старинных домов может существен-

The Issues of Preservation of Architectural Heritage and Creation of Tourist Attraction of a Small Historic Town in Russia

но повлиять на ситуацию их скорой безвозвратной утраты (именно это сохранило до наших дней исторические города Италии). Руководство города должно предусматривать разные варианты экономической помощи жителям в ремонте старого фонда (это могут быть частичные оплаты ремонта, льготное кредитование и т. д.)

Неизбежные лакуны в городской исторической застройке необходимо восполнять. Статус достопримечательного места, позволяющий при соблюдении регламентов вести новое строительство, в этом отношении оказывается наиболее удобным.

Многоэтажная застройка противопоказана малому городу, который предполагает развивать туризм: как правило, она убивает и ландшафт, и силуэт, и масштаб, и другие традиционные параметры исторической среды. Примером уничтожения ценного исторического ландшафта является древний Звенигород, который еще десять лет назад мог привлекать туристов не только уникальными памятниками, но и дивным ландшафтом подмосковной Швейцарии, сохранившимся с XV века. Теперь в пойме Москвы-реки появился безликий лес из 20-этажных домов, не имеющих никакой архитектурной и эстетической ценности.

Меньшая по масштабу современная практика нового строительства также часто демонстрирует непонимание градостроительных задач в малом историческом городе и утрату исконных строительных традиций, что приводит к появлению диссонирующих со средой сооружений – разномастных и разностильных кубов, как правило, не имеющих никакой связи со сложившимся образом города и окружающим ландшафтом. Для сохранения единства среды исторических городов во многих случаях не лишними могут оказаться «образцовые проекты», исторические и выполненные в духе домов XIX века. Почему не использовать проверенный временем собственный исторический опыт, имевший в XIX – начале XX века несомненный успех? Собственно, о том же, но другими словами уже говорилось в 1970-х годах [6]. При разработке образцовых проектов можно учитывать новейшие исследования архетипов и морфотипов застройки, отражающие типологические особенности города. Конечно, такое решение применимо именно в исторических горо-

дах, где проблема сохранения характера исторической застройки стоит особенно остро. Мировой опыт показывает не только допустимость, но и успешность использования «стиля города» – современных исторических стилизаций для сохранения «духа места», о котором в последние годы заговорили и на всемирном уровне (Прим. 1) (пример – город Санта Фе в американском штате Нью Мексико, выстроенный в «стиле Санта Фе», родившемся в самом начале XX века).

Задача № 2. Сохранение населения

Сохранение архитектурного наследия мало достижимо при убыли населения. Во многих малых и средних городах России с 1992 года преобладает тенденция падения численности жителей, что не может не настораживать. В 1982 году во время празднования юбилея Палладио итальянский профессор Р. Чевезе выступил в Москве с докладом об архитектурном наследии Венеции, высказав странную для нашего понимания в то время мысль: «Проблема сохранения Венеции – это проблема сохранения венецианцев». В то время были популярны фантастические инженерные идеи спасения тонущего города, но ведь Венеция – это прежде всего ее жители, создавшие в течение столетий уникальную атмосферу города и особый образ жизни. Итальянские ученые давно пришли к выводу, который носит, безусловно, всеобщий характер – сохранение физических параметров архитектурного наследия без заинтересованного в этом населения и хотя бы частичного сохранения соответствующего ему образа жизни попросту невозможно.

Для всех исторических городов России был характерен издревле традиционный усадебный образ жизни, против которого после революции развернулась настоящая война. Однако в малых городах усадебная застройка дожила, фактически, до начала XXI века. Лишь в последние 20–25 лет на нее агрессивно стало наступать многоэтажное строительство. К примеру, в Зарайске такой индивидуальной застройки осталось всего 16%, ее надо всемерно поддерживать и по возможности увеличивать, что требует всемерного поддержания со стороны руководства города. Именно она обеспечивает характерный колорит исторического центра с его небольшими особнячками

^ Плес. Панорама горы Левитана с деревянной Воскресенской церковью с Волги. Фото 2019 г.

и домами с огородами и садами. Жизнь семейным домом с приусадебным участком – это наша традиция; «отчий дом» прикрепляет людей к земле. Конечно, это не означает, что в нем по-прежнему не должно быть удобств – напротив, необходимо обеспечить жителей индивидуальных домов всеми инженерными сетями, а значит – всеми средствами комфорта.

Для замедления центростремительной тенденции в движении населения, к сожалению, подкрепленной сегодня всеми СМИ, важно сделать жизнь в небольших исторических городах притягательной, акцентировать те ее достоинства, которых нет в крупном городе.

Определенным цементирующим потенциалом обладает и возрождающаяся приходская жизнь. Как писала глубокий исследователь русской деревни Марина Громыко, «подход к индивидуальности любого народа должен быть таким же, как к личности отдельного человека. Исполненным уважения, прежде всего» [3]. Давайте уважать традиции наших предков! Безответственная политика почти 100 лет истребляла у русского человека привязанность к родной земле, дому и занятиям предков. На протяжении всего XX столетия считалось правильным отбросить все устаревшее – представления, ценности, культуру, города, дома... И эта революционная установка по инерции продолжает действовать сегодня. Сегодня нужно очень многое сделать для общественной переоценки исконных национальных ценностей – мировоззрения, образа жизни и быта, чтобы привычная ломка сменилась на бережные и здоровые эволюционные подходы.

К счастью, во многих малых городах России еще живет приверженность к более спокойному и размеренному укладу жизни, к тесному контакту с природным циклом; сохраняют свою значимость родственные и родовые связи [5]. Все это необходимо поддерживать социокультурными мерами. Только стремление самих жителей сохранить свои родные города и продлить век своих старинных домов может уберечь их от безвозвратной утраты. Кстати, пример Плеса показывает, что жители, превратившие свои старые, как правило, деревянные дома в комфортные гостевые, оказались и в экономическом выигрыше. Их дома стали солидным подспорьем для решения проблемы размещения туристов в небольшом городе.

Для малого города важнейшей задачей является сохранение населения, которое трудится на месте, а не в Москве или других крупных городах. Пути сохранения населения надо искать в сфере развития профилирующей функциональной направленности, следовательно, к проблеме каждого города нужно подходить индивидуально. Помимо возрождения и развития городской промышленности и торговли, одним из важных факторов для сохранения населения безусловно является наличие образовательных учреждений, способных обеспечить весь цикл среднего, среднего специального, а при благоприятных условиях – и высшего образования.

Задача № 3. Создание мест приложения труда

Небольшой исторический русский город – это одно или несколько мелких производств (в том числе с/х): пекарни, молочные заводики, приусадебные участки с огородами и близость природы. Из прессы известно, что в России в последние годы перестали работать 78000 предприятий, не только градообразующих, но и жизнеобеспечивающих – и это напрямую коснулось исторических городов, о чем уже приходилось писать [8]. Следствие – отток трудоспособного населения в большие города и старение остающегося, которое уже не в состоянии поддерживать ветшающие дома.

Возможных спасительных путей немного. Сохраняет свое первостепенное значение промышленность, понесшая в последние десятилетия самые ощутимые потери.

В малых городах она обычно сориентирована на переработку какого-либо местного сырья и невелика по масштабу. К сожалению, многие градообразующие и жизнеобеспечивающие предприятия малых городов обанкротились в 1990–2000 годы, да и сейчас в этой сфере часто наблюдается непонимание, а порой и противодействие властей, которые банкротят традиционные городские предприятия и продают их участки под застройку, лишая население мест приложения труда, т. е. фактически рубят сук, на котором сидят (к примеру, обанкрочены многие молочные заводы Центральной России). Конечно, нужно исследовать, какие производства в каждом городе могли бы эффективно работать в новых условиях. Возрождение местной промышленности требует значительных средств и продуманной политики, оно должно быть увязано со специализацией, ресурсами и потребностями региона. Но поиски сфер приложения труда городского населения, безусловно, необходимы и перспективны.

Едва ли не самым традиционным направлением развития малых городов России всегда было сельское хозяйство – садоводство, овощеводство, животноводство. Именно сельское хозяйство в российской аграрной державе во многом сформировало психотип и национальные особенности русского человека, которые необходимо учитывать при формировании планов и беречь как основу национальной идентичности. А проблемы ее сохранения волнуют сегодня все европейское сообщество. Англичанин М. Коллинз в книге «Святой Георгий и драконы. Создание английской идентичности» пишет: «Сегодня мы прошли более века с того времени, когда большинство людей проживало в малых городах и деревнях, и большинство горожан стремятся к комфортной жизни в пригороде. Менее 1% населения работает в деревне, а городские жители оказались не связаны с сельскими корнями английской культуры и образом жизни, которые сформировали несравненную красоту ландшафта Англии. На идеалы людей все меньше влияют взгляды на село и все больше влияет то, что они видят в международных СМИ, особенно интернете. Тем не менее, сельская местность не забыта: она стала частью индустрии наследия, где фермеры поощряются к туризму. Деревня становится продолжением города» [1].

За годы последней капиталистической перестройки многие предприятия и отрасли сельского хозяйства центра и севера России были сведены почти на нет. Их возрождение может стать важным импульсом к оживлению малых городов. Общеизвестно, что часть среднерусского пейзажа в последние 20–30 лет стали зарастающие мелкоколесые поля, остовы бывших коровников и животноводческих ферм. Если сразу за городской чертой Амстердама ходят тучные стада, что мешает им ходить по прекрасным полям вокруг гораздо более чистых с экологической точки зрения малых городов Центральной России? Сейчас, особенно в связи с санкциями, очень перспективны и выделка колбас, и сыроделие, ведь ассортимент отечественных сыров очень мал. Во Франции и в Италии, к примеру, мелких сыроделен сотни. Сегодня именно в малых городах России сельскохозяйственное производство легче всего сориентировать на экологически чистую продукцию, все более востребованную на рынке. Стоит обратить внимание на опыт Зарайска, которому в последние годы удалось возобновить производство молока, начать развивать сыроделие и ввести в сельскохозяйственный оборот 75,6 тысяч га пахотных земель, долгое время пустовавших. Доля сельскохозяйственного производства в городе уже составляет 13%, и в планах города ее увеличивать. Есть и другие положительные примеры: в Луховицах удалось создать культ местного огурца, и этот овощ производится там в значительных масштабах, повсеместно продается

и приносит реальную прибыль. Все это, конечно, требует точного расчета, ссуд, кредитов, специалистов и действенной поддержки областной и местной власти.

Однако очевидно, что в малых городах и селах России необходимо вернуться к частному сельскохозяйственному труду, обеспечивающему экологически чистые продукты, который может быть сегодня не только прибыльным, но и стать основанием для агро- или гастрономического туризма, популярным сегодня во всем мире.

Традиционным и ценным ресурсом для туризма являются кустарные производства, ремесла и промыслы. Они существовали во всех городах России, демонстрируя особые наклонности и умения их жителей. Так, с XVII века в Зарайске делали хорошие колбасы (заводы Мекшина, Андреевых), пеки хлеб (пекарни Захаровых, Киселевых), шили головные уборы и одежду (Лейтман, Горшков), строили телеги и сани, ремонтировали музыкальные инструменты и лудили самовары. В окрестных деревнях были развито токарное, ткацкое ремесла, изготовление корзин и вязание чулок из шерсти. После революции многие ремесла были утрачены; сейчас кустарные промыслы ограничены лишь изготовлением обуви и плетением корзин. Однако об экономической эффективности малых ручных производств говорят достаточно стабильно существующие – Палех, Мстера, Холуй. По этому пути очень успешно идет Коломна с ее пастилой и другими гастрономическими редкостями, а в последние годы довольно живо развивается Городец, сочетая традиционные ремесла с туризмом.

Путем администрирования кустарные промыслы развить невозможно. Эта сфера всегда была областью индивидуального творчества, вдохновлявшегося не только опытом предков, но и советами культурных и знающих людей, как было у кустарей в Абрамцеве или Талашкине XIX века. И сегодня только талантливые, наделенные культурой, образованием и фантазией мастера могут методом проб и ошибок наметить возможные пути развития отдельных промыслов и создать изделия, которые будут пользоваться спросом. Можно сказать только одно: ручные ремесла ценятся во всех европейских странах, а потому появляющимся энтузиастам-кустарям нужно всемерно помогать.

Рабочие места для жителей малых городов могут создать и учреждения организованного отдыха. Как известно, многие исторические города, особенно малые, окружены прекрасными ландшафтами, которые, несомненно, являются важным туристическим ресурсом. Их надо беречь и разумно использовать для создания санаториев и пансионатов. К сожалению, сегодня большинство санаториев, домов отдыха и пионерских лагерей, которые еще недавно функционировали, не работает (Прим. 2). Конечно, сегодня эта сфера требует реконструкции: нужны гимнастические залы, бассейны, комплексы медицинского обслуживания, которые будут привлекать постояльцев в течение всего года. В Звенигороде, например, пансионаты с бассейнами уже есть, и они успешно работают круглый год.

Остается насущной и проблема отдыха детей. Сейчас становятся популярны специализированные молодежные лагеря, откуда стартуют конные или пешие походы, где дети занимаются краеведением или получают дополнительные знания по биологии, геологии, ботанике и т. д. Это направление весьма перспективно для малых городов.

Положительную роль в развитии малых городов может сыграть и дачный отдых. Уже во второй половине XIX века в России сформировалось несколько так называемых «дачных городов» [7], которые по сей день сохранили свой особый характер. Их костяк составляли дачники, привлеченные красотой природы, которые

возвращаются летом в родные пенаты (Прим. 3). Нельзя не заметить, что именно дачники сегодня поддерживают многие обезлюдившие села и деревни [2]. Такое использование территорий внутри и вокруг малых городов в разумных масштабах сохраняет окружающий природный ландшафт и малоэтажный характер застройки, а потому благоприятно.

В последние годы самой спасительной функцией для малых городов видится развитие туризма. Общеизвестны успешные примеры развития в этом направлении: конечно, Суздаль, а в последние годы – Мышкин, Елабуга, Кострома, Плес и некоторые другие.

Задача № 4. Развитие туризма

Туристический потенциал исторических городов России очень велик. Однако даже в таких «мекках», как вологодский Кириллов, перемены к лучшему незначительны, поскольку львиную долю прибыли от однодневного туризма получают столичные туристические компании. В городе остается ничтожная часть в сфере обслуживания и плата за вход в музеи. Именно поэтому нужно создавать фокусы притяжения, способные задержать туриста в малом историческом городе на 2–3 дня. Развитая музейная и гостиничная сеть, организация художественных, театральных и музыкальных фестивалей, праздников (в том числе связанных с церковным календарем), ярмарок и т. д. – условия для реализации этих задач.

Успешно работающий музей замечательного скульптора Анны Голубкиной, созданный в доме купцов-миллионеров старообрядцев Бахрушиных филиал Московского театрального музея в Зарайске – важные полюсы притяжения туристов. Однако стоит вовлечь в туристическое использование все дома и храмы, созданные в начале XX века этими великими благотворителями (богадельню для обедневших дворян, первую больницу Зарайска, женскую гимназию, Казанскую церковь и Иоанно-Предтеченский собор в Кремле), а также реставрировать и создать мемориальный музей в доме, где прошли детские годы М. А. Шолохова, и т. д. Были бы интересны музейные экспозиции (в том числе частные), рассказывающие о быте и ремеслах старого Зарайска.

Очень перспективным и притягательным для туристов может стать усадебное кольцо, которое можно создать вокруг большинства исторических городов России. Применительно к Зарайску оно может и должно включить Даровое Достоевских, Сенницы Келлеров, Ильицыно и другие близлежащие усадьбы. Нужно настойчиво искать экономические возможности для восстановления обширного ансамбля усадьбы Сенницы (относящуюся к соседнему Озерскому району); ее музеефицирование уже сегодня дало бы возможность задержать потенциальных туристов в городе минимум на 2 дня, что архиважно для развития туризма.

Для него необходима и местная публикационная активность – не только качественные путеводители, но и материалы местных краеведов, публицистов, прозаиков, поэтов, других представителей творческой интеллигенции, которые несут интересную историческую информацию и передают пульс сегодняшней творческой жизни города и района. Это способствует поддержанию и преумножению «городской идентичности», местного патриотизма, формирующего культуру постоянного населения.

Во многих малых городах, обладающих общерусскими святынями (храмы, монастыри, иконы) перспективно создание паломнических центров. В настоящее время паломничество обеспечивается в основном церковными службами, однако их потенциал невелик. Будучи подкреплено городскими гостиницами, столовыми, туристическими бюро и т. д., оно могло бы быть расширено. Вокруг

русских исторических городов обычно немало интересных сельских храмов, которые также можно использовать для создания краеведческих маршрутов.

Туризм – средство объединения близлежащих малых городов и сел для образования кольцевых или линейных туристических маршрутов, которые стали бы экономически обоюдно выгодны. Например: Кашира, Озеры, Зарайск, Коломна, Егорьевск, Луховицы, Венев, Рязань... Их маршрутные комбинации, конечно, нужно продумать тематически и с точки зрения дорог и гостиниц, но знакомство с русскими историческими городами сегодня набирает популярность и, несомненно, привлечет туристов.

Все перечисленные пути сохранения наследия малых городов и создания их туристической привлекательности требуют детальной проработки, финансовой поддержки, обеспечения специалистами и человеческими ресурсами.

В заключение важно подчеркнуть еще одну важнейшую задачу, которую должны ставить перед собой руководители любого малого исторического города – всемерную поддержку местных инициатив и энтузиастов. Развитие историко-культурного, природного и гастрономического туризма – большая и кропотливая работа. Она требует подлинного увлеченности, культуры, понимания и самоотверженности. Без заинтересованных в деле людей ничего не получится. Только им по силам сдвинуть бюрократические препоны и административные барьеры, которые так мешают полезным начинаниям в нашем Отечестве, сохранить архитектурное наследие и вдохнуть творчество в развитие малых городов России.

Примечания

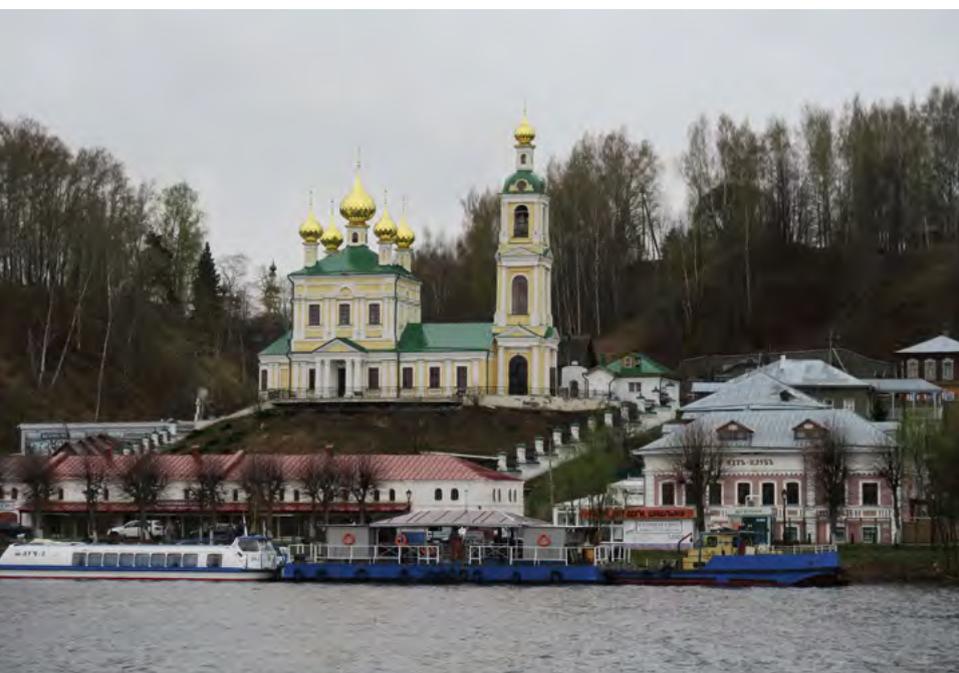
1. Квебекская декларация ИКОМОС о «сохранении духа места» 2008 года
2. Территории многих бывших домов отдыха и санаториев приватизированы, а поскольку дотации на их содержание от государства утрачены, собственники либо продают их по частям под коттеджи, либо держат пустыми, поскольку платить налог и не использовать их по назначению выгоднее. Либо вообще продают земли под многоэтажную застройку, что для туристической привлекательности места абсолютно невыгодно
3. Щенков А. С. (руководитель). Историко-культурные проблемы реконструкции застройки малых городов России. Отчет по научной теме НИИТИАГ. – Москва, 2016 (рукопись)

Литература

1. Michael Collins St. George and the Dragons. The Making of English identity. – London, 2012
2. Архитектурное наследие на рубеже XX и XXI веков: Проблемы реставрации и охраны наследия/Под ред. А. С. Щенкова. – Москва: КРАСАНД, 2010
3. Громыко, М. М. Мир русской деревни. – Москва, 1991. – С. 7
4. Иванов, А. Российский город – «case-study» // Архитектурный вестник. – 2006. – № 5
5. Илюхина, А. Ю. Социальный капитал малого российского города на примере г. Городец и г. Гусев // Малые города, большие проблемы: Социальная антропология малого города. – Москва, 2014. – С. 73–86
6. Кудрявцев, М. П., Кудрявцева, Т. Н. Опыт проведения предпроектных исследований исторически ценных городов. – Москва, 1974
7. Нащокина, М. В. Дачные поселки // Градостроительство России середины XIX – начала XX века/Под общ. ред. Е. И. Кириченко. – Москва, 2003. – Т. II. – С. 347–388
8. Нащокина, М. В. Древние города России, их статус и проблемы сохранения архитектурного наследия // Academia. Архитектура и строительство. – Москва. – 2019. – № 2. – С. 68–72
9. Родионова, Н. М. Реконструкция застройки малых городов и использование памятников архитектуры // URL: <http://zavantag.com/docs/index-16364321.htm>

References

- Collins, Michael (2012). St. George and the Dragons. The Making of English Identity. London.
- Gromyko, M. M. (1991). Mir russkoi derevni [The world of the Russian village]. Moscow.
- Ilyukhina, A. Yu. (2014). Sotsialnyi kapital malogo rossiiskogo goroda na primere g. Gorodets i g. Gusev [Social capital of a small Russian town: the town of Gorodets and the town of Gusev case study]. In Malye goroda, bolshie problemy: Sotsilnaya antropologiya malogo goroda (pp. 73–86). Moscow.
- Ivanov, A. (2006). Rossiiskii gorod – “case-study” [A Russian city – “case study”]. Arkhitekturnyi vestnik, 5.
- Kudryavtsev, M. P., & Kudryavtseva, T. N. (1974). Opyt provedeniya predproektnykh issledovaniy istoricheskii tsennykh gorodov [The experience in pre-design study of historically valuable cities]. Moscow.
- Nashchokina, M. V. (2003). Dachnye poselki [Dacha communities]. In E. I. Kirichenko (Ed.), Gradostroitelstvo Rossii serediny XIX – nachala XX veka (Vol. II, pp. 347–388). Moscow.
- Nashchokina, M. V. (2019). Drevnie goroda Rossii, ikh status i problemy sokhraneniya arkhitekturnogo naslediya [Ancient Russian cities, their status and problems of architectural heritage preservation]. Academia. Arkhitektura i stroitelstvo. Moscow, 2, 68–72.
- Rodionova, N. M. (2012, June 30). Rekonstruktsiya zastroiki malykh gorodov i ispolzovanie pamyatnikov arkhitektury [Reconstruction of the built-up area of small towns and the use of architectural monuments]. Retrieved from <http://zavantag.com/docs/index-16364321.html>
- Shchenkov, A. S. (Ed.). (2010). Arkhitekturnoe nasledie na rubezhe XX i XXI vekov: Problemy restavratsii i okhrany naslediya [Architectural heritage at the edge of the 20th and 21st centuries: The problems of heritage restoration and preservation]. Moscow: KRASAND.

< Плес. Панорама Соборной горы с Успенским собором (1699 г.) с Волги. Фото 2019 г.

Графическая работа Алексея Буйнова

Часовня Михаила Архангела в селе Большое Болдино Нижегородской области

Одноглавая постройка с граненым алтарным прирубом и небольшой трапезной, над которой надстроена шатровая колокольня. Пример современной реконструкции деревянной часовни XVII–XVIII вв. Построена в 1999 на месте, где в XVII–XVIII вв. стояла деревянная Михаило-Архангельская церковь, сгоревшая в 1787, а в XIX в. – часовня (1882, Нейман И. Ф. – строительство часовни по собственному проекту)

Число российских архитекторов по отношению к общей численности населения страны значительно уступает западным странам и приближается к показателям Китая и Индии. В большинстве малых городов РФ нет собственных архитектурных школ и сообществ, что делает актуальным развитие дистанционных форм работы архитекторов с уникальным культурным контекстом малых исторических городов. Развитию таких форм препятствует имеющаяся система обучения архитекторов, ориентированная на аналитические «левополушарные» методы мышления. Синтетические «правополушарные» методы активно развивались в педагогических методиках наиболее творческих периодов отечественной архитектуры. Предлагается развивать и использовать в современном обучении архитекторов методики интегративного мышления.

Ключевые слова: архитектура; история; обучение; функциональная асимметрия мозга; ВХУТЕМАС; шестидесятники; интегративное мышление. /

The number of Russian architects in relation to the country's total population is far below the western countries and close to China and India. Most Russian cities lack their own architectural schools or communities, which makes it currently important to develop different types of the remote work with unique cultural contexts of small historic towns. The development of these types is hindered by the existing system of architectural education focused on analytical "left-brain" methods of thinking. The synthetic "right-brain" methods were actively developed in the pedagogical policies of the most creative periods in Russian architecture. It is proposed to develop and to use the methods of integrative thinking in the present-day training of architects.

Keywords: architecture; history; education; functional asymmetry of the brain; VKHUTEMAS; sixtiers; integrative thinking.

Малые города, мозг и архитектурное образование / Small Towns, Brain and Architectural Education

ТЕКСТ

Елена Булгакова,
Константин Лидин /
text
Elena Bulgakova,
Konstantin Lidin

Введение. Архитектор – профессия мобильная

В настоящее время во всем мире насчитывается от трех до четырех миллионов профессиональных архитекторов. В среднем один архитектор приходится на две тысячи жителей Земли. Но, разумеется, в разных регионах мира можно обнаружить значительные отклонения от этой средней величины. На одном полюсе окажутся «азиатские гиганты» – Индия и Китай, в котором тысячелетние традиции строительства вообще обходились без архитекторов. В пятом веке до нашей эры, в эпоху династии Чжоу был издан трактат «Као-гун цзи» – свод правил и приемов строительства отдельных зданий и целых городов. Следующий трактат на ту же тему (под названием Инцао Фаши) понадобился только через шестнадцать веков, в 1103 году. Вплоть до новейшего времени китайцы искренне считали, что ничего нового выдумывать не надо, все необходимое уже придумано предками и зафиксировано в древних текстах [7]. В результате сегодня один китайский архитектор приходится на сорок тысяч «просто китайцев». Такое соотношение, очевидно, будет сохраняться еще некоторое время: ведь для достижения среднего уровня присутствия архитекторов в полутора-миллиардном Китае необходимо откуда-то взять почти миллион зодчих. Примерно так же обстоят дела в Индии. Национальный союз архитекторов (Indian Institute of Architects) объединяет около двадцати тысяч человек, что соответствует одному архитектору на пятьдесят тысяч индусов [1].

На другом полюсе располагаются страны Западной Европы с их давними традициями разнообразной авторской и новаторской архитектуры. Крайнюю позицию занимает Италия. В этой стране работает почти полтора тысяча сертифицированных зодчих – больше, чем в Китае и Индии вместе взятых. Один из каждых четырехсот четырнадцати итальянцев – архитектор.

Неравномерности в распределении архитекторов по лицу планеты во многом сглаживаются за счет динамичности зодчих. Западноевропейские архитекторы проектируют строения по всему миру, активно перемещаясь в те регионы, где спрос на их услуги опережает развитие местных архитектурных школ. Стремительное развитие глобальных информационных сетей способствует разви-

тию дистанционных форм сотрудничества архитектора с заказчиком. Семьдесят лет назад, проектируя Чандигарх, Ле Корбюзье отправил в Пенджаб своего двоюродного брата, и Пьер Жаннере прожил в Индии почти пятнадцать лет. Сегодня архитекторы из США и Европы реализуют проекты в Азии и Африке, вовсе не испытывая необходимости надолго переселиться из своих уютных офисов к месту строительства. Участие в конкурсах, обсуждение вариантов концепции и все необходимые согласования происходят посредством интернета.

1. Был бы Бильбао в России

По параметру присутствия архитекторов в общей структуре населения Россия находится гораздо ближе к Индии, чем к Италии. По данным отечественного Союза архитекторов в стране насчитывается 12235 представителей этой профессии – то есть, около одного архитектора на двенадцать тысяч граждан страны [5]. Во много раз меньше, чем в Европе или США. Треть российских архитекторов (больше четырех тысяч) живет и работает в Москве, так что в столице один архитектор приходится на три тысячи горожан (немного меньше, чем в Польше и больше, чем в Чехии). На остальной территории страны плотность присутствия зодчих сильно сдвинута в сторону Индии и Китая. В результате в большинстве малых городов России либо вовсе нет архитекторов, либо их количество совершенно недостаточно, чтобы поддерживать и развивать уникальный облик каждого из таких городов.

Казалось бы, именно в России, с ее бескрайними просторами, интернет-взаимодействие между проектировщиками, строителями и заказчиками имеет самые блестящие перспективы. Но дистанционные формы сотрудничества столичных архитекторов с провинциальными заказчиками развиваются медленно и неохотно. Самые крупные города страны еще изредка находят способ привлечь к себе внимание авторитетного архитектурного бюро. Малые города такой возможности практически лишены. Даже в тех случаях, когда небольшой город обладает богатым историческим прошлым, если городская среда несет яркий и интересный образ, если работа с ним сулит архитектору огромные возможности для творческого самовыражения – в большинстве случаев сотрудничество

не получается. И дело даже не в том, что услуги столичных мастеров слишком дороги для бюджета небольшого города.

Проиллюстрирую следующий тезис небольшим примером. Однажды мне довелось принять участие в архитектурной конференции, рядом со мной в зале сидела милая женщина – главный архитектор небольшого города в европейской части России. Доклад читал архитектор из Сколково, и значительная часть доклада заключалась в рекламе услуг бюро «Стрелка». В один из моментов я услышал, как моя соседка сквозь зубы комментирует: «Ну да, знаем мы этих гастролеров. Приедут, спроектируют скамейку для городского парка за два миллиона рублей и уедут...» В интонациях ее звучало столько усталого раздражения, что становилось ясно – никакого доверия столичные архитекторы в провинции не завоевали. Руководство малых городов скорее согласится поручить изменение городского облика местным архитекторам (пусть даже не слишком высокого уровня), чем приезжему «звездному» мастеру. Еще меньше доверия к «чужому» испытывает общественность малых городов. Она (общественность) заранее уверена в наличии преступного сговора между вороватыми чиновниками из местной мэрии и заезжим маэстро, и любой проект рассматривает как очередной распил небогатого городского бюджета.

Если бы Бильбао находился в России, Фрэнк Гэри никогда не построил бы в нем филиал музея Гуггенхайма.

2. Причина в глубине мозга

Причина, по которой архитекторам так трудно найти общий язык с заказчиками и общественностью (особенно на расстоянии), залегает гораздо глубже, чем это может показаться. Она связана с самой сущностью профессии архитектора.

Больше пятидесяти лет назад была открыта функциональная асимметрия человеческого мозга. Полушария наших мозгов работают неодинаковым образом: в каждом из них реализуются различные способы восприятия и обработки информации. Полушария соединены толстыми жгутами перекрещивающихся нервных волокон (варолиев мост), но во многих случаях работают как бы независимо друг от друга [3].

В левом полушарии (которое управляет правой половиной тела, получает информацию от правого глаза и правого уха) сосредоточены центры речи и аналитического мышления. В правом полушарии (отвечает за левую половину тела) находятся центры образного мировосприятия и аналогового мышления. Это означает, что «левый мозг» воспринимает реальность как последовательный набор локальных элементов, деталей. Его основной прием – точный, объективный перебор элементов. Восприятие цельного объекта «левый мозг» производит путем анализа – расщепления этого объекта на детали и выстраивание полученных деталей в некую упорядоченную последовательность. Поставленную перед ним задачу «левый мозг» решает также последовательно, сначала разбирая задачу на подзадачи, затем решая их одну за другой и лишь в конце – собирая все частные решения в одно общее. «Левый мозг» работает с высокой степенью осознанности, в каждый момент времени отдавая себе отчет, чем именно он занят и на какой стадии решения задачи он находится.

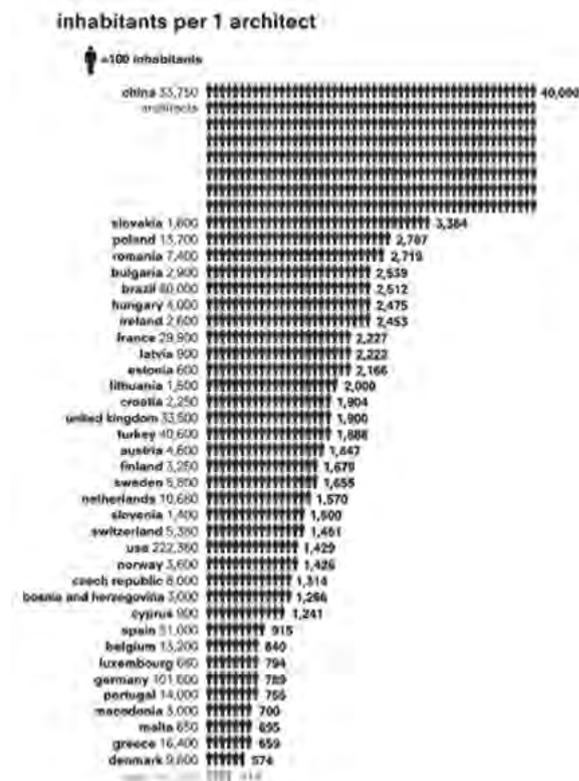
Благодаря этим своим особенностям именно «левый мозг» хорошо поддается моделированию. Можно сказать, что наиболее мощные современные компьютеры работают точно так же, как человеческий «левый мозг», только гораздо лучше – быстрее, точнее, ничего не забывая и не теряя логичности ни в одном элементе.

Правополушарный («правый») мозг работает совершенно иначе. Основной принцип его работы с ин-

формацией – глобальность. Он мгновенно схватывает общую картину и лишь потом (и то не обязательно) детализирует ее. Работа «правого мозга» несет сильную печать субъективности и сильно зависит от того, чей именно мозг воспринимает окружающий мир и в каком состоянии находится воспринимающий субъект. Вместо детального анализа «правый мозг» использует приемы синтеза, «вживания» в тот объект, который он воспринимает. Как советуют учителя дзен, «хочешь понять камень – стань камнем». Вместо анализа, расщепления изолированного объекта (как это делает «левый мозг»), «правый мозг» воспринимает любой объект в его множественных связях со всем остальным миром. Для «правого мозга» мир един, и любой предмет или явление в нем рифмуется с множеством других объектов (в предельном случае – со всеми остальными объектами во Вселенной). «Правый мозг» осмысливает поставленную перед ним задачу параллельно с множеством других задач и зачастую ищет решение, выходя из плоскости, в которой задача поставлена. Наконец, «правый мозг» незнаком с понятием линейного времени; для него все события происходят одновременно, нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего – и, соответственно, не существует и объективного движения. Любое движение представляет собой субъективную иллюзию, феномен воображения. Календарь переносит нас в следующий по счету год, а фантазия может перенести в эпоху строительства Великих пирамид – и оба эти перехода одинаково реальны.

Долгое время казалось, что картина мира, характерная для «правого мозга», полностью относится к сфере поэтических грез, а реальный мир устроен по законам «левого мозга» и «левой логики». Одно из самых потрясающих открытий квантовой механики, однако, заключается в том, что микрочастицы подчиняются правилам, больше похожим на «правую логику». Принципы, на которых построены лазеры, ядерные бомбы и квантовые суперкомпьютеры, ближе к метафорической и многозначной «правополушарной логике» [9].

И уж конечно, архитектор в своей профессиональной работе никак не может исключить «правую логику».

< Рисунок 1. Количество жителей некоторых стран мира на одного архитектора. Инфографика из каталога Венецианской биеннале [2]

Проблема возникает при попытке обосновать перед другими людьми проектное решение, полученное посредством «правой логики». Повседневный язык, которым мы пользуемся, преимущественно организован по принципам «левой логики» – в нем образ расщепляется на отдельные слова, которые выстраиваются в цепочку предложений и фраз. Некоторые живые языки ближе к «правой логике» – например, китайский, – но как раз поэтому литературный китайский язык так труден для европейцев.

Перед архитектором, который хочет освоить дистанционные методы работы с заказчиками, встает задача: овладеть приемами мышления на основе правополушарной логики. Причем варианты перехода на китайский язык, как и на язык высокой поэзии, скорее всего, нам не помогут.

3. На предыдущих витках спирали

Как и многие другие процессы в человеческом обществе, баланс правого и левого испытывает волнообразные периодические колебания. С периодом в пятьдесят – шестьдесят лет в коллективном сознании преобладает то одна логика, то другая. Искусство, наука и политика смещается то в сторону аналитической «левополушарности», то, напротив, – в сторону интуитивной и метафорической «правополушарности». Текущий момент как раз характеризуется переходом от преобладания «левой» картины мира к «правой». От сосредоточенности на отдельном строении и его последовательной детализировки центр внимания смещается к общей картине, к понятиям архитектурной среды, к интегральному образу и «вживанию в объект».

Предыдущие периоды такого же рода пришлось в двадцатом веке на шестидесятые и на двадцатые годы (плюс-минус десять лет). Поэтому сегодня, когда мы вновь сталкиваемся с проблемой обучения правополушарным методам мышления, вполне понятен растущий интерес к наследию героического периода конструктивизма и шестидесятников.

Анализируя сегодня методические материалы ВХУТЕМАСа, можно подметить ясную пропедевтическую линию – от общего к частному. От общих приемов работы с пространством, объемом и цветом – к конкретным объектам. Ярким примером в этом отношении может служить методичка, написанная группой преподавателей в 1927 году [4]. Методичка, собственно говоря, должна

была послужить аргументом в споре «производственников» (отделение прикладного искусства) с «чистыми» (отделение станковой живописи и ваяния). Производственное подразделение в основном сосредоточило в себе приверженцев авангардных направлений – футуризма, супрематизма, конструктивизма. «Чистое» крыло ВХУТЕМАСА состояло из художников более традиционной ориентации, причем с обеих сторон в борьбе участвовали личности значительные и легендарные, гордость и слава российской культуры начала XX века. Эти подразделения воевали не на жизнь, а на смерть, не гнушаясь доносами и скандалами в партийных органах, так что в разборки оказался втянут и Рабкрин, и А. В. Луначарский, и даже В. И Ленин [6].

Сделав поправки на специфический контекст «эпохи обострения классовой борьбы», мы обнаруживаем принцип построения архитектурных учебных программ ВХУТЕМАСА. Первый год обучения полностью посвящен самым общим принципам работы с поверхностью, объемом, пространством и цветом. Начиная со второго курса студенты знакомятся со свойствами материалов и учатся использовать особенности каждого материала на пределе его выразительных возможностей. На старших курсах они участвуют в реальных проектах, набираясь опыта в совместной работе с мастерами архитектуры и промышленного дизайна.

Легко заметить, что авторские курсы преподавателей «Дерметфака» опираются преимущественно на правополушарную логику. Курс «Графика» (А. Родченко) строился на приемах «вживания» в предмет и выявления его сущности, характера в виде линейной конструкции. Курс Н. Ладовского «Пространство» опирался на разработанный им «психоаналитический» метод движения от наиболее общей абстрактной композиции, через последующую детализировку – к конкретному образу здания. Курс «Культура материала» В. Татлина включал глубокое интуитивно-чувственное, «через руки» знакомство с различными материалами (не только строительными), и так далее [10].

Парадоксальным образом педагогическое наследие архитекторов-шестидесятников изучено гораздо слабее. Наш журнал в разное время опубликовал множество материалов, посвященных иркутской школе архитектуры, сибирскому необрутализму и его лидеру – В. А. Павлову (см., например, Проект Байкал № 26, «В. А. Павлов» и № 39–40 «Шестидесятники»). Благодарные ученики шестидесятников собирают биографические данные об этом замечательном поколении, текстовые и визуальные архивы о проектах и объектах... Но практически никак не зафиксированы педагогические приемы и подходы, благодаря которым сформировалась оригинальная и весьма плодovitая архитектурная школа.

Принципы и методики, которые разрабатывались в «правополушарный» период 1950–1970-х годов еще ждут своих аналитиков.

Заключение. «Правая логика», учебные программы и малые исторические города

Переход к правополушарным концепциям в архитектурном образовании, разумеется, встречает мощное сопротивление чиновников. Образование, в котором ведущую роль играет личность преподавателя, а педагогический процесс не поддается расщеплению на независимые элементы (компетенции, семестры, учебные часы) – такое образование плохо поддается чиновничьему контролю. Возможно, поэтому в решении назревшей задачи преобразования системы подготовки архитекторов более перспективно выглядят негосударственные вузы.

В сотрудничестве с Новым болгарским университетом (София, Болгария) мы сейчас обсуждаем проект учебной

в Рисунок 2. Функциональная асимметрия мозга (по Ю. С. Маслову)

Локальность	Глобальность
Точный, объективный перебор	Приблизительное, субъективное «узнавание»
Расщепление субъекта и объекта, анализ	«Вживание» в объект, синтез
Порождение по фиксированным правилам	Интегративное «углубление» в свойства целостного объекта
Последовательный принцип действия	Распараллеливание
Накопление данных, вычисление ответов	Возникновение «смыслов», реорганизация исчислений
Конструктивная активность, движение	Сосредоточенное бездействие, неподвижность
Почти полная степень осознанности	Заведомо неполная степень осознанности
Разворачивание во времени	Ахронность

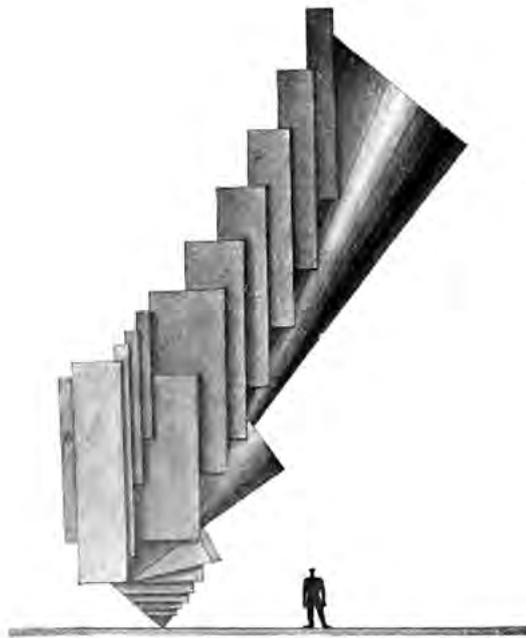
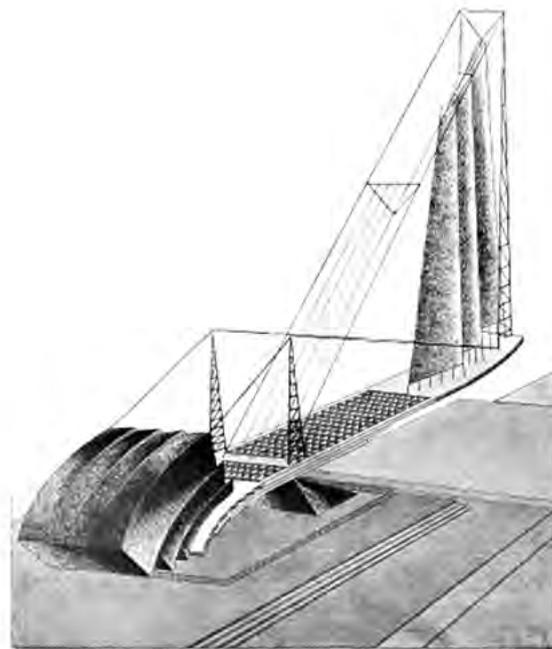

Рисунок 3. Примеры задач на пространственное мышление из методички ВХУТЕМАСа

1 КУРС.
Архитектурное задание на выявление физико-механических слоев формы (масса в равновесии).
Работа студента А. Архана, 1922 г.
Руководитель профессор Н. А. Ладянский.

1 КУРС.
Архитектурное задание на выявление конструкции (форма в равновесии).
Работа студента С. А. Лозинки, 1921 г.
Руководитель профессор Н. А. Ладянский.

программы, направленной на обучение приемам «правополушарного мышления» для студентов архитектурного и дизайнерского факультетов. В основе программы – приемы «вчувствования» и извлечение архитектурного образа из специфических свойств выбранного материала. Собственно говоря, ничего особенно революционного в таком подходе нет. Вполне очевидно, что стилистика необруталистов и метаболистов опирается на «характер» литого бетона, «билибинская» эклектика несет яркий образ расписного пряника, а барселонская Саграда Фамилия совершенно похожа на «замок» из мокрого песка. В истории архитектуры можно найти постройки «киз дыма» и «киз мыльных пузырей», «киз мусора» и «киз крема с цукатами» и так далее, а в последнее время в ход пошли приемы изменения масштаба – так, архитектура параметристов копирует структуры живых тканей при микроскопическом увеличении.

Есть серьезные основания надеяться, что «правополушарный» подход окажется эффективнее привычного «левого» при поисках идентичности для малых исторических городов. Несколько лет назад мы уже писали о том, как особенности местного ландшафта отражаются в народном костюме. Уникальный образ каждого города также тесно связан с тем, что его окружает – с землей, на которой он стоит, с его небом, горами и водами. Интегральный образ места, его *genius loci* легче и надежнее осознается через синтетическую «правую» логику.

И, может быть, архитекторы из крупных культурных центров смогут чаще находить общий язык с жителями малых исторических городов – с интересом и пользой для всех.

Литература

1. Indian Institute of Architect. Official site. – URL: <https://indianinstituteofarchitects.com/>
2. Monditalia. La Biennale di Venezia – 14th Architecture Exhibition. Catalogue. Venice, OMA. – P. 356
3. Ocklenburg, S., Güntürkün, O. Hemispheric asymmetries: the comparative view. *Front. // Psychol.* – 2012. – № 26. – January. –| URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00005>
4. Архитектура: Работы Архитектурного факультета Вхутемаса: 1920–1927/Обложка работы Л. М. Лисицкого; Фотографии С. Г. Хлы-

стова; Предисловие Павла Новицкого; Вступительный текст профессора Н. Докучаева – Москва: Издание Вхутемаса, 1927. – XIV с. текста, 45 с. ил.

5. Баженова, Е. Проблемы современного архитектурного образования // Аккредитация в образовании. – 2019. – № 9 (109). – URL: https://akvobr.ru/problemy_sovremennogo_arhitekturnogo_ obrazovaniya.html
6. В. И. Ленин и А. В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. Ред. И. С. Зильберштейн и А. А. Соловьев – Москва: Наука, 1971. – 766 с. (Лит. наследство. Т. 80).
7. Лидин, К. Л. Сплошные вопросы: К проблеме цивилизационного взаимодействия Востока и Запада // Проект Байкал. – 2017. – № 54. – С. 34–40
8. Лидин, К. Л., Ушкова, Н. Н. Костюм для любви к малой родине // Проект Байкал. – 2014. – № 42. – С. 138–141
9. Маслов, Ю. С. Теория дедуктивных систем и ее применение –Москва: Радио и связь, 1986. – 136 с.
10. Михайлов, С. М., Михайлова, А. С. Становление универсального проектного метода в первых школах промышленного дизайна – Баухаузе и ВХУТЕМАСе в 1920-е годы // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 5 (12). – С. 104–106

References

- Arkhitektura: Raboty Arkhitekturnogo fakulteta Vkhutemasa: 1920-1927 [Architecture: works by Vkhutemas Architectural Faculty: 1920-1927]. (1927). Cover by L. M. Lisitsky; photos by S. G. Khlystov; introduction by Pavel Novitsky; Foreword by Prof. N. Dokuchaev. Moscow: Izdanie Vkhutemasa.
- Bazhenova, E. (2019). Problemy sovremennogo arkhitekturnogo obrazovaniya [Problems of contemporary architectural education]. *Akkreditatsiya v obrazovanii*, 9(109). Retrieved from https://akvobr.ru/problemy_sovremennogo_arhitekturnogo_ obrazovaniya.html
- Indian Institute of Architects. (n.d.). Official site. Retrieved from <https://indianinstituteofarchitects.com/>
- Lidin, K., & Ushkova, N. (2014). A Costume for Love to the Small Motherland. *Project Baikal*, 11(42), 138-141. doi:10.7480/projectbaikal.42.801
- Lidin, K. (2017). A Pack of Questions. On the problem of intercivilisational relations between East and West. *Project Baikal*, 14(54), 33-40. doi:10.7480/projectbaikal.54.1246
- Maslov, Yu. S. (1986). *Teoriya deduktivnykh sistem i ee primeneniye* [Theory of deductive systems and its application]. Moscow: Radio i svyaz].
- Mikailov, S. M., & Mikhailova, A. S. (2008). Stanovlenie universalnogo proektnogo metoda v pervykh shkolkah promyshlennogo disaina – Baukhauze i VKHUTEMASE v 1920-e gody [Formation of a common design method in the first schools of industrial design – Bauhaus and VKHUTEMAS in the 1920s]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 5(12), 104-106.
- Monditalia. La Biennale di Venezia – 14th Architecture Exhibition. Catalogue. Venice, OMA.
- Ocklenburg, S., & Güntürkün, O. (2012, January 26). Hemispheric asymmetries: the comparative view. *Front. Psychol.* <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00005>
- Zilberstein, I. S., & Soloviev, A. A. (Eds.). (1971). *V. I. Lenin i A. V. Lunacharsky: Perepiska, doklady, dokumenty* [V. I. Lenin i A. V. Lunacharsky: Correspondence, reports, documents]. Moscow: Nauka. (Lit. nasledstvo, Vol. 80).

FUNDERMAX в Екатеринбурге / FUNDERMAX in Yekaterinburg

FUNDERMAX®

История Екатеринбурга началась в XVIII веке в период усиления внешних экономических связей Российской империи. С момента своего основания город активно застраивался, образуя инфраструктуру, которая отвечала потребности развития внутреннего рынка и промышленности страны.

Архитектура Екатеринбурга пережила несколько эпох, каждая из которых оставила исторические достопримечательности. На сегодняшний день в Екатеринбурге более 600 памятников истории и культуры, из них 43 — объекты федерального значения.

Сегодня перед градостроителями, участвующими в формировании современного облика Екатеринбурга, стоит задача создания проектов, которые бы гармонично вписывались в историческую застройку города, сохраняя при этом его культурное наследие.

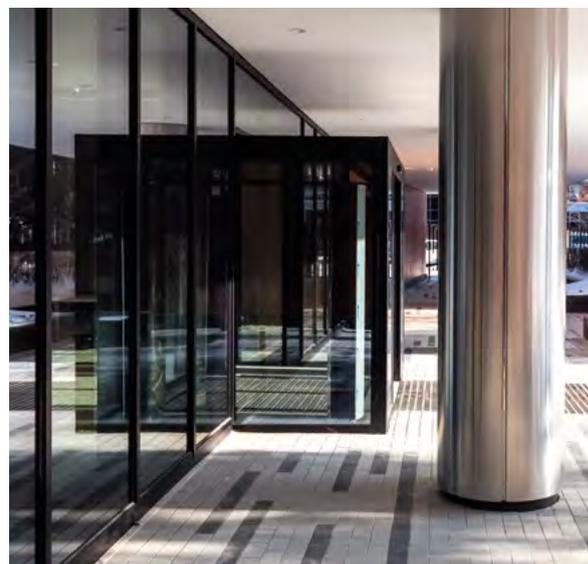
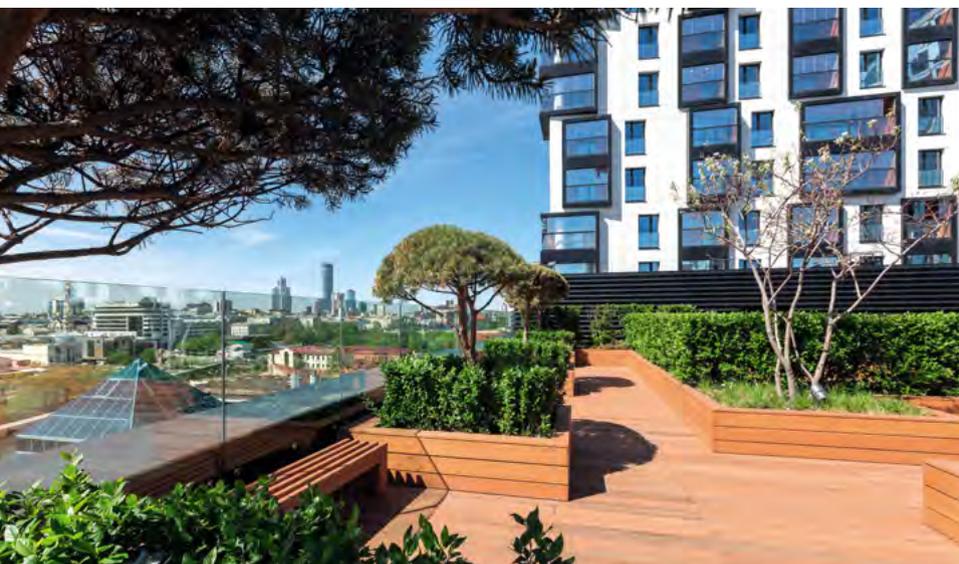
Одним из примеров таких проектов является дом премиум-класса ЖК «Кандинский хаус» в центре Екатеринбурга, разработанный компанией «Брусника». Жилой комплекс расположен в центре города на берегу реки Исеть в непосредственной близости от городского дендропарка и представляет собой 16-этажный комплекс офисов и элитных квартир с пентхаусом, в котором размещается эксклюзивный

бизнес-клуб с панорамным видом на город, спа-салон и террасой. Фасады жилого комплекса выполнены с использованием современного и технологичного материала Max Compact Exterior от австрийской компании FunderMax. Панели Max Compact Exterior успешно применяются в России с 1996 года, отличаются долговечностью, надежностью и высоким качеством. В комбинации с другими облицовочными материалами экстерьерные панели FunderMax подчеркивают оригинальную архитектуру проекта ЖК «Кандинский хаус», за создание которой отвечало бюро Aedas.

Во дворе жилого комплекса организована закрытая территория с благоустроенным садом, который обрамляет уникальный исторический образец деревянного зодчества Екатеринбурга XIX века — особняк на ул. Гоголя, 20/5, в котором ныне располагается музей народного творчества «Гамаюн».

**Александр Логинов / Alexander Loginov,
FunderMax GmbH
www.fundermax.at/ru**

**Официальный партнер компании FunderMax в России:
ООО «Декотек Инжиниринг»
www.dekotech.ru**

...Или с неба возмездие на нас пролилось...

Владимир Высоцкий,
«Охота с вертолётa»

Сибирь и Дальний Восток – главный источник российских богатств. Сегодня именно малые города принимают на себя основные удары стихии, пожары и наводнения. В Тулуна дамба не сдержала напора малой речки Ия; спустя месяц наводнение вернулось, и снова сотни дворов оказались под водой. Уда затопила теперь и Нижнеудинск. Усть-Илимск задыхается в дыму, а катастрофа приобретает глобальные масштабы. Облака сажи от сибирских пожаров уже достигли Калифорнии. И огонь, и вода – расплата за нарушение экобаланса, варварское уничтожение тайги.

О катастрофах и ландшафтосообразном проектировании – статья Андрея Большакова; Николай Крадин представляет историю малых города Забайкалья, а молодые сибирские урбанисты – свои предложения по регенерации городской среды Нерчинска и Саянска.

Елена Григорьева

прибайкалье и забайкалье / pribaikalye and zabaikalye

...Whether God's retribution was spilt
onto us...

Vladimir Vyotsky, Hunting
from Helicopters
© Akbar Muhammad.
Translation, 2016

Siberia and the Far East are the main source of Russian wealth. It is small towns that bear the brunt of natural disasters, fires and floods. In Tulun, the dam failed under the pressure of the small river Iya; the flood returned a month later, and hundreds of households were submerged in water again. The Uda River submerged Nizhneudinsk. While Ust-Ilimsk was suffocated in smoke, the disaster was spreading globally. The soot clouds produced by Siberian fires have already reached California. Both fire and water are recompense for the environmental disorder and the wanton destruction of the taiga.

The article by Andrey Bolshakov speaks about disasters and landscape-oriented design; Nikolai Kradin presents the history of small towns in Zabaikalye, and young Siberian urbanists propose their projects for regeneration of the urban environment in Nerchinsk and Sayansk.

Elena Grigoryeva

Оздоровление городской среды зависит от того, насколько эффективно используют полезные экологические свойства ландшафтов в системе планирования урбанизированных территорий и застройки городов. Природный каркас в регионе способен поддерживать экологическое равновесие в системе среда-общество, природный каркас в городе сообщает благоприятные гигиенические свойства городской среде. Знание о границах природного каркаса, умение формировать требования к градостроительной политике по отношению к городской ткани застройки – необходимые компетенции градостроителя для решения задач оздоровления городской среды. На примере Байкальского региона и города Иркутска разъясняется подход к повышению экологической эффективности градостроительства.

Ключевые слова: экологические свойства ландшафта; принцип ландшафтосообразности; природный каркас; планировка; морфотипы застройки; градиентный переход плотности; городская среда; экологическая эффективность градостроительства. /

Improvement in the urban environment depends on how effectively the environmental benefits of landscapes are used in the system of urban planning and development. The natural framework of the region can support the ecological balance within the environment-society system, while the natural framework of the city offers better hygienic qualities to the urban environment. To find solutions for the improvement of urban environment, a town planner needs to comprehend the boundaries of the natural framework and to know how to formulate town planning requirements in regard to the urban fabric. The case study of the Baikal region and the city of Irkutsk is used to explain the approach to improvement of environmental effectiveness of town planning.

Keywords: ecological qualities of the landscape; landscape-oriented principle; natural framework; planning; development morphotypes; gradient blending of density; urban environment; environmental effectiveness of town planning.

Ландшафтосообразное градостроительство – фактор устойчивого развития городов Иркутской области /

ТЕКСТ

Андрей Большаков /
text
Andrey Bolshakov

Введение

Ландшафт является не только ресурсом застройки. И не только красивым пейзажем, который остался за городом или создан в парке. Ландшафтом является и сам город, если учесть смысл городского ландшафта. Правильнее сказать, что в отношении города и ландшафта участвуют, с одной стороны, природа, а с другой – цивилизация или в лучшем случае – культура как три разных движущих силы развития городской территории. Природные ландшафты замещаются урбанизированными ландшафтами. Это не должно происходить тотально и бездумно. Ценность и устойчивость природных ландшафтов меняется от места к месту, и закономерностям изменения этих свойств должна подчиняться урбанизация, если мы хотим, чтобы она привела к устойчивому развитию территории.

Развитие территории в градостроительстве понимается как синоним застройки: чем больше застройки, тем больше развития. Однако уже потребность в комфорте заставляет задуматься об участии открытого озелененного ландшафта в морфотипах, или паттернах, застройки. Это в отношении локального масштаба градостроительства. А в региональном и, тем более, в глобальном масштабе причиной думать о сохранении ландшафтной ценности служит забота о сохранении планеты для будущих поколений человеческого рода. Однако цивилизация развивается иначе: чем больше застройки, тем больше денег в карманах застройщиков. Да и для экономики в целом инвестиции в застройку играют роль важного драйвера развития.

Природа, как правило, выступает для цивилизации всего лишь материалом. Если мотивацией градостроительства станет культура, то можно надеяться на другой подход. Еще в 80-х годах прошлого столетия его называли парадигмой устойчивого развития территории. В нашем понимании устойчивое развитие территории – это такая урбанизация, при которой в окружающей среде сохраняются природные и культурные ценности. В технологиях развития города в этом случае обязательны усилия по сохранению природного каркаса – как регионального, так и локального. Важно также расположение застройки относительно ландшафтов разной ценности. В са-

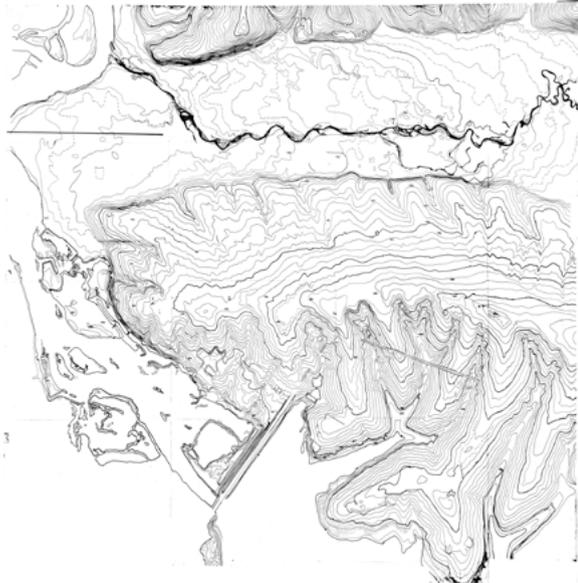
мой застройке следует регламентировать и выполнять массо-пустотный градиент. Плотность застройки должна регулироваться: от интенсивной застройки, включающей многоэтажную и сплошную, до заповедных природных ландшафтов и национальных парков – в зависимости от распределения по территории таких свойств, как ценность и устойчивость ландшафтов.

Летом 2019 года в малых городах Иркутской области случилась катастрофа: поймы и низкие террасы речных долин рек Ия и Уда, города Нижнеудинск и Тулун и районы сельского расселения в их административном подчинении были затоплены. Особенно пострадал Тулун; уровень воды в реке Ия поднимался в конце июня на 14 метров [1]. Затопило Московский тракт по низким местам, и даже Транссиб на подходах к железнодорожному мосту был подтоплен.

Экологическая эффективность градостроительства состоит в том, что выгодополучателем становятся обе «заинтересованные стороны» – и природа, и человек. Если разум восторжествует над жадностью, то В. И. Вернадский и Тейяр де Шарден окажутся правы, рассуждая о перспективах ноосферы.

Технологии развития города – сложные процессы социально-пространственного развития. Городу нужны места приложения труда, нужно жилье, социальная, инженерная и транспортная инфраструктуры. И все это развивается на ландшафтной подоснове. Правильнее сказать – путем уничтожения природных ландшафтов; если мягче – путем их преобразования в разновидности застройки. Доля открытых озелененных ландшафтов остается, только вот какая и в каких местах – с этим надо разбираться.

1. Экологические свойства природного ландшафта
Природные ландшафты неоднородны. В градостроительстве и ландшафтном планировании [2; 3] при определении вида использования территории пользуются понятиями о таких фундаментальных свойствах ландшафта, как их экологическая ценность и устойчивость. Геохимик Б. Б. Польшов и ландшафтовед Н. А. Солнцев [4] раскрыли роль рельефа в морфологии, биологической продуктивности и устойчивости ландшафтов. Три главных

^ Рис. 2. Рельеф Иерусалимской горы

^ Рис. 1. Топологические отношения расселения и ландшафтов Байкальского региона. Схема Большакова А. Г.

Landscape-Oriented Town Planning as a Factor of Sustainable Development of the Cities in the Irkutsk Region

элемента рельефа любого масштаба – вершина, склон и низина – благодаря действию гравитации управляя движением ландшафтного материала: воды, мелкозема, почвы, а с нею почвенных организмов и семян, приземного слоя воздуха. Это ведет к перераспределению ландшафтного материала между этими местоположениями рельефа и к устойчивому формированию свойств соответствующих ландшафтов. Элювиальный (вершинный) ландшафт (от латинского *eluo* – вымываю) отдает свой материал на нижележащий склон, делювиальный (склоновый) ландшафт (от латинского *deluo* – смываю) пропускает этот материал через себя, добавляет свой и передает его как эстафету в самый низ. Если внизу долина и по ней движется водоток, то ландшафт получается аллювиальный (от латинского *alluo* – намываю). В долине накапливается материал; долина или низина становятся самым богатым из всех трех элементов по почвам, влаге, растительности. Это делает его самым продуктивным и эффективным по лесорастительным условиям, и, соответственно, наиболее экологически ценным.

2. Принцип ландшафтосообразности

В 2003 году в докторской диссертации автор защитил положения о ландшафтных основах устойчивого развития территории. Основной принцип состоит в том, что вершинные ландшафты (в особенности плоские вершинные поверхности) являются наиболее устойчивыми к антропогенным нагрузкам и могут быть использованы для интенсивной урбанизации, в то время как низинные долинны ландшафты, наиболее ценные и наименее устойчивые, оптимально не застраивать, а использовать в качестве природного каркаса и для организации рекреации в городах [5].

Этот принцип, даже не будучи отражен в градостроительных теориях того времени, неукоснительно соблюдался на практике. Никто не строил города в поймах, никто не хотел терпеть наводнения во время паводков, которые могли уносить недвижимость с берегов рек. Были, конечно, и в исторический период исключения. Петр Первый построил Петербург в низине на берегу Невы. Вплоть до последних десятилетий XX века нагонная волна с Финского залива вызывала, соответственно, ката-

строфические затопления берегов Невы [6]. Уже в советское время, в 1979 году было начато, а в 2011 завершено строительство дамбы для защиты города от этой волны, вызывающей подъем уровня Невы на несколько метров. Далеко не все поселения на реках могут быть обеспечены подобными защитными дамбами, поэтому при застройке надо соблюдать дистанцию от уреза воды.

Катастрофическое затопление в городах и поселках Тулунского и Нижнеудинского районов особенно наглядно и очевидно свидетельствует: прежде, чем строить город, поселок, транспортную инфраструктуру высшего уровня, необходимо выполнить зонирование территории по уровням рельефа. Так, подъем уровня воды в Тулуна на 14 метров автоматически выявил большие площади, которые были подвержены разрушению. Это территория, образующая клин вдоль амплитудной излучины мощной реки Ия. Клин ограничен излучиной реки Ия и улицей Ленина в левобережной части центра города и участком высокой поймы, заключенным между правым берегом Ии, речкой Азей и Московским трактом в правобережной части центра. Все эти территории лежат или ниже отметки 465 м, или расположены критически по отношению к ней. Жизнь поставила вопрос о коренном переустройстве этой части города: между улицей Ленина на левом берегу, Московским трактом и речкой Азей с параллельным ей Транссибом. Услышит ли кто-то? Это городская территория размером 3,6 км × 4,6 км, т. е. порядка 17 кв. км, или 1700 га обустроенной территории. Она периодически уходит под воду или, как минимум, подтапливается. Здесь проживает до половины жителей Тулуна. Нами услышаны предложения по углублению русла реки и проверены с учетом ямы, которая возникнет в продольном профиле реки. Наш анализ космоснимков Google Earth показывает, что такая яма уже существует. Ее дальнейшее углубление может привести к накоплению в этой яме воды и к обратному эффекту по отношению к тому, на который рассчитывают в первую очередь. Намыв территории 17 кв. км для Тулуна экономически нецелесообразен, разве только в виде дамбы для прохождения Транссиба и Московского тракта. Грандиозно было бы через долину шириной порядка 5,6 км проложить виадук, а не дамбу. Так или иначе,

очевидно, что в градостроительной структуре города целесообразно выполнить сдвиг от низких участков долины к ее возвышенной окраине.

Строить города преимущественно на возвышенных участках местности требовали не только соображения защиты от затоплений водотоками, но и преимущества в обороне возвышенных мест от военных нападений. Иркутск был основан на низком месте, на пойме. Однако, ввиду зарегулированности Байкалом, у Ангары в створе Иркутска расход и уровень были относительно стабильными. Известные затопления центральной части Иркутска вызывались зимой зажорами – заторами льда при ледоставе [7]. С наводнениями в Иркутске боролись путем повышения поверхности за счет насыпей. Ярких примеров доминирования городской застройки на возвышенных местоположениях много. В Иркутске наиболее плотный район (если не считать исторического центра, который Яков Похабов зачинал своим острогом на берегу реки) – Октябрьский, расположенный на Иерусалимской (бывшей Петрушиной) горе. Тобольский кремль также эффектно возвышается над Иртышом; центр Хабаровска занимает вершинное местоположение.

3. Природный каркас

Впервые в отечественной градостроительной науке идею экологического каркаса региона сформулировал В. В. Владимиров [8]. Он установил формулу и форму соотношений зон урбанизации, сельскохозяйственных зон и природного регионального каркаса с предусмотренными зонами экологической компенсации внутри групповых систем населенных мест. Целевая функция модели – сохранять экологическое равновесие за счет природных ландшафтов региона в процессе его градостроительного развития, с учетом емкости территории. По материалам генеральных планов, выполненных в ЦНИИП градостроительства, Н. С. Краснощекова издала книгу о формировании природного каркаса городов на трех уровнях: города в целом, его района и квартала застройки. Принимаются во внимание все сохранившиеся элементы озеленения: парки, скверы, бульвары, внутриквартальное озеленение [9].

4. Природный каркас и топология Байкальского региона

Байкальский регион сложился как административно-территориальное образование на площади водосборного бассейна озера Байкал. Сюда входят Иркутская область (2397 тыс. чел.), Республика Бурятия (983 тыс. чел.) и Забайкальский край (1073 тыс. чел.).

Региональная система расселения и ее положение в системе ландшафтов Байкальского региона показана на Рис. 1.

Ландшафты Байкальского региона сформированы на основе геологии Байкальского рифта. Геологическое происхождение Байкальского рифта и его структуру изучает Институт земной коры СО РАН, основателем которого и автором теории происхождения рифта является Н. А. Флоренсов. Суть модели тектоники рифта в том, что данная область (до 2000 км в диаметре) была растянута горячей каплей магмы, поднявшейся в позднем кайнозое из глубины планеты к нижней поверхности земной коры. От растяжения появились субпараллельные трещины, в образовавшийся разлом обрушилась полоса земной коры шириной до 80 км на глубину до 5 км и протяженностью более 1500 км. Полоса прерывистая. Всего в ней шесть котловин, включая две Байкальские, заполненные водами озера. Упомянутая капля магмы, растекаясь под сводом земной коры, сморщила в складки края рифта, и образовались Байкальские хребты. За 25 млн. лет Байкальские котловины заполнились водой.

К северо-западу от рифтовой зоны располагается край Среднесибирского плоскогорья – Лено-Ангарское плато. Горные хребты Байкальского рифта и сами котловины являются в регионе природным каркасом регионального и даже планетарного масштаба как мировой колодец чистой воды и биогеосистема, обеспечивающая ее воспроизводство и чистоту. По типам ландшафтов это горная тайга и котловинная степь, лесостепь и луга. Лено-Ангарское плато является гигантской лесостепью региона, поскольку здесь самые богатые леса, включая горные чернично-травяно-зеленомошные пихтово-кедровые геосистемы. И рельеф позволяет этот лес рубить и вывозить. На краю Лено-Ангарского плато, в Жигаловском районе располагается Ковыктинское газоконденсатное месторождение.

Между Лено-Ангарским плато и горной системой Восточного Саяна расположен Предсаянский прогиб, в пределах которого сформирована Иркутско-Черемховская равнина и как ландшафт – Ангарская лесостепь в сочетании с распаханной степями. Равнину дренирует река Ангара. Теперь, правда, здесь находится Братское водохранилище. Между Байкальским и Приморским хребтами и Лено-Ангарским плато находится Предбайкальский прогиб, его дренирует река Киренга. Киренга впадает в Лену, которая несет свои воды (4 объема Волги) в Северный Ледовитый океан.

5. Система расселения Иркутской области

Есть два луча, которые образуют пространственную основу расселения в Иркутской области: вдоль Транссиба и Московского тракта на юге и вдоль БАМа на севере. Оба луча опираются на оконечности озера Байкал, и таким образом основные оси пространства образуют треугольник. Если за вершину треугольника считать Тайшет, то Байкал является основанием треугольника. В системе расселения существуют еще две линии, условно параллельные основанию треугольника. Это ось Иркутск – Усть-Кут и Тулун – Братск.

Наиболее сильная ось расселения, с максимальной для области численностью и плотностью населения – это ось по Московскому тракту и Транссибу – Тайшет-Иркутск. Вторая по значимости ось – линия БАМа. Третья – ось Тулун – Братск, и самая слабая ось – Иркутск – Усть-Кут.

С точки зрения тесноты контакта с природным каркасом и его наиболее ценными ландшафтами данное распределение интенсивности градостроительного развития по осям сетки расселения является оптимальным. Ось Иркутск – Качуг – Жигалово – Окунайский – Усть-Кут ввиду близости к Байкалу не должна интенсивно урбанизироваться. Имеющиеся на этой оси градозащитные проблемы связаны с чрезмерными рубками в ценных лесах Жигаловского района и добычей газа Ковыктинского месторождения [10].

Наиболее развитая и главная подсистема расселения Иркутской области – это линия Московского тракта и Транссиба с нанизанными на нее городами в Предсаянском прогибе. Другое имя территории – Приангарье. Длина оси расселения составляет примерно 600 км. На этой оси расположено 9 городов. Особенность в том, что с Саянских гор через прогиб к реке Ангаре устремляются семь рек. В XVIII веке по Предсаянскому прогибу к городу Иркутску был проложен Московский тракт. Вдоль него стояли ямы почтовой гоньбы. Расстояние между ямами измерялось прогонами, которые может одолеть почтовая лошадь за один раз без передышки; оно составляло 40–50 верст. Те ямы, которые располагались возле мостов через крупные реки, постепенно превращаются в города. На реке Иркут расположены два города: Иркутск и Шелехов. Ландшафтная ситуация такова: семь крупных рек, не считая малой речки Черемшанки, стекают

с макросклона Саяна, пересекают Предсаянский прогиб и, прежде чем слиться с Ангарой, пересекаются с Московским трактом. На этих пересечениях развиваются приведенные в таблице города. В XIX веке параллельно тракту прокладывается Транссиб. Города получают дополнительный мощный импульс развития.

В советское время осуществление плана ГОЭЛРО в разработке Ангарского бюро Госплана послужило основой дальнейшего развития Приангарья в связи со строительством каскада ГЭС на Ангаре. Дешевая и изобильная энергия позволила развивать электроуглехимию, затем электронефтехимию, а также электрометаллургию алюминия [10]. Прежде всего это коснулось агломерации городов, которая сформировалась вокруг Иркутска (1661) как регионального центра: Ангарск (1948), Шелехов (1962).

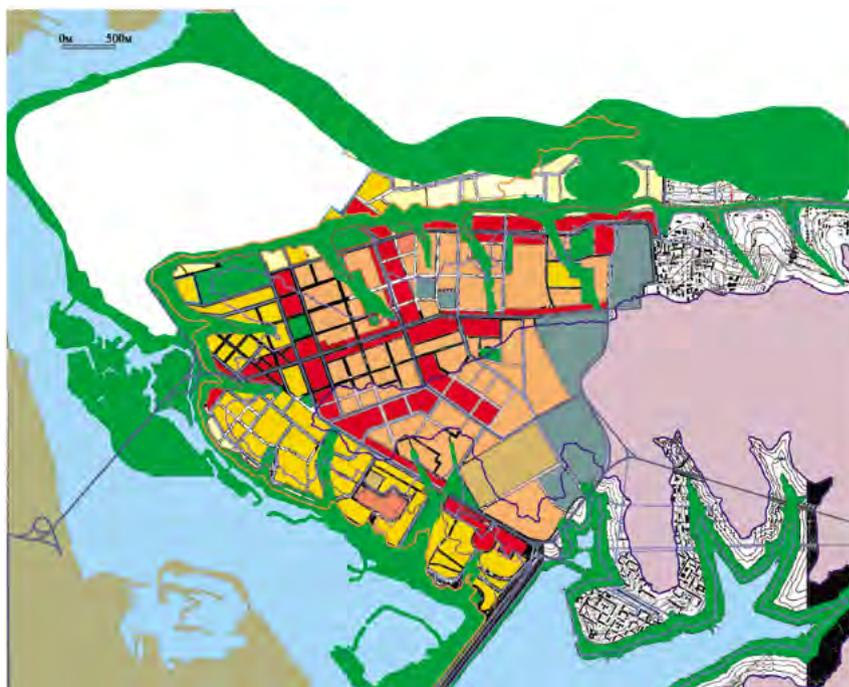
6. Ландшафтосообразность города Иркутска

Рассмотрим с точки зрения ландшафтосообразности планировку и застройку регионального центра – города Иркутска. Природный каркас города образуют долины рек Ангары, Иркуты и Ушаковки. В плане города реки образуют крест. Вертикальный «ствол» – река Ангара, горизонтальная «перекладина» состоит из западной половины – реки Иркут, и восточной – реки Ушаковки. Таким образом, территория делится на четыре квадранта, каждый представляет собой междуречье. Каждое междуречье в рельефе составлено либо единичным холмом (гора Чуприха в Ленинском районе, гора Знаменская в Правобережном округе, гора Иерусалимская в Октябрьском округе), либо системой холмов и распадков между ними – в Свердловском округе.

В 2016 году в журнале «Проект Байкал» была опубликована наша с соавторами статья о принципе ландшафтосообразности [12], где рассмотрены ситуации на берегах главных рек. В настоящей статье рассматриваются малые речки и ручьи, долины временных водотоков, которые служат природным каркасом административных округов. Для регулирования землепользования и застройки предлагается санация этих долин, с одной стороны, и повышение плотности и интенсивности урбанизации по главным улицам – с другой.

Так, например, Октябрьский административный округ Иркутска расположен в междуречье Ангары и Ушаковки; это юго-восточный квадрант плана города. Рельеф междуречья представлен Иерусалимской горой (бывшей Петрушинской). «Гора» на самом деле представляет собой холм, который возвышается над зеркалом Ангары на 50–55 метров (См. Рис. 2). Пологий купол холма по бокам прорезан долинами временных водотоков. Этих эрозионных долин всего 10 в пределах города. В ходе градостроительной истории Иерусалимской горы (Октябрьского округа) судьбы у этих ложбин, конечно, разные. Тот сценарий развития, который более всего соответствует заявленной теме, осуществился для бульвара Постышева. Если все распадки, начиная от плотины ГЭС, пронумеровать, двигаясь по часовой стрелке, то у бульвара Постышева будет третий номер.

Использование этой долинки мы оцениваем как правильное с точки зрения ландшафтосообразности, поскольку, как было сказано выше, это аккумулятивный ландшафт; на днище долинки поступает влага и другие

компоненты, влияющие на продуктивность ландшафта. Правильно то, что здесь устроен элемент системы озеленения города и прогулочный спуск к берегу Ангары. Остальные склоны холма (между распадками) более крутые и транзитные.

Вид использования, который осуществился в результате господствующей в Иркутске градостроительной политики для пятого распадка – правобережный подход к Академическому мосту. Этот распадок можно было бы назвать Комсомольским ввиду того, что до строительства моста по нему проходил переулочек с таким названием.

В 1998 году в Иркутске проведены работы по оценке вариантов выбора створа и высоты Академического моста, который было решено строить; строительство было завершено в 2013 году. Рассматривались, по сути, два варианта моста: высокий (30 м) и низкий (19 м). Автор настоящей статьи представил развернутую оценку экологических последствий выбора того или иного створа местоположения моста. И хотя оба варианта в конечном итоге должны были выходить в створ одной и той же улицы Пискунова, конфигурации подхода к мосту имели существенно разные свойства в ландшафтно-градостроительном отношении. Так, высокий мост опирался на высокий берег и выходил непосредственно в створ улицы Пискунова. Низкий вариант моста опирался на долинку Комсомольскую, на низкий берег. Далее весь распадок Комсомольский использовался под интенсивный транспортный коридор. Этот вариант моста большинством голосов и был выбран к исполнению. В результате был потерян ландшафтный элемент природного каркаса местного значения. Зато, как казалось, были сэкономлены деньги.

На Рис. 3 показан вариант планировки Октябрьского административного округа в парадигме устойчивого развития города, т. е. ландшафтосообразно. Седьмой распадок находится в створе улицы К. Либкнехта. Он

^ Рис. 3. Планировка Октябрьского округа г. Иркутска по принципу ландшафтосообразности. Схема Большакова А. Г., 2008 г.

v Таблица 1. Города – пересечения крупных притоков Ангары и Московского тракта

Город	Тайшет	Нижне-удинск	Тулун	Зима + Саянск	Черемхово	Усолье-Сибирское	Ангарск	Иркутск	Шелехов
Население, 2018 г.	33 000 чел.	34 000 чел.	41 000 чел.	31 000 + 38 000 чел.	51 000 чел.	77 000 чел.	226 000 чел.	623 000 чел.	47 000 чел.
Река	Бирюса	Уда	Ия	Ока	Черемшанка	Белая	Китой + Ангара	Ангара + Иркут	Иркут

поднимается на гору с северо-северо-запада. Немного забежав вперед, скажу, что установленные границы элементов природного каркаса, которые показаны на Рис. 3, подсказывают, что входящая в эти границы застройка должна быть санирована. Градостроительная политика должна быть направлена на то, чтобы морфотипы кварталов здесь были разреженные, содержали бы в себе максимально возможную долю пустоты, или, правильнее, открытых озелененных пространств. Касательно распада в створе ул. К. Либкнехта надо заметить, что на эту ось нанизаны две школы с большими зелеными участками, и вопрос состоит в том, чтобы по возможности их соединить зеленым коридором. Существующий пунктир открытых озелененных пространств в створе седьмого распада надо дополнить футбольным полем, которое располагается за бизнес-центром «Европлаза». По касательной к этому зеленому клину располагается усадьба В. П. Сукачева с парком.

Другое положение, касающееся интенсивности и характера использования ландшафтов в городе, состоит в том, что в целом городская среда должна выстраиваться как поляризованная. Если мы будем принимать во внимание элементы природного каркаса, то для главных улиц, идущих по вершинной поверхности, мы рекомендуем максимально допустимую урбанизацию – плотные и высотные морфотипы (паттерны). На Рис. 3 видно, что улицы Советская, Байкальская, Пискунова и Депутатская в примыкающих кварталах представляют собой оси интенсивной урбанизации (выкрашены красным цветом; природный каркас выкрашен, соответственно, зеленым цветом). Между паттернами максимальной плотности застройки и рекреационными ландшафтами располагается зона умеренной урбанизации.

Таким образом, второе положение, предлагаемое автором для градостроительного планирования территорий Байкальского региона – градиентный переход от высокоплотных морфотипов к низкоплотной разреженной застройке и к природным ландшафтам.

Заключение

Анализ соотношения урбанизации и ландшафтов показывает, что есть предпосылки к тому, чтобы включить в наше градостроительное планирование и проектирование ландшафтный фактор более эффективно, чем это делалось до сих пор. Градостроительная политика на уровне области должна принимать во внимание региональные свойства ландшафтов и планировать защиту природного каркаса региона. Тогда задачей является планирование степени урбанизации элементов и осей системы расселения относительно контуров природного каркаса. В Байкальском регионе главным региональным стержнем природного каркаса является Байкальская рифтовая зона и само озеро Байкал. Предаянский прогиб получил максимальную урбанизацию. Задача градостроительного планирования в данном месте – создавать разрывы между зонами затопления и застройкой, а также в зонах влияния городов по берегу Ангары, особенно в Иркутской агломерации. При этом необходимо развивать скоростные транспортные связи между городами. Малые города в Предаянском прогибе оказались уязвимыми по отношению к непродуманной политике градостроительного освоения ландшафтов.

Устойчивость развития включает ведущие мотивации градостроительной деятельности, которые рассматриваются в этой теме. При переходе в масштаб города и его внутренних членений жадность и глупость становятся особенно заметными, а устойчивость – особенно ущемленной мотивацией. Достичь баланса в мотивациях возможно, если в масштабе проекта планировки также выделять элементы природного каркаса, назначать регла-

менты по санации природного каркаса и стимулировать сосредоточение плотностей городской ткани и потоков движения в урбанистическом каркасе по артериальным улицам. Восстановление природного каркаса при общей поляризации территории позволит структурировать и упорядочивать структуру города в целом и делать ее устойчивой.

Литература

- Петров, Алексей. Все крупные наводнения в истории Тулуна. – URL: https://glagol38.ru/text/29-06-2019/navod_tulun (дата обращения: 16.07.2019)
- Jan McHarg. Design with nature. – New York: Natural History Press Doubleday & Company, Inc., 1971. – 198 p.
- Ландшафтное планирование: инструменты и опыт применения/А. Н. Антипов, В. В. Кравченко, Ю. М. Семенов [и др.]. – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2005. – 165 с.
- Солнцев, Н. А. Учение о ландшафте (Избранные труды). – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 384 с.
- Большаков, А. Г. Градостроительная организация ландшафта как фактор устойчивого развития территории: диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры. – Москва: МАРХИ, 2003. – 424 с.
- Каратыгин, П. П. Летопись Петербургских наводнений 1703–1879 гг. – Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1888. – 87 с.
- Якимова, Н. Зимнее наводнение на Ангаре // Восточно-Сибирская правда. – 2001. – 3 февраля
- Владимиров, В. В. Расселение и окружающая среда – Москва: Стройиздат, 1982. – 228 с.
- Краснощечкова, Н. С. Формирование природного каркаса в генеральных планах городов: учебное пособие для вузов. – Москва: Архитектура-С, 2010. – 184 с.
- Экологические аспекты освоения Ковыктинского газоконденсатного месторождения/А. Д. Абаляков, Э. С. Зиганшин, Ю. О. Медведев [и др.]. – Иркутск: Изд-во Института географии РАН, 2001. – 194 с.
- Фильшин, Г. И. Экономика Приангарья: проблемы и перспективы – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1988. – 206 с.
- Большаков, А., Суродина, А., Максимова, Э. Принцип ландшафтообразности в градостроительном планировании // Проект Байкал. – 2016. – № 49. – Сс. 54–59. – Available at: <https://www.project-baikal.com/index.php/pb/article/view/1050>. Date accessed: 28 mar. 2019. doi:<https://doi.org/10.7480/projectbaikal.49.1050>

References

- Abalakov, A. D., Ziganshin, E. S., Medvedev, Yu. O. et al. (2001). *Ekologicheskie aspekty osvoeniya Kovyktinskogo gazokondensatnogo mestorozhdeniya* [Ecological aspects of the Kovykta gas condensate field development]. Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii SO RAN.
- Antipov, A. N., Kravchenko, V. V., Semenov, Yu. M. et al. (2005). *Landschaftnoe planirovanie: instrumenty i opyt primeneniya* [Landscape planning: the tools and the case history]. Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii SO RAN.
- Bolshakov, A. G. (2003). *Gradostroitelnaya organizatsiya landshafta kak faktor ustoychivogo razvitiya territorii* [Urban arrangement of landscape as an attribute of sustainable territorial development] (Doctoral dissertation). Moscow: MArchI.
- Bolshakov, A., Surodina, A., & Maksimova, E. (2016). The Landscape Congruity Principle in Urban Planning. *Project Baikal*, 13 (49), 54–59. doi:10.7480/projectbaikal.49.1050
- Filshin, G. I. (1988). *Ekonomika Priangarya: problemy i perspektivy* [Economy of Priangarie: problems and futures]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo.
- Karatygin, P. P. (1888). *Letopis' Peterburgskikh navodnenii 1703-1879 gg.* [Chronicle of Peterburg's floods of 1703-1879]. Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina.
- Krasnoshchekova, N. S. (2010). *Formirovanie prirodnogo karkasa v generalnykh planakh gorodov: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Formation of the natural framework in the cities' master plans: manuals for universities]. Moscow: Arkhitektura-C.
- McHarg, J. (1971). *Design with nature*. New York: Natural History Press Doubleday & Company, Inc.
- Petrov, A. (2009, June 29). *Vse krupnye navodneniya v istorii Tuluna* [All huge floods in the history of Tulun]. Retrieved July 16, 2019 from https://glagol38.ru/text/29-06-2019/navod_tulun
- Solntsev, N. A. (2001). *Uchenie o landshafte (izbrannye trudy)* [The study of landscape (selected works)]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Vladimirov, V. V. (1982). *Rasselenie i okruzhayushchaya sreda* [Resettlement and the environment]. Moscow: Stroizdat.
- Yakimova, N. (2001, February 3). *Zimnee navodnenie na Angare* [Winter flood on the Angara]. *Vostochno-Sibirskaya Pravda*.

В статье на основе изучения литературных и архивных источников, авторских натуральных исследований и фотофиксации рассматривается архитектура так называемых малых исторических поселений Забайкалья – пограничной Акшинской земляной крепости и Сретенска, достигшего в 2019 году своего 330-летия. Рассматриваются планировочные, композиционные и стилиевые особенности архитектуры названных поселений, дается анализ наиболее интересных в архитектурном отношении построек, а также особенностей декоративного убранства деревянных домов. Ключевые слова: фортеция; китайская граница; валы; планировка; конфигурация; резной декор; кокошник; тройное окно. / Basing on his study of archival and literature sources, field observations and photofixation, the author explores architecture of the so-called small and historic settlements in Zabaikalye, the frontier earth fortification in Aksha, and Sretensk, which celebrated its 330th anniversary in 2019. The author studies the planning, compositional and stylistic peculiarities of architecture of the given settlements and analyses the most architecturally interesting structures and specific decorations of wooden houses. Keywords: fortress; Chinese frontier; dirt walls; layout; configuration; carving; gable; triple-grazed window.

^ Рис.2. Вид Сретенска. 1905 г. Открытка

Малые исторические города Забайкалья: Сретенск, Акша / Small and Historic Towns in Zabaikalye: Sretensk, Aksha

Среди так называемых малых городов Забайкалья большой интерес представляют Сретенск и Акша, являющиеся центрами одноименных районов – Сретенского и Акшинского. При этом Сретенск и по своему статусу, и по возрасту стоит гораздо выше Акши. Его основание в качестве сторожевого поселения (острог) историки относят еще к 1689 г. Расположенный в 90 км от Нерчинска, ниже по течению реки Шилки, он носил вначале название Нижний Новый, а название «Сретенский» стало появляться в документах с 1719 года в связи с тем, что в это время здесь приступили к строительству Сретенской церкви. В истории Сретенска примечательно еще и то, что он, словам историка Г. Ф. Миллера, никогда не имел укреплений несмотря на то, что назывался острогом [4, с. 92]. Свой герб Сретенск получил почти столетие спустя после основания, а именно 26 октября 1790 года. Вот его описание: «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней части, в голубом поле, положенные слитки серебра, в знак того, что в округе сего города находятся серебряные руды, где и сплавливаются» (Рис. 1). Современный же, новый герб городского поселения Сретенское утвержден в сентябре 2011 года решением №174 и внесен в Государственный Геральдический реестр РФ под № 7235 с таким описанием: «В лазури три серебряных овальных слитка, один над другим, увеличивающихся сверху вниз».

Сретенск, действительно, город небольшой по количеству населения. Еще в конце XVIII столетия (1782 г.) в нем числилось всего 100 жителей; из них третью часть составляли купцы плюс 14 мещан, 29 дворовых людей и 21 цеховой ремесленник, один священник и один приказный. Термин «приказный» означал звание младшего начальствующего состава в казачьих войсках Русской императорской армии и соответствовал термину «кефрейтор». В подтверждение того, что Сретенск относится к категории малых (по численности жителей) городов, посмотрим динамику роста и убыли его населения хотя бы за последние несколько десятилетий. Самая большая численность населения в Сретенске была в 1959 г., когда здесь проживали 15138 человек. Начиная с 1970 года, население города стало постоянно убывать (в 1970–13805, в 1979–13440, в 1989–10445, в 1996–9900, в 2001–9100, в 2005–8200, в 2007–7900,

в 2010–8550, в 2014–6809, в 2017–6687). Судя по последним данным, в 2019 г. численность жителей в Сретенске составляет 6850 человек. Скачкообразно, но все-таки наблюдается убывание, а не прибавление. Город примечателен еще и тем, что обладает богатым историко-культурным наследием. В нем зафиксировано более 150 одних только памятников архитектуры, а есть еще немало и памятников истории. Все это послужило основанием к тому, что в 1990 г. Сретенск был включен в список исторических населенных мест России.

Следует сказать, что в конце XIX века основным стимулом развития города явилось такое крупное событие, как строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, которая в 1897 году приблизилась непосредственно к Сретенску. Ветку к нему от станции Куэнга протяженностью 53 км построили в начале XX столетия, а уже в 1905 г. открылось прямое железнодорожное сообщение от Сретенска до Санкт-Петербурга. Виды Сретенска начала XX столетия наглядно демонстрируют нам характер его застройки того времени (Рис. 2, 3). Появление железной дороги позволило Сретенску стать крупной перевалочной базой грузов с железной дороги на речной транспорт по Шилке и Амуру до Хабаровска и Благовещенска, основанных в середине XIX века. В связи с этим в городе стала активно развиваться торговля, чему способствовало появление купечества и торговых фирм, принадлежавших состоятельным жителям. Таким образом, в конце первого десятилетия XIX в. Сретенск стал городом купеческим, поскольку почти половина его жителей активно и успешно занималась торговлей. Известно, что статус города он приобрел в 1926 г. В это время в городе проживали 8600 человек. Говоря о возникшем оттоке населения в XXI веке, можно, конечно же, сослаться на разные местные причины, однако главными из них являются отсутствие работы и перспектив роста для людей, особенно для молодого поколения. Сретенск не один такой – то же самое можно наблюдать практически во многих малых городах и поселках Забайкалья: Акше, Хилке, Шилке, Александровском Заводе, Красном Чикое, Нерчинске, Цурухайтуе и др. Впрочем, подобную картину оттока населения можно видеть и в более крупных поселениях не только Забайкалья, но и других,

текст
Николай Крадин /
text
Nikolai Kradin

Фото и рисунки под номерами 4, 5, 7–36, 42–47 выполнены автором / Photos and images 4, 5, 7-36, 42-47 by the author

^ Рис.1. Современный герб Сретенска. 2011 г.

^ Рис.3. Река Шилка и ст. Сретенск. 1905 г. Открытка

^ v Рис.4, 5. Окрестности Сретенска

особенно восточных регионов России. Молодежь устремляется ближе к столицам, где можно найти не только работу, но и осуществление своих запросов и интересов. Отметим, что в последние годы Сретенск постепенно преобразуется в лучшую сторону: в городе реставрируются многие памятники архитектуры, заметно улучшается благоустройство улиц и площадей.

Сретенск и его окрестности отличаются выразительным холмистым рельефом; здесь прекрасный пейзаж и, конечно же, река – все это, вместе взятое, создает ту приятную атмосферу, которая способствует прогулкам по его улицам и окрестностям. Что касается непосредственно архитектуры этого города, то в нем немало интереснейших памятников зодчества разных типов – и каменных, и деревянных. Главная улица города, Набережная, проходит вдоль берега реки; поэтому застройка ее односторонняя. С этой улицы открываются прекрасные виды на окружающий пейзаж противоположного берега реки (Рис. 4, 5), где также находится часть построек

Сретенска. Еще в дореволюционный период в различных альбомах можно было встретить снимки с видами этого города, наборы открыток с изображением сцен из жизни города, пристань, снимки фрагментов застройки улиц, отдельных памятников архитектуры и т. д. (Рис. 6, 7).

Каменные постройки Сретенска в большинстве своем эклектичные, относятся к началу XX века и отражают в своей стилистике приемы и детали распространенного в этот период стиля модерн. Наиболее интересные в архитектурном отношении постройки с элементами модерна сосредоточены на улице Кочеткова. В их числе следует назвать здание бывшего банка взаимного кредита, занимающее угловое положение на пересечении двух улиц и ставшее, в связи со своими крупными габаритами и довольно оригинальной композицией, своеобразным ориентиром, доминантой центральной части города (Рис. 8). По сути своей эклектичная, эта постройка вместе с тем имеет в своей композиции и декоре фасадов элементы модерна. О дате сооружения здания банка свидетельствует надпись в верхней части углового ризалита (1912 г.). Несколько лет назад здание было отреставрировано, и теперь в нем располагается администрация Сретенского района [2, с. 65]. В настоящее время данный архитектурный объект является подлинным украшением центральной части города (Рис. 9).

Следует также отметить, что раньше на площади, куда ориентировано здание банка, доминировал собор,

v Рис.6. Сретенск. Улица Набережная. Открытка

Срѣтенскъ. Набережная.

< Рис.9. Здание районной администрации

снесенный борцами с религией. Можно сказать, что бывший банк вместо храма выполняет ту же композиционную функцию архитектурной доминанты, но имеет уже новое, административное назначение. Расположенное на рельефе, здание имеет два основных этажа и третий мансардный, а также полуподвальную часть, помещения которой освещаются через окна в приятках. Более длинное по протяженности правое крыло здания отличает симметричная композиция в отличие от левого, асимметричного крыла. Стены цокольной части банка рустованы. Необходимо отметить, что с 1993 года бывший банк является объектом историко-культурного наследия регионального значения, что и стало основанием сначала для его реставрации, а затем изменения функции и приспособления в качестве административного учреждения.

Известно, что в Сретенске насчитывается около 80 объектов историко-культурного наследия, поставленных в 1993 году на государственный учет. Среди них – отдельно стоящие постройки и усадьбы, комплексы и фрагменты улиц, производственные сооружения, гостиничные здания, школы и многие другие сооружения. Все они в принципе находятся в пешеходной доступности, поэтому гостям города можно даже без экскурсовода самостоятельно посмотреть все достопримечательности и сфотографировать то, что более всего понравилось или приглянулось. Среди построек выделяются комплексы и отдельные сооружения ведущих торговых фирм, а также бывшие владения сретенских и забайкальских купцов. Как известно, в Сретенске во второй половине XIX – начале XX вв. функционировали три самые крупные и успешные фирмы: ТД «Я. С. Андоверов с сыновьями», ТД «М. А. Штейн с сыновьями» и ТД «В. М. и А. М. Орликовы». Весьма солидный вес имели в городе и купцы В. М. Лукин, К. В. Лукин, Г. Т. Мошкович, Л. М. Гаврилович, И. П. Эдельштейн, И. Е. Шустов, Д. И. Сымятицкий, С. Х. Вейнерман, В. А. Замошников, М. А. Танхимович, А. А. Топаз, Л. Э. Шульман и другие. Судя по фамилиям, большинство купцов представляли еврейскую диаспору Сретенска.

Своей архитектурой выделялись не только дома и комплексы торговых фирм, но и здания, принадлежавшие отдельным купцам. В качестве примера подобного типа

^ Рис.7. Фрагмент застройки ул. Кочеткова

v Рис.8. Банк взаимного кредита. Ул. Кочеткова, 6

^ Рис.10. Доходный дом Эдельштейна, ул. Кочеткова, 8

^ Рис.13. Звено ограждения на крыше ТД Андоверова

домов следует назвать дом Эдельштейна (Рис. 10), расположенный на пересечении улиц Кочеткова и Луначарского. Фиксируя своим положением один из углов площади, этот Г-образный в плане дом со срезанным углом, отмеченным ризалитом с высоким аттиком, имеет доминирующую функцию. Правый фасад этого дома, в отличие от левого, имеет симметричную композицию. Выразительность обоим фасадам придает компоновка оконных проемов, членение фасадов по вертикали и горизонтали, а также их цветное решение. Зданий с подобными угловыми акцентами в Сретенске несколько, в том числе и доходный дом купца И. Е. Шустова (Рис. 11). Более камерный по своим размерам, чем купеческий особняк Эдельштейна и, тем более, здание банка взаимного кредита, дом Шустова, как и два предыдущих, состоит из двух частей – симметричного правого и асимметричного левого крыла. На первом, торговом этаже здания, окна витринного типа. Кстати говоря, этажи не связаны между собой лестницей.

v Рис.11. Доходный дом Шустова И. Е.

В дворовой части дома устроена специальная лестница, ведущая на верхний этаж. Располагаясь в центральной части города, дом Шустова играет важную градостроительную роль в формировании главной площади [2, с. 483, 484].

Несколько особняком от вышерассмотренных доходных домов стоит Торговый дом купца Андоверова Я. С., расположенный на ул. Набережной, который тоже имеет статус памятника культурного наследия регионального значения. Дом этот являлся самым крупным торговым зданием Сретенска (Рис. 12). В плане имеющий Г-образную форму, он располагается на улице Набережной, играя активную роль в формировании речной панорамы Сретенска, особенно при восприятии ее с противоположного берега Шилки. Видимо, плоская крыша этого здания была эксплуатируемой. Можно лишь предполагать, что с нее жители Сретенска и гости города могли наблюдать открывающиеся панорамы городской застройки и пейзажи другого берега реки. Подтверждением подобной идеи служит декоративное парапетное ограждение, выполненное по кромке крыши. В звеньях металлического ограждения, находящихся между кирпичными столбиками, сделаны вставки анималистического рисунка с изображением скачущих крылатых лошадей (Рис. 13).

Известно, что в древнегреческой мифологии крылатый конь – Пегас, любимец муз и покровитель наук и искусств. Сын Посейдона и наводящей ужас Горгоны, Пегас вместе с тем считался символом красноречия, вдохновения и славы, а также духовного роста. Иногда его изображали на керамических сосудах. В ясную звездную ночь на небе можно наблюдать созвездие под названием «Пегас». Зачем его изобразили мастера на металлическом ограждении Дома торговли купца Андоверова в Сретенске – пока остается загадкой. Что же касается самой улицы Набережной, то раньше она носила иное название – Береговая, являясь основным торговым центром. Здесь располагались не только рынок, торговые лавки и магазины, но и склады, так что привозимый товар с барж тут же и перегружали непосредственно в них.

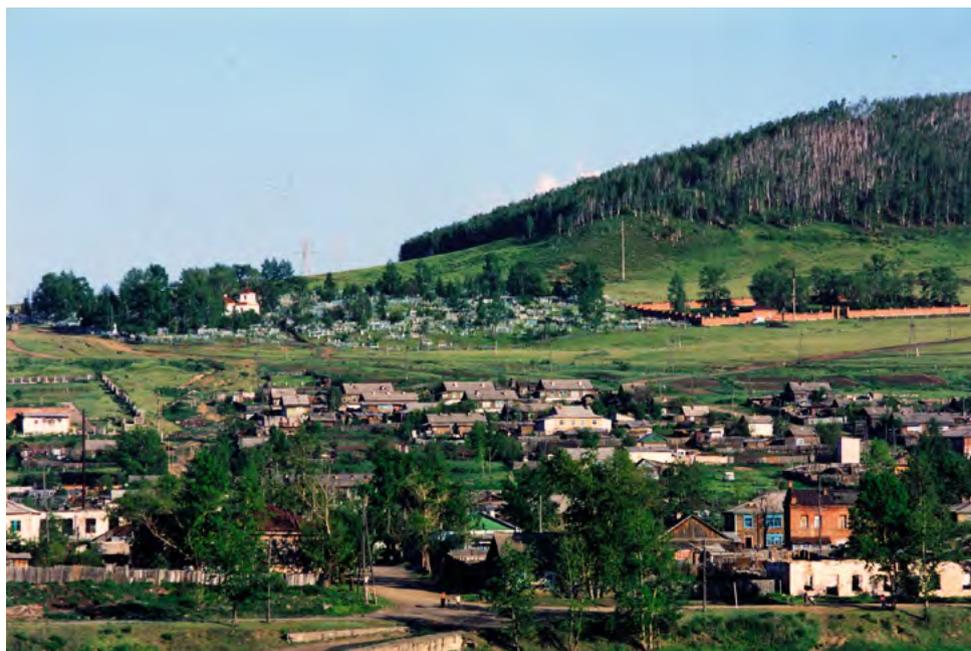
В пешеходной доступности от жилой застройки Сретенска отведены места для двух кладбищ – православного и еврейского. Они по сути дела находятся рядом одно

< Рис.12. ТД Андоверова Я. С., ул. Набережная, 43

с другим и довольно близко от жилой застройки. Располагаясь на склоне пологого холма, оба кладбища хорошо просматриваются и непосредственно из города, и с его окраин, поскольку расположены в верхней части склона (Рис. 14). В левой части этого снимка видна церковь Георгия Победоносца, поставленная на православном кладбище, правее от которого за оградой из красного кирпича находится еврейское кладбище, возникшее здесь еще в дореволюционный период. Из сохранившихся письменных документов известно, что в 1912 г. местные купцы братья Никифор и Максим Штейны возвели вокруг этого кладбища сплошную кирпичную стену (ограду). Большинство захоронений на еврейском кладбище датируются началом XX века. Многие надмогильные сооружения были выполнены из кирпича, из естественного камня с надписями на иврите, с различными символическими изображениями, например, Древо Плача, которое символизировало прекращение рода [2, с. 134]. Памятники на еврейском кладбище в Сретенске не только несли в себе информацию о людях, но и представляли собой произведения скульптуры, монументального искусства. Судя по имеющейся информации, это уникальное кладбище являлось до 1970 г. объектом для туристов, посещавших Сретенск. К сожалению, в настоящее время надмогильные сооружения (памятники) на этом кладбище производят жуткое впечатление – почти все они разбиты, повалены или изуродованы. Постарались местные вандалы – так здесь развлекается местная молодежь. Проблема сохранения кладбищ очень серьезная, и она даже обсуждалась в Правительстве Забайкальского края, которое пообещало исправить это положение, но когда это случится – пока неизвестно.

Церковь Георгия Победоносца, расположенная на православном кладбище (Рис. 15) – небольшой по размерам храм, состоящий из входа со звонницей, храмового объема в виде восьмерика и алтаря, которые находятся на одной продольной оси запад-восток. Храм является объектом культурного наследия регионального значения [2, с. 439]. Кирпичные стены церкви оштукатурены и побелены, а металлическая кровля крыши всех объемов окрашена в красный цвет. Над звонницей, объемом храма и алтарем установлены деревянные кресты. Относитель-

^ Рис.14. Сретенск. Вид на православное и еврейское кладбища

< Рис.15. Церковь Георгия Победоносца

^ Рис.16. Деревянный одноэтажный дом типа «пятистенок»

^ Рис.19. Фрагменты застройки улиц Сретенска

v Рис.17-18. Фрагменты застройки улиц Сретенска

но камерная по своим размерам и композиции, эта православная церковь, тем не менее, удовлетворяет потребности православных сретенских жителей, посещающих храм, чтобы помянуть своих родственников и поставить свечку за упокой души. Известно, что церковь эта построена на средства, пожертвованные казаками Сретенской станицы.

Значительную часть архитектурного наследия в Сретенске представляет деревянная усадебная архитектура, отличающаяся разнообразием типов домов, их композицией и декоративным решением. Улицы Сретенска, особенно удаленные от центральной части города, застроены деревянными домами в один или два этажа. В большинстве домов окна и карнизы зданий украшены резной орнаментикой. Примечательно, что, кроме пропиленной резьбы, встречаются и образцы с объемной резьбой, а также деталями, выточенными на станках. Большинство деревянных домов имеют двухскатную или вальмовую крышу с покрытием из шифера или жести (Рис. 16). Дощатые крыши почти не встречаются. Как правило, дома обращены к улицам или лицевым, или боковым фасадам и поставлены на красную линию. Иногда, особенно перед крупными по размерам домами, устраиваются палисадники и цветочные клумбы. Различные типы домов, показанные на иллюстрациях (Рис. 17–24), наглядно демонстрируют нам и их типологию, и объемные композиции, и декоративное убранство наличников окон. В жилых домах весьма любопытной представляется разнообразная типология окон – одиночные, двойные (спаренные) и тройные (Рис. 25–28). Как правило, у большинства окон, особенно расположенных на нижнем этаже, имеются ставни. Известно, что окно дома – это его глаза, связь дома с внешним миром, но это еще и источник естественного света, проникающего в дом. Кроме всего прочего окно – это еще и лицо дома. Именно поэтому окна своих домов хозяева и украшают снаружи наличниками. К тому же и само слово «наличник» означает «проем на лице» – своеобразный глаз. А ставни окна – это как веки на лице, прикрывающие глаза. Вот такое сравнение элементов жилого дома с живым человеком.

< Рис.20. Двухэтажные деревянные дома

< Рис.21-24. Двухэтажные деревянные дома

^ < Рис.25-28. Типы окон в жилых домах Сретенска

^ Рис.29-31. Фрагменты подкарнизной резьбы

> Рис.32-36. Типы завершений наличников окон (кокошники)

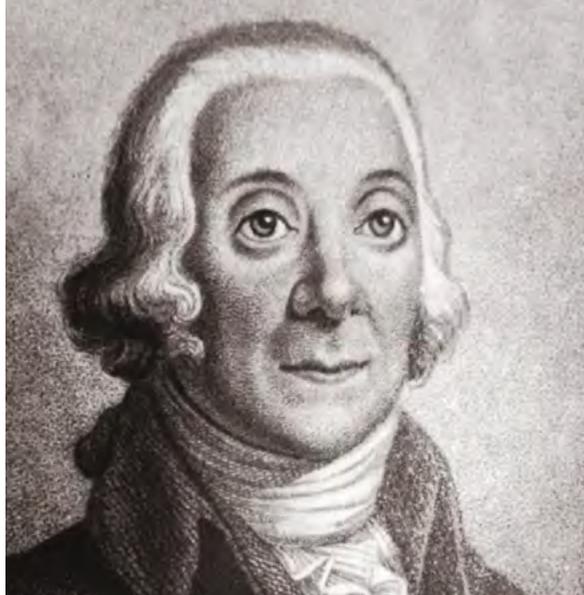

На представленных здесь иллюстрациях (Рис. 29–32) можно видеть резные украшения во фризовой части домов, а также кокошники окон, украшенные деталями, выточенными на деревообрабатывающих станках. Особый интерес представляют примеры, которые демонстрируют различные типы кокошников, ставших украшением одиночного, двойного и тройного окон (Рис. 33–36). Рассмотренные в статье здания и комплексы, представляющие историко-архитектурное наследие Сретенска, вне всякого сомнения, могут быть названы памятниками забайкальской архитектуры; они – не просто украшение Сретенска, но и наглядная иллюстрация того, в каком направлении развивалась архитектура этой восточной российской провинции.

АКША

Кроме Сретенска, в Забайкалье есть немало других населенных мест, относящихся к категории малых поселений. Одним из них является село Акша, расположенное на юге

^ Рис.38. Портрет Палласа П. С.

^ Рис.39. Портрет Аврамова П. В. Рис. Н. А. Бестужева

< Рис.37. Акшинская крепость на карте Российской империи 1786 г.

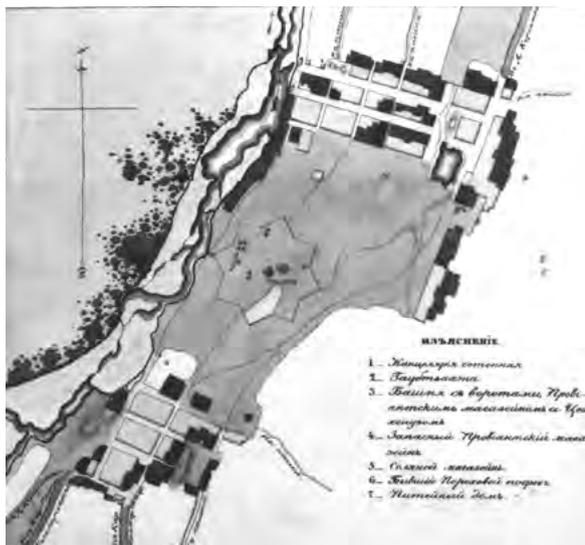
Забайкалья. Несмотря на то, что Акша не город, она имеет статус центра Акшинского района. Ее положение зафиксировано на карте Российской империи 1786 года (Рис. 37). В Акше побывал немецкий ученый – энциклопедист, естествоиспытатель и путешественник Петр Симон Паллас (1741–1811), находившийся на русской службе. Путешествуя по Сибири, он побывал в Акше весной 1772 года, приехав туда из Читы. В Забайкалье Паллас (Рис. 38) исследовал бассейн реки Онон, затем отправился вверх по течению этой реки до Акшинского селения. Исследователь прошел по Акшинским степям, посетил различные достопримечательности Забайкалья, в частности, торейские озера, скальный массив Адон-Челон и др.

Основание Акши, как известно, связано с крестьянами, пришедшими сюда в середине XVIII столетия из Тотмы. Акша – селение, получившее известность по многим причинам. Здесь в течение нескольких лет жили на поселении декабристы П. В. Аврамов (1832–36), К. П. Торсон (1835–37), В. К. Кюхельбекер (1839–44), а также писатель-демократ, просветитель и врач В. Я. Кокосов (1881–1890 и 1897–1903). Здесь же, в Акше, Павел Васильевич Аврамов и умер 17 ноября 1836 г. Вначале его похоронили на церковном погосте, а уже в советское время, в 1980-е годы прах Аврамова перенесли на сельский мемориал, установив памятный чугунный крест. Сохранился и его портретный рисунок (Рис. 39), выполненный коллегой по ссылке Н. А. Бестужевым.

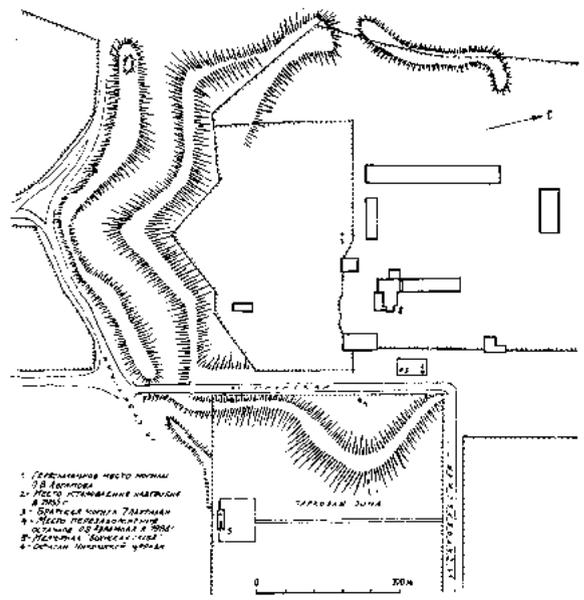
Расположенное на юге Забайкалья, примерно в 50 км от границы с Монголией, село Акша, как и вся Сибирь, стало местом ссылки неугодных царской России просвещенных людей, пытавшихся бороться с самодержавием. Однако в материале об Акше речь пойдет в большей степени не о них, а об уникальном объекте – деревоземляной крепости, остатки которой еще до недавнего времени сохранялись на территории этого селения, имеющего свою, интересную во многих отношениях историю. Акша – тоже поселение немногочисленное, тем не менее, вплоть до революции она являлась станицей Забайкальского казачьего войска. В связи с образованием в середине 1872 года нового округа Забайкальской области Акшу преобразовали в город, ставший центром этого округа. Столь высокий статус Акша утратила после Октябрьской революции, однако в 1924 г. ее вновь возвысили до города, но спустя два года все возвратилось «на круги своя». Вся эта чехарда возникла не на пустом месте: главной ее причиной была малочисленность населения Акши. Весьма любопытной в этой связи представляется и динамика ее численности.

Судя по историческим документам, в 1890 г. в Акше проживали всего 716 человек. Спустя почти 70 лет численность населения возросла до трех тысяч (в 1959 г.), а затем к 1989 г. поднялась до 4637 человек, но вскоре начался спад, достигший в 2017 г. порядка 3380 человек. Таким образом, Акша в настоящее время – это сельское поселение, имеющее столичный статус центра района.

Акша как селение представляет интерес еще и тем, что здесь до недавнего времени сохранялись остатки уникального в своем роде объекта – деревоземляной Акшинской крепости, редкого объекта оборонной архитектуры. Материалом для написания автором истории строительства этой деревоземляной крепости послужили архивные источники, найденные им в столичных архивах, изучение литературных материалов, а также натурное исследование и фотофиксация земляных валов крепости непосредственно в Акше, выполненные автором в 1980-е годы [1, с. 305–323]. Уникальным в своем роде документом, обнаруженным автором в Российском военно-историческом архиве (РГВИА), является план этой крепости, составленный в 1844 году (Рис. 40), а также другие

^ Рис.40. Генплан Акшинской крепости. 1844 г. РГВИА

^ Рис.41. Остатки валов Акшинской крепости. Обмер автора

материалы, проливающие свет на историю этого редкого объекта и рассматриваемую проблему.

Известно, что процесс освоения Забайкалья и Дальнего Востока, как и во всей Сибири, сопровождался строительством крепостей разного типа. Вопросы типологии и композиционных особенностей русских крепостей рассматривались в трудах ученых и военных инженеров и, тем не менее, история возведения укреплений остается до сих пор все еще не изученной до конца. Если о деревянных крепостях, их устройстве и композиционных особенностях все-таки имеются исследования, то деревоземляные крепости еще ждут своего изучения. Замена деревянных крепостей, представлявших собой чисто архитектурные сооружения, деревоземляными укреплениями происходила постепенно. Если в Сибири на протяжении XVII столетия земляных крепостей практически не строили вообще, поскольку в них не было необходимости, то в Приамурье, где маньчжуры имели огнестрельное оружие и даже пушки, земляные валы в составе укреплений встречались уже с середины XVII века. Так, например, в Албазине еще в 1687 году, отражая нападение маньчжуров, защитники соорудили деревоземляную крепость, в валах которой пушечные ядра противника застревали, не разрушая самих стен. Остатки этих валов сохранились до настоящего времени; автору довелось побывать там, сфотографировать их и выполнить обмеры остатков валов и территории крепости (Рис. 42). Практически уже в XVIII столетии деревянные крепости окончательно ушли в прошлое, а повсеместное распространение получили новые по своему типу деревоземляные укрепления. Таким образом, на смену архитектурным сооружениям пришли так называемые фортеции. Несмотря на то, что новые по своему типу и устройству крепости следует относить к отрасли военно-инженерного искусства, они, тем не менее, представляют интерес и с архитектурной точки зрения, особенно крепости XVIII–XIX вв.

Еще в 1756–1770 гг. для защиты российской территории вдоль китайской границы в Забайкалье были сооружены три редута (караулы) и установлено 17 пикетов, а также построено несколько крепостей: Старо-Тункинская, Харацайская, Троицкосавская, Кударинская, Ак-

шинская, Чиндантская, Новоцурухайтуевская. Это и были по сути дела фортеции – новые типы крепостей. В Чиндантскую и Троицкосавскую крепости определено было по 150 казаков, а в остальные – по сто человек. В каждой крепости находился комендант. Во всех крепостях имелись пушки с артиллерийской прислугой, находившейся в них до 1810 г., когда солдаты и прислуга были из крепостей выведены, а сохранившиеся различные постройки проданы с торгов.

Что касается непосредственно Акшинской крепости, то ее строительство осуществлялось по специальному решению Сената: новое укрепление предполагалось построить на месте Акшинской деревни, «где места к проходу через границу удобны и где бывали уже воровские везды монголов в 1756 году...», – читаем в документах того времени. В середине октября 1764 г. императрицей Екатериной II был утвержден специальный доклад комиссии по обороне Забайкалья, в котором ставилась такая первоочередная задача: «На наиболее вероятных путях из Монголии (по долине верхнего Онона на Нерчинской границе и по долине Чикоя и Селенги на Селенгинской, по которым не раз вторгались воровские шайки монголов, построить крепости Акшинскую, Селенгинскую и Кударинскую; обнести их рвом и палисадником, сделать земляные редуты, вооружить артиллерию» [1, т. 2, с. 185].

Не все из намеченных к строительству пограничных крепостей в Забайкалье были построены. Первыми стали возводить Кударинскую и Акшинскую – каждую силами двух рот солдат. Строительные работы субсидировались правительством в объеме три тысячи рублей на каждую из крепостей. В течение 1765 г. Кударинскую крепость практически закончили, а строительство Акшинской приостановили по причине установившегося на границе затишья. Весной 1769 г. в Акшу, в том числе и для продолжения строительства крепости, переселили часть гарнизона казаков из Нерчинска. Дело в том, что Нерчинск, оказавшийся «в тылу» в связи со строительством пограничных крепостей, потерял свое прежнее стратегическое значение, поэтому в нем упразднили должность казачьего головы и значительно сократили штат казачьего войска.

^ Рис.42. Остатки валов земляной Албазинской крепости

^ Рис.43-47. Остатки рвов и валов крепости Акша. 1980 г.

Первая Акшинская крепость находилась на одном из рукавов р. Она, недалеко от небольшого озера. В 1772 г. она оставалась все еще недостроенной. Спустя семь лет инженером-поручиком Чурнашовым были составлены новые проекты нескольких крепостей. Их, как составную часть общего проекта укрепления границы, иркутский губернатор Ф. Н. Кличка отправил в Петербург, в военную коллегию на рассмотрение и утверждение. Однако, как и прежде, почти все проекты крепостей остались на бумаге, «кроме крепости Акши, где насыпи и рвы были действительно сделаны».

Что же представляла собой земляная Акшинская крепость? Восьмиугольная в плане, она располагалась на равнинной местности, между двумя слободами, в которых насчитывалось не более 75 дворов. В начале XIX века в крепости, кроме деревянной церкви, стояло несколько полуразвалившихся строений. В 1840 г. статский советник Любимов Н. И., возвращаясь из поездки в Пекин, куда он сопровождал российскую духовную миссию, совершил инспекторский объезд границы. В своем отчете он отметил, что «построенные в 1764–1773 гг. семь пограничных крепостей – Горбиченская, Цурухайтуевская, Чиндант-Турукаевская, Акшинская, Кударинская, Харацайская и Тункинская пришли в совершенный упадок, не имея ни орудий, ни ограды». Он даже предлагал для укрепления границы восстановить эти крепости и пополнить их необходимым количеством казаков.

Спустя еще пять лет подобную инспекторскую поездку совершил сенатор Толстой И. Н., обнаруживший от крепостей только их жалкие остатки: «От прежних редутов и острогов не осталось и следа, только в одной Акшинской крепости видны были остатки ветхой деревянной башни, ежегодно грозившей падением, с воротами под нею. О существовании некоторых крепостей и редутов едва напоминали земляные валы и рвы. Редуты (караулы) ничем не отличались от простых селений». Понятно, что в это время положение на границе значительно стабилизировалось, поэтому было принято решение пришедшие в ветхость деревянные крепости вообще не восстанавливать, «чтобы не нарушать налаженную с Китаем торговлю и не возбуждать его без лишней меры».

Следует отметить, что земляные крепости, или фортеции, продолжали играть важную роль в защите границ и в первой половине XIX века, особенно на южных границах Сибири и Забайкалья. О поддержании их в исправном состоянии, ремонте и усилении военных команд издавались специальные указы. Эти документы регламентировали не только устройство самих крепостей, но и поселений, расположенных вблизи них. Так, например, 26 июля 1844 г. был издан указ «О недозволении, при возведении новых крепостей, производить постройку домов и других зданий ближе 600 саженей от кроны крепостного глаза». Примечательно, что еще за сто лет до этого в России в переводе Ивана Ремезова было издано произведение известного французского фортификатора Себастьяна де Вобана «Книга о атаке и обороне крепостей» [3], в которой он настаивал на необходимости соблюдения этого же неперемного правила следующим образом: «В долговременном мире губернаторы и знатнейшие офицеры в крепостях забывают, что их крепость осаждена быть может, и пренебрегают около их положение места, позволяют жителям около той крепости делать огороды заборами и рвами окруженными, садить деревья, а иногда и целые дома под пушками крепости строить, чего никогда допускать не надлежало. Чего ради как скоро слух о осаде крепости носиться будет, должно такая погрешности исправить, и губернатору той крепости надлежит осмотреть, чтоб ничего под пушками города не было, за которым бы и неприятеля видеть невозможно было, ему же надобно приказать все рвы засыпать, лес кругом весь вырубить и высокия места, буде можно, сровнять» [3, с. 165].

На плане Акшинской крепости (Рис. 40) хорошо видно, что дистанция между крепостью и жилыми усадьбами поселения соблюдена – здесь она составляет чуть более 200 саженей. Это значительно меньше рекомендованных 600 саженей, однако следует учитывать, что построена крепость была задолго до означенного указа. Кроме того, ранее существовало другое нормативное правило, согласно которому чистое пространство между крепостью и поселением должно было составлять 130 саженей.

Современные границы Акши давно изменились, и остатки крепости уже в середине XX века находились

^ > v Рис. 43–47. Остатки рвов и валов крепости Акша. 1980 г.

в центре поселка. В плане крепость имеет вид восьмиугольной звезды, однако из восьми ее углов сохранились и хорошо просматриваются лишь пять (Рис. 41). Один из углов (восточный) отсечен от крепости улицей Ононской, проходящей параллельно береговой полосе, а три северных угла, к сожалению, полностью утрачены. Внутри крепости сохраняются остатки бывшего Николаевского собора и находятся футбольное поле, а также постройки производственного и хозяйственного назначения. С восточной стороны к крепости примыкает небольшой поселковый парк с мемориальной зоной. Весьма любопытно построение формы этой крепости: восьмиугольная конфигурация ее плана имеет в своей основе два квадрата со стороной 235 м (110 саженей), повернутых относительно друг друга (вокруг общей оси) на 45 градусов. На момент обследования и фотофиксации автором в 1980 г. остатков валов Акшинской земляной крепости (Рис. 43–47) оплывшие земляные валы составляли в высоту от 0,5 до 1,5 метров. С внешней стороны крепости, повторяя ее конфигурацию, проходил ров, который заполнялся водой из протоки реки Онон.

В заключение следует отметить, что сохранившиеся до недавнего времени остатки земляных валов Акшин-

ской крепости представляли собой огромный научный интерес и историческую ценность. Эти земляные валы являлись образчиком оборонительных сооружений нового типа не только в Забайкалье, но и в целом в России. Подобных остатков, насколько известно, больше не существует нигде на всей территории от Байкала до Тихого океана. Тем значимее их ценность, и следовало бы приложить максимум усилий, чтобы остатки валов земляной Акшинской крепости стали экспонатом для туристов и гостей Акшинского селения. Молодое поколение Акши, да и всего Забайкалья должно знать, для чего и когда они были здесь устроены, какую функцию выполняли. Местным властным органам тоже следовало бы приложить усилия, чтобы в пределах пока еще сохраняющихся остатков этого уникального памятника не велось никакой хозяйственной деятельности и тем более строительства каких-либо объектов. А уникальность данного памятника состоит в том, что это единственный подобного рода объект на огромной территории Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока.

Литература

1. Крадин, Н. П. Забайкальские фортеции // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – 387 с.
2. Малая энциклопедия Забайкалья: Архитектура и строительство. – Новосибирск: Наука, 2016. – 540 с.
3. Себастьян де Вобан. Книга о атаке и обороне крепостей. – Санкт-Петербург, 1744. – 184 с.
4. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Том IV (С – Я). – Новосибирск: «Наука», 2006. – 526 с.

References

- Entsiklopediya Zabaikalya: Chitinskaya oblast [Encyclopedia of Zabaikalye: Chita Oblast]. (2006). Vol. IV (S-Ya). Novosibirsk: Nauka.
- Kradin, N. P. (2002). Zabaikalskie fortetsii [Zabaikalye fortresses]. In *Arkheologiya i kulturnaya antropologiya Dalnego Vostoka i Tsentralnoi Asii*. Vladivostok: DVO RAN.
- Malaya entsiklopediya Zabaikalya: Arkhitektura i stroitelstvo [Small Encyclopedia of Zabaikalye: Architecture and Construction]. (2016).

На основе собственных натурных исследований, фотофиксации и изучения архивных и литературных источников рассматривается процесс формирования исторических поселений в Читинской области (ныне Забайкальский край). Среди нескольких исторических городов Забайкалья Нерчинск выделяется своей историей и обилием памятников истории и архитектуры, представляя несомненный интерес для историко-архитектурной науки. Автор рассматривает планировочные и композиционные особенности наиболее значимых сооружений и комплексов этого исторического города.

Ключевые слова: острог; деревянная крепость; Успенская церковь; дворцовый ансамбль Бутина; архангел Михаил; гостиный двор; резной декор; дом Т. Д. Мауриц; витраж; оранжерея; каретные ряды. /

Basing on his field observations, photofixation and study of archival and literature sources, the author explores the process of formation of historic settlements in the Chita region (now Zabaikalsky Krai). Nerchinsk stands out among other historic towns of Zabaikalye thanks to its history and plenty of historical and architectural monuments, being of interest for historico-architectural science. The author studies the planning and compositional peculiarities of the most significant structures and complexes of the given historical period.

Keywords: Ostrog; wooden fortress; Uspenskaya Church; Butin's Palace Ensemble; Archangel Michael; shopping arcade; carving; T. D. Maurits' House; stained-glass window; greenhouse; carriage rows.

^ v Рис.1, 2. Планы Нерчинского острога, конец XVII – нач. XVIII вв.

Малые исторические города Забайкалья: Нерчинск /

текст
Николай Крадин
text
Nikolai Kradin

В истории архитектуры и градостроительства довольно хорошо изучена центральная часть России, однако окраинные территории (Забайкалье, Дальний Восток) до сих пор остаются малоисследованными. В первую очередь это касается так называемых малых поселений, в том числе и имеющих статус городов. Среди них и названный в заглавии статьи малый город Нерчинск, представляющий огромный не только познавательный, но и научный интерес. В Забайкалье немало и не менее примечательных в историческом и культурном отношении поселений (Борзя, Акша, Новоцурухайтуй, возникший в 1756 году как пограничный пост, Горный Зерентуй, Агинск с его дацанами и многие другие). О них автор надеется рассказать в следующих своих публикациях.

Нерчинск, действительно, город небольшой по количеству проживающего в нем населения. Проводившаяся много раз перепись свидетельствует о том, что, начиная с 1897 года, когда в Нерчинске проживало всего 6,7 тысяч человек, город ни разу не преодолел 20-тысячную планку. В разные годы численность города составляла: в 1926 г. 6,5 тысяч; в 1939 г. 17,5 тысяч; в 1959 г. 19,5 тысяч; в 1979 г. 17,8 тысяч; в 1992 г. 17 тысяч; в 2008 г. 14,2 тысяч. Судя по последним сведениям (в 2015 г. – 14746 человек), город так и не смог преодолеть названную выше планку. О том, что собой представлял Нерчинск в конце XIX столетия, свидетельствуют и такие факты: в городе насчитывалось 727 домов, три каменные церкви, синагога, а также 70 торговых лавок. Уже с 1812 г. город стал застраиваться по регулярному плану. В 1825 г. в его центре был воздвигнут каменный кафедральный Вознесенский собор. Более десяти лет (с 1926 по 1937 гг.) Нерчинск входил в состав Дальневосточного края со столицей в Хабаровске.

Вместе с тем, Нерчинск – самый старый из забайкальских городов, основанный еще в середине XVII столетия, а в 2018 году отметивший свой 365-летний юбилей. Расположенный в устье реки Нерчи, он и имя свое получил от ее названия. Основание этого первого в Забайкалье города-острога связано с именем русского землепроходца Петра Бекетова, который получил известность благодаря тому, что основал несколько деревянных крепостей в Забайкалье – первых русских поселений

на востоке российской территории. Собственно говоря, с Нерчинского острога и началось освоение восточных земель русскими. Посланный на государеву службу для противодействия маньчжурам, пытавшимся овладеть этой территорией, Бекетов, выполняя царский наказ, пришел в 1653 году в Даурскую землю «на государеву цареву службу на Иргень озеро и на великую реку Шилку... поставить два острога в самых крепких и угрожих местах». Одной из этих деревянных крепостей как раз и стал Нерчинский острог.

Вторую крепость, которую предстояло заложить Бекетову, следовало ставить на Шилке. Казаки попытались для этого сплавляться на плотах по Ингоде к месту назначения, однако, проплыв не более десяти верст, вынуждены были остановиться в связи с тем, что наступившие морозы сковали льдом реку. Казаки выбрали удобное место на берегу реки, срубили зимовье, амбар и три избы, в которых остались зимовать несколько человек под начальством пятидесятника Ивана Котельникова. Вторая же группа отправилась «на устье Нерчи реки для заимки острожного поставления и для государева ясачного сбора и вновь землиц приводу под ево государеву царскую руку конным путем», а сам Бекетов возвратился в Ирген-

^ Рис.3. «План и проспект города Нерчинска», 1730-е гг. ААН

Small and Historic Towns in Zabaikalye: Nerchinsk

ский острог. Было это в ноябре, а уже спустя два месяца, «генваря в 20 день», с Шилки пришли известия о том, что десятник Максим Уразов с казаками «на великой реке Шилке, против устья Нерчи реки, Шилкою рекою на низ пловучи на правой стороне, приискав крепкое и угожее место, где быть государеву большому острогу, у рыбных ловель и у пашенных мест для заимки поставили малой острожек, а в нем одна изба с нагороднею» [1, № 22, лл. 329, 330].

К сожалению, казаков постигла неудача – большой острог поставить им так и не удалось, поскольку уже весной 1654 года местный князь Гантимур со своим войском стал теснить казаков. К тому же летом тунгусы сожгли и посевы, и само зимовье; в результате казаки вместе с Бекетовым вынуждены были уйти на Амур, где присоединились к отряду Онуфрия Степанова, который «по их челобитью принял их до государеву указу».

Спустя четыре года, весной 1658 г., для учреждения в Приамурье воеводства на Шилку прибыл Афанасий Пашков, прежде исполнявший воеводскую службу в Енисейске. Почти полтора года добирался из Сибири до Иргенского озера этот первый воевода Даурской земли со своим отрядом. Перебравшись оттуда зимним волоком на Ингоду, он «срубил и изготовил в Даурскую землю восемь башен... да на четыре стены... двести сажен острогу», а на «верхний Шилской острог четыре башни, да к тем башням изготовил острог весь сполна». По первой полой воде, «остроги сплота в плоты», Пашков сплыл до устья Нерчи, где поставил острог и «многих иноземцев под государеву высокую руку лаской и приветом призвал» [2, лл. 325, 326]. С той весны 1658 года, собственно, и начинается история Нерчинска, изображенного в 1730-е годы на рисунке-чертеже под названием «План и проспект города Нерчинска» (Рис. 3).

Чрезвычайно интересен прием, которым воспользовался Пашков при возведении укреплений Нерчинска, повторив, спустя более, чем сто лет, опыт строительства Свяяжска под Казанью в 1551 году, когда заготовку леса и предварительную сборку укреплений этой крепости осуществляли в верховьях Волги, а затем, пометив бревна, сплавили их вместе с войском под Казань. Как писал Пашков в своих отписках, делалось все это для того, что-

бы «богдойские и иных неверных земель люди не помещали бы мне холопу вашему на башенное и на острожное дело в Даурской земле лес сечь и башни рубить и острог ставить». В этот период деревянный острог представлял собой крепость, вокруг которой располагались восемь башен – четыре стояли по углам и еще четыре в середине каждой из сторон (Рис. 1, 2).

Следует отметить, что деревянный город-крепость Нерчинск, как и другие подобные сибирские города-крепости, неоднократно изображался на различных рисунках и гравюрах, в частности, на гравюре Н. Челнокова, выполненной по рисунку Люрсениуса в 1770 г. (Рис. 4), а также в реконструкциях исследователей, в том числе и автора этой статьи (Рис. 5). Поставленный на низком и неудобном месте, где река часто разливалась, Нерчинск многократно менял свое местоположение, и лишь в 1812 году, спустя полтора столетия после основания, город был окончательно перенесен на более высокое, не затопляемое место, в урочище под названием Сажиков Яр; там вскоре стали появляться и каменные строения. Вместе с тем следует отметить, что еще на старом месте, где Максим Уразов ставил первое зимовье, по указу Петра I в 1706 году был основан Нерчинский Успенский

в Рис.4. Вид Нерчинска. Гравюра Н. Челнокова по рисунку И. Люрсениуса, 1770 г.

> Рис.5. Деревянная крепость Нерчинска. Реконструкция Н. П. Крадина

v Рис.6. Успенская церковь в начале 2000-х гг.

мужской монастырь, а спустя шесть лет после этого на его территории поднялась пятиглавая каменная церковь в честь Успения Божией Матери с шатровой колокольней (Рис. 7). Важно при этом отметить, что Успенская церковь является самым древним православным храмом на огромной территории от Байкала до берегов Тихого океана. Сам же мужской монастырь служил в то время не только обителью для первооткрывателей Даурской земли, но и местом ссылки: первым ссылкой здесь стал протопоп Аввакум, отправленный с землепроходцем Афанасием Пашковым. В Успенской церкви, «в палатке кладовой каменной», четыре года провел и умер в апреле 1739 года бывший митрополит Ростовский, вице-президент Синода Георгий Дашков, мечтавший стать патриархом. Лишенный сана во время царствования Анны Иоанновны, он также был отправлен в Нерчинскую ссылку. Во 2-й половине XVIII века монастырь упразднили, однако селение, возникшее около монастыря, получило в первой четверти XX столетия название Монастырское.

Уже в советский период, после окончания Гражданской войны в 1923 г., это село посетил «всероссийский староста» М. И. Калинин, в честь которого оно и получило свое теперешнее название – Калинино. Успенская же церковь более чем за три столетия своего существования (1712–2019 гг.) практически пришла в запустение: в стенах появились трещины, куски кирпичной кладки отваливаются, почти разрушены алтарная часть и объем трапезной. Зброшенная и полуразвалившаяся, стоит она в назидание нам, современникам научного прогресса, не сумевшим найти способов для сохранения этого уникального для восточных окраин России памятника архитектуры (Рис. 6).

Мое исследование Забайкалья, этого удивительного во всех отношениях края, началось в 1980 г. именно с Нерчинска и его окрестностей, в том числе с. Калинино. В последующие годы я стал привозить с собой в Забайкалье студентов-архитекторов на ознакомительную летнюю практику, во время которой они делали зарисовки, писали этюды, выполняли обмерные работы на этом и других храмах и памятниках архитектуры, представлявших историко-культурную ценность. Затем на основе собранных материалов, в том числе обмеров и фотофиксации Успенской церкви, в 1998 году под руководством автора данной статьи в качестве дипломного проекта студенткой Татьяной Карус был выполнен детальный проект восстановления этого храма [7, с. 52, 53].

Нерчинск – чрезвычайно интересный город не только в архитектурном, но и в историческом отношении. Его истории посвящено немало книг, статей и диссертационных исследований, а художники запечатлели на своих полотнах его панорамные виды, наиболее интересные здания, комплексы и уголки города. В этом историческом городе сосредоточены наиболее важные и значимые памятники истории и архитектуры, в числе которых дворцовый комплекс Бутиных, гостинный двор, кафедральный Воскресенский собор, деревянные и каменные жилые строения разных стилей, административные здания, учебные заведения и другие сооружения. Общеизвестно, что главным и одним из самых интереснейших объектов, своеобразной визитной карточкой Нерчинска является дворец братьев Бутиных, до сих пор привлекающий

< Рис.7. Село Калинино с церковью Успения Пресвятой Богородицы. Фото Н.П. Крадина. 1980 г.

< Рис.8. М. Д. Бутин. Худ. Н. Тюрин
 ^ Рис.9. М. Д. Бутин и М. А. Бутина

внимание не только многочисленных гостей Нерчинска, но и местных жителей: ведь молодое поколение горожан всегда стремится узнать историю своего поселения, а также зданий, представляющих собой памятники архитектуры, истории и культуры. Исследованию данного объекта автор статьи посвятил несколько лет. Им впервые [8, с. 151] в 1980 г. были выполнены такие работы, как фотофиксация объектов комплекса, обмеры зданий, сделаны их описания и составлены научные паспорта, а спустя несколько лет опубликованы и первые статьи в местной и центральной печати [3–6]. В результате ценный градостроительный объект стал объектом культурного наследия федерального значения (Указ Президента РФ № 176 от 20. 2. 1995).

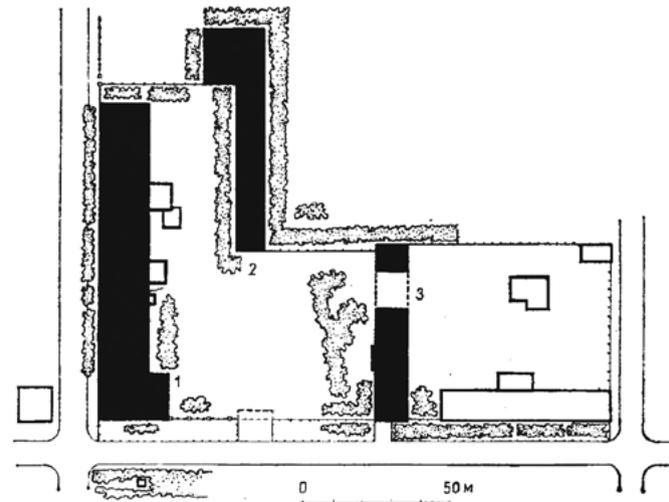
В истории дворцового комплекса были и грустные страницы, когда этот памятник истории и культуры оказался никому не нужным, находился в течение многих

лет в полном запустении и частично даже в развалинах. Однако прозрение к властям города наконец-то пришло, и с 2005 года в обновленном после реставрации дворце стал функционировать Нерчинский краеведческий музей. Расскажем об этом уникальном объекте культуры и его бывших владельцах более подробно.

Михаил Дмитриевич Бутин (23. 10. 1835, Нерчинск – 7. 04.1907, Нерчинск) – купец, золотопромышленник, литератор-публицист, исследователь, коллекционер, меценат, потомственный почетный гражданин Нерчинска. Известен его портрет, написанный художником Н. Тюриным в 1874 году (Рис. 8). Портреты членов его семьи писали и другие художники. К примеру, известен портрет М. А. Бутиной, написанный известным русским художником К. Е. Маковским (Рис. 12). Портретные изображения членов семьи Бутина и сегодня являются едва ли не основными экспонатами музея-дворца (Рис. 9).

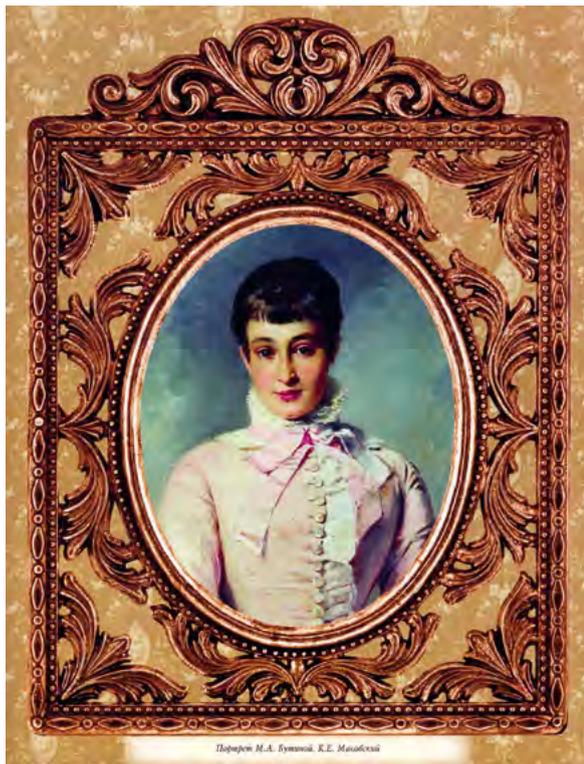

^ Рис.10. Панорама дворцового комплекса Бутиных

^ Рис.11. Генплан-схема усадьбы Бутиных. Обмер Н. П. Крадина

> Рис. 12. Портрет М. А. Бутиной. Худ. К. Е. Маковский

Общее образование М. Д. Бутин получил в Нерчинском учебном училище, а свою торговую и предпринимательскую деятельность начинал еще в Нерчинском Заводе, работая приказчиком у известных забайкальских купцов Кандинских. Удивительно, но Бутин самостоятельно довольно быстро овладел немецким, английским и французским языками, в подлиннике читал произведения Бальзака, Гете, Диккенса и других зарубежных авторов. Занимаясь постоянно самообразованием, Михаил Дмитриевич достиг невероятных успехов в самых разных областях деятельности. Он постоянно совершал деловые поездки не только по крупным российским городам, но довольно часто бывал в Европе и даже в Америке, переписывался с представителями российских деловых

кругов, деятелями науки и культуры. Совместно со своим сводным братом Николаем (1825–4. 09. 1892) он создал фирму под названием «Торговый дом братьев Бутиных». Этой семейной коммерческой фирме принадлежали золотые прииски, солеваренные и винокуренные заводы. Прииски, которыми владели братья Бутины, находились не только в Забайкалье, но и в Амурской и Приморской областях. Всего же приисков, на которых добывали золото, у ТД Бутина имелось не менее 50-ти. Совершая многочисленные и частые деловые поездки по российским и зарубежным городам, М. Д. Бутин привозил отсюда новые идеи, а также все лучшее, что могло бы способствовать развитию и процветанию созданной им и успешно функционирующей фирмы. Весь его жизненный уклад, как неоднократно отмечалось в исторической литературе, «отличался богатством и роскошью и носил черты европейской культуры того времени».

Кроме двоих братьев, в семье была еще их сестра Татьяна Дмитриевна (9. 01. 1837–29. 01. 1924), тоже родившаяся в Нерчинске и там же умершая в 87-летнем возрасте. В начале 1870-х годов она здесь же вышла замуж за чешского музыканта (скрипач, кларнетист, дирижер) Маврикия Лаврентьевича Маурица, который приехал в Забайкалье из Иркутска в 1871 г. по приглашению М. Д. Бутина, создавшего музыкальную школу, руководителем которой Мауриц и стал. Почти сразу же он возглавил в Нерчинске Русское музыкальное общество и оркестр. Любопытно, что когда в 1875 году Нерчинск посетила Дарья Леонова, этот музыкант аккомпанировал на всех ее выступлениях. Именно приезд в Нерчинск и выступления перед горожанами этой выдающейся русской певицы сподвигнули М. Д. Бутина на создание здесь музыкальной школы, открытой им спустя год после выступления в Нерчинске этой выдающейся русской певицы. Для этого учебного заведения по его инициативе недалеко от дворцового комплекса построили двухэтажное здание, сохранившееся до настоящего времени (Рис. 28).

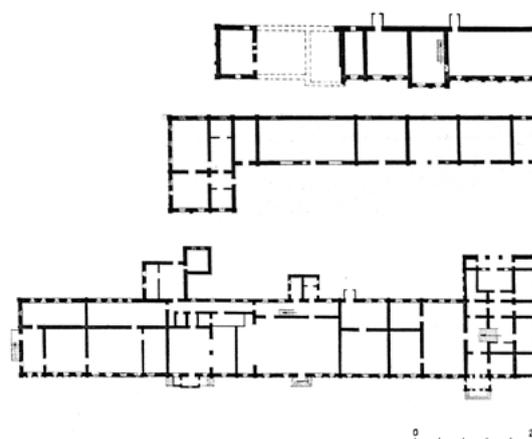
Усадебный комплекс Бутиных формировался на протяжении почти двух десятилетий. Американский журналист Джордж Кеннан, посетивший Нерчинск в 1886 году, отмечал почти полтора столетия назад, что этот город

< Рис.13. Общий вид дворца Бутиных

превосходит своим богатством все восточносибирские города с таким же населением. Однако более всего этого путешественника поразил дворец Бутина – «самый роскошный дом не только в Сибири, но даже по всей России. Войти туда... было все равно, что оказаться в замке Аладдина после хождения по сибирским этапам; а когда я вошел в большой зал и увидел свое отражение в полную величину в самом большом в мире зеркале, мне хотелось протереть глаза, чтобы убедиться, что это не сон. В глуши Восточной Сибири, почти в пяти тысячах километров от Санкт-Петербурга никак не ожидаешь увидеть частную резиденцию с паркетными полами из твердых пород дерева, шелковыми занавесями, окнами с витражами, великолепными люстрами, мягкими восточными коврами, перетянутой белым с золотом атласом мебелью, старинной фламандской живописью, мраморными статуями, семейными портретами кисти Маковского, большой оранжереей с пальмами, лимонными деревьями и редкими тропическими орхидеями. Подобная роскошь не была бы столь заметна в благополучном и густонаселенном европейском городке; но в снежной глуши Забайкалья, в трех тысячах миль от границы Европы для неподготовленного путешественника это был шок... Мне показалось, что едва ли я видел прежде такое богатство, утонченность и изысканность вкуса, какие я встретил в тех стенах» [9, с. 82].

Усадьба братьев Бутиных, строительство которой началось в 1860-е и окончилось в 1870-е годы, стала не только для Нерчинска, но и для всего Забайкалья уникальным архитектурным и градостроительным комплексом. Обездивший всю Россию и побывавший во многих странах мира, Михаил Дмитриевич Бутин привозил в Нерчинск все лучшее, что ему приходилось видеть. Так, например, поражавшие всех зеркала он купил на Парижской выставке 1878 года, причем, самое крупное из зеркал площадью около 20 квадратных метров вместе с двумя малыми были доставлены морем сначала в Николаевск-на-Амуре, а уже оттуда на специально построенной барже по Амуру и Шилке непосредственно в Нерчинск (Рис. 22). Цветной витраж «Архангел Михаил, поражающий дьявола» (Рис. 23), изготовленный в мюнхенской мастерской в середине XIX века, стал украшением па-

< Рис.14. Планы зданий дворцового комплекса: дворец, водонапорная башня с оранжереей, каретные ряды. Обмеры Н. П. Крадина

радной лестницы дворца Бутиных. Основной зал дворца не только освещала, но и украшала люстра весом 500 кг (Рис. 26). Чтобы зажечь все свечи (электричество тогда отсутствовало), люстру каждый вечер опускали на пол и потом снова поднимали. Для этой цели был устроен специальный подъемный механизм. В настоящее время свечи этой люстры питаются от электричества.

Расположенная в границах современных улиц Советской и Погодаева и ограниченная с южной стороны улицей Достовалова усадьба Бутиных по своему размаху превосходила все имеющиеся ансамбли и комплексы не только в Нерчинске, но и вообще в Забайкалье. Занимая огромный по тем временам квартал, она включала дворец, каретные ряды, водонапорную башню с оранжереей, многочисленные складские корпуса, жилые дома и другие постройки (Рис. 10, 11). Три основных корпуса (дворец, каретные ряды и оранжерея с водонапорной башней) расположены параллельно друг другу (Рис. 14). В пространстве между дворцом и корпусом с водонапорной башней был разбит роскошный сад с фонтанами, беседками и копиями известных античных статуй, а с восточной стороны от каретных рядов – парк с удобными прогулочными аллеями (Рис. 29). В стилистическом отношении архитектура дворцовой усадьбы Бутиных была, по сути, эклектичной: наиболее яркое выражение

^ Рис.15. Угловая часть дворца

^ Рис.16. Декор фасада каретных рядов

^ Рис.17. Торговая лавка дворца

v Рис.18. Служащие ТД братьев Бутиных

в ней нашли модные в усадебной архитектуре рубежа XVIII–XIX вв. классицистические и мавритано-готические стилевые направления. Именно в мавритано-готическом духе решены уличные (торцовые) фасады усадебного дворца (Рис. 13, 15), каретных рядов (Рис. 16), монументальных парадных ворот и оранжерейного корпуса. Обращенные в сторону общественного сада, фасады этих трех зданий вместе с чугунной решеткой ограды и монументальными воротами создавали парадный фасад усадьбы, формировавшей своими размерами, архитектурой и благоустройством центральное ядро Нерчинска.

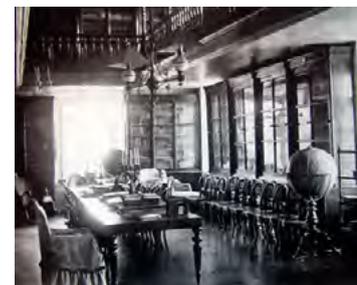
С большим вкусом были обставлены интерьеры дворца, в котором располагались самые разные помещения: кабинет хозяина, в котором он принимал посетителей (Рис. 19), магазин с различными товарами (Рис. 17), богатая библиотека с книгами на многих языках и альбомами (Рис. 20). Имел свои помещения и персонал служащих (Рис. 18), одетых всегда «с иголочки», с хорошими манерами, всегда внимательных к посетителям.

Выше нами уже приводились впечатления американского журналиста о бутинском дворце. Не менее любопытным представляется и описание дворца еще одним гостем, путешественником-французом Шарлем Вапро, посетившим Нерчинск в 1892 году, шесть лет спустя после Дж. Кеннана, когда весь комплекс уже функционировал много лет по своему прямому назначению. Вот его впечатления, полученные от посещения дворца: «Внезапно мы попадаем на большую площадь, и нам кажется, что мы грезим. Напротив возвышается громадный дворец, молочно-белые стены которого, освещенные сияющей луной, выделяются на фоне лазурного неба. Здание представляет собой странное смешение архитектур разных эпох. Это волшебное зрелище... Внешний облик здания позволяет судить о внутреннем убранстве этого огромного торгового сооружения: лестницы, комнаты, салоны, залы для праздников и т. д. напоминают своими размерами залы некоторых царских дворцов. Здесь можно увидеть дорогую мебель, картины великих художников, большой портрет госпожи Бутиной в русском костюме, написанный Маковским, северский фарфор, громадное зеркало Сен-Гобен, которое было представлено на выставке в 1897 г., а транспортные расходы по перевозке

^ Рис.19. М. Д. Бутин в своем приемном кабинете

v Рис.20. Интерьер библиотеки

увеличили его стоимость в три или четыре раза и т. д. Прогуливаясь по громадным залам, спрашиваешь себя, для кого же они были выстроены. Нашлось ли в городе Нерчинске, даже во время его наибольшего расцвета, достаточное количество людей, которых можно было бы пригласить во дворец, чтобы он не казался пустым?» [9, с. 81].

Кроме богатой обстановки дворца, в его отделке имелись и скульптурные элементы, в частности, главный зал гостиной украшала скульптурная композиция под названием «Муза» (Рис. 21), имелась и разнообразная мебель, в том числе весьма экзотическая, выполненная из корней боярышника и березы (Рис. 24). Сестра братьев Бутиных Татьяна Дмитриевна Мауриц жила в своем собственном доме, расположенном в дворовой части дворцового комплекса (Рис. 30).

В 1904 г., за три года до своей смерти М. Д. Бутин завещал городу весь дворцовый комплекс со всем, что находилось в его интерьерах и на территории, для размещения в нем учебного заведения. Более десяти лет, вплоть до революции, здесь находилось училище, а после

революции, уже в советское время – Дом офицеров, библиотека, Дворец пионеров, кинотеатр, музей, различные службы администрации города. В общем, как в той поговорке – «у семи нянек дитя без глазу». Дворцовый комплекс пришел в негодность, дело довершили еще и пожары, случившиеся в 1982 и 1993 гг. Как ни печально, но в конце 1990-х годов комплекс оказался не нужным никому. Однако значимость этого памятника архитектуры как объекта культурного наследия федерального значения заставила властные структуры города и Забайкальского края обратить на него внимание. В результате с 2002 года были начаты проектные работы по реконструкции и реставрации этого уникального градостроительного комплекса; затем дворцовый комплекс был отреставрирован, а правильнее – восстановлен, и в нем теперь находится Нерчинский краеведческий музей. Примечательно, что главным экспонатом этого музея является само здание дворца, представляющее огромную не только историческую, но и архитектурную ценность.

М. Д. Бутину принадлежали владения не только в Забайкалье. В частности, за десять лет до своей смерти

v Рис.23. Витраж «Архангел Михаил поражает дьявола»

^ Рис.21. Скульптурное изображение «Муза»

^ Рис.22. Зеркало в гостиной комнате дворца

^ Рис.24. Столик и кресла из корней боярышника и березы

^ Рис.25. Пропильная резьба оконного наличника

^ Рис.26. Люстра

^ Рис.27. Дом М. Д. Бутина в Иркутске

v Рис.28. Здание музыкальной школы М. Д. Бутина (справа)

он построил для себя деревянный особняк в Иркутске (Рис. 27). Проект этого особняка, выполненного в стиле модерн и расположенного в Театральной переулке, разрабатывал профессиональный архитектор А. И. Кузнецов. После смерти владельца особняк выкупило военное ведомство для резиденции командующего Иркутским военным округом. Примечательно, что это здание сохра-

нилось до настоящего времени. Его капитально отремонтировали и в 1980-е годы передали Союзу театральных деятелей. Само же здание получило новое название – Дом актера.

Немало в Нерчинске и других памятников архитектуры, представляющих большую культурно-историческую ценность. Среди них следует назвать здания гостиного двора, построенного в 1840 году, бывшей гостиницы «Даурия», деревянные жилые дома с кружевной резьбой, украшающей наличники окон и фризную часть строений (Рис. 25, 31–34). Все лучшее, накопленное в Нерчинске за его длительную историю, опубликовано в красочном альбоме, изданном в 2013 г. и посвященном 360-летию юбилею этого города [14].

Разумеется, в небольшой статье невозможно рассказать историю города, основанного почти четыре столетия назад и накопившего целый пласт историко-культурного наследия, имеющего не только местное, но общероссийское значение. Возможно, в последующих публикациях автор обратится к анализу наиболее интересных и значимых памятников Нерчинска и покажет их читателям журнала «Проект Байкал».

^ Рис.29. Аллея в дворцовом саду

^ Рис.30. Дом Т. Д. Мауриц в комплексе дворца

< Рис.31. Гостиный двор в Нерчинске

< Рис.32. Здание городской аптеки

Литература

1. ААН. Ф. 21. Оп. 4
2. РГАДА. Ф. 214
3. Крадин, Н. П. Нерчинск // Памятники Отечества. – Москва. – 1984. – № 1 (9)
4. Крадин, Н. П. Нерчинский гостиный двор // Нерчинская звезда. – 1980. – 29 июля
5. Крадин, Н. П. Связь времен // Нерчинская звезда. – 1980. – 7 авг.
6. Крадин, Н. П. Памятники архитектуры Нерчинска XVII – нач. XX вв. // Архитектурное наследство. – Москва: Стройиздат. – 1985. – № 33
7. Крадин, Н. П. Альбом творчества: научные и проектные работы. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та. – 147 с.
8. Малая энциклопедия Забайкалья: Культура: В двух частях. – Часть 1: А – Л. – Новосибирск: Наука, 2009. – 368 с.
9. Нерчинск. – Чита: ЗабГУ, 2013. – 430 с.

References

- Archive of the Academy of Science, fund 21, inv. 4.
- Kradin, N. P. (1980, July 29). Nerchinskii gostinnyi dvor [Nerchinsk shopping arcade]. Nerchinskaya zvezda.
- Kradin, N. P. (1980, August 7). Svyaz' vremen [Link of times]. Nerchinskaya zvezda.
- Kradin, N. P. (1984). Nerchinsk. Pamyatniki otechestva, 1 (9). Moscow.
- Kradin, N. P. (1985). Pamyatniki arkhitektury Nerchinska XVII – nach. XX vv. [Architectural monuments in Nerchinsk, XVII – early XX centuries]. Arkhitekturnoe nasledstvo, 33. Moscow: Stroizdat.
- Kradin, N. P. (n.d.). Albom tvorchestva: nauchnye i proektnye raboty [Collection of creative works: scientific and design works]. Khabarovsk: Izd-vo Tikhookean. Gos. Un-ta.
- Malaya entsiklopediya Zabaikalya: Kultura: V dvukh chastyakh [Small encyclopedia of Zabaikalye: Culture: In two parts]. (2009). Part 1: A – L. Novosibirsk: Nauka.
- Nerchinsk. (2013). Chita: ZabGU.
- Russian State Archive of Ancient Acts, fund 214.

< Рис.33. Дом жилой

< Рис.34. Бывший жилой дом купцов Колобовниковых, ныне Нерчинская художественная школа

ООО «Сибирская лаборатория урбанистики»

авторский коллектив концепции

Сергей Маяренко
Анастасия Репина
Станислав Соколов
Анастасия Холявко
Евгения Кензина
Алена Алешина

при участии

Ольга Пантюхина
Александр Бобылев
Екатерина Лескова

«Золотая нить» – концепция развития и благоустройства исторического центра Нерчинска – была разработана для участия во всероссийском конкурсе лучших проектов развития комфортной городской среды «Малые города и исторические поселения». Концепция входит в проект комплексной реконструкции центра «Золотая столица Даурии», а также проект стратегического развития города «Нерчинск исторический». Туристический маршрут свяжет ценные архитектурные объекты и событийные площадки. Объекты, входящие в маршрут, были выбраны в большей степени как точки роста для городской экономики и заинтересованности жителей в развитии пространств.

Ключевые слова: малые города и исторические поселения; Нерчинск; Золотая столица Даурии; туристический маршрут; соучаствующее проектирование. /

“A Golden Thread”, a concept for development and improvement of Nerchinsk historical center, was worked out for participation in the All-Russian competition of the best projects for a comfortable urban environment “Small Towns and Historic Settlements”. The concept is a part of the project for complex reconstruction of the center “Golden Capital of Dauria”, as well as the project for strategic development of the city “Historical Nerchinsk”. The tourist route will connect central architectural landmarks and event venues. The landmarks included in the route were mostly chosen as growing points for the city’s economy and involvement of residents in development of spaces.

Keywords: small towns and historic settlements; Nerchinsk; Golden Capital of Dauria; tourist route; participative design.

«Золотая нить» – концепция развития исторического центра Нерчинска /

текст

Анастасия Репина
Станислав Соколов
Анастасия Холявко /
text
Anastasia Repina
Stanislav Sokolov
Anastasia Kholiyavko

История

Нерчинск – город в Забайкальском крае, административный центр Нерчинского района с численность населения около 15000 жителей. Нерчинск основан в 1653 г. отрядом казаков под руководством Петра Бекетова на правом берегу Шилки, против устья Нерчи как острог Нелюдский (Нерча в переводе с эвенкийского означает «указывающая путь») [1].

Нерчинск занимал выгодное положение, имея судходную связь с Амуром; через него проходили и караванные пути в Китай. Придавая большое значение городу, царское правительство возвело его в степень воеводства. Нерчинск в течение короткого времени прошел путь от военно-опорного пункта до экономически развитого центра. Торговые пути обеспечивали ему постоянный приток купцов с товарами и экономическое развитие.

Это, в свою очередь, требовало строительства большого количества торговых лавок и амбаров для хранения товаров [2].

Из-за систематических разливов реки острог неоднократно подвергался паводкам, разрушавших его и смывавших сельскохозяйственные посевы. Начиная со второй половины XVIII века, жители города неоднократно обращались в высшие инстанции с прошением перенести его на более удобное высокое место. Такое разрешение было получено в 1805 году, и практически сразу же началось перемещение строений, продлившееся до 1812 года.

Жилые дома обывателей переносились и строились примерно в трех верстах выше по течению Нерчи, однако центром города была выбрана наивысшая береговая точка, расположенная далее еще примерно в двух верстах и называемая в народе Урочище Сажиков Яр, названный так по имени монгола, который, по преданию, пас здесь когда-то стада своих овец.

В самом центре по плану было определено место для главной городской площади, впоследствии разделившей город на два «квартала»: верхний – култук и нижний – каштак. Сейчас эту территорию можно ограничить прямоугольником улиц Ярославского (Набережной), Достовалова (Гражданской), Первомайской (Воскресенской) и Шилова (Юринской); главная площадь Нерчинска получила название Базарной. Как и положено, первым был заложен фундамент главного православного храма – Воскресенского собора (1825), а также здание Гостиных рядов с рустованной аркадой нижнего яруса.

В 1851 году, когда центром вновь образовавшейся Забайкальской области была избрана Чита, казенные учреждения стали понемногу упраздняться или переводиться в новую столицу. Уже через год население Нерчинска сократилось почти на 20%.

В 1864 году в Забайкалье была разрешена частная золотопромышленность. К тому времени в Нерчинске уже появилась новая торговая фирма молодых купцов братьев Бутиных. Понимая большие перспективы разработки приисков на богатейших месторождениях, купцы добавили к своим уже окрепшим торговым предприятиям новое направление деятельности. А вскоре для наиболее полного обеспечения всем необходимым своих предпри-

“A Golden Thread”: the Concept for Development of Nerchinsk Historical Center

ятий Бутины обзавелись солеварным, железоделательным и винокурными заводами, парходством и даже типографией. Большие прибыли тратились не только на развитие дела и семейные нужды, но и на создание благоприятных условий для сограждан: были построены женская прогимназия, музыкальная школа, аптека, типография и др., собрана крупная библиотека (около 25 тысяч томов).

После бурных событий первой половины XX века, связанных со становлением Советской власти, поднятием народного хозяйства, тяжелейшей для всей страны Великой Отечественной войной, город ускоренными темпами развивал новое производство. Огромный хлебозавод обеспечивал все соседние районы. Вентиляторы и другие изделия машиностроительного завода (Нерчинскпитемаш) поставлялись еще дальше на запад необъятных просторов Советского Союза. Все это способствовало и развитию инфраструктуры. В городе появились новые микрорайоны, улицы покрылись асфальтом и в ночное время ярко освещались, работали гостиница, столовые, кинотеатр. Детвора занималась в кружках Дома пионеров, в художественной и музыкальной школах, а летом отдыхала в загородном лагере. Определенную культуру и новизну приносили и воинские части.

По состоянию на начало 1990-х у Нерчинска выделялось четыре базовых функции:

- военно-оборонительная (изначально возник как острог, впоследствии действовали три советские военные части);
- пенитенциарная (долгое время был центром Нерчинской каторги и ссылки, с 1930-х годов – колония, входившая в систему ГУЛАГа);
- аграрная (в XX веке как центр переработки сельскохозяйственной продукции);
- торгово-логистическая (расположенный на пересечении внутренних путей Забайкалья, Нерчинск был своеобразной штаб-квартирой золотодобытчиков; сами рудники располагались далеко от города).

В 1990-е годы город полностью потерял одну из функций – военные части были выведены, в городе осталось только около 300 военных.

Аграрная функция потеряна частично – имевшиеся крупные центры переработки (молокозавод, колбасный завод, хлебозавод) были закрыты, однако на их инфраструктуре возникли частные предприятия меньшего масштаба.

Логистическая функция продолжает иметь существенное значение для развития города, торговые базы являются одним из градообразующих направлений и обеспечивают занятость основной части населения.

Пенитенциарная функция является одной из ключевых и градообразующих для города: две колонии обеспечивают самое большое количество рабочих мест; пенитенциарные учреждения также выступают в качестве подрядчиков городской администрации, позволяя экономить бюджет за счет низкой стоимости услуг.

Важную роль играет выделившаяся в самостоятельную административная функция. Большинство жителей, в той или иной степени, заняты в государственном и муниципальном секторах. Нерчинск – вероятный кандидат на роль межрайонного центра Забайкалья (в случае постановки вопроса о целесообразности такого центра).

Трансляция выявленной идентичности города

ВОЕННАЯ ТЕМАТИКА

Торговый центр района
Специализированные предприятия

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ФУНКЦИЯ

Производственные трудовые ресурсы
Основные градообразующие предприятия города

ЗОЛОТАЯ СТОЛИЦА ДАУРИИ
ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ

Туристический маршрут

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРОДУКЦИЯ

Брендирование местной продукции

«ЗОЛОТАЯ НИТЬ»
ТУРИСТИЧЕСКИЙ МАРШРУТ НЕРЧИНСКА

Связывает основные функциональные объекты и забытые пространства города

Вместе с тем, потеря части городского функционала не была восполнена. Сейчас Нерчинск – это административный город с торговыми базами как основным источником занятости [3].

Концепция

На основе ретроспективного анализа были выявлены городские культурные коды и разработана трансляция идентичности: история города золотопромышленников будет отражена в туристическом маршруте Золотая нить, поэтапно рассказывающем об особенностях уклада жизни города XIX в. Маршрут включает в себя объекты культурного наследия федерального и регионального значения, ценную средовую застройку, а также общественные пространства, охватывая не только исторически ценные объекты, но и главные событийные площадки города. «Золотая нить» будет оформлена в виде линии, отраженной в мощении территории и завязанной в основных узлах маршрута информационными стендами и указателями.

Бывшие военные базы были переоборудованы в торговые, став главными центрами притяжения оптовой торговли района. Расположение на периферии города неудобно для жителей без личного автомобиля, поэтому в проекте предложено восстановление центрального рынка на Базарной площади.

Сельскохозяйственная продукция на протяжении всей истории города ценилась за качество и натуральный состав. Проектом предусмотрено брендинг товаров и размещение точек стационарной торговли на центральном рынке.

Вовлечение жителей

Важной частью разработки проекта было соучаствующее проектирование: проведены различные мероприятия по вовлечению жителей в составление технического задания на проектирование и обсуждение предконцепции, а затем концепции реконструкции центральной части Нерчинска.

Творческие встречи с учениками младших классов и школы искусств дали представление о запросах в отношении пространств для детей. Учащиеся старших классов

реализовали свои проектные идеи и сценарии досуга в дизайн-игре. В результате обсуждения со взрослыми группами были определены границы проектируемой территории объединением общественных площадок, выбранных путем голосования жителей и обсуждения экспертным сообществом как наиболее важных для развития центральной части города.

Отельные встречи и скайп-сессии были проведены с предпринимателями для согласованности по их включению и вовлечению в проект. Привлечение частных инвесторов являлось одним из обязательных условий конкурса.

Во время разработки проекта велось активное взаимодействие с заинтересованными в реализации горожанами через социальные сети. Совместно с активными жителями и сообществами разработан календарь мероприятий для реализации проекта: проведение общественных акций, строительство арт-объектов, фестивали и ярмарки. Таким образом, нам удалось выстроить процесс проектирования по принципу пинг-понга и оперативно принимать решения.

Концепция

Общая площадь территории 96,9 га. На территории расположены объекты массового притяжения: образовательные объекты (СОШ № 9, школа искусств, детский Дом творчества, библиотека), Воскресенский собор, Дом культуры, стадион, кинотеатр, районная поликлиника, городской парк и центральная площадь. Площадь вместе с выходящими на нее Домом культуры и краеведческим музеем (Бутинским дворцом), который является центром социокультурного притяжения, представляет место наибольшей социальной активности; здесь проходят практически все городские мероприятия. Здесь же располагается большинство объектов культурного наследия федерального (9 объектов) и регионального значения (78 объектов), а также средовая застройка с уникальным деревянным декором.

На севере территории расположена Соборная площадь (была утрачена, в настоящее время Воскресенский храм выходит на красную линию улицы): в проекте предусматривается частичное восстановление площади: участок

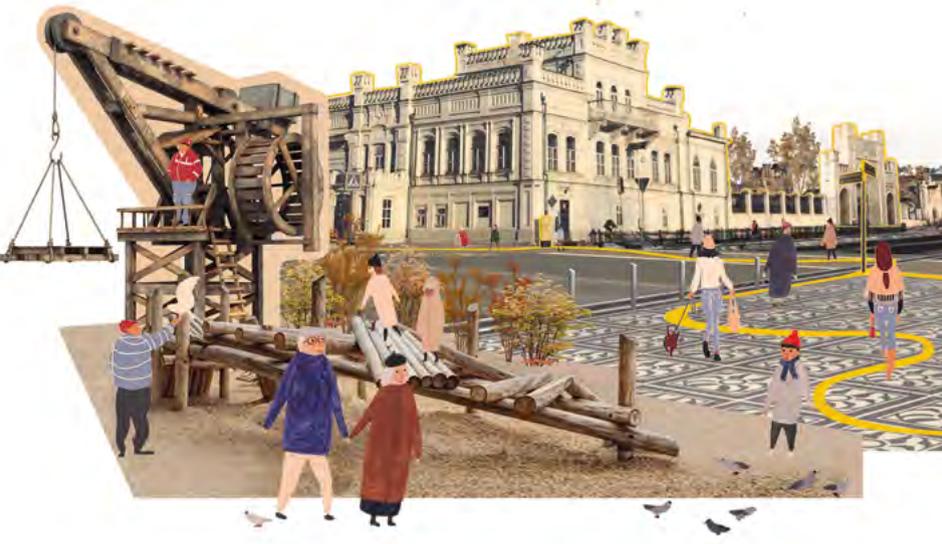
улицы Погодаева от храма до воскресной школы (строительство запланировано в 2020 году) остается проезжим, но с приоритетом пешеходов (shared space); участок будет выделен нанесением рисунка в тематике христианских орнаментов. Напротив храма полукругом организуется сквер, форму мощения поддержит озеленение.

Улица Советская перекрывается на участке от ул. Достовалова до ул. Шилова и становится пешеходной, единый уровень тротуаров и проезжей части позволяет создать целостное пространство площади. В праздничные дни 1 и 9 мая площадь может быть использована для проведения парадов и шествий, а в будние дни – для катания на роликах и скейтбордах; рампы для трюков

будут размещены вдоль зеленых зон, не мешая движению основных потоков.

Скверы на площади Борцов революции (огорожены в настоящее время) становятся открытыми для горожан: по обе стороны от мемориала Великой Отечественной войны разместятся 2 детские площадки с тематикой города золотопромышленников. По стороне, выходящей на Гостиный двор, в скверы встроены места для отдыха и выставочные стенды, участки озеленения расширены. Мощение площади выполняется тротуарной плиткой без стыков для комфортного передвижения на каблуках и катания на роликах.

На пустующем углу пересечении ул. Советская и ул. Шилова демонтируется рекламная конструкция и формируется зеленый островок для соединения прерванной оси бульвара по ул. Шилова.

За Гостиным двором на месте бывшей Базарной площади запланировано строительство сельскохозяйственного рынка; он станет точкой реализации эко-продуктов как частных лиц, так и местных производителей. Также будет благоустроена центральная площадь со стационарной сценой и местами для отдыха, здесь будут проводиться основные городские мероприятия. В будущем планируется переход от площади к набережной реки Нерча и ее благоустройство.

Уже на первом этапе реализации летом 2019 г. будут отремонтированы фасады объектов культурного наследия (5 объектов: здание универмага, аптека, ЗАГС и 2 корпуса усадьбы Бутина). 22 фасада деревянных жилых домов будут очищены и окрашены волонтерами и жителями в рамках общественной акции «Фасадник». Параллельно запланирована реновация 3 архитектурных комплексов: склады купца Колобовникова, Каретный ряд и казармы. В складах Колобовникова появится молодежный квартал; идея его возникновения появилась после проведения сессии соучаствующего проектирования с молодежью. В квартале уже в этом году откроется фитнес-центр, пекарня и стрит-фуд-кафе, а в следующем году – и интернет-кафе. Терраса, объединяющая фитнес-центр и кафе, позволит проводить на ней мероприятия, танцы, показы кино.

Территория Каретных рядов постепенно будет благоустроена под школу верховой езды от Нерчинского конезавода. Небольшие крытые манежи и открытые площадки позволят проводить занятия для детей в центре города. Сам конезавод расположен в 40 км, и далеко не у каждого есть возможность посещать занятия.

Военные казармы, пустующие на данный момент, станут гостиничным комплексом со спортивной школой и супермаркетом. Комплекс не расположен на территории проектирования, но также станет точкой притяжения туристов и частью экономики проекта.

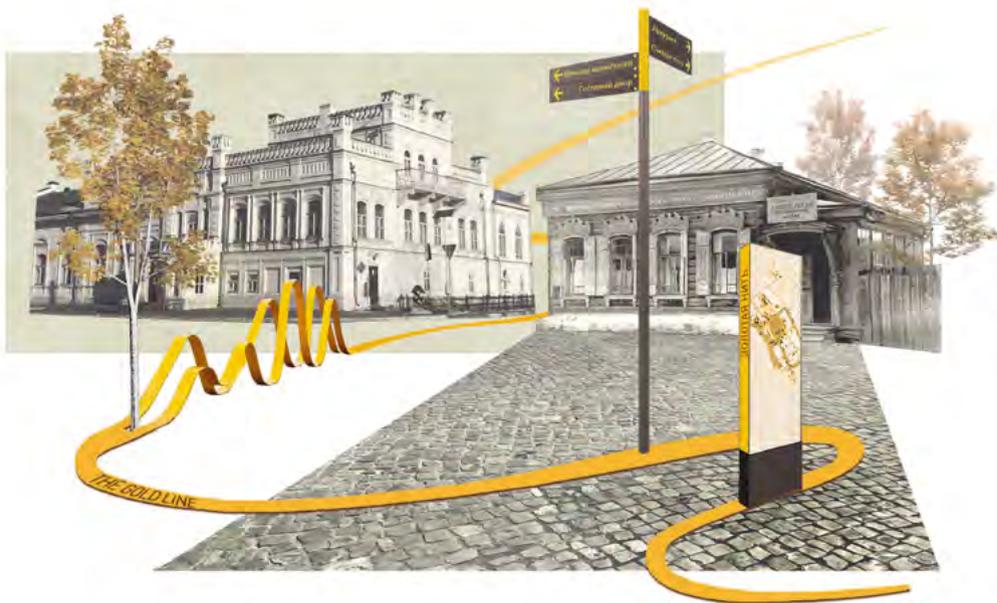
Транспорт

Для пешеходизации улицы Советская проектом предусмотрена изменение существующей траектории движения общественного транспорта. Он обойдет квартал со стадионом, кинотеатром и будущей воскресной школой по улицам Шилова, Погодаева и Достовалова, и вернется на улицу Советская. Для улучшения транспортной доступности центральных кварталов вблизи перекрестком этих улиц организуются новые или передвигаются существующие остановочные пункты – чтобы направить потоки приезжих на ближайшие пешеходные переходы. На территории перед существующим автовокзалом (здание «Винной монополии») обустроивается остановочный пункт с разворотной площадкой, а для улучшения транспортной доступности автовокзала улица Достовалова, заканчивающаяся сейчас у Дома культуры (здание общественного собрания), продлевается узким односторонним (в сторону берега) проездом со строгим ограничением скорости до остановочного пункта.

Озеленение

В озеленении применяются несколько основных универсальных схем. Первая: ритмичные посадки высоких деревьев по периметрам зеленых площадок, таких, как Аллея падших воинов вдоль ул. Достовалова, зеленые зоны вокруг сквера Борцов Революции и Базарной площади, бульвара вдоль ул. Шилова, а также в качестве благоустройства парковочных площадок. Посадка высоких кустарников применяется для формирования зеленого парадного фасада ул. Советская (пешеходная часть) и перед зданием Гостиного двора. Вторая: формирование больших куртин или невысоких изгородей из декоративных кустарников или цветов для формирования клумб на внутридворовых и придомовых скверах и направляющих пешеходные потоки островов в зеленой зоне вдоль площади Борцов Революции. Отдельная схема озеленения будет применена для формирования полукруглого сквера напротив храма на Соборной площади, она совмещает в себе предыдущие схемы озеленения.

Реализация проекта повлияет на повышение качества среды, социальной активности и привлекательности города для жизни и работы. Местные ведущие предприятия

получат возможность представления своей продукции и услуг в центре города. Это станет рычагом для развития важных стратегических направлений: сельское хозяйство, экологически чистые продукты и местные бренды, санаторий у минеральных источников, коневодство и животноводство, центр истории забайкальских поселений, туризм.

Работа над проектом продолжается: в этом году будет реализована центральная площадь за счет средств, выделенных администрацией Забайкальского края для поддержки проекта, и подготовлена рабочая документация на реализацию следующего этапа проекта в 2020 году.

Награды

В своей номинации «Малые города с численностью населения от 10000 до 20000 жителей» проект занял 2-е место, войдя в число 15-ти призеров.

На архитектурном фестивале «Зодчество в Сибири-2019» проект получил Золотой диплом.

Литература

1. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=99944332>/Нерчинск (дата обращения: 06.04.2019)
2. URL: <https://web.archive.org/web/20070103031218/http://www.fortification.ru/library/kradin/nerchinsk.html>/Нерчинск // Web. archive (дата обращения: 06.04.2019)
3. Литвинцев, А. Наш город. URL: http://гпнерчинское.нерчинск.зabayкальскийкрай.рф/nash_gorod.html (дата обращения: 06.04.2019)

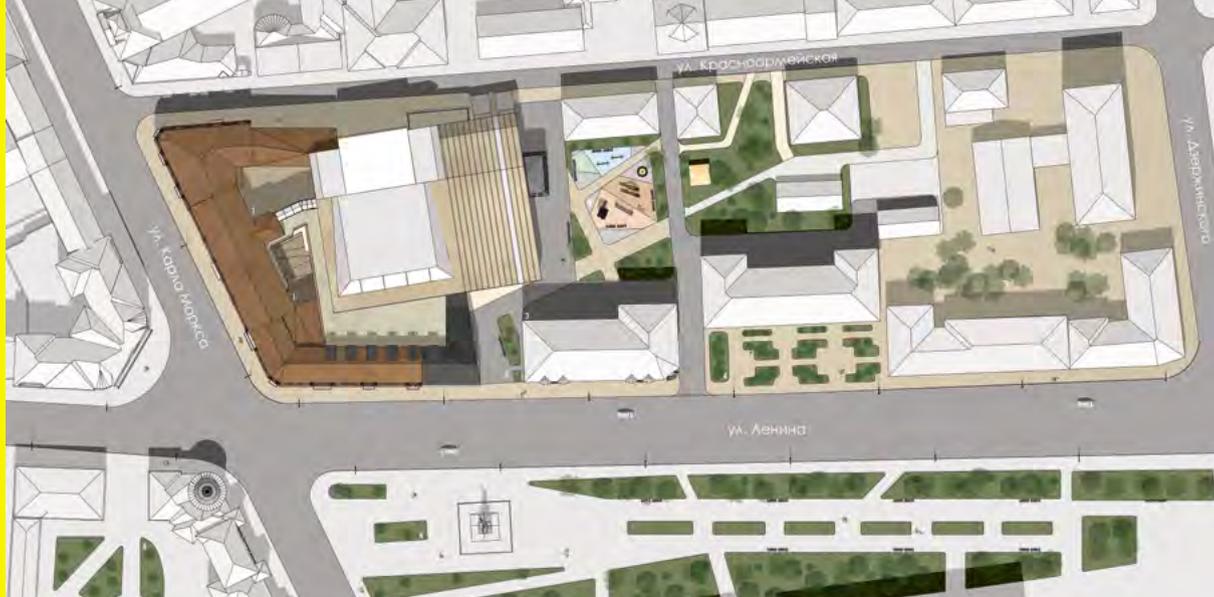
References

Litvintsev, A. (n.d.). Nash gorod [Our city]. Retrieved April 6, 2019 from http://гпнерчинское.нерчинск.зabayкальскийкрай.рф/nash_gorod.html

Nerchinsk. (n.d.). Retrieved April 6, 2019 from <https://ru.wikipedia.org/?oldid=99944332/>

Nerchinsk. (n.d.). Web.archive. Retrieved April 6, 2019 from <https://web.archive.org/web/20070103031218/http://www.fortification.ru/library/kradin/nerchinsk.html>

> План застройки территории

Реновация Театра юного зрителя в г. Иркутске /

дипломный проект
автор проекта
 Полина Литовкина,
 студентка Института
 архитектуры и
 строительства ИРНИТУ
руководитель проекта
 Селиванов Роман
 Александрович

История здания включает много событий: в определенные моменты это был и доходный дом, и гостиница с рестораном, и кинотеатр; в здании располагался штаб Красной Армии, здесь был арестован адмирал Колчак. Но главной функцией сегодня остается театр. ТЮЗ находится на пересечении главных улиц города – Карла-Маркса (Большая) и Ленина (Амурская), и именно из-за его расположения, богатой истории и функционального значения его реконструкция особенно актуальна в наши дни.

Любые архитектурно-планировочные мероприятия в центральной части города должны осуществляться с учетом бережного отношения к сложившейся городской среде. Это и использование традиций места, его функциональных и архитектурных особенностей, и соблюдение существующих линий застройки, ограничение этажности, сохранение масштаба застройки, поддержка архитектурно-стилевых особенностей среды.

Проектом предусматривается восстановление существующих исторических фасадов, перепланировка существующих внутренних помещений с изменением их функционального назначения и возведение новых помещений. Город Иркутск расположен в сейсмической зоне, поэтому обязательно следует предусмотреть усиление несущих конструкций и фундаментов. В некоторых внутренних помещениях сохраняются интерьеры, представляющие историческую ценность. Главным изменениям подвергнута сценическая коробка: ее высотная часть демонтируется, и над существующим зрительным залом надстраивается новый. Функция старого зрительного зала не изменяется, в нем по-прежнему проводятся спектакли, но изменится формат спектаклей. К зрительному залу, помимо существующих дверных проемов, теперь ведут дополнительные арочные проходы, расширяющие пространство зала и объединяющие его с холлом. На вре-

мя спектакля есть возможность закрыть все проходы, отгородив зрительный зал от общего пространства. В остальное время зал, открытый для свободного прохода посетителей, выполняет роль рекреационной зоны.

Здание сочетает в себе две основные функции: театральную и торгово-развлекательную, а внутренний двор служит элементом связи между функциональными блоками. Через него можно попасть в любое крыло здания. В уровне первого этажа на свежем воздухе располагается «театральный двор» с амфитеатром, где в летнее время могут проводиться спектакли. В уровне второго и третьего этажей двор пронизывает остекленная галерея и смотровые балконы. Дополнительным связующим звеном выступает пристрой, выходящий главным фасадом на ул. Красноармейскую; он закрывает дворовую зону от посторонних глаз. Для лаконичного образа вписываемой постройки структура этого фасада зависит от модулей и осей существующего исторического фасада. В этом пристрое располагаются административные помещения и вторая галерея, которая связывает между собой помещения холла для гастролирующих артистов и театр.

Далее по ул. Красноармейской расположены 2 существующих здания, которые, сохраняя свой исторический вид, входят в состав нового комплекса, выполняя функции ресторана и театрального музея. Некоторые фасады этих здания теперь являются частью интерьера большого холла.

Главная входная группа обращена на улицу Ленина и заглублена внутрь здания, образуя рекреацию с благоустройством. Заглубление освобождает уличный тротуар от выходящих из театра людей, сохраняя при этом пространство для их скопления. Крытое пространство входной группы позволит скрасить ожидание спектакля в неблагоприятную погоду. Главный холл выполнен в стекле, чтобы создать проницаемое пространство и заинтересовать проходящих по ул. Ленина людей. Над холлом

^ Вид с ул. Ленина

Renovation of the Young Spectators' Theatre in Irkutsk

находится вестибюль главного зрительного зала. Он имеет ступенчатую форму с местами для сидений, с пандусами и параллельно выполняет функцию кинотеатра для проведения особых мероприятий.

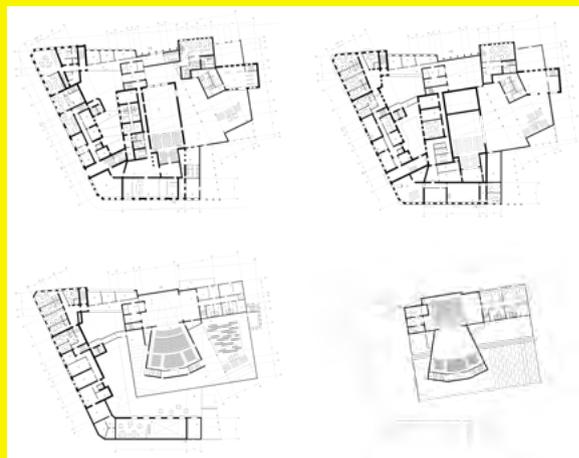
В сохраненном историческом блоке с фасадом, выходящим на улицу Ленина, на всех трех этажах расположены театральные помещения, репетиционные залы, кружковые кабинеты и прочие помещения театра. В части существующего здания, выходящей фасадами на ул. Карла Маркса, расположена общественно-развлекательная зона с рестораном, магазинами, бутиками, офисами и пр.

Главными принципами реконструкции театрального комплекса являются следующие. Во-первых, связь всех функциональных зон между собой. Галерея и внутренний двор на открытом воздухе позволяют беспрепятственно перемещаться между блоками, а лифты и внутренние пандусы делают все пространство театра доступным для маломобильных групп населения. Во-вторых, скрытый объем здания. Пешеходы не могут увидеть большой массив зрительного зала: комплекс развивается в высоту и в объеме в направлении улицы Красноармейской, поэтому с ул. Ленина можно смотреть только на фасады здания, представляющие историческую и культурную ценность. В-третьих, функциональное разнообразие театрального комплекса. Театр будет иметь целых четыре варианта зрительных залов: исторический, в свободное от спектаклей время выполняющий роль холла, новый современный на 600 мест, Baby-театр и мини-кинзал в холле 3-го этажа. Множество кабинетов для кружков и театральных занятий, большие площади магазинов, кафе и ресторанов. Новый театральный комплекс может стать поистине уникальным зданием в городе и стать вторым, творческим домом для детей и их родителей: ведь каждый найдет здесь занятие себе по душе.

**Полина Литовкина, Роман Селиванов /
Polina Litovkina, Roman Selivanov**

^ Вид с ул. Красноармейской

v Развертки по ул. Карла Маркса и Ленина

Рассматривается эволюция подземной урбанистики с функциональной точки зрения. Обозревается тема мифов и легенд о подземном Иркутске и дальнейшее рассуждение об освоении подземных объемов города, как возможность развития исторического центра с сохранением его архитектурного облика.
Ключевые слова: подземная урбанистика; подземелья; развитие исторического центра. /

The article studies the evolution of underground urbanistics from a functional point of view. It touches upon the myths and legends about underground Irkutsk, as well as the underground space development as prospective development of its historical center with preservation of its architectural outlook.
Keywords: underground urbanistics; catacombs; development of the historical center.

< Фрагмент мастер-плана развития подземного города Хельсинки.
 Источник: <https://www.hel.fi/helsinki/fi/asuminen-ja-ymparisto/kaavoitus/ajankohtaiset-suunnitelmat/maalainen-yleiskaava>

Подземный Иркутск: легенда из прошлого и возможность развития в будущем /

текст
Инна Дружинина,
Анастасия Холявко /
 text
Inna Druzhinina,
Anastasia Kholiyavko

Освоение подземного пространства началось еще во времена далекого первобытного общества, когда человек сначала использовал пещеры естественного происхождения, а со временем стал сам «осваивать землю», выкапывая туннели, землянки, вплоть до строительства целых подземных городов (ярким примером является подземный город Каппадокия, созданный в I тыс. до н. э.; находится на территории современной Турции).

Подземные пространства древней архитектуры наполнялись широким диапазоном функций: под землей устраивали жилье, оборонительные и пенитенциарные сооружения, места погребения и поклонения, хранилища продуктов ремесла и транспортно-пешеходные туннели (часто потайные). Последние получили широкое применение не только в период древней цивилизации, но и в индустриальную эпоху, в частности, во времена царской России. Недостаточно исследованные заброшенные подземные сооружения в Москве, Санкт-Петербурге и в других исторических городах, в том числе и в Иркутске, вызывают мистический интерес у обывателей, рождают мифы и легенды, привлекают внимание псевдо-исследователей.

«В старом Иркутске было множество подземных ходов. Строили их все – монастыри, купцы, чиновники, военные. Прятали под землю арсеналы, архивы, склады... Строили с размахом – длинные, широкие, сухие и крепкие. Многие ходы вели к реке...» [1]. Этот и подобные мифы, передающиеся из уст в уста рассказы «очевидцев», подогревают внимание некоторой части жителей Иркутска. То и дело появляются провалы в центре города (например, провал на площади П. Чекотова в 2015 г.), формирующие ажиотаж среди диггеров и туристов. Известные на данный момент сведения о подземных сооружениях и коммуникациях Иркутска, открытых чаще всего случайно и исследованных непрофессиональными энтузиастами-диггерами, носят несистемный, разрозненный характер, имеют сомнительную полноту и достоверность, не могут ответить на вопрос: являлись ли они частью развитой структуры городских подземелий или нет. Наиболее ярким примером наличия такого подземного пространства является усадьба купца А. Ф. Второва (ныне Дворец детского и юношеского творчества, ул. Желябова, 5):

в подвале здания есть коридор высотой в человеческий рост, который когда-то вел к хозяйственным постройкам [2]. Подземелья такого рода чаще связывали бытовые и коммуникационные помещения, хранилища. Устройство подобного рода ходов было свойственно и для дома И. М. Файнберга (ул. Халтурина, 1), некоторых корпусов Иркутского авиационного училища. Тем не менее, сеть подземных пространств в историческом центре Иркутска является ценной неотъемлемой частью историко-архитектурного наследия города, понесшего в постсоветский период серию тяжелых, невосполнимых утрат. При грамотном, профессиональном подходе, использующем в полной мере методологию, основанную на передовых научных достижениях, подземная иркутская архитектура могла бы пополнить собой активы туристической и инвестиционной привлекательности города.

В современных условиях формирования крупных городов и мегаполисов наблюдается устойчивая тенденция развития подземных многоуровневых пространств: подземный город в Монреале (Канада), подземные комплексы в Торонто (Канада) и Токио (Япония), генеральный план развития подземного Хельсинки (Финляндия). Эта тенденция становится актуальной и для Иркутска: территория города почти исчерпала свои ресурсы для развития, переуплотненный центр может развиваться в основном только за счет реновации промышленных зон и ветхой застройки; этих территорий не так много. Иркутск отстаивает свою идентичность и борется за сохранение исторического архитектурного облика города (в границах исторического поселения): это сохранение исторически сложившихся красных линий кварталов, ограничение предельной высоты застройки, баланс территорий земельных участков и организация новых общественных пространств (130-й квартал [3], «Иркутские кварталы» [4]). Одним из путей достижения некоторого компромисса в конфликте между необходимостью сохранения исторического облика, повышением комфортности и привлекательности городских пространств, с одной стороны, и востребованного представителями бизнеса повышения экономической эффективности территорий города – с другой, могло бы стать более интенсивное освоение подземных объемов.

Underground Irkutsk: the Legend from the Past and the Prospective Development

Перенос части функциональной нагрузки на единицу городской территории под землю может создать предпосылки для увеличения открытых озелененных пространств на поверхности и сохранения комфортных «иркутских» масштабов надземной архитектуры. Кроме того, поверхность «освободится» для дефицитных объектов социальной направленности и жилья, требующих естественного освещения, в то время как деловые, торговые и развлекательные объекты могут обходиться без него.

Создание проницаемой подземной сети общественных пространств с переходами между объектами и многочисленными точками доступа к ним расширит возможности коммерческой торговли и социокультурной жизни города: независимо от погоды и времени года (зимний период продолжается в Иркутске в среднем 6 месяцев) у жителей будет возможность в комфортных условиях удовлетворять свои потребительские и просветительские интересы.

Специфика эксплуатации подземных сооружений сразу решит несколько важных моментов: защита здания от воздействия климатических условий, его энергоэффективность, повышенная виброустойчивость и акустическая изоляция – все эти показатели у подземной архитектуры в несколько раз выше, чем у надземных сооружений.

Комплексное подземное освоение центральной части Иркутска позволит не только вдохнуть в него новую жизнь, но и сохранит при этом его архитектурный исторический облик. Освоение подземных пространств позволит также повысить качество транспортной логистики путем устройства ТПУ и многоуровневых паркингов, а за счет внедрения культурных кодов и легенд подземных ходов в интерьеры такой системы у горожан и туристов появится новое место притяжения. Такая идея развития подземной урбанистики в Иркутске станет удачным компромиссом между бизнес-сообществом, городом и архитектурным наследием.

Литература

1. Козьма Кварталов: Мифы 130-го квартала // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 102–103. – URL: <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/issue/view/46>
2. Легендарный репортаж: Тайны усадьбы купца Второва // ГТРК «Иркутск». – 16. 02. 2018. – URL: https://vestiirk.ru/news/society/233123/?sphrase_id=6785932 (Дата обращения 30. 06. 2019)
3. Григорьева Е., Меерович М., Муллаяров С. Регенерация исторического квартала в границах улиц 3-его Июля, Седова, Кожова в Иркутске: Проект планировки // Проект Байкал. – 2010. – № 23. – С. 41–51. – URL: <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/issue/view/23>
4. Григорьева Е. Прогулка по иркутским кварталам // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 82–88. – URL: <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/issue/view/46>

References

- Grigoryeva, E., Meerovich, M., & Mullayarov, S. (2010). Regeneratsiya istoricheskogo kvartala v granitsakh ulits 3-go Iyulya, Sedova, Kozhova v Irkutsk: Proekt planirovki [Regeneration of the Historic Block within the 3rd of July, Sedova, Kozhova St. in Irkutsk: Development Plan], 7(23), 41-51. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.23>
- Grigoryeva, E. (2015). A Walk around Irkutsk's Quarters. Project Baikal, 12(46), 82-88. doi:10.7480/projectbaikal.46.952
- Kvartalov, K. (2015). Myths of the 130 Quarter. Project Baikal, 12(46), 102-103. doi:10.7480/projectbaikal.46.961
- Legendarnyi reportazh: Tainy usadby kuptsa Vtorova [A legendary report: The mystery of merchant Vtorov's manor]. (2018, February 16). Retrieved June 30, 2019 from <https://vestiirk.ru/news/society/233123/>

Рассматриваются особенности и потенциалы развития малого города. Постулат сохранения зеленых массивов применяется в концепции благоустройства парковой территории. Процесс проектирования представляется многоэтапным, включающим комплексный анализ объекта и города, работу с жителями и инвесторами, формирование концепции на основе выявленной идентичности, потребностей горожан и возможностей территории.

Ключевые слова: природа; Саянск; общественное пространство; участие жителей; благоустройство; парк; развитие городских территорий. /

The peculiarities and the opportunities of the development of a small town are presented. The idea of preservation of greenery is used in the park improvement concept. The design process consists of several stages and includes a complex analysis of the site and the town, working with inhabitants and investors, as well as formulation of the concept basing on the revealed identity, the citizens' needs and the capacity of the territory.

Keywords: nature; Sayansk; public space; participation of inhabitants; improvement; park; development of urban territories.

«Таежные бульвары» – концепция благоустройства парка в г. Саянске /

текст
Валентина Казакова /
 text
Valentina Kazakova

Проектирование городских территорий, комплексное и многоэтапное, всегда начинается со знакомства с городом. Город как сложная динамичная система, состоящая из множества взаимосвязанных элементов, обладает своими уникальными чертами и самобытностью. Его характерные особенности проявляются во всех городских слоях: градостроительном, архитектурном, ландшафтном, социальном, экономическом, историко-культурном и пр. Понимание этой зримой и незримой идентичности позволяет сконструировать новый фрагмент городской среды, гармонирующий со сложившимся укладом и привносящий положительную динамику в городские процессы.

Таежный юнец Иркутской области

Возникший в связи с основанием одного из главных отечественных предприятий химической промышленности – ОАО «Саянскхимпласт», Саянск признан самым молодым городом Иркутской области. Жилой массив располагается в таежной зоне, на высоком правом берегу сибирской реки Ока, которая намеренно отделяет его от промышленного узла. Сообщение с другими городами и населенными пунктами осуществляется по Транссибирской железнодорожной магистрали (станция «Зима» удалена от Саянска на 30 км) и федеральной дороге «Р-255». 270 км – такова удаленность таежного моногорода от столицы Восточной Сибири – Иркутска.

Комплексный проект планировки и застройки города был выполнен ЛенНИИПградостроительства в 70-х годах прошлого века. Любопытно, что расчетная численность жителей (включая работников промышленного узла) была определена в 200 тыс. человек, соответственно, в проект были заложены планировочные транспортные и инженерные решения с учетом этого количества. Сегодня в Саянске проживает без малого 39 тыс. человек, что в 5 раз меньше предполагаемой численности. В противовес уплотненной застройке крупных городов, просторные улицы с широкими зелеными буферами и тротуарами, жилые кварталы с масштабными советскими дворовыми пространствами создают комфортную среду для проживания. Дышится здесь легко, свободно, городское пространство располагает к долгим прогулкам и пешему образу жизни.

В генеральном плане города была предусмотрена развернутая система общественных пространств, включающая общественную застройку, бульвары, улицы, скверы и площади; она должна пронизывать весь город и объединять городской и районные центры. При проектировании и строительстве был взят курс на максимальное сохранение лесных зеленых массивов, на включение их в городскую среду, что послужило формированию особого характера «таежного» города. Такое решение особенно впечатляет в настоящее время: многие города борются за каждый «живой» крупномер и регламентируют процент озеленения на участках, а застройка Саянска переплетается с плотными хвойными массивами, открытые спортивные и детские площадки размещаются меж могучих сосен.

Стоит отметить, что насыщение среды элементами природы является важным направлением жизнеобеспечения растущего города. В наиболее комфортных городах мира близок к реализации принцип «пять соток природы на одного горожанина» (которые, безусловно, должны располагаться в пешей доступности). Например, в Вене (самый комфортный город мира по рейтингу Mercer) общая площадь парков, лесов, виноградников и прочих природных элементов составляет больше 60% площади города. В результате на одного венца приходится примерно полторы сотки природы [1]. В Саянске, в свою очередь, площадь зеленых территорий составляет более 100 соток на человека, значительная часть которых относится к городским лесам – хвойным и смешанным.

Вот некоторые цифры для понимания значимости озеленения в городской среде. Была проведена серия исследований во многих странах. Примерно в течение 8 лет по всей территории страны изучали состояние здоровья 108 тысяч женщин и его изменения в соответствии с окружающей их средой. В качестве объекта исследования взяты женщины, так как по показателю их жизни можно говорить о самочувствии их детей, их мужчин. Было обнаружено, что продолжительность жизни женщин, живущих во дворе или микрорайоне с нормативным озеленением, на 8–9 лет больше, чем у тех, которые проживают среди голых бетонных джунглей в барачных районах. Эти женщины на 41–43% меньше болеют.

проектная фирма
 ООО «Сибирская лаборатория урбанистики»

авторский коллектив
 концепции
 Сергей Маяренков
 Арина Московская
 Валентина Казакова
 Анастасия Холявко
 Алена Лобаева
 Полина Заславская
 Евгения Кензина
 Алёна Алёшина
 При участии
 Анастасии Репиной
 Александра Орлова
 Екатерины Лесковой

< Визуализация проектных решений. Главная площадь парка

“Taiga Boulevards”: the Park Improvement Concept for Sayansk

Понятно, какое это имеет значение для качества жизни человека; и при этом система озеленения воспринимается не просто как красивый зеленый антураж [2].

Строительство Саянска опиралось на Ангарскую базу стройиндустрии, жилые дома возводились главным образом крупнопанельные, в 5–9 этажей. Ведущим принципом жилой застройки стало создание около каждого дома частного дворового озелененного пространства с помощью угловых и поворотных секций. Исследования, сделанные в России, Корею, Японии, Европе показали, что даже если в малом дворе растет пять деревьев и более, то двор становится местом сбора жителей. Они выходят во двор со своими детьми и пожилыми родственниками, здесь им комфортно. Самое главное – такая среда становится условием общения между людьми. Система озеленения не только улучшает физическое здоровье, но и оздоравливает общество. Воспитываются социально-активные жители, которые начинают менять и улучшать свою среду во дворе [2].

Возведение первого жилого района Саянска сопровождалось созданием необходимой социальной инфраструктуры – школ и детских садов, больничного комплекса, спортивного парка со стадионом, бассейна, профессиональных колледжей и Дворца культуры, активно функционирующего и по сей день. Ныне культурно-досуговая инфраструктура представлена также библиотекой, музейными учреждениями, музыкальной и художественной школой, строящейся масштабной школой искусств. Эти учреждения стали «домом» для творческих коллективов, известных далеко за пределами Саянска. Стремительное культурное развитие жителей города является характерной чертой Саянска, выступающего культурным центром для соседних городов и поселений. Творческое сообщество Саянска является инициатором и организатором различных фестивалей, приглашающих к участию и обмену опытом мастеров со всего региона. Но на этом активная позиция жителей «таежного» города не заканчивается.

Созданные условия для развития физической культуры и спорта способствуют здоровому образу жизни жителей города (спортом регулярно занимаются 25,5% населения). Более 200 спортивно-массовых мероприятий

и соревнований разного уровня проходит каждый год. Большое внимание уделяется мероприятиям для людей с ограниченными возможностями, и это дает ощутимые результаты: спортсмены данной категории также становятся призерами и победителями всероссийских, международных соревнований.

Несмотря на многообразие форм спортивного и культурного досуга, в Саянске ощущается дефицит современных пространств как коммерческих (кафе, ресторатов, игровых пространств, мастерских, коворкингов и пр.), так и открытых, качественно благоустроенных, характеризующихся наличием уникальных малых архитектурных форм, колоритных пространств для фотосъемок, площадок для общения, творческого взаимодействия и иных сценариев.

Всероссийский конкурс лучших проектов по созданию комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях предоставил возможность реализации такого современного рекреационного пространства, которое станет импульсом для развития города и его среды, приведет к возникновению положительных социальных и экономических эффектов.

В цветении багульника

Выбор территории для создания важного городского общественного пространства не вызывает сомнений – это крупнейшая озелененная территория Саянска, носящая статус парка. Парк в жилом микрорайоне Юбилейный – первом микрорайоне города – одержал победу в народном голосовании как наиболее востребованная среди пользователей территория, нуждающаяся в благоустройстве и развитии.

На предпроектном этапе был проведен комплексный – визуальный, градостроительный, ландшафтный, социальный (анализ пользователей парка, анкетирование и интервьюирование), экономический анализ территории, выявлены ее уникальные особенности и определены основные сценарии развития.

Территория проектирования является рекреационным ядром жилого микрорайона. Основное преимущество – сохранившийся лесной массив с могучими соснами и стелющимся между ними уникальным багульником

> Визуализация проектных решений. Входная группа с многофункциональными объектами и событийной площадью

высотой до 2 м. Площадь земельного участка, предназначенного для создания рекреационного пространства с благоустройством и сценариями для разных групп населения, составляет 6,34 гектара. Рекреационная территория не имеет визуально обозначенных границ и плавно переходит в дворовые и городские общественные пространства.

С севера и юга территория парка ограничена городскими магистралями (улица Советская и Ленинградский проспект) с остановками общественного транспорта в пятиминутной доступности, от которых можно добраться до любой точки в городе. Здесь же проходят междугородние автобусные маршруты, что может создать дополнительный поток посетителей из ближайших населенных пунктов. Кроме того, парк располагается в пешей доступности от значимых объектов – городского спортивного стадиона и Дома спорта, картинной галереи, библиотек, музея, городского рынка и городской площади, а также соседствует с образовательными и культурными объектами: тремя общеобразовательными школами, школами дополнительного образования (художественной, музыкальной и строящейся школой искусств), техникумом и Дворцом культуры «Юность».

Ввиду большого количества городских объектов, расположенных вблизи парка, его территория в основном используется как транзитная. На частично благоустроенных и освещенных участках жители микрорайона проводят тихий досуг, дети иногда катаются на роликах, скейтбордах, юные художники проводят живописную акцию и разрисовывают бетонные диваны, установленные на аллее между двух школ. Точки притяжения и уникальные объекты, способные привлечь жителей всего города, на территории парка отсутствуют.

Несомненно, территория парка обладает потенциалом для развития и создания значимого городского рекреационного пространства, которое не только повысит уровень досуга жителей и качество жизни, но и привлечет туристический поток и новые инвестиции.

Парк – для горожан. Проектирование в диалоге с жителями

Сегодня все большее распространение приобретают идеи формирования комфортной городской среды с участием

самих горожан, а необходимость вовлечения жителей в проекты по благоустройству общественных пространств и дворовых территорий регулярно подчеркивается на федеральном уровне. Соучаствующее проектирование является одним из подходов к процессу создания и управления материальной средой, в которой происходит человеческая деятельность. Основное достоинство этого подхода заключается в его потенциале преодоления привычных границ между разными профессиями и культурами [3].

Горожане, в свою очередь, все чаще стали проявлять активность, реализуя свое «право на город». Модель взаимодействия всех участников проектирования, основанная на принятии проектных решений не «сверху вниз», а «горизонтально» – на основе анализа потребностей и предпочтений горожан – дает возможность не только улучшить качество городского пространства, но и подключить самих горожан к дальнейшей поддержке реализованных проектов [4]. Таким образом, у каждого участника складывается личное заинтересованное отношение к будущему проекту. Как показывает опыт разных стран, горожане, включаясь в совместную выработку проектных решений, более бережно относятся к результатам их реализации, поскольку чувствуют свой вклад в этот процесс.

В рамках концепции благоустройства парка было сформировано местное сообщество экспертов и проведены встречи с горожанами на разных этапах проектных работ: соучаствующее проектирование, общественные обсуждения, рабочие встречи с различными социальными группами, бизнесом, муниципалитетом. Во встречах и обсуждениях приняли участие широкие слои населения – от школьников до городского совета ветеранов войны.

Соучаствующее проектирование позволило определить основные потребности горожан и ознакомиться с их видением развития парка. Каждая категория жителей и пользователей озвучила свои пожелания по новым объектам на территории: школьники младших классов хотели бы видеть в парке карусели и большую детскую площадку; старшеклассники и выпускники ратовали за создание коворкинга; мамы с детьми – за сохранение тихих зон для прогулок и досуга; спортсмены – за бе-

< Визуализация проектных решений. Бульвар молодых дарований, выставочно-ярмарочная зона

говые дорожки и пространство для занятий йогой; представители творческого сообщества – за выставочные стенды; горожане старшего поколения поделились мечтами об открытой камерной площадке для поэтических встреч и вечеров под гитару.

Поступили собственные инициативы горожан по обеспечению жизнедеятельности парка: ежегодная высадка цветников с конкурсом на лучшую клумбу, турниры по игре в дартс, общественные акции по уборке территории, организация фестивалей арт-объектов, проведение авторских игр с детьми на территории.

Наша команда убеждена, что успех проекта заключается в непрерывном участии горожан на всех этапах проектирования и реализации. Поэтому так важно поддерживать инициативы и демонстрировать значимость участия каждого жителя Саянска в развитии общегородского пространства.

«Таежные бульвары»

Соседство парка с общеобразовательными школами и школами искусств, Дворцом культуры задает особый характер территории. Здесь всегда слышны детские голоса, смех и доносящееся с «Юности» звонкое хоровое пение. Так, «окутанный» атмосферой юности и творчества, в проектной концепции парк становится местом не только рекреационным, но и раскрывающим таланты, местом романтики и молодой энергетики.

Существующий хвойный массив с включениями багульника и постоянными обитателями парка – белками, является значимым фрагментом городской экосистемы и требует бережного отношения. Концепция проекта строится на сохранении природного каркаса, деликатном благоустройстве и включении не выдуманных, а необходимых пользователям парка объектов. При проектировании учитывается идентичность территории, ее жизнь в прошлом и настоящем.

Парк имеет две основные входные группы, сформированные архитектурно-планировочными средствами. Существующие пешеходные дорожки, ведущие от главного входа, обособленные могучими соснами, напоминают прогулочный бульвар. Так формируется концепция создания каркаса «Таежных бульваров»: «Главный бульвар»

ведет от приветственной входной группы к центральной площади парка; «Бульвар молодых дарований» соединяет художественную школу и две общеобразовательных школы и формирует открытое выставочное пространство; «Бульвар крылатых качелей» от центральной площади ведет к многофункциональному объекту с танцевальной площадью и деревянными качелями, уносящими в юные годы. Все бульвары сходятся на центральной площади к сухому фонтану, любимому маленькими детьми. Территория парка остается открытой по всему периметру. Пешеходная сеть запланирована с сохранением траекторий существующих дорожек и тропинок, ведущих к городским объектам и жилым домам.

На территории парка формируются различные по смысловому и архитектурно-художественному оформлению функциональные зоны, подчеркивающие образ территории, его культурные и средовые особенности. Каждая зона предполагает всесезонное использование; разработанный в рамках концепции календарь событий рассчитан на различные площадки парка, наполняет его жизнью и энергией.

Парк, планируемый муниципалитетом преимущественно как детский, в концепции наполнился игровыми и развивающими зонами для детей разного возраста. Основной игровой комплекс располагается на месте утраченного детского деревянного городка, о котором ностальгически вспоминают жители района. Новую абстрактную детскую площадку (тематические площадки ограничивают фантазию детей) планируется сделать из натурального дерева. Социологическое исследование показало, что 90% детей предпочитают природные оттенки и материалы в игровом оборудовании, им интересны нестандартные объемно-пространственные решения с развивающими элементами. В качестве отступления можно привести еще один факт: ребенку не нужна детская площадка как таковая: в природной среде он без лишнего труда находит себе различные занятия, а взбираясь по дереву, чувствует себя счастливым. Потребности детей в экспериментировании, в контакте с природой, в новых знаниях, в общении удовлетворяются в этом случае гораздо полнее. Детская площадка становится неким компромиссом ребенка и города. Поэтому

^ Визуализация проектных решений. Бульвар крылатых качелей

важно создавать нестандартные пространства, которые будут развивать детей и помогать им генерировать новые активности самостоятельно.

Другая крупная детская зона представлена домиками на деревьях – воплощением мечты любого ребенка. Тропинки в этой зоне оформляются деревянными скульптурами, выполняемыми в рамках фестиваля «Добродел», а также интерактивными элементами, захватывающими посетителя в познавательную игру. Для самых маленьких гостей парка предусмотрены игровые площадки с уникальными плетеными песочницами вблизи жилых домов.

Школам, соседствующим с парком, предлагается вступить в диалог с новым рекреационным пространством. Рядом со школой № 3 на свободном от деревьев участке планируется открытая терраса. Здесь можно проводить уроки на свежем воздухе, устраивать пленэр для обучающихся близлежащей художественной школы. Терраса также заинтересовала любителей йоги и фитнеса, которые настроены активно тренироваться в летнее время. Стадион гимназии № 1 граничит с парком, его предлагается открыть для горожан и посетителей в каникулярное время. Реконструкция стадиона сопровождается созданием трибун, обратная сторона которых выходит в парк и функционирует как скалодром. Зимний сценарий использования стадиона – массовые катания на коньках, соревнования по хоккею и танцам на льду. Спортивная функция в парке представлена также тайп-парком, памп-треком, беговыми и велодорожками, воркаутами вблизи жилых домов.

Творческая зона, помимо открытой террасы, включает павильоны-мастерские, а также выставочно-ярмарочное пространство, преимущественно формируемое вдоль Бульвара молодых дарований. В концепции предусматривается замена ветхих бетонных диванов, расписываемых учениками художественной школы, на новые современные, с сохранением функции. Кроме того, они дополняются выставочными стендами, располагаемыми на Бульваре молодых дарований и Главном бульваре. Так создается смысловая связь существующей художественной школы и строящейся школы искусств.

В рамках общей концепции среди могучего хвойного леса формируются две новые зоны: подчеркнута роман-

тичная зона для досуга молодежи, где можно прогуляться между кустами багульника, сфотографироваться под «светящимися облаками» и провести время в отдалении от суеты на уникальных функциональных арт-объектах или комфортных гамаках; зона для общения и творческих вечеров (поэтических или музыкальных) оформлена благоустроенными «островками» с мини-амфитеатрами, где уютно может устроиться небольшая компания и провести время за душевными пениями.

Три планировочных узла парка – две входные группы с многофункциональными объектами и творческая зона с мастерскими в центре парка – являются основными точками притяжения. В этих зонах располагаются наиболее крупные коммерческие объекты: прокат спортивного инвентаря, кафе, коворкинг и лекторий, центр детского развития, мастерские, летний кинотеатр. Архитектурные объемы гармонично взаимодействуют с окружающей средой, выполняются с применением деревянных строительных материалов. Всего в рамках проекта формируется 33 рабочих места и 11 коммерческих объектов; на 9 из них уже есть инвесторы. Реализация проекта будет осуществляться за счет частно-государственного партнерства, что должно поспособствовать полноценной реализации концепции.

На основе проектных решений были определены экономические, социальные, налоговые эффекты от реализации проекта. Общие поступления в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды составят: в 1 год – 30,7 млн. руб.; со 2-го года – 8,9 млн. руб.

Реализация проекта будет способствовать повышению качества городской среды, увеличению инвестиционной привлекательности жилой и коммерческой недвижимости в границах и вблизи проектируемой территории, положительно скажется на развитии городского предпринимательства и на качестве услуг, предоставляемых населению.

Литература

1. Лидин, К. Природа в городе: романтика и экономика // Проект Байкал. – 2016. – № 49. – С. 48–53. – URL: <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1049>
2. Ткачева, М. Природа в городе: дискуссионный клуб // Проект Байкал. – 2016. № 49. – С. 72–81. – URL: <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1052>
3. Сановф, Г. Соучаствующее проектирование: Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов/пер. с англ. [ред.: Н. Снигирева, Д. Смирнов]. – Вологда, 2015. – 170 с.
4. Репина, А., Ямова, Е. Соучаствующее проектирование: разработка проекта реконструкции сквера в Иркутске // Проект Байкал. – 2016. – № 49. – С. 92–97. – URL: <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1056>

References

- Lidin, K. (2016). Nature in the City: Romance and Economy. Project Baikal, 13(49), 48-53. doi:10.7480/projectbaikal.49.1049
- Repina, A., & Yamova, E. (2016). Participatory Design. Elaboration of the reconstruction project for a square in Irkutsk. Project Baikal, 13(49), 92-97. doi:10.7480/projectbaikal.49.1056
- Sanoff, H. (2015). Participatory Design: Practices of public participation in the formation of the environment of cities and towns. N. Snigireva, & D. Smirnov (Eds.). Vologda.
- Tkacheva, M. (2016). Nature in the City. Discussion Club. Project Baikal, 13(49), 72-81. doi:10.7480/projectbaikal.49.1052

*В синем небе, колокольнями проколотом, –
Медный колокол, медный колокол –
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом –
Чтобы чаще Господь замечал.*

Владимир Высоцкий,
«Песня о России»

Малые исторические города европейской части России составляют драгоценный «гнететический фонд» национальной архитектуры и градостроительства. Катастрофы нашего века учат нас более смиренному отношению к опыту предыдущих поколений. Наши предки веками и тысячелетиями жили, удерживая равновесие между Городом и Природой, между регулярностью застройки и особенностями локального ландшафта, между традициями и новаторством. Крупные столичные города в лихорадке строительных бумов почти совсем утратили секреты равновесного зодчества, превращая площади в тесные перекрестки, лишая исторические памятники необходимой среды, утрачивая и забывая необходимую мудрость прежних поколений. Малые города сохранили элементы устойчивого, уравновешенного отношения к развитию городской среды – того отношения, которое зодчество так настойчиво ищет сегодня.

**Константин Лидин,
Елена Григорьева**

европейская россия / european russia

*... In the blue sky, pierced with belltowers,
Copper bell, copper bell,
Will be joyful or will be sore.
Russian cupolas are dressed in pure gold
That the good Lord would notice them more.*
© Vladimir Vysocky, The Cupolas
© Ilya Shambat. Translation, (n.d.)

Small historic towns in the European part of Russia form a precious “genetic fund” of the national architecture and town planning. The disasters of our century teach us to treat the experience of previous generations more tolerantly. Our predecessors lived for hundreds and thousands of years, while keeping the balance between City and Nature, between the regularity of the urban development and peculiarities of the local landscape, and between traditions and innovations. Overwhelmed with construction booms, big capital cities have almost completely lost the secrets of balanced architecture, when turning squares into tight crossroads, depriving monuments of necessary environment, losing and forgetting the unhasting wisdom of previous generations. Small towns have maintained the elements of stable attitude towards the development of urban environment. This very attitude is being so persistently sought for by today’s architecture.

**Konstantin Lidin,
Elena Grigoryeva**

< Рис. 1. Расположение онежских городов-крепостей

Онежские города-крепости Каргополь, Усть-Моша и Турчасово в XVII в. представляли собой единую систему укрепленных пунктов, связанных исторически, экономически и географически. Анализ планировки и ее взаимосвязи с ландшафтом позволяет заключить, что данные города строились по единому образцу и имели близкие планировочные характеристики. Планировочная организация онежских городов показывает органичную взаимосвязь регулярного и природного-ландшафтного, что является отличительным признаком древнерусского градостроительства. Рассмотрены конструкции крепостных стен первых двух строительных этапов каргопольской крепости и стен острога Усть-Моши и Турчасова, важных для более полного понимания его эволюции.
Ключевые слова: русское градостроительство; планировка; деревянное зодчество; фортификация; типология. /

In the 17th century Onega fortress cities of Kargopol, Ust-Mosha and Turchasovo represented a single system of fortified points, connected historically, economically and geographically. Analysis of town planning and its relationship to the landscape allows us to conclude that these cities were built according to a unified model and had similar planning characteristics. The space planning of the Onega cities shows organic connection between the regular and the natural-landscape aspects, which is a distinguishing feature of ancient Russian town planning. Also the construction of the walls of the first two stages of Kargopol fortress and the walls of Ust-Mosha and Turchasovo fortresses is considered, which is especially important for a more complete understanding of its evolution.
Keywords: Russian town planning; layout; wooden architecture; fortification; typology.

Города-крепости на Онеге в XVII веке¹ /

текст
Андрей Бодэ /
 text
Andrei Bode

Онега, будучи одной из крупнейших рек Русского Севера, в древности представляла собой почти 500-километровую удобную дорогу, начинавшуюся на северных окраинах Вологодчины и выходящей к Белому морю. В новгородский период основным торговым путем Севера был водно-волоковый путь от Новгорода до Печоры. Он шел поперек основных рек. После объединения русских земель под властью Москвы, когда Новгород утратил свои обширные северные владения, из центральной России открылся практически прямой путь в Беломорье, и Онега приобрела исключительно важное транспортное значение. Одним из первых на пути к морю стал город Белозерск, укрепленный в конце XV в., грандиозные крепостные валы которого и поныне поражают воображение своим масштабом. От Белозерска недалеко озеро Воже, откуда начинается водный путь к морю. В таком значительном месте не мог не возникнуть крупный населенный пункт. Им было поселение Чаронда, в XVIII в. ставшее городом.

Далее по пути на Север нас встречает город Каргополь, стоящий у истока Онеги из озера Лаче. Этот город во второй половине XVI–XVII вв. был центром огромной территории, простиравшейся до берегов Белого моря. Каргопольский уезд административно подразделялся на несколько станов. На берегах Онеги ниже Каргополя главными поселениями были Усть-Моша и Турчасово, являвшиеся центрами, соответственно, Усть-Мошского и Турчасовского станов. В Каргополе была большая деревянная крепость, в Усть-Моше и Турчасове – остроги. Таким образом, дорога к морю, проходившая руслом Онеги, была отмечена тремя укрепленными пунктами, которые имели определенное архитектурно-градостроительное сходство и образовывали, можно сказать, систему основных поселений (Рис. 1). Все три крепости утрачены, от них сохранились только валы и рвы.

Каргополь и каргопольская крепость привлекали внимание многих историков и исследователей архитектуры. История города и уезда в контексте истории освоения Русского Севера освещена в работе К. П. Гемп [4]. Общие сведения по архитектурно-градостроительной истории Каргополя представлены в работе Г. В. Алферовой [2]. Попытка графической реконструкции оборонительных

сооружений города по историческим описаниям впервые была предпринята А. С. Щенковым [14, с. 4–6]. Значительный комплекс архивных источников по истории Каргополя ввел в научный оборот О. В. Овсянников, что позволило выявить этапы строительства оборонительных сооружений и получить новые данные об их устройстве [11 с. 472–486]. На основе этих материалов нам известны три крепости 1612, 1631 и 1664 гг., последовательно сменявшие друг друга (Рис. 2). Наиболее подробное историко-архитектурное исследование каргопольской крепости с выполнением графических реконструкций было предпринято М. И. Мильчиком с участием автора. Эта работа основана на новом прочтении описи 1714 г. в подлиннике и на Росписном списке 1685 г. [10]. В отличие от Каргополя, остроги в Турчасове и Усть-Моше малоизучены. В 2006 г. М. И. Мильчиком с участием автора были проведены предварительные натурные исследования, сопоставленные с архивными историческими источниками, выполнены очень схематичные графические реконструкции [9, с. 40–45]. Таким образом, мы имеем достаточно ясное представление об истории каргопольской крепости, об устройстве оборонительных сооружений последнего строительного этапа (вторая половина XVII в.) и общее, достаточно поверхностное представление о двух других крепостях Каргопольского уезда.

В настоящей статье мы сосредотачиваем внимание на градостроительных аспектах и взаимосвязи с ландшафтом, что недостаточно изучено в предшествующих работах. Это позволяет нам глубже понять принципы и особенности древнерусского градостроительства. Будут рассмотрены типы оборонительных стен первых двух этапов каргопольской крепости, которые соответствуют типам стен Турчасовского и Усть-Мошского острогов. Это острожные стены в виде частокола (тына), сочетавшегося со срубами (тарасами) и каркасными конструкциями боевых ходов (полатами). Подобные конструкции стен не характерны для Русского Севера. Они зафиксированы в исторических сведениях о южнорусских городах. Тыновые острожные стены с каркасными боевыми ходами относятся к самым простым и, видимо, древнейшим конструкциям.

1. Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.5.1 «Актуальные проблемы изучения и реставрации памятников деревянного зодчества»/ The research was financed by means of the State Program of the Russian Federation “Development of Science and Technologies” for 2013–2020 within the framework of the Plan of Fundamental Scientific Research of the Ministry of Construction of Russia and the RAACS, the theme 1.5.1 “Current issues of studying and restoration of wooden architecture monuments”

< Рис. 3. Острог Усть-Моша, 1632. Реконструкция автора

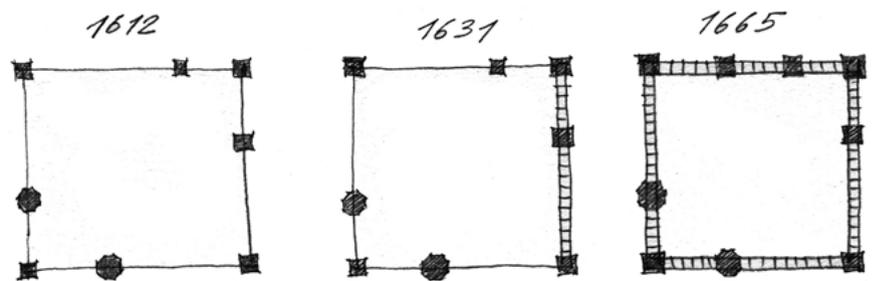
The Fortress Cities on the Onega in the XVII Century¹

Рассмотрим планировочные особенности онежских городов-крепостей. Главный и наиболее древний город – это, конечно, Каргополь. Первый известный нам каргопольский острог строился в 1612 г., но упоминание, что он строился по старым осыпям (валам) свидетельствует о наличии более древних укреплений второй половины XVI в. [9, с. 15]. Он имел почти правильный квадратный план, который в дальнейшем при строительстве новых стен и башен практически не менялся. Увеличилось только количество башен (до девяти) и изменились конструкции стен.

Острог в Усть-Моше был построен в 1615 г. По историческим источникам известно, что крепость имела семь башен, из которых две были проездными [9, с. 42]. Здесь местность равнинная, прорезаемая руслами рек. Высокий берег реки Моши при впадении в Онегу делает плавный изгиб. Сторона острога, идущая вдоль реки, в точности повторяет абрис берега. Остальные углы прямые, и в итоге план острога образует трапецию с выпуклой длинной стороной.

Острог в Турчасове был построен также в 1615 г., но «город Турчасов» упоминается в XVI в., следовательно, укрепления уже тогда существовали [9, с. 42]. Турчасовский острог стоял на высоком холме, и, видимо, поэтому валы непосредственно под стенами и башнями были небольшие. Сейчас они практически исчезли, и очертания острога прочитываются по сохранившимся рвам. Половина острожного холма со временем осыпалась в реку. Конфигурация плана крепости точно определить уже невозможно. Уцелевшая часть контура острога в плане представляет собой фрагмент трапеции, длинной стороной так же, как в Усть-Моше, обращенной к реке. Турчасовский острог имел четыре башни.

Каргопольская крепость, несомненно, в определенной мере служила образцом для строительства соподчиненных городов-крепостей уезда. Почти совпадают и строительные этапы всех трех городов. Строительство острогов в Турчасове и Усть-Моше в 1615 г. пошло вскоре после завершения постройки каргопольской крепости 1612 г. Эти остроги возобновлялись в 1632 г., что было сделано сразу после строительства второй каргопольской крепости 1631 г.

^ Рис. 2. Планы каргопольской крепости. Строительная периодизация

v Рис. 4. Острог Турчасово, 1632. Реконструкция автора

Как известно, в древнерусском градостроительстве форма планов крепостей во многом определялась особенностями места и стремлением использовать элементы рельефа для оборонительных целей; отсутствие рельефа, напротив, способствовало развитию более регулярных форм [5, с. 49–53]. Каргополь расположен на равнинной местности, где, кроме реки, нет природных направляющих для развития городской структуры. Здесь совершенно естественно появление квадратной формы плана. В городе изначально формировалась прибрежно-рядовая планировка, и в нее органично вписался квадрат острога, одной стороной примыкавший к берегу реки.

Острог в Усть-Моше по сути такой же четвероугольный, как в Каргополе, но несколько трансформированный под влиянием рельефа. Речная сторона главная – это фасад города, поэтому жесткая рукотворная форма сразу изменилась под влиянием природного компонента, и форма города влилась в изгиб реки (Рис. 3). Вот при-

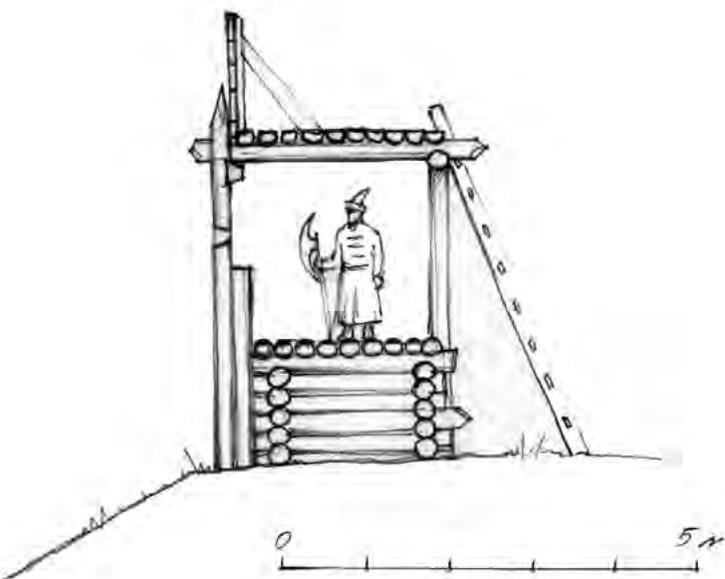
мер органичности в древнерусском градостроительстве!

В Турчасове ситуация иная. По логике, здесь должна быть крепость округлых очертаний, повторяющих вершину холма. И действительно, на плане сохранившейся части острога мы видим некую округлость, обусловленную рельефом, но наряду с этим достаточно явно присутствуют и прямизна линий, приводящая форму плана к трапеции. В Турчасове очевидно влияние прямоугольной главной крепости уезда, и это влияние стремится превозмочь естественный рельеф, но в меньшей степени, чем в Усть-Моше, поскольку холм – это все же сильная, ярко выраженная природная основа, определяющая форму сооружения (Рис. 4).

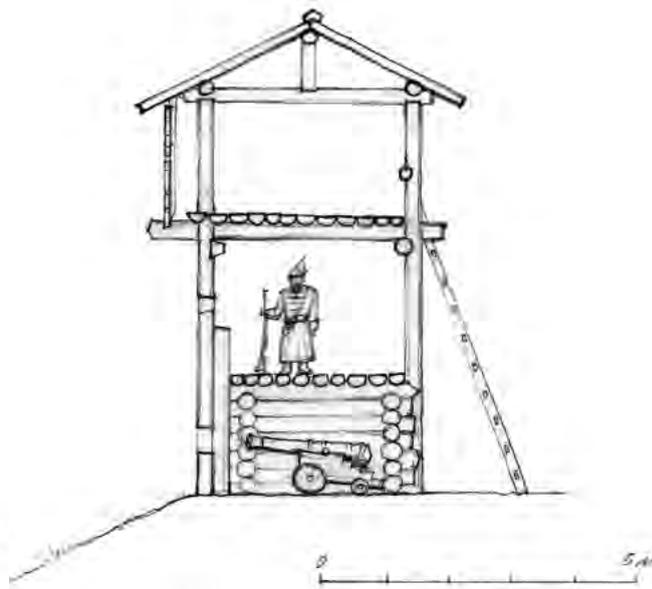
Рассмотренное сходство форм крепостей Каргополя, Усть-Моши и Турчасова свидетельствует о том, что крепости строились по единому образцу, но в разной степени трансформировались под влиянием местных особенностей рельефа и очертаний берега реки. На этих

в Рис. 5. Каргопольская крепость, 1665. Реконструкция автора

^ Рис. 6. Конструкции стены каргопольской крепости, 1612. Реконструкция автора

^ Рис. 7. Конструкции стены каргопольской крепости, 1631. Реконструкция автора

скромных примерах мы видим две основные тенденции в градостроительном формообразовании. Первая – это стремление к упорядоченности пространства, и вторая – это подчинение рельефу и природным образующим. Крайности редки, обычно эти две тенденции взаимодействуют друг с другом. В этом и заключается органичность и притягательность древнерусского градостроительства, дающего нам очень красивые образцы.

Рассмотрим архитектурно-конструктивные решения оборонительных сооружений онежских городов. Последняя каргопольская крепость была полностью рубленая, то есть стены и башни имели бревенчатые срубные конструкции. Ее устройство в целом понятно, и возможность ее дальнейшего изучения на основании имеющихся на сегодня выявленных источников, наверное, уже исчерпана (Рис. 5). Кроме того, конструкции рубленых башен и стен известны по аналогам, в числе которых и отдельные сохранившиеся башни, и многочисленные старинные изображения и исторические фотографии [7].

Наибольшие вопросы вызывают конструкции тыновых стен в сочетании с тарасами и полатами. О них свидетельствуют только скудные описания, по сути, отмечающие их существование, но не объясняющие их устройство. Не сохранилось никаких старых фотографий или достоверных графических источников.

Представление об устройстве каргопольского острога 1612 г. мы можем получить по описанию 1630 г., сделанному для составления сметы на строительство нового. Упоминается «острожной стоячей тын» с тарасами за ним и с «острожные полаты круг города». Также есть указание на двухрядный тын «снутри меж тын лес короток» и наличие щитов для верхнего боя, которые поломались [9, с. 16].

Представим себе, как могла выглядеть конструкция стен по этим описаниям (Рис. 6). В землю вкопан ряд заостренных сверху бревен. Щели между бревнами закрывает второй ряд бревен, более коротких и не заостренных, поскольку в этом нет необходимости. Еще с внутренней стороны острога установлены тарасы – срубы высотой в несколько венцов, заполненные землей или камнем. Тарасы стояли с некоторым интервалом, и в промежутках между ними в стоячем тыне были прорублены бойницы. Это первый, так называемый «подошвен-

ный», уровень боя. Второй, средний уровень образовывал накат из бревен, уложенный по тарасам. В этом уровне тоже должен был идти ряд бойниц для стрельбы. И наконец, третий, верхний уровень боя состоял из полатей – бревенчатого наката, уложенного на каркасные конструкции, возвышающиеся над тарасами.

Мы не знаем, как были устроены полаты, но здесь подсказкой является лишь строительная логика и известные простые узлы соединения бревенчатых конструкций. С внутренней стороны полаты, очевидно, держались на столбах и перекрещивающихся балках. Поперечные относительно стены балки должны были врублены во внешний ряд тына. Но для того, чтоб врубки нормально держались и тын под нагрузкой не разъезжался в разные стороны, необходимы шпонки. Это бревна, отесанные до трапециевидного сечения и вставленные в соответствующие горизонтальные пазы в бревнах частоккола. Наличие шпонок решает вопрос прочности устройства полатей. Свидетельства о шпонках, скрепляющих острожный тын, мы находим в исторических материалах [8, с. 100]. Щиты для верхнего боя, видимо, были сделаны подобно дверным полотнам из досок, сплоченным с помощью шпонок. Щиты должны были защищать человека, находящегося на полатах, и стоять, опираясь на какие-то подпорки изнутри.

Интересным документом, свидетельствующим об устройстве следующей каргопольской крепости 1631 г., является смета на ее строительство. Эта крепость имела конструкции стен, в целом схожие с конструкциями 1612 г., но усовершенствованные; кроме того, вдоль реки в связи с размыванием берега было решено сделать рубленую стену. Согласно указу на строительство, «около острогу тарасы зарубать также с исподними и с середними, и с верхними бои, и с обламы» [9, с. 17]. Новым по сравнению с 1612 г. здесь были обламы – выступающие части оборонительных сооружений, немного нависающие над стеной снаружи. В бревенчатом исполнении конструкции обламов понятны – часть сруба выступает за плоскость стены примерно на 0,5 метра, образуя щель для поражения противника, подступившего к стенам вплотную. Как обламы сочетались с острожной стеной, приходится только предполагать.

Согласно строительной смете, на стены требовалось: «большого стоячего лесу» – 3,6 тысяч бревен, «другого лесу меж пазы» – 2,8 тысяч бревен, бревна на полати и тарасы – 2 тысячи бревен [9, с. 17]. Если расставить указанное количество бревен по периметру квадрата со стороной около 240 м за вычетом башен и новой рубленой стены вдоль реки, то получается, что расчет соответствует действительности. Сравнительно небольшое количество бревен на полати и тарасы говорит о том, что это были легкие конструкции. Обламы графически реконструируются как развитие конструкций полатей верхнего боя (Рис. 7). Поперечные балки, опирающиеся на наружную стену, скрепленную шпонками, продлеваются и образуют облам. Для защиты снаружи здесь необходимы те самые щиты для верхнего боя, о которых мы говорили выше. Заостренные конца тына при обламах уже не нужны; бревна должны были обрубаться чуть выше уровня полатей. Также в указаниях на строительство мы встречаем упоминание о покрытии. Оно, видимо, выполнялось в простых конструкциях в виде продольной двухскатной крыши, как это делалось на рубленых стенах и в каменном оборонном зодчестве.

В указах на строительство острогов в Турчасове и Усть-Моше 1632 г. содержатся те же требования: «около острогу тарасы зарубать также с исподними и с середними, и с верхними бои, и с обламы» [9, с. 44]. Скорее всего, стены этих острогов имели такую же или очень близкую конструкцию, как и стены в Каргополе.

Нельзя не отметить недолговечность острожных укреплений. Каргопольский острог 1612 г. был заменен новым через 19 лет, следующий острог 1631 г. потребовал замены через 33 года. Турчасовский и Усть-Мошский остроги 1615 г. тоже не простояли до замены и 20 лет. Для капитального деревянного сооружения это очень мало. Если вчитаться в историю строительства острогов, то мы поймем, что это были достаточно некачественные работы [10, с. 61–67]. Обязанности строительства возлагались на крестьян, которые делали это по принуждению очень неохотно. Лес заготавливался еловый, тогда как общеизвестно, что самая хорошая для строительства порода – сосна [3, с. 30–31]. Строительство велось очень быстро. За один строительный сезон явно невозможно хорошо возвести такое грандиозное сооружение, как каргопольская крепость. Но, кроме того, и конструкции, состоящие из вкопанных в землю бревен и легких каркасных верхних частей, не способствовали долговечности подобных построек.

Тем не менее, острожные стены в сочетании с тарасами и полатами были достаточно распространены. М. И. Мильчик приводит сведения о таких же стенах в Окольном городе Новгорода и в Старой Руссе в конце XVI в. [9, с. 18–19]. Аналогичным образом укреплялись и южнорусские крепости, о чем имеется немало письменных свидетельств [6; с. 79–80]. Считается, что каркасные сооружения характерны для южных земель, где мало хорошего строевого леса. Однако рассмотренные нами примеры говорят о том, что подобные конструкции стен использовались и на Севере. Преимущество их заключалось в скорости строительства, относительно небольшом расходе материала.

Кроме того, было немаловажно, на какого противника были рассчитаны подобные оборонительные сооружения. Для южнорусских крепостей они были оптимальны, учитывая частые набеги, легкое вооружение кочевников и необходимость частого возобновления. Поэтому недолговечность и невысокая капитальность подобных конструкций по сравнению со срубными крепостями не была недостатком. Почему острожные стены с полатами возводили на Онеге? Видимо, это было целесообразно из соображений быстрого и экономичного строительства,

а также достаточно для обороны от отрядов польско-литовских интервентов, которые, по сути, были единственными нападавшими на эти города. Заметим, что севернее, в Поморье во время боевых действий со шведами во второй половине XVI в. строились только рубленые крепости. Пример тому – первая крепость Соловецкого монастыря, крепости в Кеми и в Сумском посаде [12, с. 148–149].

Срубная система возведения зданий, как известно, составляет особенность русского деревянного зодчества. Деревянная архитектура Северной Европы развивалась иным путем: в основе построек было стеновое ограждение из вертикально поставленных бревен. Самая старая в Европе деревянная церковь XI в. в Гринстедде (Великобритания) имеет именно такую конструкцию стен [12, с. 28–41]. В более позднее время европейские вертикальные каркасные конструкции преобразовались в сложную систему, дошедшую до нас в норвежских мачтовых церквях [13]. В России тоже, как мы видим, бытовали вертикальные бревенчатые конструкции, но только в качестве оборонительных сооружений. К сожалению, недолговечность материала оставляет слишком много вопросов по истории русского деревянного зодчества в древности. Преобладание тыновых стен в южных лесостепных зонах России и ограниченное использование их на северных лесных территориях, конечно, связано с изобилием строевого леса, но нельзя не учитывать еще и древность освоения мест. В южнорусских землях должны были сохраняться более древние строительные традиции. Поэтому в целом, опираясь на данные о русских и европейских постройках, мы все же можем констатировать, что вертикальные конструкции древнее срубных. Это подтверждается еще и тем, что строительство первых не требовало металлического инструмента, а для возведения вторых он был обязателен. Следовательно, рассмотренные нами конструкции стен отражают более ранние стадии развития деревянного оборонного зодчества.

Таким образом, по результатам рассмотрения онежских городов-крепостей Каргополя, Усть-Моши и Турчасова можно сделать следующие выводы.

1. Города-крепости на Онеге XVII в. представляли собой единую систему укрепленных пунктов, связанных исторически, экономически и географически. Эти города, по сути, контролировали дорогу, идущую по Онеге из среднерусских земель к Белому морю, и в них осуществлялось административное управление уездом.

2. Города строились по единому образцу, имели близкие планировочные характеристики и одинаковые конструкции укреплений. Образцом для строительства острогов в Турчасове и Усть-Моше служила каргопольская крепость.

3. Планировочная организация онежских городов показывает органичное взаимодействие регулярно-рукотворного и природного-ландшафтного, что является отличительным признаком древнерусского градостроительства.

4. Стены, состоящие из тына с тарасами и полатами, представляют собой наиболее простой тип оборонительных конструкций, нередко использовавшийся в оборонном строительстве. Они отражают ранние этапы развития русского деревянного оборонного зодчества, что особенно важно для более полного понимания его эволюции.

В заключение необходимо сказать о современном состоянии объектов исследования и возможности их воссоздания или использования. Каргопольская крепость сгорела в первой трети XVIII в. К тому времени она уже изрядно обветшала и потеряла свое оборонное значение. Сохранившиеся валы и рвы в Каргополе до сих пор напоминают о некогда стоявшей здесь твердыне, являются

объектом туризма и памятником археологии. Разрывы в валах отмечают местоположение древних башен, улицы на территории крепости в общих чертах сохраняют свои исторические направления.

О воссоздании крепостной стены (полном или фрагментарном) как мероприятии, способном существенно обогатить архитектурный облик города и сделать его более привлекательным, говорилось в разные годы. Рисовались даже эскизы. Сейчас территория бывшей крепости занята индивидуальными жилыми домами и огородами. Воссоздание крепостной стены в принципе возможно по свободной от застройки северо-западной стороне и частично – по северо-восточной. Этот фрагмент крепости включает Крестовую, Троицкую, Безымянную, Среднюю башни и стены между ними общей протяженностью около 280 м. Воссоздание крепости можно было бы дополнить несколькими избами, амбарчиками, лавками, а возможно – и утраченной Спасской церковью, получившей в более позднее время название «на Валушках». Таким образом, это уже мог бы быть не отдельный элемент городской застройки, а часть древнерусского деревянного города.

Казалось бы, воссоздание исторических сооружений должно быть воспринято положительно. Однако предоставим себе, как будут выглядеть новые крепостные сооружения в историческом городе и как они будут взаимодействовать с существующими объектами культурного наследия. Над покрытыми патиной времени церквями XVII–XVIII вв., надо сказать, находящимися в неблагоприятном состоянии, возвысятся исторические муляжи – башни высотой до 27 м. Это совершенно изменит облик и панораму города, к которым все уже привыкли в течение двух с половиной столетий.

Сегодняшнее очарование Каргополя заключается в сочетании древних монументальных храмов с исторической и современной малоэтажной застройкой. Культурное наследие города несет в себе многочисленные напластования разных времен, начиная с XVI в. Воскрешение каких-то древних образов в среде исторического города сродни целостным реставрациям с воссозданием первоначального, давно утраченного облика и имеют все те же присущие им недостатки. К тому же древние валы сильно оплыли, а рвы, раньше наполненные водой, превратились в небольшие канавы. Воссоздание валов в первоначальном виде в соседстве с окружающей жилой застройкой – мероприятие крайне сомнительное, а постановка огромных башен на старые валы выглядела бы нелепо.

По сути, те же самые слова можно отнести и к остаткам острогов в Усть-Моше и Турчасове. Валы сохранились плохо, но рвы еще достаточно отчетливо обозначают контур давно утраченных крепостей. На всем лежит печать времени и забвения. Эти следы уже слились с окружающим ландшафтом и существуют в неразрывной связи с ним. Какие-то радикальные новшества здесь явно неуместны.

Однако определенные меры по сохранению и выявлению остатков рассмотренных нами крепостей, безусловно, необходимы. В Каргополе они могут быть реализованы в более тактичной форме по отношению к существующим подлинным памятникам, например, в виде окладных венцов, фиксирующих план крепостных сооружений, элементов благоустройства, малых форм. В Усть-Моше и Турчасове – в виде памятных знаков или часовен.

Литература

1. Mark Gardiner. Timber Churches in Medieval England: A Preliminary Study // Historic Wooden Architecture in Europe and Russia. Evidence, study and restoration. Edited by Evgeny Khodakovsky and Siri Skjold Lexau. Basel, 2015. – P. 28–41

2. Алферова, Г. В. Каргополь и Каргополье. – Москва: Стройиздат, 1979. – 190 с., ил.
3. Бодэ, А. Б., Зинина, О. А. Традиционные русские плотницкие технологии: Работа с деревом, конструкции, архитектура. – Москва: Институт наследия, 2016. – 142 с.: ил.
4. Гемп, К. П. Каргополь. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1968. – 96 с.: ил.
5. Гуляницкий, Н. Ф. Древнерусское градостроительство X–XV веков. – Москва: Стройиздат, 1993. – 392 с.: ил.
6. Загоровский, В. П. Белгородская черта. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1969. – 304 с.: ил.
7. Крадин, Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. – Москва: Искусство, 1988. – 192 с.: ил.
8. Красовский, М. В. Курс истории архитектуры: Ч. 1: Деревянное зодчество. – Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1916. – 408 с.
9. Мильчик, М. И. Каргополь: деревянная крепость и остроги на реке Онеге: Документы и графические реконструкции. – Санкт-Петербург: Лики России, 2008. – 168 с.: ил.
10. Мильчик, М. И., Бодэ А. Б. Каргопольская крепость: Этапы строительной истории./Архитектурное наследство. – 2008. – Вып. 49. – С. 60–76
11. Овсянников, О. В. О каргопольском острожном деле./Памятники культуры: Новые открытия. – 1986. – С. 472–486
12. Ополовников, А. В. Сокровища Русского Севера. – Москва: Стройиздат, 1989. – 368 с.: ил.
13. Ходаковский, Е. В. Деревянные мачтовые церкви средневековой Норвегии. – Санкт-Петербург: Аврора, 2015. – 256 с.: ил.
14. Щенков, А. С. К вопросу о реконструкции архитектурного облика древнерусских городов./Архитектурное наследство. – Вып. 34. – С. 3–7

References

- Alferova, G. V. (1979). Kargopol i Kargopolie [Kargopol and Kargopolie]. Moscow: Striizdat.
- Bode, A. B., & Zinina, O. A. (2016). Traditsionnye russkie plotnitskie tekhnologii: Rabota s derevom, konstruksii, arkhitektura [Traditional Russian carpenter's techniques: Woodwork, structures, architecture]. Moscow: Institut naslediya.
- Gardiner, Mark. (2015). Timber Churches in Medieval England: A Preliminary Study. In Evgeny Khodakovsky & Siri Skjold Lexau (Eds.), Historic Wooden Architecture in Europe and Russia. Evidence, study and restoration (pp. 28–41). Basel.
- Gemp, K. P. (1968). Kargopol. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatelstvo.
- Gulyanitsky, N. F. (1993). Drevnerusskoe gradostroitelstvo X-XV vekov [Ancient Russian town planning in the X-XV centuries]. Moscow: Stroizdat.
- Khodakovsky, E. V. (2015). Derevyannye machtovye tserkvi srednevekovoi Norvegii [Wooden stave churches in medieval Norway]. Saint Petersburg: Avrora.
- Kradin, N. P. (1988). Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo [Russian wooden military architecture].
- Krasovsky, M. V. (1916). Kurs istorii arkhitektury: Ch. 1: Derevyannoe zodchestvo [A course in history of architecture: Part 1: Wooden architecture]. Peterburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vilborg.
- Milchik, M. I. (2008). Kargopol: derevyannaya krepost' i ostrogi na reke Onege: Dokumenty i graficheskie rekonstruktsii [Kargopol: a wooden fortress and ostrogs on the Onega: Documents and graphic reconstructions]. Saint Petersburg: Liki Rossii.
- Milchik, M. I., & Bode, A. B. (2008). Kargopolskaya krepost': Etapy stroitelnoi istorii [Kargopol fortress: stages of construction history]. Arkhitekturnoe nasledstvo, 49, 60–76.
- Opolovnikov, A. V. (1989). Sokrovishcha Russkogo Severa [Treasures of the Russian North]. Moscow: Stroizdat.
- Ovsyannikov, O. V. (1986). O kargopolskom ostrozhnom dele [About Kargopol ostrog construction]. In Pamyatniki kultury: Noveye otkrytiya (pp. 472–486).
- Shchenkov, A. S. (1986.). K voprosu o rekonstruktsii arkhitekturnogo oblika drevnerusskikh gorodov [On reconstruction of the architectural outlook of ancient Russian cities]. Arkhitekturnoe nasledstvo, 34, 3–7.
- Zagorovsky, V. P. (1969). Belgorodskaya cherta [The Belgorod line]. Voronezh: Izdatelstvo Voronezhskogo universiteta.

^ План Костромы

Костроме почти девять веков. Ее история богата событиями. В городе сохранилось множество архитектурных памятников, но утраченное в XX веке уже невосполнимо, несмотря на воссоздание ряда архитектурных шедевров. Город пока сохраняет свое своеобразие. Создание «историко-культурных островов», которые предполагают сохранение структурной целостности улиц, площадей и исторической части города в целом – насущная необходимость. Ключевые слова: Кострома; история; утраты и приобретения XX века; проблема сохранения идентичности; историко-культурный остров как идеал. /

Kostroma is almost nine centuries old. It has had an eventful history. There are a lot of architectural monuments in the city, but what was lost in the 20th century is irreparable, despite the reconstruction of several architectural masterpieces. The city still maintains its identity. It is of current importance to create “historico-cultural islands”, which ensure preservation of the structural integrity of streets, squares and the historical part of the city in general. Keywords: Kostroma; history; losses and benefits of the 20th century; preservation of identity; historico-cultural island as an ideal.

Кострома. Вчера, сегодня, всегда... /

ТЕКСТ
Елена Багина /
text
Elena Bagina

Если меня спросить, откуда я родом, я отвечу: из Костромы. В Костроме, у бабушки, куда меня привозили в мае и забирали в конце августа, прошло мое детство. Бабушка жила в центре Костромы, в двухкомнатной квартирке на втором этаже стандартного восьмиквартирного деревянного дома, каких было много построено сразу после войны по всей России. Он существует до сих пор. Немощный двор, где росли липы и яблони, с поленищами дров, сараями и палисадниками, был тихим и уютным.

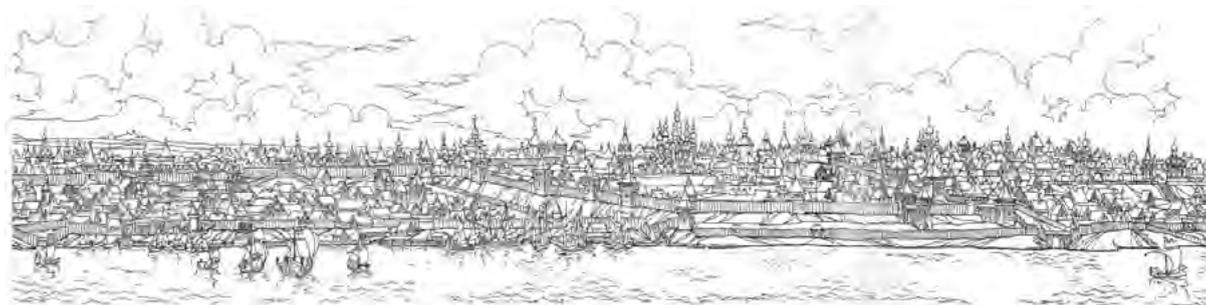
Невероятно красивым мне в детстве казался соседний деревянный дом начала XX века в стиле модерн, во двор которого через забор нередко перелетал мяч, когда дворовая компания играла в волейбол.

В начале 60-х годов в черте города в Волге еще купались и стирали белье. Водопровода во многих домах не было. Женщины шли к реке, к плавучим мосткам, спускаясь с валов Костромского кремля по шатким деревянным лестницам. На коромыслах они несли тяжелые корзины с бельем. Стоя на коленях на скользких мокрых досках, стирали и обсуждали городские новости. Мостки располагались рядом с городским пляжем, чуть ниже по течению.

Кострома еще в 60-х годах хранила черты XIX века. Не везде, конечно. Но на сменившей за два века множество названий тихой улице Войкова, где жила моя бабушка, XIX век ощущался явственно, несмотря на то, что мещанские и купеческие особнячки уже не принадлежали одной семье. В советское время все они стали «многосемейными». В XVIII веке улочка располагалась

на окраине, была короткой и называлась Старым Никольским переулком; все постройки на ней принадлежали знатному дворянскому роду Нелидовых. С 1780-х гг. она официально именовалась Никольской, но в обиходе ее чаще называли Кобылинским переулком, а с середины XIX в. – Жоховским переулком, так как на нем находилась городская усадьба Жоховых. В 1927 году ее назвали в честь погибшего в Польше товарища Войкова. Кое-кто из коренных жителей этой улицы еще помнил прежнее название и никак не мог смириться с новым. Интересно, что на улице Войкова была огромная яма, образовавшаяся на месте старой городской свалки, которую ликвидировали. В 60-х годах в яме располагались огороды местных жителей – у каждого узенькая полоска земли шириной 1 метр. На крутых склонах ямы росли огурцы и помидоры – там было больше солнца. Внизу – лук и морковь. В яму была проведена вода для полива. К крану выстраивалась очередь с ведрами и лейками. Вода текла очень медленно, и огородники вели неспешные беседы: никто, насколько я помню, в Костроме никуда не спешил. Поскольку раньше огородная яма была свалкой, здесь часто выкапывали осколки расписного фарфора фабрик Гарднера или Кузнецова, обломки старых горшков, старинные гвозди и прочие «детские богатства». Из осколков фарфора и бусинок дети делали «секретики» в песочнице, обменивали их на «чертовы пальцы», найденные в песке волжских пляжей. «Чертовы пальцы» – окаменелые остатки раковин белемнитов, головоногих моллюсков, существовавших в мезозойскую эру, которая – страшно даже подумать – началась 248

> Кострома. XVII век.
Реконструкция
В. Неделина

< Вид на город с Волги.
1932 г.

Kostroma. Yesterday, Today, Always...

миллионов лет назад и закончилась 65 миллионов лет назад. О «чертовых пальцах» шепотом рассказывали, что это пальцы нечисти, превращенной в камень силой молитвы святых. Костроме скоро будет 900 лет, а дети, как и девять веков назад, ищут в волжском песке «чертовы пальцы».

Все относительно. Кострома по сравнению с Нижним Новгородом или Казанью мала и провинциальна. Для жителей Чухломы, где чуть более 5000 человек – это огромный город с населением около 300000 человек.

Год основания Москвы – 1147, Костромы – 1152.

Как полагает историк В. Н. Татищев, отец-основатель у них один – князь Юрий Долгорукий. Некоторые считают, что имя город получил от названия реки Костромы; другие – что он назван в честь языческого божества, символ которого – соломенную куклу – сжигали на масленицу (ритуал назывался «похороны Костромы»). Еще одна версия: название города происходит от финно-угорского слова «кострум» – крепость [1].

Деревянный город-крепость (кремль) на месте впадения реки Костромы в Волгу неоднократно горел, страдал от набегов татаро-монголов; его грабили и речные разбойники, и удельные князья, но он неизменно возрождался. Юрий Долгорукий, Иван Калита, Дмитрий Донской, Лжедмитрий, Иван Сусанин, Романовы – эти имена тесно связаны с историей Костромы.

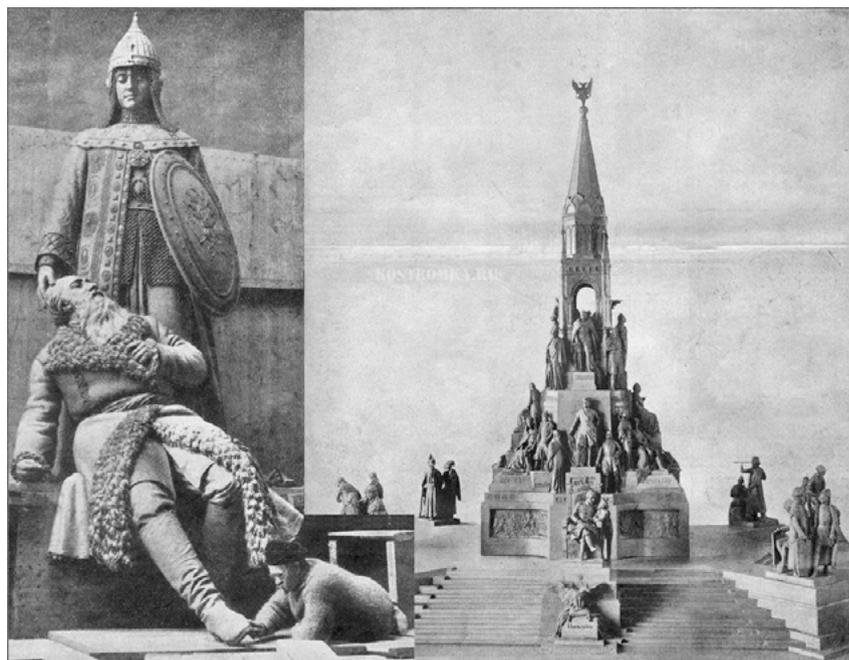
В 1608 году отряд польской шляхты захватил Кострому и укрепился в ней. Целью польского вторжения было убийство Романовых, которые могли претендовать на престол, захваченный Лжедмитрием II. Изгнали поляков из Костромы и окрестных городов только в 1612 году, а в 1613 году Земский собор постановил избрать на царство племянника первой жены царя Ивана Грозного Анастасии – Михаила Федоровича Романова [2].

За 300 лет царствования Романовых Кострома выросла и приобрела значимые сооружения, она стала крупным центром ткацкого и льняного производства. Купцы и мещане жили в каменных и деревянных особняках. Украшали город дворянские усадьбы и множество церквей. В 1808 году в городе был основан драматический театр, на сцене которого блистали столичные актеры [3]. Процветал Ипатьевский монастырь XV века.

Именно в Костроме в честь 300-летия дома Романовых было решено поставить грандиозный памятник. Вот выдержка из верноподданнического послания Костромской городской думы Николаю II:

«Ввиду предстоящего в 1913 году трехсотлетия вступления на всероссийский престол первого царя из Дома Романовых, Костромская городская дума, преисполненная верноподданническими чувствами, прониклась желанием достойным образом увековечить память об этом великом историческом событии, которое в 1613 году было источником спасения для находившейся на краю гибели России, вознесенной под державным скипетром ныне царствующего Императорского дома на вершину благополучия и могущества... Наиболее соответствующим важности и историческому значению события было бы сооружение величественного памятника на берегу Волги на месте бывшего Кремля, в стенах

в Проект А. И. Адамсона.
Памятник 300-летию дома Романовых

^ Улица Русина в сторону Воскресенской площади

^ Ипатьевский монастырь. Гравюра

когого находился осадный двор бояр Романовых» [4]. Конкурс на этот памятник был грандиозным. В 1912 году после широкого обсуждения выбрали проект скульптора А. И. Адамсона и архитектора С. А. Власьева.

Памятник представлял собой грандиозный постамент-пьедестал в виде часовни – ступенчатой цилиндрической башни высотой в 17 сажений (36 метров) с многоярусным шатровым завершением, увенчанным двуглавым орлом. Уступы-ступени кольцевой формы предназначались для установки портретных фигур представителей царствующего дома и выдающихся людей, связанных с эпохой их правления: количество фигур непосредственно на постаменте – 18, общее количество фигур – 28 [4].

В 1911 году в Риме был открыт помпезный многофигурный памятник Виктору Эммануилу II. Если бы памятник 300-летию дома Романовых был завершен, он был бы русской репликой Витториано, в народе именуемом «кремовым тортом». Первая мировая война и революция помешали осуществить этот проект. Памятник закончить не удалось, но постамент был возведен. В 1918 году около него лежали упакованные в ящики так и не установленные скульптуры. Дальнейшая их судьба неизвестна. Решено было использовать этот постамент для памятника Свободе, но и этот проект реализовать не удалось. В 1928 году постамент частично разобрали и водрузили на него бетонную фигуру Ленина. В 1981 году ее заменили бронзовой [4]. Нужно заметить, что Ильич на постаменте памятника 300-летию дома Романовых всегда выглядел нелепо. Что с ним будет в дальнейшем – неизвестно. А пока бронзовый Ленин стоит спиной к Волге и показывает на город: мол, смотрите, что с городом стало в результате грандиозного социального эксперимента. Постамент ветшает... Рядом кипит работа по восстановлению Костромского кремля. Новостройка будет завершена через несколько лет.

Легенда гласит, что свой веерный план город получил по воле императрицы Екатерины II. Будто бы она уронила раскрытый веер на карту с изображением Волги и сказала: «Так и стройте». На самом деле страшный пожар 1773 года стал поводом для разработки нового генерального плана, который был утвержден обычным

порядком в 1779 году, а Екатерина II посетила Кострому еще за шесть лет до пожара, то есть до того, как было принято решение о перестройке города. Но, как говорится, любая красивая история имеет право на существование [5].

Вот как описывают Г. и. В. Лукомские в «Историческом очерке Костромы» пребывание Екатерины II в Костроме в мае 1767 года: «15 числа, в 7 часов утра, преосвященный Дамаскин с духовною процессиею, в сопровождении генералитета, депутатов дворянства и многочисленного собрания всех сословий явился навстречу Императрице у пристани Ипатьевского монастыря. Царский путь в священную обитель окружен был с правой стороны множеством жен и девиц дворянского и купеческого сословия, с левой – дворянами и купцами» [6].

Таким красивым веерным планом, как в Костроме, из русских городов может похвастаться разве что Архангельск. Но там веер не столь совершенный.

Центральную площадь Костромы жители называют Сковородкой, игнорируя официальные названия. Некоторое время назад она называлась площадью Революции, теперь – площадь Ивана Сусанина. Образ сковороды в представлении костромичей соответствует, вероятно, особенностям планировки города. Площадь – это сковородка, а ведущая к ней центральная улица – ручка [7]. Рисунок каркаса исторической части Костромы неизменен с конца XVIII века. Градостроительная ткань веерной центральной части города сегодня имеет множество «дыр» и неуместных включений. Могло быть и хуже.

Трагедия XX века, когда не враги, а сами россияне взрывали храмы и разрушали то, что предки строили веками, коснулась всех городов и сел России. Кострома не исключение. Остается только удивляться, что так много архитектурных шедевров еще сохранилось в этом городе. Но стоит вспомнить то, что утрачено в одной только Костроме: взорванные соборы и колокольня Костромского кремля, разрушенные монастыри, дворянские и купеческие усадьбы, доходные дома... За XX век в Костроме уничтожено более трех десятков храмов. Еще около двадцати были закрыты, в них разместили различные учреждения. Сегодня кое-что начали восстанавливать. С нуля воссоздают Костромской кремль с двумя

^ Улица Русина в сторону Воскресенской площади

Механический завод Шипова в Костроме

^ Механический завод Шипова в Костроме

соборами. Реставрируется Вознесенский храм XVII века и церковь Благовещения, в которой когда-то служил дед драматурга Островского [8].

Сопоставимо ли то, что построено в XX веке, с тем, что было разрушено? Ответ очевиден. Однако некоторые считают, что образцы советского авангарда и модернизма в Костроме тоже хороши. Туристы, правда, посещая Кострому, почему-то не рвутся смотреть фабрику-кухню постройки 1929 года, трехэтажные дома «для рабочих» в Фабричном районе, Главпочтамт на Советской. Это для гурманов, которые могут часами созерцать «Черный квадрат» и с придыханием произносят имена Малевича и Татлина.

Туристы предпочитают смотреть на знаменитую костромскую Пожарную каланчу, возведенную в 1825 г. по указу губернатора Баумгартена, бродить по Ипатьевскому монастырю, восхищаться церковью Воскресения на Дебре, единственным сохранившимся в Костроме посадским храмом XVII века [11].

Без Торговых рядов центр Костромы представить сложно. До пожара 1773 года они были деревянные. Новые торговые ряды решено было строить из камня: работы начались в 1775 году. В основу был положен «образцовый» проект Карла фон Клера.

В основу планировки легла типовая секция купеческой лавки: каждой лавке размером 4,5 × 7 м соответствовал один арочный пролет галереи. Торговые помещения располагались на первом этаже, склады, конторы, а иногда и жилые комнаты владельцев лавок – на втором.

Строительство Красных торговых рядов, именуемых также Гостиным двором, началось под руководством Степана Андреевича Воротилова в 1789 году. Здание было выстроено в виде замкнутого прямоугольника размером 110 × 160 м. На предполагаемом месте постройки рядов размещался один из древнейших храмов Костромы – церковь Спаса в Рядах. Архитекторам удалось органично вписать церковь в состав Красных рядов.

В 1929 году храм Спаса в Рядах закрыли. С 1930 года в помещении бывшего храма располагался антирелигиозный музей, но уже в конце тридцатых годов храмовую колокольню и главы разобрали, а церковь стала использоваться как складское помещение. В 1974–1976 го-

дах архитекторы Л. С. Васильев и В. С. Шапошников воссоздали колокольню и главы храма, но без крестов. В 1992 году на главы и колокольню установили кресты. С 1986 по 2007 годы в храме располагался выставочный зал историко-архитектурного музея-заповедника. С 2007 года храм передан епархии. У истории этой церкви счастливый конец. Без нее ансамбль Красных рядов много бы потерял.

Название «Красные ряды» здание получило потому, что в нем торговали «красным» товаром, то есть тканями, кожаными изделиями, мехами и книгами. В марте 1791 года городская дума рапортовала, что готовы 33 лавки, 19 достраиваются, а на 11 заготовлены материалы; всего в корпусе предполагалось разместить 86 лавок. Работы завершились к 1793 году [9].

Галереи Гостиного двора с их гладким полом из каменных плит, нарядными вывесками, витринами служили не только центром оживленной торговой жизни города, но и местом прогулок и встреч обывателей.

В Красных рядах, куда мы с бабушкой ходили пешком за покупками, в конце 60-х годов были промтоварные магазины, а в огромном квадратном дворе располагался рынок, где летом продавали грибы, ягоды, овощи, зелень, мясо, рыбу, корзины, веники... Когда мы шли на базар, в сумке у бабушки всегда были пустые стеклянные банки для ягод – черники, земляники, малины, смородины. Мясо и рыбу продавцы заворачивали в несколько слоев грубой оберточной бумаги. Рыбу с базара мы несли в сетках-авоськах отдельно, чтобы хозяйственная сумка не пропиталась специфическим запахом.

На рынок входили через арочные ворота. И сразу попадали в особый мир волжского базара с его толчеей, криками продавцов, запахом рыбы... В мясных рядах рубчики мяса лихо орудовали топорами и ножами. В квадратном замкнутом дворе Красных рядов, где размещался Колхозный рынок, было многолюдно и душно, а в арочных галереях Красных рядов с каменными плитами пола – прохладно и пусто. Если что-то «выкидывали», то мгновенно, как по волшебству, выстраивалась очередь. Когда товар кончался, вновь становилось пусто.

Кострома была хороша тем, что всю ее можно было пройти пешком за час. Сейчас, конечно, она выросла,

^ Церковь Воскресения на Девре

^ Кострома. Церковь Воскресения на Девре. Фрагмент

и в отдаленные районы пешком уже не доберешься. Впрочем, если жить в этих районах, то той Костромы, ради которой люди едут за тысячи километров, там не чувствуется. Обычные многоэтажные «человейники». Хотя, надо отдать должное, сегодня центр стараются не застраивать высотными домами. Сталинские трех-пятиэтажные дома уже давно стали частью городского пейзажа. Построенные на месте уютных деревянных и кирпичных особнячков, они не портят город. И по масштабу, и по фактуре эти дома не выбиваются из общего строя. Неоклассические сталинские здания – пожалуй, лучшее, что было построено в XX веке. Хотя, если бы сохранились особнячки, которые были на их месте, возможно, центр был бы гармоничнее. Но город не может оставаться неизменным. Что-то утрачивается, что-то приобретает.

Можно часами слушать то восторженные, то грустные рассказы костромских краеведов. Как говорил Парацельс, чем больше знания, тем больше любви, но тем больше и печали.

Большинство жителей хоть и любят свой город, мало что о нем знают и воспринимают его как данность. А когда нужно что-то рассказать о своем городе, говорят: «Да нормальный город. Что рассказывать? Дети в Москву уезжают учиться и на заработки. Кто-то возвращается, кто-то остается. Но забыть Кострому никто не может. Красиво у нас, спокойно. Волга, пароходы. Пристани старинные, которые еще колесные пароходы помнят. Купаться в черте города, правда, нельзя – грязно. Рыбы в Волге меньше стало. Можно поехать на речном трамвайчике в Козловы горы или в Тихий уголок. Там вода чистая, но все равно лучше в притоках Волги купаться, в Качалке, например. Церкви у нас старинные, Ипатьевский монастырь красивый, Пожарная каланча, Сковородка, парк, откосы, беседка Островского...»

Моя бабушка, которая прожила в Костроме полжизни, ни историей, ни архитектурой Костромы не интересовалась. Ее, доцента Сельскохозяйственного института, занимали проблемы кафедры, которой она заведовала до 75 лет, домашнее хозяйство, сыновья, живущие в разных городах, внуки, отношения с домработницей тетей Таней... Кострому она любила. Жить ей было в этом го-

роде комфортно, хотя в ее доме не было ванной, горячей воды и центрального отопления. Но зато был тихий зеленый двор с липами, яблонями, самодельными скамейками, неизменным бельем на веревках. Соседи в этом дворе хорошо знали друг друга. Вечерами они сидели на скамейке и судачили. У многих из них были прозвища: Старик Природа, Чик-Брик, Вовка-полубелый, Чекист Цветков, но так они друг друга называли за глаза. До Сковородки можно было дойти пешком за двадцать минут. До Волги – минут за десять-пятнадцать. Я помню каждый дом, каждую улицу, каждый поворот по пути из бабушкиного дома на Волгу. Пойти на пляж было счастьем.

До Волги совсем недалеко. Вот пройдем старую одноэтажную баню, в которой, по словам бабушки, «еще купцы парились», спустимся по полуразвалившейся лестнице на крутых валах Костромского кремля, перейдем мощную булыжником Лесную улочку – и мы на пляже. Сквозь деревья с пляжа видны купола церкви Воскресения на Девре... Волга широкая, и дома на другом берегу едва видны. По реке идут баржи с песком, степенно плывут трехпалубные пароходы, иногда проносятся «ракеты» и «метеоры» на воздушных крыльях...

Нельзя сказать, что в городах, которые строили гиганты, ныне живут пигмеи. Во все времена жители, занятые повседневной жизненной суетой, воспринимали свой город как данность. А власти решали насущные проблемы: что-то разрешали снести, что-то – построить. Какова была власть – таковы были и решения.

Изрядно испортили Кострому, как и любой другой город с богатой историей, хрущевские пятиэтажки. Правда, в центральной части их немного: в основном, в Заволжском районе, куда полвека назад можно было попасть либо на речном трамвайчике, либо на так называемой «калоше» – маленьком баркасе, который оседал в воду по ватерлинию, когда пассажиров было много. Когда в 70-м году XX века построили мост через Волгу, в Заречный район стало добираться гораздо проще, и он стал расти.

^ Богоявленско-Анастасиин женский монастырь в Костроме

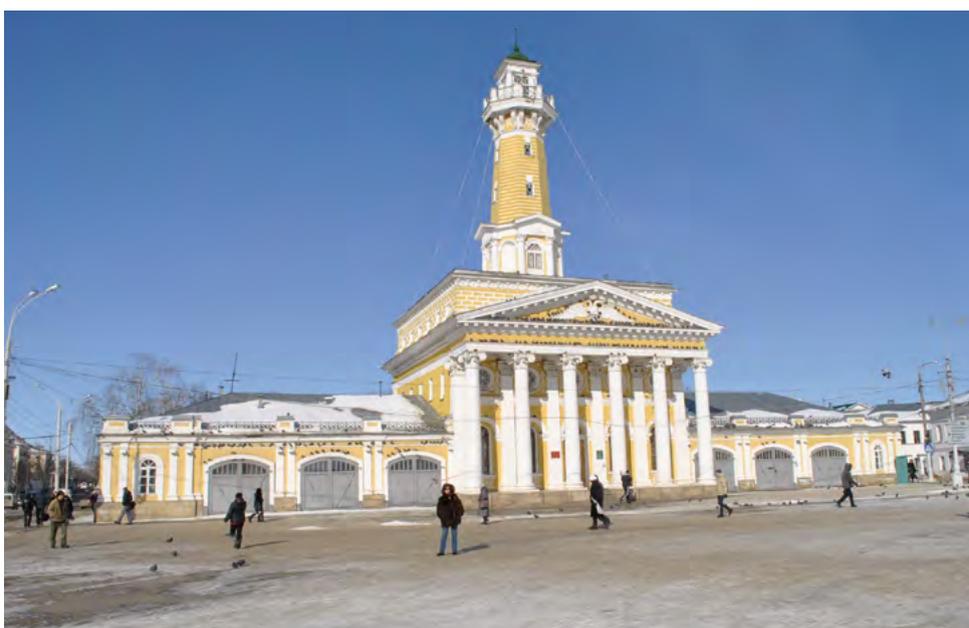

^ Кострома. Ипатьевский монастырь. Фрагмент

Есть хрущевские пятиэтажки и в Фабричном районе, где располагаются уникальные промышленные строения ткацких и льняных фабрик XIX века.

Не случайно преступность в Заволжском и Фабричном районах Костромы выше, чем в Центральном. Скудость архитектуры этому способствует. Я помню, какой резкий контраст был между относительно ухоженным Центральным и промышленным Фабричным районом 40 лет назад. Добираться в знаменитый Ипатьевский монастырь, расположенный на другом берегу реки Костромы, по суше нужно было на автобусе, который шел по улицам Фабричного района мимо мрачных кирпичных корпусов бывшей Ткацкой и прядильной фабрики Третьяковых и Коншина [10], затем ехать по мосту. Как-то не думалось в то время, что пройдет несколько десятилетий – и этими промышленными зданиями XIX века будут интересоваться и по праву назовут их памятниками архитектуры. В XIX веке архитекторы на полном серьезе считали, что для промышленных строений прилично «использовать весьма простые и скромные архитектурные мотивы». Как же мы изголодались по человеческому масштабу и визуальному богатству архитектуры, что даже исторические промышленные здания с их скромным декоративным убранством кажутся нам шедеврами! Мы готовы восхищаться простой кирпичной кладкой, а уж если видим арки или своды... застываем в молитвенном экстазе. Но при этом рисуем холодные стеклянные призмы, делаем в планах острые углы или подражаем Захе Хадид...

Сегодня назвать строения прошлых веков памятниками не просто, если они стоят на «лакомых местах» в центре. Но даже если статус памятника есть, привести в порядок здание почти невозможно, поскольку идея извлечения прибыли вопреки всему в обществе доминирует. То, что не взорвали и не перестроили в XX веке, убивает жадность и глупость. Статус города «Золотого кольца» отчасти спасает Кострому от неуместных новостроек и губительных реконструкций (реноваций, ревитализаций). Сюда пока не добрались урбанисты с убогим «ящичным» мышлением. Но, как и в любом другом городе, сегодня на окраинах Костромы появились многоэтажные дома. В этих районах не чувствуется, что городу уже 867 лет. Это и понятно. Но в Костроме нет жителей, которые ни-

когда не видели Сусанинской площади, Каланчи, Красных рядов и Ипатьевского монастыря. В Москве, к сожалению, уже есть люди, которые на Красной площади никогда не были и желания ее увидеть не испытывают.

В целостности и обзорности – преимущество небольших исторических городов. Связь времен в них явственнее.

Города растут; этот процесс остановить практически невозможно. В конце концов историческая территория центра становится, если к ней относятся бережно, историко-культурным островом с неизменным силуэтом и многовековыми памятниками. Нагруженные транспортные магистрали выводятся за пределы такого острова. Там не строят огромных торгово-развлекательных центров и стадионов. Это в идеале. Но центр любого города в сознании тех, кто хочет и может что-то построить – самое привлекательное место. Прочно сидят в сознании стереотипы: «жить в центре – престижно»; «в центре

^ Кострома. Пожарная каланча

^ Кострома. Деревянные двухэтажные дома. Войкова, 20

^ Кострома, веер

– все самое лучшее и значимое»; «только в центре нужно строить офисные здания и элитное жилье»; «центр – хорошо, окраина – плохо», и никакие доводы разума не действуют. Помочь может только жесткое государственное регулирование строительства в центрах исторических городов и понимание, что не отдельный памятник с охранными зонами, а целые исторические районы и традиционные улицы должны сохранять структурную целостность. Это не означает, что новое строительство в пределах исторических центров городов невозможно. Важно понимать, что ограничения неизбежны.

Хотелось бы, чтобы наши потомки увидели в Костроме Красные ряды, площадь Сусанина, Пожарную каланчу, Костромской кремль, Ипатьевский монастырь такими, какими они были и есть, чтобы сохранился традиционный силуэт старого города и появились новые постройки, достойные восхищения. Можно ведь пометчать?

v Жилые дома начала 30-х годов в Костроме

Литература / References

1. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кострома#История> (дата обращения: 02.07.2019)
2. URL : <http://www.vidania.ru/citykostroma.html> (дата обращения: 05.07.2019)
3. URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Костромской_государственный_драматический_театр_имени_А._Н._Островского (дата обращения: 02.07.2019)
4. URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_в_честь_300-летия_дома_Романовых (дата обращения: 03.07.2019)
5. URL : <https://bdb-2000.livejournal.com/60645.html> (дата обращения: 04.07.2019)
6. Лукомские, Г. и В. Очерки истории Костромы. – URL : <http://kostromka.ru/history/lukomskiy/26.php> (дата обращения: 05.07.2019)
7. URL : <http://www.kostromag.ru/Kostroma/sights/skovorodka/index.aspx> (дата обращения: 02.07.2019)
8. URL : <http://lifekostroma.ru/pamyatniki-arhitektury-kostromy/kostromskoj-kreml> (дата обращения: 05.07.2019)
9. URL : <http://lifekostroma.ru/kostroma-dostoprimechatelnosti-polnyj-spisok/gostinyj-dvor-krasnye-ryady-s-cerkovyu-spasa-> (дата обращения: 03.07.2019)
10. URL : <http://enckostr.ru/showObject.do?object=1804534949> (дата обращения: 05.07.2019)
11. URL : <http://voskresenskiy-s.cerkov.ru/main-page/> (дата обращения: 06.07.2019)

в Рис. 1. Гороховец. Вид с Клязьмы в разлив. Открытка.
Из коллекции Н. И. Андреева

В качестве одного из решений проблемы оттока населения из малых городов и исторических поселений предлагается организация общественных пространств, востребованных различными адресатами. Общественные пространства трактуются как типологическая единица архитектурной среды, в которой находят свою синтетическую взаимосвязь природные, исторические и социальные особенности конкретных поселений. Исследуются набережные, улицы, площади и парки малых городов, предназначенные для коренного жителя и гостя города. Анализируются зарубежный и отечественный проектный опыт, в том числе проекты, выполненные в рамках конкурса «Малые города и исторические поселения».

Ключевые слова: адресат; общественное пространство; малый город; историческое поселение; потенциал. /

One of the solutions to the problem of migration from small towns and historical settlements is to organize public spaces required by different addressees. Public spaces are interpreted as a typological unit of the architectural environment, where natural, historical and social characteristics of certain settlements have a synthetic relationship. The article studies waterfronts, streets, squares and parks of small towns designed for a certain citizen or guest of the city. The article analyses foreign and national design experience, including the projects worked out for the competition "Small Towns and Historic Settlements".

Keywords: addressee; public space; small town; historic settlement; potential.

Общественные пространства малых исторических городов. В поисках адресата¹ / Public Spaces of Small Historic Towns. In Search of the Addressee¹

Введение

«Издали вид на город был очень красив: чем-то свежим и оригинальным веяло от этой пестрой кучи домов, садов, церквей, общественных зданий, дач и заимок. Трудно было даже разобрать, где кончается собственно город, потому что заимки и дачи уже входили в черту города... Из общей массы строений выделялись, как громадные заплаты, четыре городских площади и целый ряд громадных каменных домов казарменной архитектуры...» Такое пространственное описание уездного города с топонимом Пропадинск мы находим в рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Поправка доктора Осокина», впервые напечатанном в журнале «Русская мысль» в 1885 г. Писатель приводит численность населения – двадцать тысяч человек; и хотя филологи предполагают, что Пропадинск – литературный двойник Екатеринбурга, думается, что перед нами именно малый город.

В этом описании есть все: в нем прекрасно отображены природные, исторические и общественно-деловые особенности места в их взаимосвязи, а в прозрачном названии города заявлена проблема места человека в этом окружении.

Синтетическая взаимосвязь природы, истории и общества наиболее ясно прочитывается именно в малых исторических городах, где масштаб и параметры позволяют формировать неразрывную сеть общественных пространств, основными типами которых традиционно являются соборная и (или) базарная площадь, торговая улица, набережная, городской парк. Рассмотрим адресатов этих общественных пространств, т. к. жизнеспособным может быть только востребованное человеком здание, сооружение, район, поселение, город.

Постановка проблемы

Попытка вернуть людей в малые города и поселения или воспрепятствовать их отъезду является актуальной задачей, которая остро стоит в России в настоящее время. На ее решение направлены проекты «Формирование комфортной городской среды», а также конкурс «Малые города и исторические поселения», реализуемые на федеральном уровне. Цель этих проектов – создание соответствующих условий жизни для различных городских сообществ. При этом критерии обоснования выбора

места организации новых благоустроенных и востребованных общественных пространств, согласно форме заявки на конкурс, базируются [1]:

- на наличии потенциала пространственного расположения (природа);
- на наличии культурно-исторической ценности (история);
- на наличии социально-экономического потенциала (общество);
- на наличии градостроительного потенциала (интегральное качество).

Такая установка определяет, что «именно общественное пространство (ОП) является той типологической единицей архитектурной среды, в которой слились воедино ее природные, исторические и социальные компоненты» и совпадает с основаниями модели эволюции общественных пространств исторических поселений, которая включает в себя природу, историю, общество и потенциал развития [2].

Именно на эти критерии опирается поиск адресата архитектуры малых городов. Согласно стадийной концепции урбанизации американского географа Джэка Джиббса, разработанной им в 1963 г., урбанизация включает следующие стадии [3]:

- рост городов отстает от роста сельского населения;
- города выходят вперед, рост сельского населения замедляется;
- города растут за счет перетекающего в них сельского населения;
- активно растут большие города, малые города теряют население;
- большие города замедляют рост, население перетекает в малые города и села.

Ученый предложил достаточно универсальную схему эволюции, по которой прошли или пройдут все страны мира к определенному этапу развития. Главный критерий выявления стадий – соотношение динамики роста городского и сельского населения.

Анализируя целый ряд малых российских городов и исторических поселений, отметим, тем не менее, что рост их населения пока не наблюдается, несмотря на богатый природный и историко-культурный потенци-

текст

Анна Гельфонд,
Михаил Дутцев /
text
Anna Gelfond,
Mikhail Dutsev

1. Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.7.2 «Пространство современного города: концепции формирования и художественный потенциал» / The research was financed by means of the State Program of the Russian Federation "Development of Science and Technologies" for 2013-2020 within the framework of the Plan of Fundamental Scientific Research of the Ministry of Construction of Russia and the RAACS, the theme 1.7.2 "The contemporary city space: formation concepts and artistic potential"

< Рис. 2. Гороховец. Мост на р. Клязьме. Открытка.
Из коллекции Н. И. Андреева

ал. Вероятно, социально-экономические условия как неотъемлемая часть обозначенного процесса тормозят его развитие. В малых городах это выражается прежде всего в традиционной простой схеме: молодой коренной житель уезжает учиться в крупный город и не возвращается на малую родину ввиду отсутствия градообразующих предприятий. При этом очевидными проблемами выступают отсутствие функциональности, событийности, а также сложный процесс вовлечения населения в вопросы организации общественных пространств. При этом последний посыл нельзя воспринимать только со знаком «плюс»: различные городские сообщества в силу разных причин подчас выдвигают к городской среде противоречивые требования.

Так, в программной статье «Архитектура, градостроительство, строительство – вызовы современности» академик А. В. Кузьмин, анализируя качество жизни в городах и поселениях, писал: «Градостроительная безопасность должна быть обеспечена абсолютно всем жителям, всему населению без исключения». И далее, рассматривая необходимость функционально-типологического многообразия населенных мест, отмечал, что подчас комфорт обеспечивается выборочно: то, что представляется удобным одним группам жителей или приезжих, не находит соответствующего отклика у других [4].

При анализе адресата архитектуры исторических городов считаем, что имеет смысл опираться на сложившиеся оппозиции:

- постоянный житель и гость (турист с самыми разными запросами);
- взрослые и дети;
- без физических ограничений и маломобильные;
- пешеход и водитель/пассажир транспортного средства;
- инвестор и проектировщик etc.

Подчас требования к архитектурной среде города между этими группами носят характер непримиримых противоречий. При этом представители разных групп могут быть и «пользователями», и «созерцателями» архитектуры. Обратимся к анализу примеров организации общественных пространств малых исторических городов, обозначив отдельные аспекты раскрытия темы.

Набережная. Гость – постоянный житель

Гороховец (население 12799 чел. на 1 января 2018 г.). Федеральная трасса М-7 «Волга» и железная дорога проходят в стороне от исторического центра города. Скоростной поезд «Ласточка» Москва – Нижний Новгород останавливается здесь на две минуты, впрочем, как и во Владимире.

Пограничное положение между двумя областями, реки – Клязьма и Ключевая, горы – Пужалова и Лысяя, снежные равнины, монастыри (Рис. 1, 2).

Гороховец – историческое поселение федерального значения, в котором сохранилась культурные ландшафты, находящиеся под государственной охраной. В 2014 г. ООО «Градостроительная мастерская» (Иваново) был выполнен проект «Границы территории исторического поселения г. Гороховец Владимирской области». В перечень охраняемых панорам и видов данным проектом были включены:

- силуэтные линии первого, второго и третьего планов панорамы;
- травяное покрытие береговой полосы;
- ряд деревьев вдоль по ул. Набережной;
- береговая линия р. Клязьма.

Эти материалы были учтены при разработке архитектурной концепции благоустройства набережной реки Клязьма (Архитектурная мастерская ННГАСУ, 2015 г.), что позволило полностью сохранить существующую природную ситуацию, организовав на ее основе пейзажный парк². В настоящее время проект осуществляется (Рис. 3). Историческим посылом разработки концепции послужил тот факт, что правый берег реки Клязьма в г. Гороховец носит двухчастный характер как с точки зрения природной, так и с точки зрения антропогенной:

- историческая застройка, в том числе объекты культурного наследия XVII века, выше понтонного моста по течению (История);

- хорошо сохранившийся откос с ценными деревьями, которые подлежат охране, и более поздняя историческая застройка ниже понтонного моста по течению (Природа).

Исходя из этого, концепция благоустройства набережной реки Клязьма строится на сочетании двух подходов:

2. Архитектурная концепция благоустройства и берегоукрепления набережных рек Клязьма и Ключевая в г. Гороховец Владимирской области / Заказчик: администрация г. Гороховец Владимирской обл. – ННГАСУ, УНИИПР, Архитектурная мастерская ННГАСУ, Муниципальный контракт от 24. 11. 2014 № 012830001301400084-2014

^ Рис. 3. Гороховец. Вид с Клязьмы. Фото С. В. Зеленовой, 2019

^ Рис. 4. Гороховец. Историческая набережная. Фото С. В. Зеленовой, 2019

– организация пешеходной зоны в исторической части позволяет создать представительскую набережную – для туристов;

– сохранение природного откоса, существующих деревьев, организация площадок для отдыха, отделенных от проезжей части, позволяет создать прогулочную набережную – для коренных жителей.

Таким образом, речная панорама полностью сохраняется в историческом виде, а ул. Набережная разделяется на две функциональные зоны: историческую, представительскую (гость) и прогулочную (постоянный житель), что даст дополнительные возможности для сценарного построения туристических маршрутов. Композиционное решение благоустройства набережной р. Клязьма предусматривает сохранение ее существующей планировочной структуры.

На исторической набережной сосредоточены памятники архитектуры XVII и XVIII вв.: дом Опарина (Селина), дом Канонникова (Жанунникова), дом Турулова (Румянцева), дом Воронина (Белова). Уникальные жилые дома на фоне богатого силуэта Благовещенского монастыря создают вдоль набережной Клязьмы фронтальную композицию, за которой читаются многослойность и глубина. Красота этой развертки веками находит своего адресата.

Проектом благоустройства предлагается напротив дома Опарина и в местах пересечения с ул. Ленина и пер. Школьный организовать смотровые площадки плавного сегментного абриса в соответствии с рельефом местности. Фасады исторических зданий (Рис. 4) планируется «раскрыть» к реке, частично освободив склон от деревьев и кустарников, расположенных напротив них. Это позволит также выявить живописные виды на другой берег Клязьмы и Знаменский монастырь. На участке исторической набережной, на месте существующей подпорной стенки, выполнено укрепление склона, необходимое для обеспечения его устойчивости; подпорная стенка облицована булыжником. Замощение тротуарными плитами из естественного камня – базальта и гранита – по укрепленному основанию обеспечивает возможность проезда автомобилей для обслуживания и на случай чрезвычайных ситуаций. В тротуарном покрытии предусмотрено выполнение вечерней подсветки.

Для связи с рекой предлагается организация тропинки для спуска к наплавному мосту, а на продолжении улицы Саваренского организуется замощенный булыжником спуск на месте исторического.

На прогулочной набережной, которая предназначена прежде всего для горожан, предусмотрено тротуарное покрытие брусчаткой, установка скамей, торшерных светильников, газонное озеленение. От наплавного моста предусмотрена дорожка живописного абриса в плане, ведущая к дебаркадеру, от которого грунтовые тропинки ведут к песчаному пляжу. Около наплавного моста концепцией предлагается восстановление исторической «полоскалки» с целью размещения необходимых элементов инфраструктуры. Дорожки, замощенные булыжником, проложены с учетом исторической трассировки. Озеленение набережной предполагает сохранение деревьев от дома № 1 до дома № 28, являющихся предметом охраны, а также существующих зеленых насаждений.

Выявив постоянного жителя и гостя города как главных адресатов архитектуры малых исторических городов, отметим, что в более ранних исследованиях авторов статьи указывалось на целесообразность рассмотрения нескольких систем адресатов как во временном, так и в событийном смысле (Рис. 5). Так, сегодняшний, вчерашний и завтрашний адресаты могут быть реальными и потенциальными [5]. Поясним эту мысль на примере востребованности общественных пространств. Общественное пространство имеет конкретное функциональное наполнение для конкретной целевой группы, потребительской аудитории, заказчика; и это прямой,

< Рис. 5. Схема смены адресатов архитектуры [2]

^ Рис. 6. Гороховец. День города 2014

^ Рис. 7. Гороховецкая плотницкая игрушка

реальный сегодняшний адресат. Возможно, что одновременно оно востребуется иными, случайными потребителями, и это сегодняшний потенциальный адресат. Возникшее противоречие между этими реципиентами может привести к смене функциональных приоритетов, что вызовет появление новых реальных и потенциальных адресатов в будущем.

Театральность среды. Игры масштаба

Иллюстрацией роли общественного пространства «как центра эмоциональной коммуникации» [6] может послужить организация дней города – традиционного праздника для исторических городов, в основе организации которого лежит главная идея выявить и подчеркнуть идентичность места.

Но подчас на этом пути малый исторический город подстерегают пространственные курьезы. Так, использование большой городской игрушки, приближающейся по размеру к ОКН малого города, существенно искажает и нарушает его масштаб.

А. К. Буров писал: «В сооружении содержатся три масштаба, которые подводят зрителя к восприятию сооружения. Один масштаб связывает сооружение с окружающим пространством. Он больше самой вещи. Этот масштаб может быть назван амплитудой сооружения. Второй масштаб равен самому объему сооружения, и к нему приведен главный масштаб моделировки тектонических деталей. Третий масштаб меньше самого сооружения и соразмерен человеку. Все эти три масштаба, переплетаясь, дают жизнь и размер сооружению и определяют «место» человека» [7].

Городские надувные игрушки – крепости с «маковками», приближающимися по размеру к реальным главам церквей, гигантские купцы, драконы, используемые для украшения общественных пространств исторического центра в день города, разрушают все три масштаба и не дают возможности прочтения историко-архитектурной среды поселения (Рис. 6).

Для кого организовано это пространство? Вероятно, для совсем маленьких детей, у которых игра опережает и замещает картину целостного восприятия. В любом случае универсальный глобалистский подход к организации

общественных пространств непонятен, т. к. в Гороховце есть традиции плотницкой игрушки, технология изготовления которой как выявленный объект нематериального культурного наследия Владимирской области важна для сохранения традиций края (Рис. 7). Щепные игрушки – кони, птицы, тройки – вытесывалась, а затем дорезалась как правило, из мягких пород дерева: осины или липы гороховецкими плотниками-якушами [8]. Интересно, что широко использовались приемы разборной игрушки: некоторые детали повозок становились при игре подвижными и съемными, приводились в движение одна от другой, в чем видится потенциал превращения этой темы в большую городскую игрушку.

Улица. Идентичное и глобальное

Использование традиционных мотивов народных промыслов применено в проекте благоустройства ул. Заводской в г. Семенов (население 24536 чел.) Нижегородской области, который в настоящее время реализуется (Архитектурная мастерская ННГАСУ, 2019 г.). Семенов – столица золотой хохломы, город резчиков, ложкарей, семеновской матрешки, центр лесного заволжского края. Концепция благоустройства протяженного пространства – от въезда в город со стороны Нижнего Новгорода до исторического центра города – базируется на сочетании идентичности, присущей историческому российскому городу, и глобализации в виде современных подходов к организации общественных пространств в малых европейских городах (Рис. 8).

В концепции благоустройства ул. Заводской³ предложено несколько функциональных зон, решаемых принципиально по-разному. Однако тема семеновской игрушки является сквозной: композиция из матрешек украшает въезд в город со стороны Нижнего Новгорода, бульвар в средней части ул. Заводской, аллею народных промыслов в парке вокруг пруда на реке Санохте. Здесь предусмотрена возможность проведения конкурсов на лучшую роспись городской игрушки, концертов и чтения стихов в виду арт-объектов [9].

Отдельно следует отметить, что в целом ряде малых городов центральная улица совпадает с участком трассы или шоссе. В качестве примера можно привести города

3. Концепция благоустройства ул. Заводской в г. Семенов Нижегородской области / Заказчик: Муниципальное бюджетное учреждение «Благоустройство города». – ННГАСУ, УНИИПР, Архитектурная мастерская ННГАСУ, Договор № 2018/1 от 03.04.2018

< Рис. 8. Благоустройство ул. Заводской в г. Семенов Нижегородской области. Архитектурная мастерская ННГАСУ, проект 2018–2019, начало реализации 2019

Лукоянов (14136 чел.), Ворсма в Нижегородской области, поселки городского типа Шатки Нижегородской области, Умёт (2600 чел.) в Zubovo-Полянском муниципальном районе республики Мордовия на федеральной трассе М-5 «Урал». В данном случае получается, что основной адресат общественного пространства, которое складывается вдоль такой улицы-трассы, – водитель или пассажир транспортного средства, а наиболее востребованные общественные здания – придорожные объекты обслуживания. Так, Умёт известен учреждениями питания: более пятисот кафе размещаются вдоль дороги на участке протяженностью примерно 2 км, работа в них – один из основных видов деятельности населения поселка. В какой-то степени такое развитие – полная противоположность пешеходным историческим торговым улицам, которые развивались от рыночных площадей к реке как основной транспортной коммуникации, а сейчас служат самым востребованным общественным пространством для туристов.

И здесь мы обращаемся к теме времяпрепровождения и занятости человека в малом городе, которая напрямую выводит на выявление наиболее востребованных типов зданий.

Площадь. Общество

Обратимся к зарубежному примеру. Новый полуподземный концертный зал (арх. бюро Питер Хаймер, 2016) немецкого города Блайбах привлекает зрителей муниципалитета и близлежащих городов. Расположенный в историческом центре рядом с центральной площадью, он является новой архитектурной достопримечательностью населенного пункта, в котором проживает всего лишь около 2000 жителей. Этот небольшой объект в крошечной общине в Баварском лесу был отмечен главной премией Союза немецких архитекторов «Большая Ника-2016» [10]. Объем являет собой перевернутый в соответствии с особенностями рельефа куб. Сцена и зрительный зал заглублены, что позволило объекту не нарушать масштаба исторически сложившегося окружения. Фасады бетонного монолита облицованы гранитом, что символизирует традиции города, известного мастерами резьбы по камню. В подземном уровне располагаются вестибюль

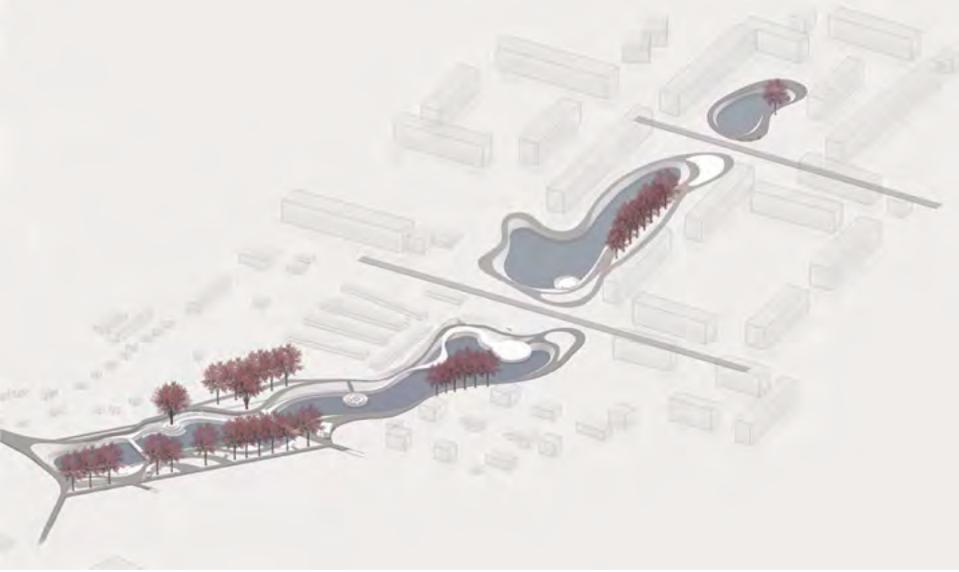
с гардеробом, санитарные блоки и бар. Минималистское здание вписывается в сельскую местность, образуя центральную часть ансамбля, призванного оживить центр города, превратить его в общественное пространство, которое будет привлекать посетителей и звучать далеко за его пределами (Рис. 9).

Тема человека на центральной площади малого города не столь однозначна: с одной стороны, это культурный центр города, привлекающий людей, с другой – деловой центр, где сосредоточены только сотрудники. Как известно, впервые в российских городах гражданские, а не культовые здания стали формировать площади в столице – Санкт-Петербурге. Постепенно деловые здания появляются и на центральных площадях губернских и уездных городов. Характерным являлось сосредоточение основных «казенных» строений на главной площади, в центре которой располагался собор. Отличительной чертой зданий присутственных мест и казенных палат является решение фасада как части интерьера пространства площади.

П. А. Александров в диссертационном исследовании «Русские административные здания и их роль в формировании площадей» указывает, что с точки зрения социальной административное здание занимало в дореволюционной России второе или даже третье место на главной площади, после собора и дворца. С точки зрения образной канцелярское здание было чисто утилитарным, даже безликим, т. к. на площади уже имеется центр композиции, «образ западноевропейской ратуши, к которому неоднократно обращались в российской практике, не получил, однако, «права гражданства» в России, вероятно,

< Рис. 9. Концертный зал в г. Блайбах (Германия), 2016. Арх. бюро Питер Хаймер [9]

^ Рис. 10. Каскад трех озер в г. Лысково. Архитектурная мастерская ННГАСУ, проект 2019

потому, что сформировался он под воздействием затесненных улиц и площадей европейского Средневековья» [11]. В XVIII веке деловой центр в интерьере городской среды часто был скрыт за «единым фасадом»; тем не менее, в нем читалась символика обновления, преобразований и, одновременно, – преемственности, симметрии как выражения порядка.

И если площадь – это деловой центр, и у него свои адресаты, то парк – это рекреационная зона, центр отдыха со своей функциональностью и событийностью.

Городской парк. Рекреация

Каскад «Трех озер» в г. Лысково (численность населения на 2017 г. 21300 чел.) представляет собой цепочку трех пересохших или частично заболоченных оврагов на выраженном рельефе, заросших зеленью, на месте которых существовала система переливных прудов, сложившаяся естественным путем по уклону местности. Территория окружена застройкой и примыкает к городскому парку, который существует с середины 1950-х гг. и благоустройство которого ведется в настоящее время. Предлагаемая вдоль прудов набережная является продолжением главной аллеи парка⁴.

Функциональность – рекреационная зона, своеобразие которой строится на выявлении природного и сельскохозяйственного потенциала и предполагает:

- восстановление системы естественной мелиорации этой территории;
- восстановление поголовья диких птиц;
- развитие рыбного хозяйства;
- высадку фруктовых деревьев;
- создание микроклимата с повышенной относительной влажностью воздуха.

Пойменные озера, цветущие сады в сочетании с богатым историко-культурным наследием центра города работают на его целостный образ. Средний пруд в районе многоэтажной застройки в настоящее время представляет собой болото с дикорастущим кустарником в береговой зоне. Таким образом, речь идет также о благоустройстве дворов, что выводит на передний план еще одну важную тему – сочетание общественного (набережная) и частного (дворы) пространства и их адресатов в малом городе (Рис. 10).

Территория городского парка в городе Первомайск (численность населения на 2017 г. 13626 чел.) Нижегородской области находится вблизи центра города, сохраняет мелкомасштабную малоэтажную застройку преимущественно сельского типа, подчеркивая идентичность города, перспективна для развития туристской инфраструктуры, малого и среднего бизнеса, сферы услуг, отдыха и досуга.

Парк занимает прямоугольный участок с плоским

рельефом, равномерно понижающимся в сторону пруда. Концепция многофункционального парка (Рис. 11) базируется на сочетании регулярной планировочной структуры с элементами плавного абриса, символизирующими растекающийся жидкий металл⁵. Рабочий поселок Ташино возник при чугунолитейном заводе, принадлежавшем А. Н. Карамзину (сыну известного писателя и историка Н. М. Карамзина) и лишь в 1951 г. был преобразован в город Первомайск.

Человек и историко-культурный потенциал

Город Чкаловск (численность населения на 2017 г. 11569 чел.) появился на карте Горьковской области в 1955 г., но как поселение имеет древнюю историю. В XIV – XVII вв. Василева Слобода (старое название города) была родовой вотчиной князей Шуйских. С 1610 по 1764 гг. – монастырское владение, позднее переходит в разряд экономических сел. В XIX в. Василева Слобода стала большим базарным селом. В 1883 г. были созданы мастерские по строительству и ремонту дноуглубительного флота, которые впоследствии стали основой для строительства города и начала индустриализации Чкаловского района.

Известен Чкаловск прежде всего тем, что он является родиной летчика-героя В. П. Чкалова. Будущий воздушный покоритель Северного Полюса родился 2 февраля 1904 г. Знаменитый экипаж летчиков: В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков и А. В. Беляков совершают в 1936 г. первый беспосадочный перелет по маршруту Москва – остров Удд. В 1937 г. чкаловский экипаж на знаменитом «АНТ-25» проводит легендарный перелет через Северный полюс в Америку. С 28 августа 1938 г. рабочий поселок и район носят имя Чкалова.

Концепция развития общественного пространства названа «Чкаловск – город крылатой мечты»⁶. Чкалов – покоритель стихии, поэтому в основу проекта легла идея четырех стихий. В концепции участвуют четыре неразрывно связанные функционально наполненные территории исторического центра города: музейный квартал олицетворяет воздух, городской речной причал – воду, Пановский сад – землю, а ведущие к ним улицы, которые трактуются как взлетно-посадочные полосы аэродрома с его огнями, – огонь.

«Дорога к Чкалову» приводит от центра города к Музейному кварталу (Рис. 12). В композиционно-художественном выражении идея «Город крылатой мечты» проявляется в том, что обозначенные ОП объединяются общей концепцией очертания самолета на генплане. Так, в Музейном квартале появляется «нос» самолета – открытая сцена, динамично выходящая на воду острым углом. На городском речном причале – это навес, близкий к формам воздушного или речного судна. В благоустройстве территории Пановского сада также читается абрис крыла самолета. Дорожки плавного абриса, выложенные белой брусчаткой, вызывают ассоциации с белыми следами самолета в небе.

Потенциал формирования комфортной городской среды

Как было указано выше, потенциал развития исторических поселений включает в себя природные, исторические, социально-экономические возможности поселения. Составляющие теоретической модели эволюции общественных пространств в исторических городах раскрываются в конкретных материальных проявлениях:

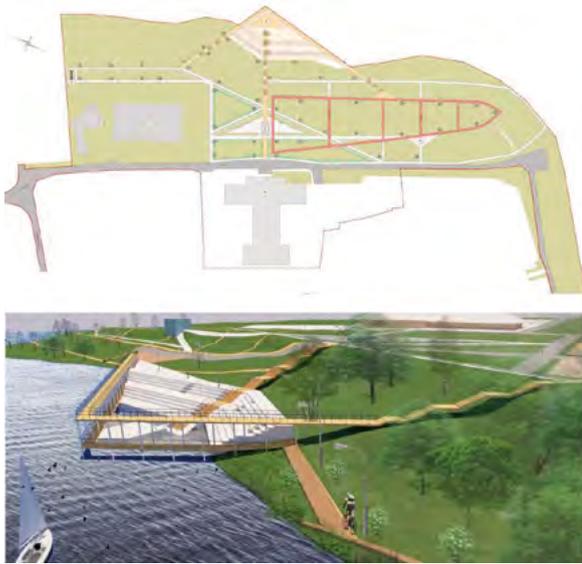
- Природа – ценные природные ландшафты;
- История – объекты культурного наследия;
- Общество – система обслуживания населения.

Конечно, работают все составляющие только в комплексе, но в отдельных случаях какая-то из них выступает на передний план. Общественные пространства малых городов привлекают адресатов в силу своих синтетических характеристик, основанных на взаимосвязи природы,

4. Концепция благоустройства территории каскада трех озер в районе городского парка, расположенного на территории МО «г. Лысково» / Заказчик: Администрация муниципального образования город Лысково. – ННГАСУ, УНИИПР, Архитектурная мастерская ННГАСУ, Договор № 2019/18 от 29.01.2019

5. Эскизный проект благоустройства парка у стадиона «Темп» в г. Первомайск Нижегородской области / Заказчик: Администрация г. Первомайск Нижегородской обл. – ННГАСУ, УНИИПР, Архитектурная мастерская ННГАСУ, Договор № 2018/203

6. Концепция общественного пространства музейного квартала в рамках концепции «Чкаловск – город крылатой мечты» / Заказчик: Администрация городского округа Чкаловск. – ННГАСУ, УНИИПР, Архитектурная мастерская ННГАСУ, Договор № 2019/09-AP от 21.01.2019

^ Рис. 12. Общественное пространство Музейного квартала в г. Чкаловск. Архитектурная мастерская ННГАСУ, проект 2019

^ Рис. 11. Проект парка в г. Первомайск. Архитектурная мастерская ННГАСУ, проект 2019

истории и общества. На логике этой взаимосвязи формируются культурные ландшафты, задающие неповторимый контекст. Это характерно именно для малых городов, сохраняющих свою идентичность рядом с крупными городами, неизбежно в большей мере задетыми процессами глобализации. Но главный контекст – это человек, и лишь востребованное человеком поселение будет жить и развиваться, поэтому так важно использовать весь спектр средств вовлечения адресата в жизнь города. И тогда город никогда не станет «Пропадинском».

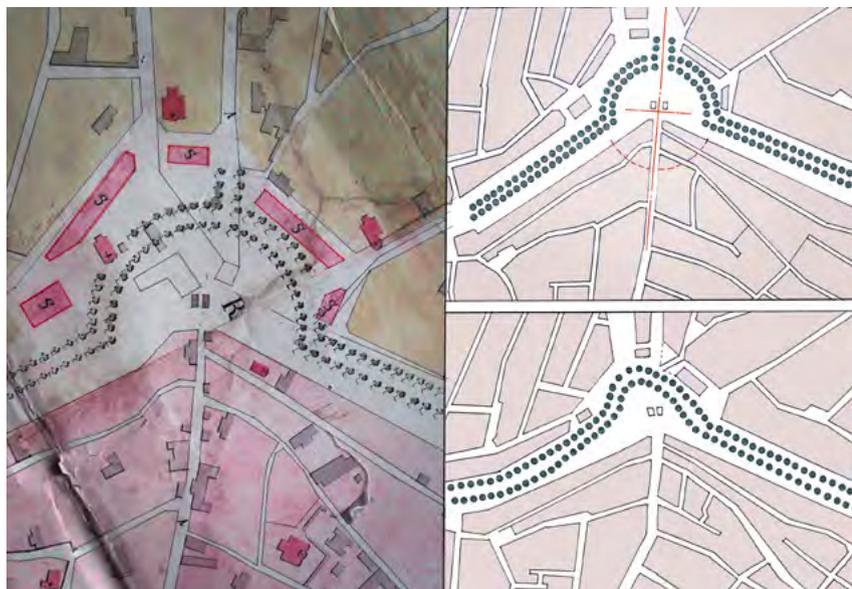
Литература

1. Конкурс «Исторические поселения и малые города». – URL: <https://konkurs.gorodsreda.ru> Минстрой РФ, 2018
2. Гельфонд, А. Л. Архитектура общественных пространств/Москва: ИНФРА-М, 2019. – 412 с. – (Научная мысль). – URL: www.dx.doi.org/10.12737/XXXXX.
3. Нефедова Т. Г., Трейвиш, А. И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века (Опубликовано в книге: Проблемы урбанизации на рубеже веков/Отв. ред. А. Г. Махрова). – Смоленск: Ойкумена, 2002. – с. 71–86) – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0217/analit01.php>.
4. Кузьмин, А. В. Архитектура, градостроительство, строительство – вызовы современности // Проект Байкал. – 2018. – № 57. – С. 106–111
5. Гельфонд, А. Л. Тема адресата в формировании общественных пространств // Архитектура и строительство России. – 2016. – № 3. – С. 44–51
6. Дутцев, М. В. Художественное измерение среды: город как посредник/Современная архитектура мира. – Вып. 9./Отв. ред. Н. А. Коновалова. – Москва: Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. – С. 9–34
7. Буров, А. К. Об архитектуре/Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам. – Москва, 1960. – 148 с.
8. Гороховец/под ред. С. Е. Рыбакова; авт.-сост. А. И. Анкудинов. – Москва: Изд-во АСТ, 2016. – 125 с.: ил.
9. Гельфонд, А. Л. Концепции формирования комфортной городской среды малых исторических городов // Жилищное строительство. – 2018. – № 12. – С. 31–35
10. Große Architektur in einer kleinen Stadt. Das neue Konzerthaus in der bayerischen Gemeinde Blaibach erhält den Architekturpreis «Große Nike 2016». 29.09.2016 <https://www.deutschland.de/de/topic/kultur/kuenste-architektur/grosse-architektur-in-einer-kleinen-stadt>.

11. Александров, П. А. Русские административные здания и их роль в формировании площадей: дис. ... кандидата архитектуры/Москва, 1946. – 210 с.: ил. 8

References

- Aleksandrov, P. A. (1946). *Russkiye administrativnyye zdaniya i ikh rol v formirovaniy ploshchadey* [Russian administrative buildings and their role in the formation of areas] (Doctoral dissertation). Moscow.
- Ankudinov, A.I. (2016). *Gorokhovets*. S.E. Rybakov (Ed.). Moscow: Izd-vo AST.
- Burov, A. K. (1960). *Ob arkhitekture* [About architecture]. Gosudarstvennoye izdatelstvo literatury po stroitelstvu, arkhitekture i stroitelnyim materialam. Moscow.
- Dutsev, M.V. (2017). *Khudozhestvennoye izmereniye sredy: gorod kak posrednik* [Artistic measuring of environment: the city as an intermediary]. In N.A. Konovalova (Ed.), *Sovremennaya arkhitektura mira*. (Issue 9, pp. 9-34). M.; SPb.: Nestor-Istoriya.
- Gelfond, A.L. (2016). *Tema adresata v formirovaniy obshchestvennykh prostranstv* [The theme of the addressee in the formation of public spaces]. *Arkhitektura i stroitelstvo Rossii*, 3, 44 – 51.
- Gelfond, A.L. (2018). *Kontseptsii formirovaniya komfortnoy gorodskoy sredy malyykh istoricheskikh gorodov Nizhegorodskoy oblasti (na opyte NNGASU)* [Concepts of small historical towns of the Nizhny Novgorod region comfortable urban environment formation (on the experience of NNGASU)]. *Zhilishchnoe Stroitel'stvo* [Housing Contraction], 12, 31–35.
- Gelfond, A.L. (2019). *Arkhitektura obshchestvennykh prostranstv* (2019) [The Architecture of the public spaces]. Monography. Moscow: INFRA-M. (Scientific thought). www.dx.doi.org/10.12737/XXXXX.
- Gro e Architektur in einer kleinen Stadt. Das neue Konzerthaus in der bayerischen Gemeinde Blaibach erh lt den Architekturpreis „Gro e Nike 2016“. (2016, September 29). Retrieved from <https://www.deutschland.de/de/topic/kultur/kuenste-architektur/grosse-architektur-in-einer-kleinen-stadt>.
- Konkurs «Istoricheskie poseleniya i malye goroda» [Competition “Historic settlements and small towns”]. (2018). Minstroy RF. Retrieved from <https://konkurs.gorodsreda.ru>
- Kuzmin, A. (2018). *Architecture, Town Planning, Construction – Contemporary Challenges*. *Project Baikal*, 15(57), 106–111. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1366>
- Nefedova, T.G., & Trejvish, A.I. (2002). *Teoriya "differencial'noj urbanizatsii" i ierarhiya gorodov v Rossii na rubezhe XXI veka* [Theory of “differential urbanization” and hierarchy of cities in Russia at the turn of XXI century]. In A.G. Makhrova (Ed.), *Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov* (pp. 71-86). Smolensk: Ojkumena. Retrieved from <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0217/analit01.php>.

Многочисленные попытки создания регулярных площадей в Москве в эпоху классицизма трудно назвать успешными. Сегодня в историческом центре столицы немало площадей, которые лишены их атрибутов, и фактически являются перекрестками. Анализ архитектурной политики от Екатерины II до Александра I основан на выявлении и изучении архивных документов в сопоставлении с опытом западноевропейского градостроительства века Просвещения.

Ключевые слова: благоустройство; градостроительное искусство; русский классицизм; французский неоклассицизм; ампир; регулирование городского пространства. /

In the history of Moscow classicism there were many unsuccessful attempts to create regular squares. In the modern historical center of Moscow there are a lot of squares, which are actually intersections or carfaxes. The article analyzes the architectural policies from Catherine II to Alexander I. The study of the discovered archival documents makes it possible to compare them with the experience of Western European urban planning of the age of Enlightenment. **Keywords:** embellishment; town planning art; Russian classicism; French neoclassicism; Empire style; adjustment of urban space.

Площадь или перекресток? Вернакулярность в градостроительной политике классицистической Москвы¹ /

текст
Юлия Клименко /
text
Julia Klimentko

Все иллюстрации подготовлены автором / all illustrations are provided by the author

«...Улицы в Москве плохо организованы и содержатся в плохом состоянии. Нет никаких общественных удобств и пространства, которое можно было бы назвать площадью».

Из описания Москвы французским офицером Ф. О. Т. де Белькуром [1, с. 214]

Потеряв статус столицы, Москва в восемнадцатом столетии застраивалась спонтанно и преимущественно деревянными сооружениями. Частые пожары уничтожали городские кварталы, заставляя архитектурные власти искать новые стимулы к регламентации градостроительного развития. Для контроля стихийного характера застройки требовалось кардинально изменить организацию согласования строительной документации. Координация системы выдачи заказчикам разрешений с грамотными архитектурными проектными планами и фасадами могла преобразовать средневековый город согласно новым требованиям эпохи Просвещения.

Попытки градостроительной реформы, предпринимаемые Екатериной Великой, активизировали регулирование массовой застройки Москвы. Первый «прожектированный» план древней столицы был создан в Особом департаменте при «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы», он был утвержден императрицей 7 июля 1775 г. Революционные идеи этого документа открыли новую страницу в архитектурной летописи города, однако их реализация долгие годы откладывалась. Авторы проектного генплана среди прочих мер предлагали создание ясной структуры города с четкими границами и просторными транспортными артериями, для чего расширялись и спрямлялись улицы, уничтожались тупики, дублировалась водная магистраль Москвы-реки параллельным искусственным каналом. По новым красным линиям парадных магистралей предполагалась фронтальная застройка каменными зданиями с регулярными фасадами «новой архитектуры».

Впервые в русском градостроительстве на месте кольца ветхих городских стен были спроектированы открытые бульвары для прогулок. Эта идея была успешно апробирована французскими архитекторами в XVII–XVIII столетиях. Достаточно обратиться к проектному плану

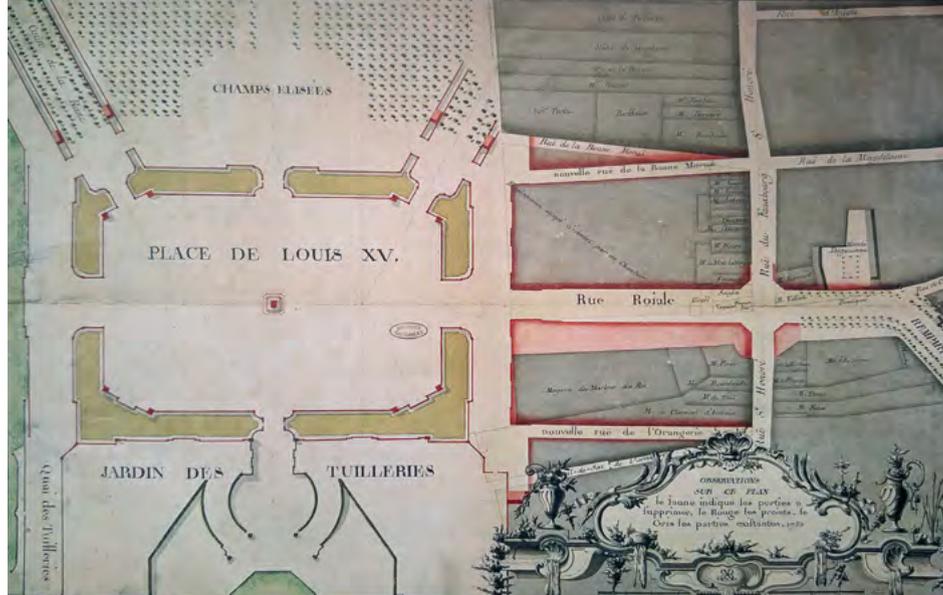
Парижа 1676 г., созданному Н.-Ф. Блонделем (1618–1686) со своим учеником П. Булле (1639–1716), где зона больших бульваров заняла место разрушенных средневековых фортификационных строений. Позднее этот опыт был повторен в других городах и в проекте «публичных променадов в Тулузе» (F. Vaouir, 1752) [2, с. 145]. Применение аналогичных решений в проекте благоустройства Москвы 1775 г. позволяет говорить о роли Николая Леграна (1738–1798), воспитанника французской архитектурной школы, возглавлявшего деятельность Особого Департамента и московского Каменного приказа в 1770–е годы. В своем письме на французском языке в Академию Художеств он сообщал в 1776 г.: «В течении двух лет я состою главным архитектором Комиссии строения (благоустройства) Москвы, которые были признаны лучшими среди представленных здесь по этой теме». Слова архитектора подтверждают другие документы Каменного приказа о поручении Н. Леграну «прожектирование и сочинение генеральных и частных городу Москве планов, также всякого рода зданий и площадям профилей, фасадов и смет...» [3, с. 154].

Авторы первого проектного плана Москвы подчеркивали значение новых регулярных площадей в перепланировке исторического городского пространства. Сопроводительный текст к их проекту реконструкции Московского Кремля 1776 г., выполненного в Каменном приказе, был построен на описании создаваемых новых парадных площадей, периметр которых оформлялся «сплошной фасадой». Центр первой прямоугольной в плане площади (50 × 90 саженей) предполагали украсить установкой «монумента-obeliska с надписями о важнейших исторических государственных событиях».

На «прожектированном» плане Москвы 1775 г. места пересечения бульваров и главных радиальных улиц предполагалось украсить площадями. Одна из них показана в форме полукружия на перекрестке бульварного кольца и Никитской улицы (Рис. 1). Двойные ряды деревьев огибали открытое циркульное пространство с проездыми Никитскими воротами в центре, композиция которых позволяет сравнить этот замысел с нереализованным проектом Ш.-Л. Клериссо. Этот французский архитектор

1. Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.2.21 «Особенности градостроительного искусства в Санкт-Петербурге и Москве XVIII века» / The research was financed by means of the State Program of the Russian Federation “Development of Science and Technologies” for 2013–2020 within the framework of the Plan of Fundamental Scientific Research of the Ministry of Construction of Russia and the RAACS, the theme 1.2.21 “Peculiarities of town planning art in Saint Petersburg and Moscow of the 18th century”

< Рис. 1. Фрагменты проецированного плана Москвы 1775 г. Слева: Территория вокруг проектируемой площади на месте Никитских ворот. Справа вверху: прорись с плана 1775 г. (РГИА), справа внизу – прорись с плана копии плана, сделанной в 1782 г. (РГАДА). Аналитические схемы автора со сравнением оригинала и копии проектного плана Москвы показывают степень искажения первоначальных градостроительных замыслов

< Рис. 3. План площади Людовика XIV и Королевской улицы в Париже. Проект. Арх. А.-Ж. Габриэль. 1756 г. [2, с. 259]

A Square or a Crossroads? The Vernacular in Urban Policy of Moscow Classicism¹

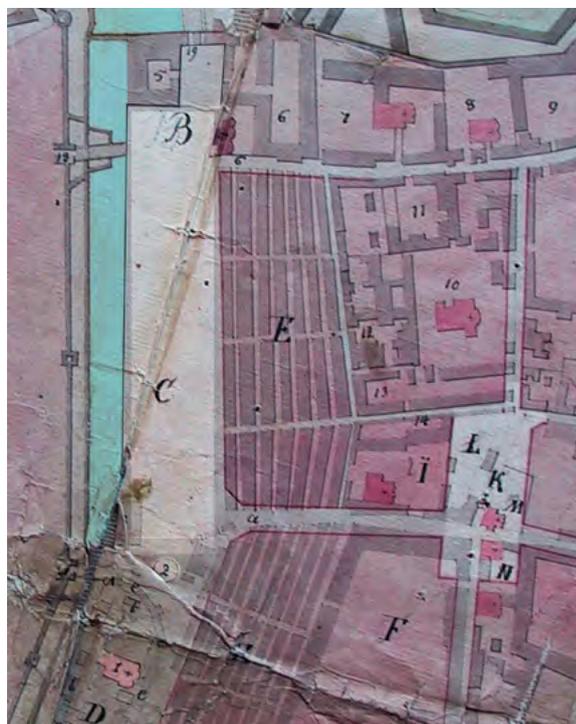
по заказу Екатерины II в 1780 г. создал модель триумфальных ворот из Петербурга в Москву (фонды НИМРАХ), окружив их круглой в плане площадью (фонды ГЭ). Среди более ранних источников – конкурсные предложения по оформлению величественной площади Людовика XV в Париже [4, Pl. LVII, LV, XL]. Их образ учитывал публичную критику известных и чересчур замкнутых ансамблей: площади Побед, Королевской и Вандомской площадей. Парижане сравнивали их с внутренними закрытыми дворами монастырей и дворцов, мечтая об устройстве иной площади, заметной издали и притягивающей к себе всеобщие взоры подобно театральной сцене. В этом контексте каноническим образцом регулярной площади, спроектированной с учетом широких замкнутых и точек обзора извне, являлась площадь Святого Петра в Риме. Возведение в Париже грандиозных Триумфальных ворот на круглой площади Звезды можно назвать определенным компромиссом, учитывающим градостроительный опыт эпохи Древнего Рима, Ренессанса, неоклассицизма и ампира.

Определенно, этими идеями вдохновлялись авторы московского проекта, желавшие совместить величественность перспектив, эстетику правильной геометрической формы с удобством функционирования этого транспортного узла. Крайне важно определить причины, по которым проект Никитской площади остался нереализованным. С этой целью достаточно обратиться к анализу копии плана Москвы 1775 г., выполненного московскими мастерами в 1780-х годах. Парадоксально, но здесь нарушена элементарная геометрия абриса площади и вместо полукружия изображена асимметричная кривая форма. Искажению подверглись и многие другие фрагменты планировочного документа, утвержденного императрицей [5]. Сравнение оригинала и рабочей копии позволяет сделать неутешительный вывод о непонимании копиистами классицистических идей регулирования города.

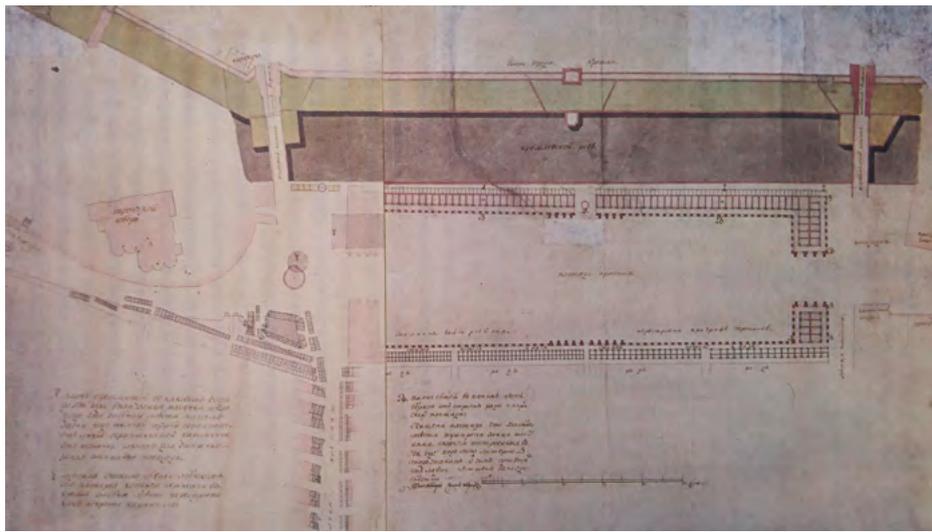
Первый проектный план Москвы 1775 г. предлагал и серию других площадей в разных районах города. Исправляя скученный характер застройки в Китай-городе, архитекторы наметили прямоугольную площадь «К» на пересечении ул. Ильинки и современного Богоявленского переулка, используя земли подворья различных

монастырей. Продольная ось «Площади для приезда к гостининому двору и лавкам» была параллельна Кремлевской стене и оси Красной площади. Габариты проектируемой площади превышали габариты современной Биржевой площади на этом месте (Рис. 2).

Авторы генерального плана 1775 г. в экспликации указывали, что «Красная площадь остается как была» [5; 6]. Показанная свободной от застройки в форме прямоугольника, эта территория в действительности была застроена мелкими лавками, ветхими торговыми строениями, скорость сноса которых уступала скорости возведения новых. В качестве очередной попытки ее регулирования было предложено обстроить ее по периметру. На фиксационном чертеже С. Карина 1786 г. обозначено правильное прямоугольное свободное про-

< Рис. 2. Фрагмент проецированного плана Москвы 1775 г. Район Красной площади «С» и Китай-города с проектом «Площади для приезда к гостининому двору и лавкам» – «К» (РГИА)

^ Рис. 4. План Красной площади с обозначением Лобного места. Арх. С. Карин. Около 1786 г. «В. – План общий в каком ныне образе отстроены на Красной площади».

^ Рис. 5. План московским владениям с обозначением проекта Конной площади. Арх. Н. Легран. 1796 г. «А – Серпуховские триумфальные ворота и при них площадь, положенная по указу 1786 г., которая еще не регулирована. В – Земляной вал... С – Конная площадь, положенная по особу сочиненному и опробованному плану... А. А. Прозоровским. F – по пунктирным линиям, что с желтою оттушевкою означают положенные кварталы для построения обывательских дворов»

странство, образованное двумя рядами «отстроенных» торговых рядов, вытянутых параллельно кремлевской стене. Архитектурное решение симметричных фасадов торговых рядов включало мерный ритм высоких арочных проемов, оформленных по центру мощными портиками дорического ордера. Благодаря живописному полотну Ж. Делабарта, изображавшего аркады этой площади, можно сопоставить это строение с архитектурой Гостиных дворов в Петербурге (арх. Ж.-Б. М. Валлен-Деламот) и Москве (арх. Дж. Кваренги).

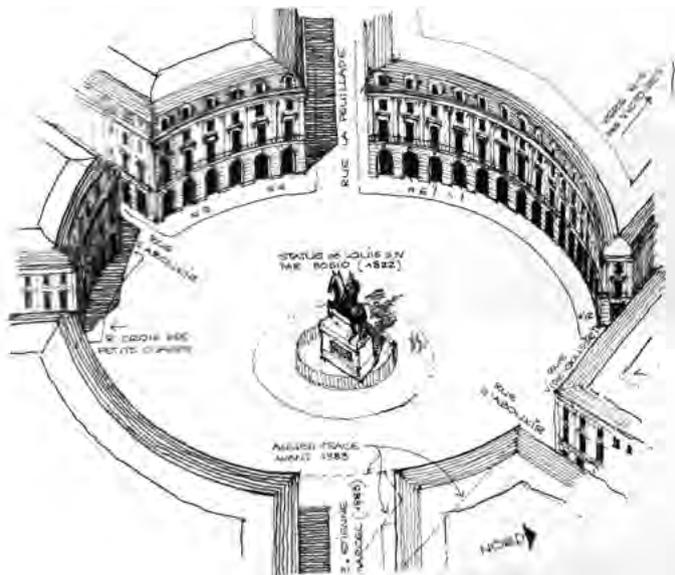
Простота классицистического решения Красной площади, отделенной от Кремлевской стены водным рвом, позволяет говорить о конвергентном сходстве со многими историческими ансамблями, в частности, с организацией в 1756 г. Ж.-А. Габриэлем парижской площади Людовика XVI. «Прямоугольное каре» центрального пространства вдоль дворца Тюильри было на гравированном и опубликованном плане окружено водными рвами с террасами [4, с. 119–128, Pl. II, III]. В идее сценографии продольная ось проектной площади в Париже соединяла набережную Сены с главной Королевской улицей подобно тому, как продольная ось Красной площади выходила к набережной Москвы-реки с одной стороны и к главной Тверской улице – с другой. Оба проекта сыграли важную роль в истории формирования новых площадей открытого типа. Эти замыслы, претерпев немало изменений в XIX столетии, сохранили до наших дней прямоугольные силуэты, легко узнаваемые в современном градостроительстве (Рис. 3, 4).

Планы Москвы 1790-х годов фиксируют появление новых площадей; некоторые из них отражали желание архитекторов украсить город регулярными ансамблями. После упразднения Екатериной II Каменного приказа и Полицейстерской канцелярии их функции были переданы созданной в 1782 г. Управе благочиния. Ее Архитектурную экспедицию с 1791 г. возглавлял Н. Легран. Сотни составленных им чертежей для разрешения партикулярного строительства показывают поквартальную съемку с попытками регулирования городской территории [7]. Приглашение французского архитектора в Управу благочиния, вероятно, связано с приходом в 1790 г. к должности главнокомандующего г. Москвы

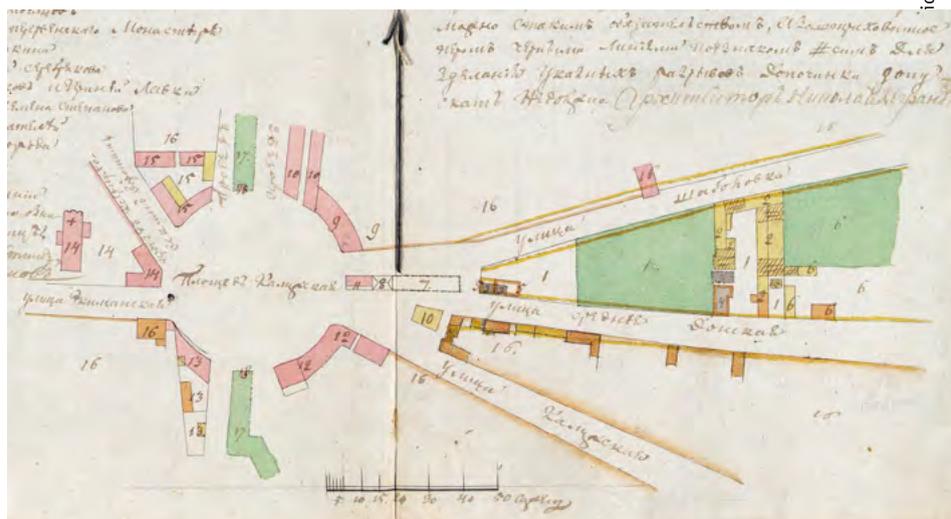
князя А. А. Прозоровского. Его активная деятельность в древней столице сопровождалась новыми масштабными замыслами в области градостроительства. По его приказу в юго-западной части города за Серпуховскими воротами была спроектирована Конная площадь. Согласно чертежам, составленным Н. Леграном, в ее прямоугольный внешней абрис «С» был вписан круг диаметром 120 саженей (255 м) с галереей и поперечными проездами. Соседние земли «по пунктирным линиям с желтою оттушевкою означают положенные кварталы для построения обывательских дворов» (Рис. 5). Круглая форма площади, окруженной единообразными фасадами партикулярных строений, могла стать развитием идеи, известной по примеру парижской площади Побед с диаметром около 80 м (1685 г.), в центре которой в 1822 г. была установлена конная статуя Людовика XIV (Рис. 6). Впрочем, московский замысел А. А. Прозоровского остался на бумаге, а в начале XX в. эта территория была застроена Детской больницей.

Аналогичная круглая в плане форма была использована при проектировании соседней Калужской площади. По габаритам она уступала Конной площади более чем в 2 раза, ее диаметр составлял около 55 саженей (115 м). Созданную у Калужских ворот на пересечении бастионов земляного вала и Якиманской улицы, эту площадь окружали здания торговых лавок. На фиксационном плане этой местности, составленном Н. Леграном в 1797 г., указаны имена всех владельцев. Разрешая просить строить новое здание на развилке улиц Шаболовки, Средней Донской и Калужской, он приказывал сделать постройку «на каменном фундаменте в одно жилье регулярною фасадою», а соседние строения, не соответствующие парадной архитектуре, «до починки не допускать» (Рис. 7). Недостаточные размеры круглой площади не вместили ширину трех крупных улиц, которые начинались в ее южной части и образовывали трапециевидную развилку, ставшую со временем дополнительной площадью. В XX в. эта сложная транспортная развязка окончательно потеряла атрибуты площади, сохранив лишь ее историческое название.

В конце 1790-х гг. на московских планах появляются проектные изображения соседней Серпуховской площа-

^ Рис. 6. Площадь Побед в Париже. Арх. Ж.-А. Мансар. 1685 г.

^ Рис. 7. Калужская площадь в Москве. Арх. Н. Легран. 1797 г.

ди. Два полукружия создавали овальную форму площади с габаритами 40 × 80 саженей, которая, согласно экспликациям, была согласована графом И. П. Салтыковым. Обстроенная торговыми и питейными зданиями в два этажа, эта площадь постепенно сформировалась в период первого десятилетия XIX в. (Рис. 8).

Военные события и пожар Москвы в сентябре 1812 г. привели к потере 4/5 застройки города. Как никогда остро вновь встал вопрос о градостроительной реформе. Для создания нового генерального плана Александр I отправил личного архитектора В. Гесте. Прибыв в Москву в феврале 1813 г., шотландский мастер столкнулся с сопротивлением со стороны местных архитектурных властей. Не получив никаких фиксационных чертежей, ему пришлось самостоятельно за несколько месяцев обмерять руинированный город и составить проектный план его восстановления с учетом принципов исторического устройства. По донесениям графа Ф. В. Растропчина, уже 3 июля 1813 г. архитектором В. Гесте был составлен новый вариант генерального плана Москвы, который в августе был утвержден императором с некоторыми поправками. В октябре этого же года Комиссия для строений в Москве подала рапорт о невозможности выполнения представленного проекта.

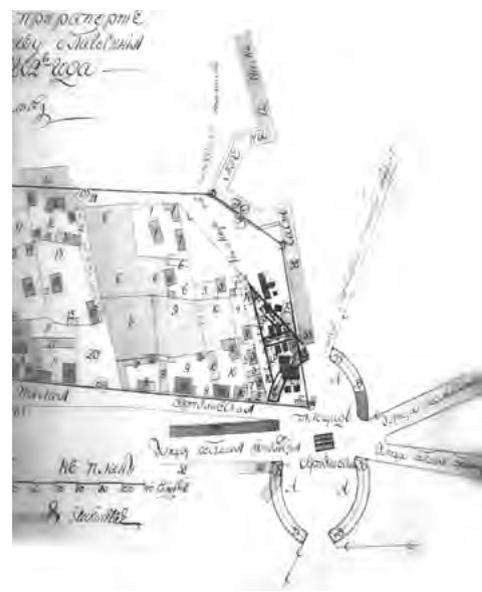
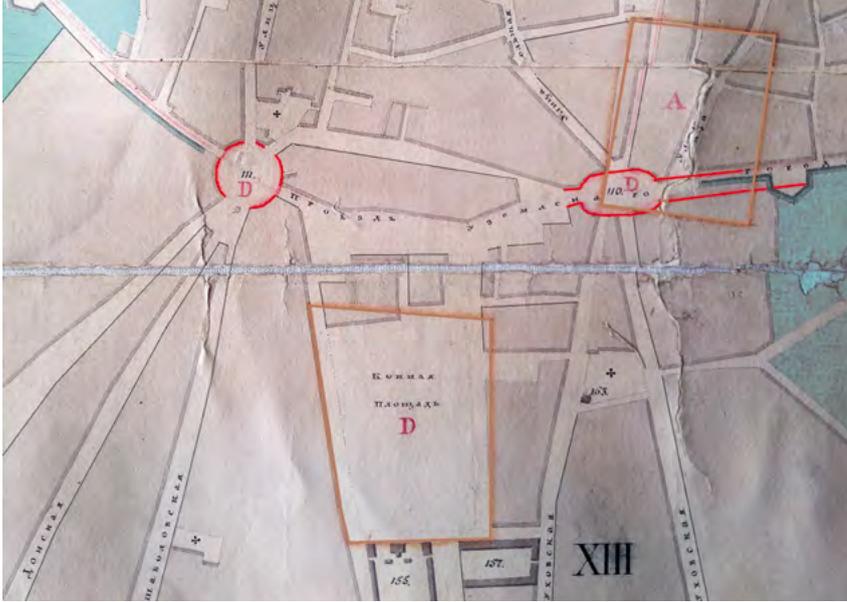
В целом, вердикт Комиссии одобрял теоретические предложения В. Гесте, но отвергал возможность реализации их на практике. В. Гесте, сохраняя радиально-кольцевую структуру Москвы, задавал новый масштаб города, устраивая 47 обширных площадей, из которых 23 были новыми. Поддерживая идеи «прожектированного» плана 1775 г., он расширял и спрямлял улицы, украшая их зданиями со сплошными фасадами. Шотландский архитектор соглашался с идеями Н. Леграна о необходимости создания публичных бульваров: «Бульвар и Земляной вал, – писал Гесте, – делает великое украшение городу... на оных не должно быть никакого строения».

Комиссия не сочла необходимым создавать такое количество огромных площадей, предложенных В. Гесте. В качестве аргумента для отказа директор чертежной С. С. Кессарино приводил императору экономические расчеты стоимости покупки владений для устройства намеченных площадей. Ф. В. Растропчин писал: «Хотя

пожар, истребивший 6307 домов деревянных и каменных, представляет, кажется, удобный случай исправить испорченное, спрямить кривое, расширить узкое, но в сем намерении предстоят великие затруднения». По его мнению, снос частных «строений нанесет хозяевам знатный убыток, огорчение и произведет ропот». Подобные угрозы привели к отставке императором московского главнокомандующего, однако документы с планом В. Гесте исчезли из делопроизводства. Некоторые из его идей можно сегодня изучать по плану Москвы, составленному в феврале 1811 г., на который глава Комиссии С. С. Кессарино нанес контур некоторых площадей из проекта личного архитектора Александра I. Остается открытым вопрос, насколько можно доверять этим московским документам с «выкопировками» из проекта Гесте? Вызывает сомнение, например, изображение круглых площадей вокруг квадратных монастырских стен с указанием как «ныне существующих площадей, которые остаются в прежнем положении с одним только регулированием».

В южной части Москвы на этом плане показаны рассмотренные ранее Калужская, Конная и Серпуховская площади. При этом Конная площадь изображена как уже реализованная, но с нарушенной геометрией формы плана. Севернее овальной Серпуховской площади С. С. Кессарино накладывает прямоугольный абрис просторной новой площади, предложенный В. Гесте, с указанием «литеры А», что означает ее признание Комиссией ненужной (Рис. 9).

Интересен обнаруженный «план против Кригскомиссариатского депо, назначенный с прожектированного плана Архитектора Гесте». Здесь показан ансамбль Кригскомиссариата, который возвел Н. Легран по собственному проекту в 1776–1784 гг. Благодаря расположению архитектором военного здания между Москвой-рекой и водотводным каналом, оно не пострадало от пожара 1812 г. Оценив качество архитектурного сооружения с высокими угловыми ротондальными башнями и центральным корпусом, украшенным скульптурной и барельефной работой, В. Гесте предложил открыть его фасад со стороны канала, устроив здесь площадь. Комиссия составила «примерное исчисление суммы за строения и земли под сею площадь, подходящие по прожектированному архитектором Гесте

^ Рис. 8. Серпуховская площадь в Москве. 1802 г.

^ Рис. 9. Фрагмент генерального плана столичного города Москвы, сочиненный в Комитете управления в Москве городских повинностей С. Кесарино. «Площади оранжево краскою оттушеванные наложены с прожектированного плана архитектором Гесте. Из оных литерою А означенные, Комиссия для строений в Москве признает не нужными. <...> Под литерой D – площади и поля ныне существующие остаются в прежнем положении с одним только регулированием»

плану, как обозначено желтыми линиями 25300 руб., за планировку и вымостку 57810 руб.». В результате итоговая стоимость составила 83110 руб. На основании проведенных расчетов был вынесен вердикт: «Сию площадь Комиссия признает ненужною» (Рис. 10). Сравнивая этот чертеж с фрагментом общего генплана Москвы, изображающего местность вокруг этого здания, заметны расхождения в чертежах.

Среди других площадей, признанных «ненужными», можно указать на полукружие, предложенное В. Гесте перед Лефортовским дворцом (Рис. 11). Архитектор точно оценил значение этого ансамбля Петровской эпохи, устроив для его восприятия свободный участок площади циркульной формы, показанный на чертежах с «желтой оттушевкой». К сожалению, эта территория, не урегулированная в классицистический период, не получила должного решения и впоследствии, оставаясь вплоть до наших дней наиболее сложным и неудачным перекрестком.

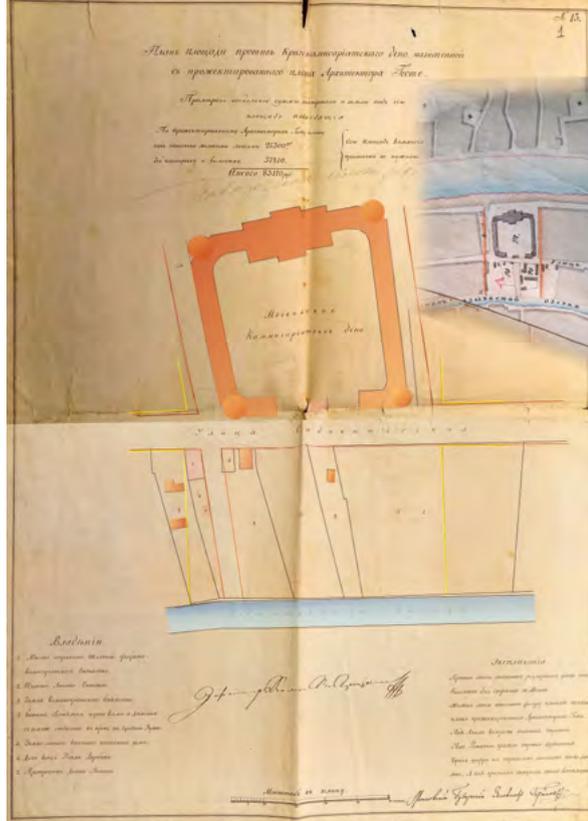
Подводя итоги попыткам В. Гесте освободить участки древнего города с целью открыть панорамы и виды на лучшие из московских исторических и современных построек, следует признать его идеи и подходы во многом современными. Можно с уверенностью утверждать, что часть запроектированных им площадей была бы очень полезна средневековому городу. Бойкотирование московскими властями его грандиозного проекта основывалось на высокой стоимости земли и устойчивом нежелании перемен. Для реализации только новых площадей по плану В. Гесте московская Комиссия строений потребовала от государства на выкуп земли у частных лиц сумму почти в 20 млн. рублей, что в послевоенный период обрекало замысел на неизбежное отклонение.

Дальнейшую разработку мероприятий по восстановлению Москвы Александр I был вынужден поручить самой «Комиссии для строений», и представленный ею полный план города Москвы был высочайше утвержден в 1817 г. Любопытно, что эта организация, основанная 5 мая 1813 г., располагалась в здании Каменного приказа (1775–1782), где прежде работал Н. Легран со своими архитектурскими учениками. Определенная преемственность в работе этих градостроительных учреждений

позволяет говорить об эволюции московской архитектурной школы, последовательно прослеженной от эпохи Екатерины Великой до правления ее внуков. 19 ноября 1817 г. «План столичного города Москва с показанием прожектвов площадям и улицам, существующим и вновь предположенным...» был закончен, и с него было сделано 7 копий. Утвержденный план в уменьшенном масштабе был опубликован в 1818 г. и переиздан в 1819 и 1824 годах.

Развивая планировочные идеи первого «прожектированного» плана 1775 г. архитектора Н. Леграна, плана 1811 г. С. Кесарино и плана 1813 г. В. Гесте, новый документ предлагал деликатный компромисс для последующих корректировок. «Проектный план столичного города Москвы» 1817 г. стал необходимым рабочим документом эпохи Александра I, когда внедрялись успешные градостроительные мероприятия, ставшие определенным символом Москвы эпохи послепожарного восстановления. Это относится к созданию ансамбля Театральной, Манежной и других площадей в стиле ампир, слава которых открывала новые возможности для следующих поколений.

В заключении исследования следует отметить, что анализ исторических документов последней четверти XVIII – первой четверти XIX веков позволяет, с одной стороны, проследить за эволюцией облика Москвы, развитием культуры и комфорта городской жизни; с другой, оценить наиболее успешные и провальные мероприятия в области государственной градостроительной политики. Этот опыт может оказаться чрезвычайно полезным как в оценке исторической, так и современной ситуаций с целью более продуктивного благоустройства городского пространства. Научная новизна выявленных планов московских домовладений из фондов Каменного приказа, Архитектурной экспедиции Управы благочиния и Комиссии строений определяет необходимость их подробного изучения. Невнимание к этому ценному архивному материалу в практической реставрации связано с более пристальным изучением строительной документации периода после пожара 1812 г. Включение в научный дискурс огромного пласта исторических документов, реально отражающих историю появления первых регулярных

< Рис. 10. «План против Кригскомисариатского депо, назначенный с прожектированного плана Архитектора Гесте»

^ Рис. 11. Фрагмент генерального плана столичного города Москвы, сочиненный в Комитете управления в Москве городских повинностей С. Кесарино. Под №125 – Слободской дворец с садом и особым двором»

площадей в древней российской столице, представляет безусловный архитектурный интерес. Именно эти проектные попытки, как осуществленные, так и нереализованные, оказались чем-то вроде «генеральной репетиции» в подготовке к осуществлению грандиозных перемен последующего столетия.

Литература

1. Thesby de Belcour Fr.-Aug. *Rélation ou Journal d'un officier François au service de la confederation de Pologne, pris par les Russes, et relégué en Sibérie*, Amsterdam: aux dépens de la Compagnie, 1776
2. Gady A., Pérouse de Montclos J. M. *De l'Esprit des villes. Nancy et l'Europe urbaine au siècle des Lumières 1720–1770*. Catalogue sous la direction. Nancy: Edition Artlys, 2005
3. Клименко Ю. Г. Творчество архитектора Николая Леграна // Архитектурное наследство. Вып. 44, М., 2001. – С. 147–160
4. Patte P. *Monuments érigés en France à la gloire de Louis XV, précédés d'un tableau du progrès des arts et des sciences sous ce règne, ainsi que d'une description des honneurs et des monuments de gloire accordés aux grands hommes... et suivis d'un choix des projets qui ont été proposés pour placer la statue du roi dans les différens quartiers de Paris*. Paris: Chez l'Auteur, 1765
5. Клименко, Ю. Г. «Прожектированный» план Москвы 1775 года (к вопросу об атрибуции чертежей) // Архитектурное наследство. – Вып. 56. – Москва, 2012. – С. 102–112
6. Сытин, П. В. История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования: Т. 2. – Москва: Московский рабочий, 1954
7. Клименко, Ю. Г. Н. Легран в Архитектурной экспедиции московской Управы благочиния // Градостроительное искусство: Новые материалы и исследования. – Вып. 1. – М.: URSS, 2007. – С. 200–221
8. Shvidkovsky D., Klimenko J. *External Links of Russian Architecture During the Enlightenment // Architektur – und Ornamentgraphik der Frühen Neuzeit: Migrationsprozesse in Europa/Gravures d'architecture et d'ornement au début de l'époque moderne: processus de migration en Europe*. Sous la dir. S. Frommel, E. Leuschner. Roma: Campisano Editore. 2014. Pp. 327–342
9. Poisson M. *Dictionnaire visuel des architectes de la capitale. 1000 immeubles et monuments de Paris*. Paris: Parigramme, 2009

References

- Gady, A., Pérouse de Montclos J. M. (2005). *De l'Esprit des villes. Nancy et l'Europe urbaine au siècle des Lumières 1720–1770*. Catalogue sous la direction. Nancy: Edition Artlys.
- Klimenko, J. G. (2001). *Tvorchestvo arkhitekora Nikolya Legrana [Creativity of the architect Nicolas Legrand]*. In *Arkhitekturnoye nasledstvo*. № 44, (pp. 147–160). Moscow: URSS.
- Klimenko, J. G. (2007). *N. Legran v Arkhitekturnoy ekspeditsii moskovskoy Upravy blagochiniya [N. Legran in the Architectural Expedition of the Moscow Council of Prosperity]*. In *Gradostroitel'noye iskusstvo: Novyye materialy* (pp. 200–221). Moscow: URSS.
- Klimenko, J. G. (2012) «Prozhektirovannyi» plan Moskvy 1775 goda (k voprosu ob atributsii chertezhey) [«Projected» plan of Moscow in 1775 (to the question of the attribution of drawings)] In *Arkhitekturnoye nasledstvo*. № 56, (pp. 102–112). Moscow: URSS.
- Patte, P. (1765) *Monuments érigés en France à la gloire de Louis XV, précédés d'un tableau du progrès des arts et des sciences sous ce règne, ainsi que d'une description des honneurs et des monuments de gloire accordés aux grands hommes... et suivis d'un choix des projets qui ont été proposés pour placer la statue du roi dans les différens quartiers de Paris*. Paris: Chez l'Auteur.
- Poisson, M. (2009) *Dictionnaire visuel des architectes de la capitale. 1000 immeubles et monuments de Paris*. Paris: Parigramme.
- Shvidkovsky, D.; Klimenko, J. (2014). *External Links of Russian Architecture During the Enlightenment // Architektur – und Ornamentgraphik der Frühen Neuzeit: Migrationsprozesse in Europa/Gravures d'architecture et d'ornement au début de l'époque moderne: processus de migration en Europe*. Sous la direction S. Frommel, E. Leuschner. (Pp. 327–342). Roma: Campisano Editore.
- Sytin, P. V. (1954) *Istoriya planirovki i zastroyki Moskvy. Materialy i issledovaniya [History of the planning and development of Moscow. Materials and research]*. V. 2. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
- Thesby de Belcour, Fr.-Aug. (1776). *Rélation ou Journal d'un officier François au service de la confederation de Pologne, pris par les Russes, et relégué en Sibérie*, Amsterdam: aux dépens de la Compagnie.

Список сокращений:

- НИМРАХ – Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств (СПб)
- ГЭ – Государственный Эрмитаж
- РГИА – Российский Государственный исторический архив
- РГАДА – Российский Государственный архив Древних актов.

В статье описываются различные мировые примеры включения новых построек общественного назначения в историческую застройку. Подчеркиваются социальные и профессиональные трудности решения задачи в условиях чрезвычайной сложности современных технологий строительства театров и музеев. Специальным предметом описания стала практика проектирования и строительства в крупных российских городах.

Ключевые слова: сочетание; новые объекты; историческая среда; проблемы композиции; сохранение, миролюбивое решение; нарушение; контраст; технология; многообразие. /

The article describes different international examples of how new public buildings were inserted into a historic urban environment. It highlights social and professional challenges in the context of high complexity of modern building technologies used for theatres and museums. The article is focused on design and construction practices in big Russian cities.

Keywords: combination; new buildings; historic environment; compositional issues; preservation; amicable decision; breach; contrast; technology; diversity.

Проектирование объектов культуры в историческом окружении /

ТЕКСТ

Александр Анисимов /

text

Alexander Anisimov

Наибольшие трудности подстерегают архитектора при строительстве новых объектов культуры в исторической среде рядом с памятниками архитектуры и ценной исторической застройкой. Этические и композиционные проблемы сочетания новых зданий с существующей застройкой в этих условиях отягощаются сложнейшей технологией современных театров и музеев. Можно понять желание заказчиков и творческих коллективов получить новое здание или пристройку в уже освоенном городском центре среди известных родственных учреждений в условиях уже действующей и хорошо отлаженной инфраструктуры и транспортной системы. Неудачная послевоенная попытка размещения Театра имени Моссовета на окраине Москвы в перестроенном здании закончилась истерикой артистов и в результате строительством нового театра на пересечении главных улиц, возле площади Маяковского в знаменитом саду «Аквариум». Демагогические попытки размещать театры в «рабочих» районах (30–50-е гг.) сопровождалась постоянными неудачами, обидами труппы и потерей зрителя. Поэтому постоянной мечтой руководителей больших театров и музеев всегда было иметь свои здания в хорошо освоенных районах. А в исторических городах – значит, рядом с ценной исторической застройкой, а нередко и по соседству с известными памятниками архитектуры.

Мировая практика последних десятилетий накопила большое количество примеров вкрапления театрально-зрелищных зданий и музейно-выставочных ком-

плексов в уже существующую привычную для жителей градостроительную среду. Среди них были и новые корпуса расширяющихся старых предприятий. Архитекторы и градостроители сознательно, а порой и интуитивно используют разные способы сочетания своих объектов с окружающей застройкой.

В одних случаях авторы, не желая усложнять градостроительную ситуацию и раздражать строгого обывателя, принимают 1) миролюбивое решение и повторяют в своей внешней архитектуре новой постройки формы и детали старых соседних зданий, соблюдая устоявшийся масштаб сооружений и их высоту.

В другом, альтернативном случае проектируемое здание 2) демонстративно и подчеркнуто контрастирует своими непривычными, а иногда весьма дерзкими формами с привычными фасадами и композицией соседних объемов (Опера «Бастилия», объекты Д. Либескинда, Национальная опера в Пекине).

Между этими крайними вариантами существует масса промежуточных. Распространен способ 3) утаивания совершенно новых театров или музеев в недрах старых дворов и стен, превращая их в объекты-невидимки.

Родственный вариант – 4) использование старых ценных исторических строений для размещения в них новых объектов культуры с новой технологией и новым дизайном интерьеров и реставрацией исторических фасадов.

Встречается и 5) строительство новых зданий со скромной современной архитектурой, но с тщательным соблюдением градостроительного масштаба, а иногда и с вкраплением в современные фасады традиционных деталей, родственных соседним домам.

На практике встречается и 6) крайний случай – агрессивно контрастное решение, когда новое здание по своему масштабу значительно превышает размеры ранее построенных соседей, а характер архитектурной композиции не имеет ничего общего со старым окружением. Такое здание может выступать как гигантская скульптура, украшающая старый город. Иногда новый комплекс, превысив все допустимые размеры, сам становится диктатором городской среды и требует для себя нового окружения. Так когда-то случилось с районом Театра Красной армии в Москве. Город благополучно пережил

^ Малый зал Александринского театра, 2013. Арх. бюро «Земцов, Кондияин и партнеры»

^ ТКК (Театрально-концертный комплекс) Дворца творчества юных, бывш. Дворца пионеров, 1986. Зал на 735 мест. Арх. И. Б. Ноах, Н. М. Куликова

Designing Cultural Facilities in the Historical Environment

это вторжение, построив вокруг вместо деревянных домов и старого «Эрмитажа» на Божедомке новые большие многоэтажные дома. Скульптурой, украсившей Нью-Йорк, в свое время стал Музей С. Гугенхайма архитектора Ф. Л. Райта. Ни форма, ни материал и фактура, ни масштаб не соответствовали окружению. Но скульптурный характер здания обеспечил ему почетное место в истории современной архитектуры.

Особые сложности подстерегают авторов, проектирующих в центрах таких замечательных городов, как Санкт-Петербург, Москва, Владимир, Новгород и т. п.

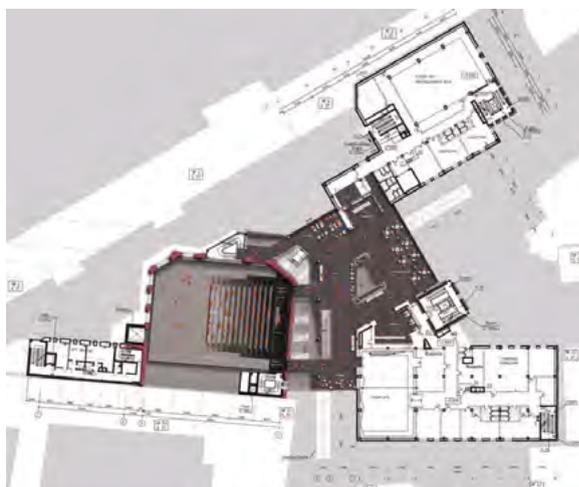
За последние десятилетия в центре северной столицы был построен ряд новых объектов и использованы исторические постройки великих архитекторов для размещения новых объектов культуры или организации новых залов между старыми стенами. Этот опыт очень интересен и поучителен. Петербургские архитекторы высочайшей квалификации в содружестве с иностранными специалистами продемонстрировали изобретательность и разнообразие в решении поставленных задач.

Еще в 1986 году рядом с Невским проспектом, между Александринским театром, Фонтанкой и Анничковым дворцом (тогда Дворцом пионеров) был построен Театрально-концертный комплекс (ТКК) Дворца юных «Карнавал» (архитекторы И. Б. Ноах и Н. М. Куликова). Архитектура сооружения не имеет почти ничего общего с классической питерской застройкой, кроме точно угаданного масштаба и высоты здания. Этого оказалось достаточно, чтобы не возбуждать любителей посперить насчет смелого решения с бетонной эвакуационной лестницей на переносице главного фасада с обилием стекла и простых геометрических форм. Здание, находясь рядом с центральной площадью Островского и Невским проспектом, никого не тревожит своими формами, т. к. виртуозно спрятано за старыми постройками и зеленью сада...

Прошло 25 с небольшим лет, и рядом, в глубине старой застройки между той же площадью и Фонтанкой, по проекту архитекторов из бюро «Земцов, Кондияин и партнеры» в условиях плотной исторической застройки спроектирован и реализован комплекс Новой малой сцены Александринского театра. Был выделен сложный

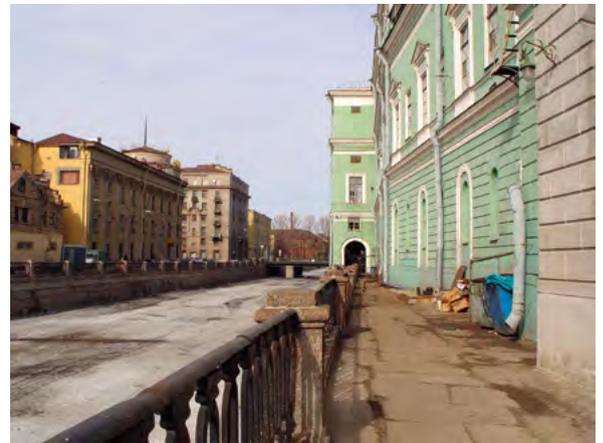
< Ситуационный план малого зала Александринского театра: 1 – Александринский театр, 1832; арх. Карл Росси. 2 – Хореографическое училище на улице Зодчего Росси. 3 – Новый малый зал Александринского театра. 4 – ТКК «Карнавал» при бывш. Дворце пионеров, 1986; арх. И. Б. Ноах, Н. М. Куликова. 5 – Сад при Анничковом дворце (бывш. Сад отдыха)

< План комплекса Малого зала Александринского театра:
1 – малый зал на 300 мест;
2 – репетиционный зал;
3 – медиацентр

по своей геометрии участок на месте бывших мастерских Александринки, но имелся возможный подход с двух сторон – с набережной Фонтанки и со стороны ансамбля К. Росси. Фасады здания решены в бескомпромиссных формах современной архитектуры, но при этом не нарушают общий строй и масштаб окружающей застройки. При этом многофункциональный театральный центр

> Начало строительства Концертного зала в сгоревшем складе декораций Мариинского театра, 1900; арх. В. А. Шретер. Авторы проекта зала на 1000 мест Ксавье Фабр (Франция), Рафаэль Даянов (Санкт-Петербург), технология и акустика Ясухиса Тойота (Япония). Хорошо виден фасад, уцелевший в пожаре 2003 года

^ Крюков канал Петербурга. Справа – задний фасад исторического здания Мариинского театра, 1890-е гг.; арх. В. А. Шретер. В. Иванов из ин-та «Гипротракт» (1940–1950-е гг.). Слева – участок будущего строительства нового здания Мариинского театра (Мариинка-2). Виден боковой фасад Дворца культуры им. Первой пятилетки

v Общий вид окружающей застройки Мариинского театра. В центре – Крюков канал. Слева от него – историческое здание Мариинского театра; арх. А. Кавос (1860-е гг.) и В. Шретер (1880–90-е гг.). Левее – здание Консерватории, вдали – Николо-Богоявленский морской собор, 1762; арх. С. Чевакинский. Справа – новое здание Мариинского театра

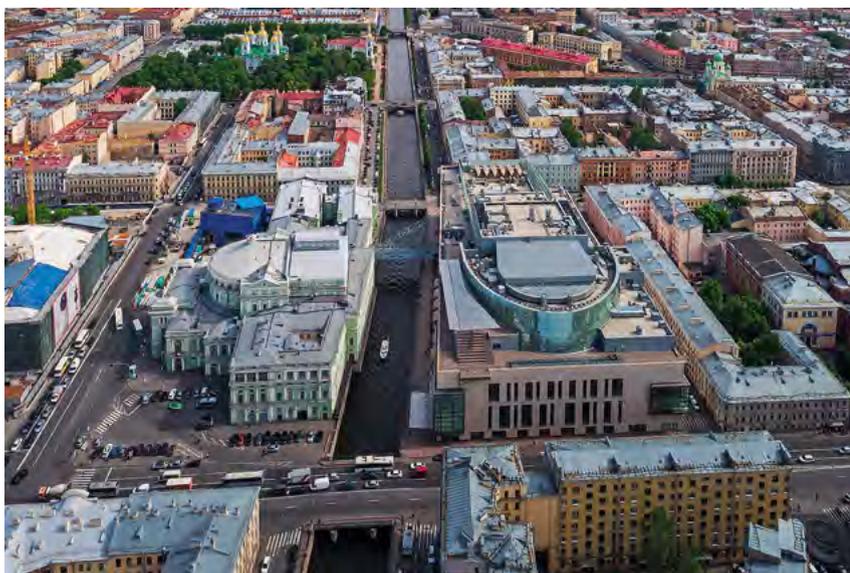
включил в себя, кроме зала на 300 мест с трансформируемой сценой, учебный корпус с помещениями для лекций и репетиций, суперсовременный медиацентр с возможностью интернет-трансляций. Все это стало уникальным культурным местом, экспериментальной площадкой для молодых режиссеров и артистов. Здание оснащено новейшим технологическим оборудованием. Безусловная смелая удача с интересным пространственным решением, включая оригинальные входы-лестницы.

В начале века (2006 г.) между улицами Писарева и Декабристов (Офицерской) на месте сгоревшего в 2003 г. Декорационного склада-магазина Мариинского театра (арх. В. Шретер) был создан современный Концертный зал Мариинского театра по проекту Ксавье Фабра (Франция), Рафаэля Даянова (Санкт-Петербург), Ясухита Тойота – акустика (Япония). При этом были тщательно сохранены уцелевшие во время пожара задние части (стали задними, были передними) кирпичных фасадов Виктора Шретера. В результате в стране появился один из лучших филармонических концертных залов с прекрасной аку-

стикой и планировкой зала. Следует отметить, что появление высокочкалассного зала поддерживает театральные традиции этого места. Здесь в конце XIX – начале XX в. были известны Театр Неметти, театр В. Комиссаржевской, временные театры Луна-парка, «Веселый театр для пожилых детей», труппа Незлобина и др. От них ничего не осталось, кроме воспоминаний. Но вот спустя 100 лет здесь появился концертный зал.

Самым значительным по объему и качеству современной технологии, конечно, является новое здание Мариинского театра (Мариинка-2), для которого было выбрано идеальное место рядом с историческим зданием.

На углу набережной Крюкова канала и улицы Декабристов размером во весь большой квартал развернулся объем самого большого и нового оперно-балетного театра. В его создании участвовали специалисты и архитекторы разных стран. В начале XXI века был проведен заказной конкурс на архитектурное решение этого здания. Программу с участием заказчиков для конкурса разрабатывала компания «ARTEC Consultation Inc.» (США). Весьма странное решение жюри в пользу сомнительного проекта («золотая клетка») французского архитектора Доменико Перро привело к срыву сроков и разрыву с ним договора. В результате была набрана совершенно новая команда проектировщиков (см. ниже), которая и сделала совершенно новый проект. Для реализации нового театра было снесено около 10 домов разного времени, включая Дом культуры им. Первой пятилетки с плохой акустикой и сомнительной архитектурой, рядовая школа 1930-х годов и небольшие жилые огрызки. Их было не жалко разрушить ради удобного размещения нового театра рядом со старым. В результате окончательными авторами здания стали опытный театральный архитектор Джек Даймонд (Канада); Мишель Треси; Игорь Седаков; руководитель проекта в 2008–2013 гг. Кшиштоф Поморски; главный инженер проекта А. Мельников; ведущие архитекторы П. Лукьянова, А. Анохина, М. Ефремов, М. Баделин, А. Гришин; дизайнер А. Хлынова; театральные технологии – фирма TDM; акустика – фирма Muller BBM (Германия), главный зал – фирма DSAI (Diamond Schmitt Architects). К сожалению, не был реализован широкий пешеходный мост для прохода зрителей к главному входу

^ Центр оперного пения Галины Вишневской на Остоженке, Москва, 2002; арх. М. М. Посохин, А. А. Великанов

^ Главный вход в новое здание Мариинского театра. Наверху виден навес над видовой площадкой и летним амфитеатром, 2013; арх. Дж. Даймонд

в новое здание, что серьезно дискредитировало принятое планировочное решение. Реализованное здание с обилием вспомогательных объемов отличается удобством для труппы, комфортом для зрителей и огромными возможностями для постановщиков, которых не знает ни один театр страны, а возможно, и Европы. В зале хорошая акустика, прекрасная видимость со всех мест, обилие репетиционных и вспомогательных помещений. На самом высоком уровне решены интерьеры с удивительными лестницами и использованием оригинальных материалов. Фасады здания имеют высоту, соответствующую масштабу окружающей застройки. Впечатляет устройство видовой площадки и летнего амфитеатра на эксплуатируемой крыше, а также выведенный на нее комплекс репетиционных помещений оркестра. Бурные споры вызвала художественная обработка фасадов. Но она сознательно отсутствует. Ибо, по мнению главного архитектора, что бы он ни сделал, все подверглось бы суровой критике со стороны архитектурной общественности Петербурга, которая «заклевала» оригинальный интересный проект Эрика Мосса и, конечно, справедливо – «золотую клетку» француза. И Даймонд сосредоточился на создании прекрасной внутренней сущности, в которой зритель проводит 3 часа, а работники – целый день, противопоставив ей непретенциозный фасад, перед которым человек проходит за 5 минут. При этом он грамотно разместил все зрительские и служебные входы, загрузку декораций, организовав приятную спокойную пешеходную зону вдоль набережной Крюкова канала. А наружные стены со временем могут быть украшены и современной скульптурой, и зеленью, и прочими художественными находками. Главное – что пока на них нет ничего лишнего, а значит, ничто не испорчено. Но «клавиши» вертикальных окон в вечернее время выглядят весьма заманчиво с горящим ониксом внутренней стены и любопытными лестницами. Смущает только одна фальшивка – вялая никчемная аркада, которую обманом пытаются приписать великому Кваренги.

Московский вариант – Новая сцена Большого театра – выглядит менее убедительно. Несмотря на очень удачный участок постройки и большие возможности в связи с передачей театру ряда соседних зданий,

не получилось замечательного столичного комплекса. Во-первых, у нового театра принципиально неправильная ориентация. Поставив его параллельно главному зданию, авторы спланировали его «вверх ногами»: там, где должен быть главный вход (параллельно БТ), ориентированный на Театральную площадь, оказалась сценическая коробка и ворота для загрузки декораций (!?). Там же, где у исторического здания и Театра оперетты служебные входы, был размещен зрительский вход. Проектировщики так растерялись, что в один вестибюль сделали два входа: один с мини-площади, а другой – с Копьевского переулка. Это говорит об отсутствии ясной авторской концепции. Фасад с «ордерными» деталями и главный вход более всего напоминает провинциальные решения

в 10. Новая сцена Большого театра в Москве, Театральная пл., 2002; Моспроект-2: А. Маслов (ГАП), Ю. Шевурдяев и др.

^ Театр «Школа драматического искусства» на Сретенке, Москва, 2001; авторы: С. Гусарев, Б. Тхор (Моспроект-2), И. Попов (от театра)

> Вокзал «Бастилия», на месте которого построен театр

1950-х годов. В интерьере не обнаруживается никаких находок, кроме завышенной высоты ярусов и потери у сцены лучших литерных лож в бунгаре; видимо, ради вентиляционных устройств. При этом следует отметить удачное цветовое решение зала с занавесом. Современны были решены складские помещения и устройство сцены с их технологическим оборудованием. Но для такого ответственного места этого мало...

В том же 2002 году был открыт Центр оперного пения Галины Вишневской на Остоженке (архитекторы М. Посохин и А. Великанов). Авторы откровенно использовали классические мотивы для внешней архитектуры в старом районе столицы, при этом пренебрегли масштабом, неестественно вытянув по вертикали парадный фасад. Классические мотивы состоялись, но дом все равно остался чужим в старом московском окружении. Зато приятный масштаб камерного объема удачно реализовался в интерьерах зала и фойе с изысканным цветовым решением.

Большой удачей представляется новое здание на Сретенке театра «Школа драматического искусства», который был построен в 2001 г. для творческих опытов режиссера Анатолия Васильева. Авторы проекта – С. Гусарев, Б. Тхор (Моспроект-2), И. Попов (от театра). Была оригинально решена технология разных залов и внутренняя планировка здания в виде 3-х улиц, по которым прохаживаются зрители в поисках своего спек-

> Кинотеатр «Уран» на Сретенке. На его месте построен театр

> Вид театра со стороны Последнего переуллка. В башне размещена сцена, имитирующая шекспировский «Глобус»

< Опера «Бастилия» в Париже, 1989; арх. Карлос Отт. Рекламный портал оперы «Бастилия» и главный подход к зданию

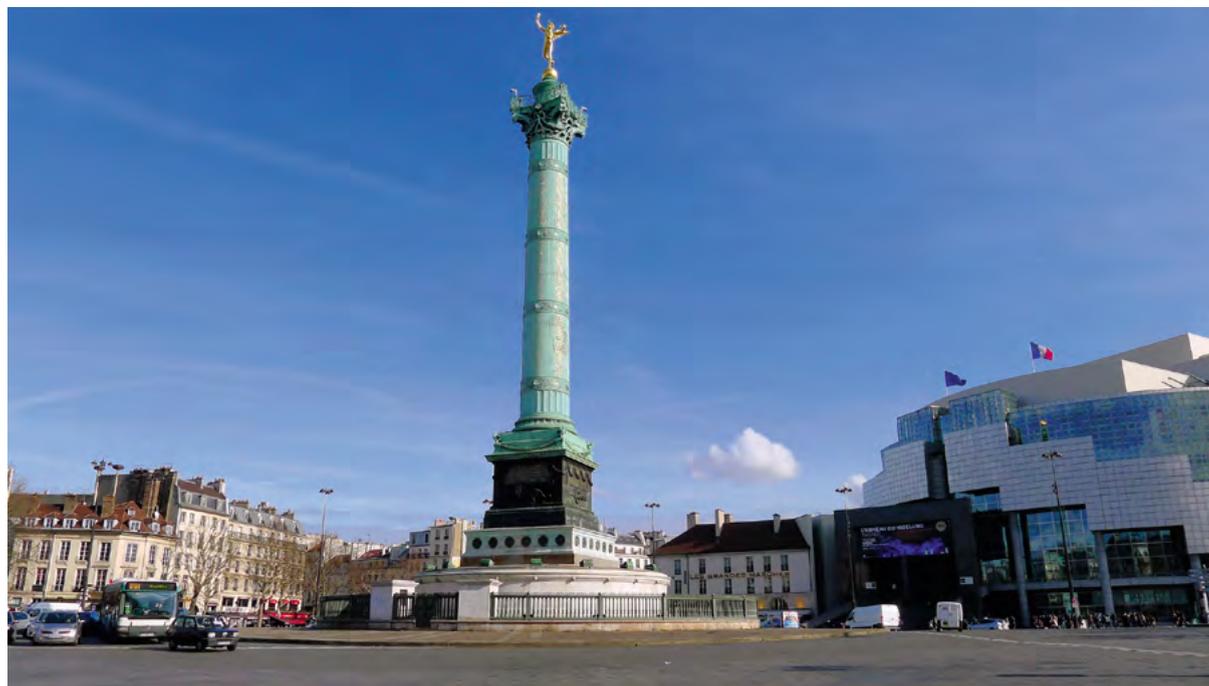
< Фасад с ТВ экранами, на которых выведена надпись. Экраны могут передавать действие на основной сцене

такля. По своему масштабу здание блестяще вписалось в московскую застройку района Сретенки и обогатило ее интригующими формами. Несколько сомнительным представляется только воспроизведение на сретенском фасаде стены «позапрошлого» этапа застройки, забыв, что в «прошлом» периоде здесь был кинотеатр «Уран», по архитектуре напоминающий общипанный конструктивизм.

По случаю 200-летия Великой французской революции Париж обогатился несколькими культурными объектами. В их числе – Опера Бастилия на месте снесенного вокзала с тем же названием. В открытом конкурсе победил канадо-уругвайский архитектор Карлос Отт. Непривычная архитектура здания почти в центре столицы вызвала массу дискуссионных обсуждений. Рядом с привычными домами на исторической площади с мемориальной колонной возник гигантский шокирующий парижан объем.

Внутренность здания отличается отменным суперсовременным технологическим решением сцены и закулисных устройств с подвижными планшетами сцен вместо обычных карманов и арьерсцены.

Особый интерес вызвала реконструкция 2011 года Военно-исторического музея в Дрездене архитектором Даниэлем Либескиндом. Общая площадь здания увеличилась почти в два раза. Но главной особенностью проведенной реконструкции стал резкий контраст новой архитектуры с сохраненной частью здания, построенной в 1877 г. в духе неоклассической эклектики. Огромный острый объем из стекла, стали и железобетона с откровенной агрессивностью пересекает старый классический объем, демонстрируя победу нового над старым. Наглая стеклянная консоль, пронзившая старое здание, заставляет задуматься о вреде и антигуманности агрессии

< Площадь Бастилии с памятной колонной и новым театром

^ Национальный Большой театр Китая в Пекине, 2007; арх. Поль Андре

> Реконструкция Военно-исторического музея в Дрездене, 2011; арх. реконструкции Д. Либескинд

и войны, создавая новый смелый образ, провоцирующий на эмоциональную критику.

Совершенно спокойными и миролюбивыми оказались в Москве новые корпуса Третьяковской галереи (Инженерный корпус, депозитарий, перекрытия дворов и другие пристройки), выполненные в 1980–1992-х гг. под руководством И. Виноградского и Г. Астафьева. При наличии новой технологии и новых интерьеров авторы очень осторожно, с большим уважением к старому образу фасадов, выполненных по рисункам В. Васнецова и, позднее, в мастерской А. Щусева, невероятным образом увеличили экспозиционную, складскую и техническую площадь музея в самом центре столицы и использовали

< Галерея «Тейт-Модерн» в Лондоне. Справа пристроен новый корпус к бывшему зданию электростанции, переданному для расширения галереи, 2010–2016; авторы Жак Херцог и Пьер де Мерон

v Обновленный фасад Большого театра в Москве после реконструкции 2005–2011. Фальшивый фасад прикрывает декоративный лифт

на фасадах привычные цветовые и фактурные сочетания. В результате Лаврушинский переулок на всем протяжении фактически превратился в часть Третьяковской галереи.

Заслуживает специального изучения и анализа колоссальная интересная творческая работа в Санкт-Петербурге коллектива под руководством Олега и Никиты Явейнов по реконструкции Главного штаба для нужд Государственного Эрмитажа с использованием анфилады старых дворов.

Одним из самых грандиозных по размеру и смелости стал Национальный Большой театр Китая в Пекине, 2007; архитектор – Поль Андре (Франция). Обтекаемая громада овалоида имеет длину 336 м, ширину 206 м и высоту 46 м. В непосредственной близости – историческая площадь XIV века Тяньаньмэнь («Ворота небесного спокойствия»), за которой раскинулся гигантский комплекс Запретного города с исторической национальной архитектурой Китая. Сбоку – постройки послевоенного времени в жесткой эстетике 50–80-х годов: Дом народных собраний, Музей, памятник Народным героям, мемориал Мао Цзэдуна. Размер театрального комплекса, подходов к нему и гладь окружающей воды декоративного пруда настолько велики, что, несмотря на спорное соседство, не возникает вопрос о неуместности столь авангардной архитектуры рядом со старым городом и социалистическими постройками. Скорее, возникает мысль, что в дальнейшем эта новая эстетика будет диктовать свои правила будущим архитектурным композициям или она превратится в гигантскую скульптуру – памятник своему времени. Грядет новый авангард мировой архитектуры без ностальгии и причитаний.

Описанные смелые крупные решения наводят на мысль, что возможны самые необычные сочетания старого и нового, которые невозможно (и не нужно) предвидеть и регламентировать. Просто надо это делать умно и талантливо, смело и добротню.

Статья посвящена деревянной архитектуре Рязани, являющейся составной частью историко-культурного наследия не только региона, но и России в целом. В результате обследования выявлены стилистические особенности, проведен анализ оформления фасадов декоративными элементами, изучена типология построек. Отличительные черты рязанского деревянного зодчества – обилие разнообразных архитектурных форм и приемов декоративного оформления фасадов. Объекты деревянной архитектуры находятся в различной степени сохранности.

Ключевые слова: деревянное зодчество; деревянная архитектура; культурное наследие; музей под открытым небом; Рязань; Россия. /

The article is devoted to the wooden architecture of Ryazan, which is an integral part of the historical and cultural heritage not only of the region, but also of Russia as a whole. The study is based on visual inspection, literary sources, author and historical photographs. As a result of the survey, stylistic features were identified, an analysis of the facade design with decorative elements was carried out, and the typology of the structures was studied. Among the distinctive features of Ryazan wooden architecture, it is necessary to note the abundance of various architectural forms and methods of decorative design of facades. The objects of wooden architecture are in varying degrees of preservation.

Keywords: wooden architecture; cultural heritage; open-air museum; Ryazan; Russia.

Рязанское деревянное зодчество как символ культурного наследия (на примере двухэтажной городской застройки XIX века) /

текст

Марина Князева,
Дарья Евтюхина,
Виктория Мельникова /

text

Marina Knyazeva,
Darya Evtyukhina,
Victoria Melnikova

...Рязань мне очень понравилась, – из всех городов это самый русский – весь деревянный, с петушками, крылечками, геранью и громадными липами...

К. Г. Паустовский

Русское деревянное зодчество – одна из важнейших составляющих отечественного культурного наследия, во многом определившая характер и образ древних исторических городов. До наших дней дошли разнообразные деревянные сооружения, являющиеся настоящими произведениями искусства. Среди них можно увидеть постройки сакральной архитектуры, встречаются общественные здания и жилые одно- и двухэтажные дома.

Переустройство внутригосударственного уклада в 1990-е гг., обусловившее изменения социально-экономических условий, коснулось всех сфер жизнедеятельности страны, в том числе и архитектурно-строительной. Вследствие необдуманной градостроительной политики большие кварталы исторической городской застройки стали исчезать с лица земли. Это привело к изменению самобытного неповторимого архитектурного облика русских городов и уничтожению большого количества памятников историко-культурного наследия. Не обошел стороной этот процесс и Рязань.

Еще до 2000-го года деревянная застройка большой плотности заполняла значительную часть территории исторического города. Центр Рязани выглядел как «музей под открытым небом» – своеобразный музей деревянной архитектуры. За последние двадцать лет внушительное число памятников деревянного зодчества было либо уничтожено, либо утрачено в связи с непригодностью к их дальнейшей эксплуатации.

Деревянная архитектура Рязани представляет особый интерес, так как зародилась в XI веке. Ее истоки следует искать в Старой Рязани, где была построена хорошо укрепленная деревянная крепость, башни и стены которой были сложены из массивных деревянных клеток [1, с. 13]. Несмотря на то, что в XIX в. при возведении общественных зданий в значительной степени применялся кирпич, при строительстве жилых построек предпочтение отдавали дереву. Широкое использование дерева при строительстве обусловлено природно-климатически-

ми условиями и географическим положением региона. Большая часть территории рязанского края была покрыта густыми лесными массивами. Поэтому древесина являлась самым доступным по сравнению с камнем и сравнительно недорогим материалом для строительства. Кроме того, деревянный дом всегда считался более теплым и уютным, комфортным для проживания летом и зимой, с благоприятным микроклиматом. Деревянное строение быстро возводится и может быть украшено по своему вкусу.

Издrevле рязанские плотники славились на всю Россию. Уходя на работу, они засовывали свой топор за пояс наискосок. От тяжести топора пояс становился перекошенным, отсюда и пошло название «Рязань косоюзая». При строительстве плотники обходились без единого гвоздя; обладая высоким мастерством, они при помощи лишь топора возводили поистине замечательные образцы деревянного зодчества.

Несмотря на свою самобытность и своеобразие, деревянное зодчество – малоизученная страница в истории архитектуры Рязани. Ее исследование крайне актуально по причине реконструкции сложившейся части города и строительства новых жилых массивов с применением деревянных материалов.

В настоящей работе авторы ставят своей целью проанализировать постройки, соответствующие заявленной теме, выявить типологические черты и архитектурные особенности.

Наиболее интересными для изучения деревянной застройки в Рязани являются улицы Салтыкова-Щедрина, Радищева, Вознесенская, Введенская, а также ряд отдельно стоящих зданий, расположенных в центральной части города (около 120 объектов). В ходе исследования были проанализированы 17 деревянных домов, которые, на наш взгляд, имеют культурную и историческую ценность для архитектурного облика города.

По историческим источникам известно, что в XVIII в. почти вся партикулярная жилая застройка Рязани была деревянной и мало отличалась от деревенской. Количество деревянных жилых домов составляло 832, каменных зданий – чуть более десятка.

Ryazan Wooden Architecture as a Symbol of Cultural Heritage (Through the Example of Two-Storey Urban Housing of the XIX century)

В 1780 г. на основании указа от 31 августа 1780 г. был утвержден план «регулярной» застройки города [2]. Несмотря на то, что составленные и подтвержденные планы являлись нормативными документами и являлись руководством к дальнейшему их исполнению и проектированию, регулярное строительство осуществлялось довольно медленно.

В 1787–1788 гг. возводятся единичные деревянные казенные сооружения губернской Рязани: здание присутственных мест на въезде в город, двухэтажный дом генерал-губернатора [3, с. 179], «Оперный дом» – специальное здание для театральных постановок, которое поражало современников своим изяществом и величием (не сохранился). В 1822 г. приступили к строительству квартала напротив присутственных мест.

Несмотря на все свои положительные качества, древесина имеет существенный недостаток: она легко воспламеняется, вследствие чего Рязань часто страдала от пожаров. Один из самых крупных произошел в 1837 г. [4, с. 63]. Пожар уничтожил большую часть строений и стал своеобразным катализатором; именно с этого момента начинается интенсивная массовая жилищная застройка по утвержденному плану. Прилегающие к центру улицы – Абрамовская (в настоящее время ул. Салтыкова-Щедрина), Владимирская (ул. Свободы), Вознесенская застраиваются деревянными домами. Фасады были украшены уникальной с точки зрения архитектурно-художественной ценности красивой деревянной резьбой. И хотя строились они по «образцовым» проектам, каждый дом имел свой архитектурный образ и индивидуальность. Эти бревенчатые постройки, составляющие эстетику провинциальной деревянной архитектуры, и стали лицом нашего города.

В середине XIX в. продолжают возводиться деревянные казенные здания. Строятся деревянный городской театр, деревянное училище для девиц духовного звания на территории Кремля, комплекс Троицкого сиротского училища.

В пореформенное время появляется новый тип домов – доходные дома с отдельными входами на этажи. Дома делились на секции, где размещались несколько квартир. Основой конструктивной системы большинства из них

был бревенчатый сруб, выполненный из горизонтально уложенных друг на друга бревен. Фасады обшивались тесом, что защищало здание от влаги и гниения, а также выполняло декоративную функцию; дополнительно торцы украшались пилястрами или лопатками.

Эклектичность в деревянных жилых домах проявлялась в сочетании классической архитектуры и национальной традиции.

Архитектура XIX в. ярко представлена монументальным и сдержанным классицизмом, который уступает место эклектике или историзму второй половины и рубежа веков. Новый стиль проявился в подражании готике, барокко, ренессансу и древнерусскому искусству. Элементы различных стилей и эпох стали смешиваться в одних и тех же постройках.

Промышленный переворот XIX в. послужил причиной роста популярности национального русского и древнерусского искусства. Массовое производство привело к обезличиванию продукции, что сделало товары более дешевыми и доступными, а также штампованными и «бездушными». Популярность набирало пришедшее из Европы «Движение искусств и ремесел», идеология которого воспевало красоту ручного ремесла и ценность национальных традиций. На этой благодатной почве и появилась архитектура деревянного зодчества. «Русский стиль» (также его именуют и «псевдорусским», и «неорусским») отразил богатую национальную культуру, народные традиции и высочайшее мастерство русских зодчих.

С ростом урбанизации возникли новые общественные требования, необходимость создания совершенно новых типов сооружений. Изменения в структуре общества привели к утрате значения традиционных типов построек. К новым типам относятся городские многоквартирные доходные дома, жилые поселки, новые лечебные и спортивные здания, школы, театры, банки, торговые и административные здания, выставочные павильоны.

Развитие «Русского стиля» и эклектики хорошо просматривается на примере трех сохранившихся строений на улице Введенской и улице Вознесенской. Согласно регулярному плану обе улицы запроектированы на одной оси, поперек центральной улицы Ленина (бывшей Астра-

^ Рис. 2. Ул. Свободы, 77
(Слева – фото в апреле 2019, справа – фото до реставрации)

^ Рис. 4. Ул. Радищева.
Исторические фото.
Здания до утраты балконов

ханской). В советские годы улицы Введенская и Вознесенская были объединены и переименованы в честь революционера Карла Либкнехта.

Итак, обратим внимание на строения и декоративную отделку.

Введенская, 84. Один из типичных примеров жилых доходных домов. Двухэтажный объем вытянут вдоль улицы. Симметричный главный фасад в семь осей отмечен центральным входом и двумя узкими оконцами на втором этаже. Резное убранство отличается изяществом и ярко выделяется на фоне гладкой плоскости фасада.

Венчающий карниз опирается на фриз с резными драпери в виде гирлянд между ажурными кронштейнами. Широкие рамы наличников увенчаны полукруглыми сандриками с веерообразным заполнением тимпанов. Подоконные доски подчеркнуты прорезными волютами и множеством мелких кружевных деталей. Здание построено в лаконичном классицизме с использованием классических и неорусских декоративных элементов, что также указывает на эклектику.

Введенская, 103. Характерный образец доходного дома в духе эклектики. Главный северный фасад в пять осей проемов асимметричен, обращен на красную линию застройки. Левая ось сдвинута к флангу. Скромное убранство фасада, обшито тесом, создают прямой подшивной карниз и окна с лучковыми перемычками и прямоугольными сандриками на карнизах.

В советское время к зданию присоединили дворовые пристройки, был пристроен входной тамбур, перегороджен и зашит вход с улицы. Внутренняя планировка в тот период также частично претерпела изменения.

Вознесенская, 40. Типичный доходный дом. Строение Г-образной формы в плане. Семь оконных осей по главному фасаду выделены слабо выраженным трехосевым ризалитом по центру. Оконные оси оформлены сдвоенными филенчатыми пилястрами, по центру филенки с ромбовидными вставками. Поэтажное членение отмечено междуэтажным профилированным карнизом, выполненным в виде филенчатого фриза с парными кронштейнами и подзором понизу. Венчается фасад сильно вынесенным подшивным карнизом и орнаментальным фризом. Обрамление окон выполнено в виде простых дощатых наличников.

Состояние дома удовлетворительное (Рис. 1).

В период ранней эклектики в Рязани можно четко проследить переход от классицизма к эклектизму. Многие архитектурные приемы, характерные для классицизма, воплощаются в разных вариациях в отдельных постройках последней трети XIX в. В качестве наглядного примера приведем здание по ул. Свободы, 77. В конце позапрошлого века в нем находилась губернская канцелярия. Поставлено на государственную охрану под одноименным названием.

Дом ценен не только с точки зрения истории, но и в градостроительном отношении. Г-образный в плане объем закрепляет угол квартала. Так как здание угловое, оно имеет два лицевых фасада: один выходит на ул. Свободы, второй – на ул. Фрунзе.

Строение выполнено из бревен, обшито горизонтальным калеванным тесом. Выпуски бруса закрыты простыми лопатками. Междуэтажное членение представлено

^ Рис. 3. Здания по ул. Полонского, 15 (вверху), 19 (внизу)

^ v Рис. 5. Улица Радищева, дома № 45, 47, 49 (слева направо)

карнизом с небольшим выносом. В ходе последней реставрации наружный вид дома потерял исторический облик; многие декоративные детали не были восстановлены, в результате чего здание лишилось внешней привлекательности и образа, заложенного в него создателем.

Из сохранившихся дореставрационных фотоматериалов (Рис. 2) видно, что изначально фасады венчались незначительного выноса профилированным карнизом на фигурных кронштейнах. Филенчатые лопатки закрепляли угол стыка и членили стену на три прясла. Утраченная к настоящему времени торцевая пристройка завершалась аттиком.

Представление о двухэтажной городской деревянной застройке и архитектурных особенностях доходных домов дают единичные строения по ул. Полонского. Улица организована в соответствии с концепцией регулярного плана 1780 г. В первые годы существования улицы застройка была деревянная. К настоящему времени сохранилось только два объекта деревянного зодчества. Это дома под номерами 15 и 19 (Рис. 3). Оба располагаются вдоль красной линии улицы и повернуты к ней лицевыми (восточными) фасадами, обшитыми тесом. Архитектурный образ зданий характерен для своего времени, при этом каждый из них имеет свои особенности.

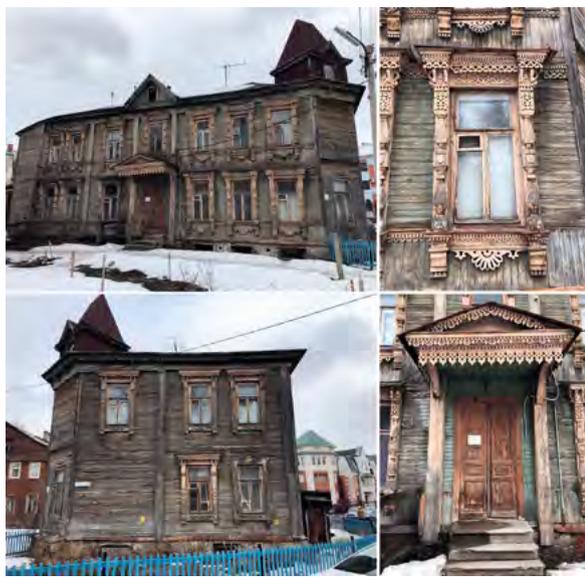
Фасад дома 15 отличается сдержанностью трактовки форм. Декоративное убранство выразилось в примене-

нии подоконных тяг, широкого междуэтажного пояса, гладкого венчающего фриза и небольшого выноса карниза, завершающего стены. Оконные проемы с лучковыми перемычками обрамлены такой же формы наличниками с простым орнаментом. Обшивка главного фасада «в елку».

В связи с тем, что дом нежилой, его сохранность удовлетворительная, наблюдаются завалы бруса, трещины. Дом врос в землю.

С точки зрения архитектурно-художественного решения здание под номером 19 более выразительное. Широкие плоские лопатки с розеткой по центру делят главный фасад на три неравные части: среднюю в восемь осей света и два двухосевых фланга. Предметом оформления служат широкий подоконный рельефно выступающий пояс под окнами первого этажа, междуэтажный карниз с крупными зубчиками, завершающий стены фриз с накладной резьбой, венчающий подшивной карниз, поддерживаемый несложной формы резными кронштейнами.

Декоративное убранство окон первого и второго этажей различное, что говорит уже о влиянии зрелого эклектизма. В тимпане очельника окон первого этажа простой геометризованный узор. Плавно изогнутые сандрики подчеркнуты небольшими зубчиками. На втором этаже – сандрики прямой формы.

> Рис. 7. Жилой дом по ул. Семинарской, 14. Фото 2019 г.

> Рис. 8. Ул. Пожалостина, 5. Фото 2019 г.

В эпоху эклектизма детали имели большое значение. Они были направлены на исторический декоративизм, т. е. на воспроизведение архитектурных особенностей, присущих той или иной эпохе. Именно детали дают возможность ощутить «дыхание» ушедших эпох, увидеть историческую среду и своеобразие именно того времени.

Декоративное убранство многих зданий восхищает своим великолепием и изяществом. При этом основной акцент делался на украшение уличных фасадов. Как правило, такие дома возводились богатыми людьми; строения отличались своим внешним видом, они обладали красивыми резными элементами и парадными входными группами с ориентацией входов со стороны улицы. К такому типу зданий относятся двухэтажные дома по ул. Пожалостина, 5, Право-Лыбедской, 48 (утрачен) и Радищева, 45, 47, 49.

Три последних стоящих в ряд строений представляют собой комплекс, на который следует акцентировать внимание (Рис. 4, 5). Он создает живописный и сохранный в своей целостности элемент дошедшей до наших дней деревянной застройки города конца XIX в. Все три дома являются яркими примерами доходных жилых домов, характерных для Рязани. Декоры фасадов нарядные, с элементами русского деревянного зодчества.

Главные фасады обращены к красной линии улицы. Среди них стоит отметить дом 47, отличительными особенностями которого стали шатры над лестничными ризалитами, оживляющие фасады с накладной резьбой. В оформлении дома 45 использован кокошник в форме

бочки, довольно распространенное явление для Рязани. В своем первоначальном виде вторые этажи главных фасадов были подчеркнуты балконами с красивыми резными ограждениями (в настоящее время утрачены).

Одно из направлений «русского стиля» – «ропотовский стиль» нашел свое отражение в ряде построек, возведенных по проектам городских архитекторов И. С. Цеханского и А. М. Селиванова. К ним относятся: здание клуба рязанского Благородного собрания (Урицкого, 72), начальное училище 2-ой мужской гимназии (Право-Лыбедская, 28), училище на ул. Новослободской, 11 [3, с. 217].

В деревянной жилой застройке этот стиль ярко отразился в постройках по ул. Павлова, 13, 15, Семинарской, 14, Пожалостина, 5, Свободы, 71 и ряде других домов.

Охарактеризуем данные строения, начиная с ул. Павлова.

Павлова, 13. Усадьба Юкиных представляет собой один из типичных примеров эпохи доходных усадеб со строениями, выполненными в формах эклектики с элементами русского стиля. Двухэтажный прямоугольный объем покрыт вальмовой кровлей. Средняя часть крыши увенчана невысокой надстройкой, имеющей в плане квадратную форму. Предположительно изначально она служила основанием для шатра. Уличный фасад асимметричен, но имеет уравновешенную композицию. Доминирующим элементом на фасаде выступает расположенный в середине фасада трехосевый ризалит, завершенный щипцом.

> Рис. 6. Ул. Павлова, 13, 15

Павлова, 15. Строение входит в состав усадьбы Юкиных. Основной прямоугольный объем из двух этажей покрыт вальмовой кровлей. Со двора примыкает равновысокое крыло под двускатной кровлей. Плоскость главного фасада декорирована профилированными междуэтажным и венчающим карнизом, двумя боковыми ризалитами. Левый слегка выдвинут вперед, правый, сильно выступающий ризалит завершен шатром-епанчей, поставленным на аттиковом постаменте (Рис. 6).

Еще одним примером сохранившейся деревянной застройки города в русском стиле [3, стр. 333] является дом по ул. Семинарской, 14 (Рис. 7). Устроен в исторической части города на отдалении от красной линии улицы вглубь участка. Главным является южный фасад, западный протяженный фасад ориентирован в направлении проулка.

Строение довольно нарядное. Внешнее убранство создано разной ширины лопатками, орнаментальными подзорами, затейливыми узорными наличниками, резными фризами, проходящими между оконными проемами, венчающим небольшого выноса карнизом на фигурных кронштейнах. Однако оно интересно не только с точки зрения декоративного оформления, но и объемно-пространственного решения. Отличительной особенностью здания стали скошенные углы, над одним из которых возвышается небольшая башенка с пирамидальным завершением. К настоящему времени утрачен балкон на скошенном углу и декор окна первого этажа.

Особенно интересен дом по ул. Пожалостина, 5 (Рис. 8), чей живописный облик притягивает к себе пристальное внимание. Фасады дома орнаментированы в стиле традиционного народного жилища.

Пластик стен формируют смещенные к левому флангу крупный ризалит на всю высоту здания и входное крыльцо на резных колонках. Декоративное убранство характеризуется обилием многоядных «деревянных кружев» с мотивами русской вышивки. Трехчастные окна ризалита и оконные проемы главного фасада обрамлены наличниками, выполненными в виде резных колонок с бусинами и перехватами. Широкие лопатки с накладными вставками акцентируют углы объемов.

Дом по ул. Свободы, 71 (Рис. 9) возведен в начале 1900-х гг. Некогда оригинальный домик с затейливым

резным декором, красивым выносным крыльцом и оригинальной башенкой, украшенной бочкой с затяжками, был разобран ради освобождения небольшого участка земли в центре города под строительство безликой многоэтажки.

На рис. 10 запечатлен снос уникального деревянного шедевра.

На смену эклектике на стыке веков в Рязани появился модерн. Но, в отличие от русского стиля, он оставил небольшой след в виде единичных построек. В основном это деревянные одноэтажные и каменные двухэтажные дома. В деревянной двухэтажной застройке стиль модерн запечатлен в строениях по ул. Радищева, 49 (Рис. 5) и Право-Лыбедской, 32–34 (к настоящему времени утрачен); выделить его стилистические особенности в чистом виде нельзя.

Здание по улице Радищева, 49 (Рис. 4, 5 – дом справа) не исключение; строение датируется концом XIX – нач. XX в. На фасаде можно заметить декоративную резьбу на наличниках, обрамляющую окна второго этажа. Форма декора простая и лаконичная, с геометрическими и растительными элементами, что соответствует модерну. Однако ажурная резьба на крылечках и наличниках первого этажа уводит нас в эклектику и неорусский стиль.

Вернемся к улице Право-Лыбедской. В северной ее части на участке неправильной формы расположено здание периода эклектики (№ 46), которое в настоящее время разрушается. Дом (Рис. 11) с богатой пластикой фасадов воспроизводит формы ажурной деревянной резьбы неорусского стиля с декоративными элементами необарокко. Здание находится в неудовлетворительном состоянии: левое крыльцо покосилось, часть помещений пустует, в некоторых еще проживают люди. Чуть дальше стоят еще два деревянных строения, одно из которых используется под жилье, другое не эксплуатируется.

Исходя из проведенного анализа, можно ощутить масштабность деревянной застройки в городе Рязани. Несмотря на частичную утрату и ветхость декоративных элементов, деревянные строения заметно выделяются на фоне современной архитектуры.

Данное исследование дает представление о формировании архитектурного облика города Рязани в XIX в.

^ Рис. 9. Дом по ул. Свободы, 71. Слева – фото 1920–1929 гг.; справа – фото 2005 г.

^ в Рис. 11. Дом по ул. Право-Лыбедской, 46. Фото 2019 г.

Памятники архитектуры деревянного зодчества с их характерными особенностями и яркой индивидуальностью некогда создали неповторимый образ города – атмосферу красоты, самобытности и незыблемых традиций родного края, сбереечь и сохранить которые в условиях сегодняшней урбанизации очень важно. Это необходимо для воспитания культурно-эстетического восприятия у молодежи, формирования патриотических чувств и любви к Родине. Поэтому очень важно сохранять все то, что пришло из прошлого, что имеет историю, особую неповторимую эстетику и уникальность. Для всех нас, для преемственности поколений, для сохранения красоты прошлого!

в Рис. 10. Снос дома по ул. Свободы, 71. Фото 2009 г.

Литература

1. Михайловский, Е. В., Ильенко, И. В. Рязань: Касимов: Художественные памятники XII–XIX веков. – Москва: Искусство, 1969. – 240 с.: ил.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое; 1778. – Т. XX. – № 14786. – С. 741
3. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России/Гос. ин-т искусствознания Министерства культуры РФ. – Москва: Наука, 1998. – (Свод памятников истории и культуры России.) Рязанская область: в 4 ч. – Ч. 1./отв. ред. В. И. Колесникова. – М.: Индрик, 2012. – 880 с.: ил.
4. История Рязанского края: 1778–2007/под ред. д. и. н. П. В. Акульшина; Упр. культуры и массовых коммуникаций Ряз. обл., Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань: Изд-во Ряз. обл. тип., 2007. – 448 с.

References

- Akulshin, P. V. (Ed.). (2007). *Istoriya Ryazanskogo kraja: 1778-2007* [History of the Ryazan region. 1778-2007]. Department of culture and mass communication of the Ryazan region, Ryazan State University named after S.A. Yesenin. Ryazan: Izd-vo Ryaz. obl. tip.
- Kolesnikova, V. I. (Ed.). (2012). *(Svod pamyatnikov istorii i kultury Rossii) Ryazanskaya oblast': v 4 ch. – Ch. 1* [(Collection of monuments of history and culture of Russia) Ryazan region: in 4 parts. P.1]. Moscow: Indrik. *Svod pamyatnikov arkhitektury i monumentalnogo iskusstva Rossii* [The Code of monuments of architecture and monumental art of Russia]. (1998). State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. Moscow: Nauka.
- Mikhailovsky, E., & Ilyenko, I. (1969). *Ryazan. Kasimov*. Moscow: Iskusstvo.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sbranie pervoe [The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1]. (1778). Vol. XX. No.14786. P. 741.

На первый взгляд может показаться, что малые города зарубежной Европы живут в реальности, которая не имеет ничего общего с реальностью российской. Западный дрейф создает поляризацию по линии Восток – Запад, концентрирует жизнь в центральных регионах континента. Города восточной и южной Европы пустеют и лихорадочно концентрируют за утекающее население. Вместе с людьми из городов Прибалтики, Закавказья, Черноморья утекает и жизнь, оставляя лишь печальную ностальгию. Западная Европа, напротив, переполнена приезжими, и эта волна мигрантов и туристов угрожает «затоптать», утопить в себе традиционный образ жизни. Но приглядимся – и общечеловеческий характер ситуации вокруг малых городов станет очевиден. Сохранение разнообразия и своеобразия, всего спектра индивидуальностей, накопленного малыми городами во всех регионах и областях – наш долг и необходимый элемент сегодняшнего и завтрашнего развития.

Константин Лидин

зарубеж / abroad

At first glance it would seem that small towns in Europe live in the reality that has nothing to do with the Russian reality. The Western Drift brings polarization along the east-west line and concentrates population in the central regions of the continent. The cities of Eastern and Southern Europe become deserted and desperately vie for outflowing inhabitants. Together with people, life flows out of the towns of the Baltic, Transcaucasia and the Black Sea region, leaving behind nothing but sad nostalgia. On the contrary, Western Europe is overcrowded with newcomers. This wave of immigrants and tourists is going to “swallow” the traditional style of life. But if we look closer, the universal human nature of the situation concerning small towns will become obvious. To save diversity and identity, the whole range of individual features accumulated by small towns in all regions is our duty and a required element of today’s and tomorrow’s development.

Konstantin Lidin

Ситуация с малыми поселениями в Нидерландах вполне благоприятна, несмотря на всеобщее мнение. Малые поселения действительно сталкиваются с особыми проблемами, хотя эти проблемы можно было бы ожидать и в больших городах, возможно, в результате гибридного городского характера Нидерландов, где на обширной городской территории находится множество малых городов. Статья демонстрирует четыре проблемы, стоящие перед малыми голландскими поселениями; каждая из них по-своему касается вопросов строительного наследия или незастроенных пространств. Эти проблемы включают наведенную сейсмичность, производство синтетических наркотиков, наплыв массового туризма и слабое звено молодого наследия – общественные здания 1970-х и 1980-х гг. Затрагивая эти примеры, автор статьи исследует широту и региональный характер актуальных вопросов, находящихся на пересечении двух сфер: малых поселений и обладающего потенциалом строительного наследия.

Ключевые слова: малые поселения; строительное наследие; наведенная сейсмичность; синтетические наркотики; массовый туризм; общественные здания; Нидерланды.

Small settlements as a category are doing fine in the Netherlands, contrary to overall sentiment. Small settlements do face specific issues, though, issues that one would expect to see in larger cities, possibly the result of the hybrid urban nature of the Netherlands: many small cities in a vast urban region. This article showcases four challenges that small Dutch settlements face, each in a particular way intersecting with built heritage or building vacancy: induced seismicity, the production of synthetic drugs, spilt over mass tourism and the vulnerability of 1970s and 1980s community buildings as young heritage. By addressing these cases, the article seeks to explore the breadth and region-specific nature of actual challenges faced at the crossroads of small settlements and up-and-coming built heritage.

Keywords: small settlements; built heritage; induced seismicity; synthetic drugs; mass tourism; community buildings; the Netherlands.

Малые (исторические) поселения с большими (городскими) проблемами социальные задачи, возникающие на пересечении проблем малых поселений и строительного наследия в Нидерландах /

ТЕКСТ

Франк ван дер Хувен /
text
Frank van der Hoeven

В поисках нюансов

Малые поселения (kleine kernen) уже несколько десятилетий стоят на повестке дня голландской градостроительной политики. Когда голландцы говорят о «больших городах» (grote steden), они обычно имеют в виду группу из четырех городов: Амстердам, Роттердам, Гаага и Утрехт. Однако ни один из этой четверки не превосходит порог в один миллион жителей. С глобальной точки зрения мы можем называть «малыми» все голландские поселения. Европейская статистика классифицирует большинство провинций Голландии как «городские», основываясь на плотности их населения. Согласно этим определениям, в стране практически нет малых поселений. Вместо этого Голландия может рассматриваться как одна большая непрерывная городская территория, которая перетекает в бельгийскую Фландрию и германскую Северный Рейн–Вестфалию. Правда, скорее всего, где-то посередине. Если в этом контексте рассматривать Нидерланды (их территория примерно равна территории Московской области) как отсутствие крайностей – таких, как горы, большие метрополии или широкие открытые пространства – станет очевидным, что статья направлена на поиск нюансов, а не контрастов. Понятия большого и маленького так же, как и понятие расстояния, весьма

относительны в Нидерландах, особенно по сравнению с тем, к чему привык читатель из России или любой другой большой страны.

Малые поселения в глазах общественности

В контексте голландской типологии малое поселение насчитывает менее 15 000 жителей, хотя четкого определения нет. Газеты регулярно публикуют душещипательные истории о том, как в таких поселениях закрывается последняя школа или последний магазин. Хороший пример – борьба за сохранение последнего почтового ящика в Мариекерке, деревушке в южной провинции Зеландия. Мариекерке прославилась на всю страну после того, как один из старейшин составил петицию и собрал 73 подписи за сохранение почтового ящика в деревне (см. Илл. 1). Он потерпел неудачу: почтовый ящик был убран. Местные новости сообщили даже об этом. Такие личные истории быстро завоевывают симпатии широкой публики. По сути, они публикуют сюжет, на который вынуждены реагировать политики, а новостные СМИ с удовольствием проводят свое дальнейшее расследование, неважно, относится оно к делу или нет.

Малым поселениям живется хорошо

Официальное исследование Нидерландского института социальных исследований (НИСИ) представило картину, в которой еще больше нюансов. НИСИ, государственное агентство по исследованию социальных аспектов политического курса Нидерландов, обнаружило, что малым поселениям живется хорошо (Steenbekkers, Vermeij & van Houwelingen, 2017). Стереотип борющегося с трудностями общества в большинстве случаев не подтверждается. Отдаленные деревеньки действительно больше страдают от сокращения численности населения, чем другие населенные пункты. Однако надо учесть, что понятие «отдаленные» относительно. Вряд ли можно найти в Нидерландах населенный пункт, удаленный от ближайшего города более чем на 20 км (Илл. 2).

Малые поселения объединены в провинциальные ассоциации, а все эти ассоциации составляют национальную платформу – Национальную ассоциацию малых поселений (Landelijke Vereniging voor Kleine Kernen), которая

в Илл. 1. Мариекерке, Зеландия. Ляйн де Вольф, держащий список подписей, которые он собрал в пользу сохранения почтового ящика, рядом с тем самым почтовым ящиком. (NOS, 2016) / Fig 1: Mariekerke, Zeeland: Lein de Wolf next to the mailbox that was about to be removed, holding the list with signatures he collected to keep the mailbox. (NOS, 2016)

Looking for nuances

Small settlements (kleine kernen) are on the Dutch urban policy agenda for decades already. When Dutch people talk about the 'large cities' (grote steden), they typically refer to a group of four cities: Amsterdam, Rotterdam, The Hague and Utrecht. However, none of these four surpasses the threshold of one million inhabitants. From a global perspective, we might perceive all Dutch settlements as 'small'. From a European statistical perspective, most Dutch provinces classify, based on their population density, as 'urban'. According to such definitions, the country has almost no small settlements at all. Instead, it might be considered as one vast continuous urban territory that spills over into the Flandres region in Belgium and the North Rhine-Westphalia state in Germany. The truth is most likely somewhere in the middle. When we consider in this context that the Netherlands, roughly the size of the Moscow Oblast, lacks extremes such as mountains, big metropolises or vast open spaces, it may become apparent that this article is forced to seek nuances instead of contrasts. Small, large and distance are relative concepts in the Netherlands, especially compared to what a reader from the Russian Federation or any other vast country might be used to.

Small settlements in the public eye

In the Dutch policy context, a small settlement counts less than 15.000 inhabitants although there is no strict definition. Newspapers tend to publish regularly tear-jerking stories on such settlements when the last school or the last shop closes. A good example is a fight for keeping the last mailbox in Mariekerke, a hamlet in the southern province of Zeeland. Mariekerke gained national prominence after a senior citizen started a petition and collected 73 signatures to keep the collection point for regular mail in the village (see figure 1). He lost, and the mailbox was removed. The national news reported even that. Such personal stories quickly gain sympathy from the broader public. As such, they built a narrative that politicians are forced to address and news media like to investigate further, relevant or not.

Small settlements are doing just fine

Official investigations by the Netherlands Institute for Social Research (SCP) paint a more nuanced picture. The SCP, a government agency that researches social aspects of Dutch policy making, found that small settlements are not one coherent group and it appears

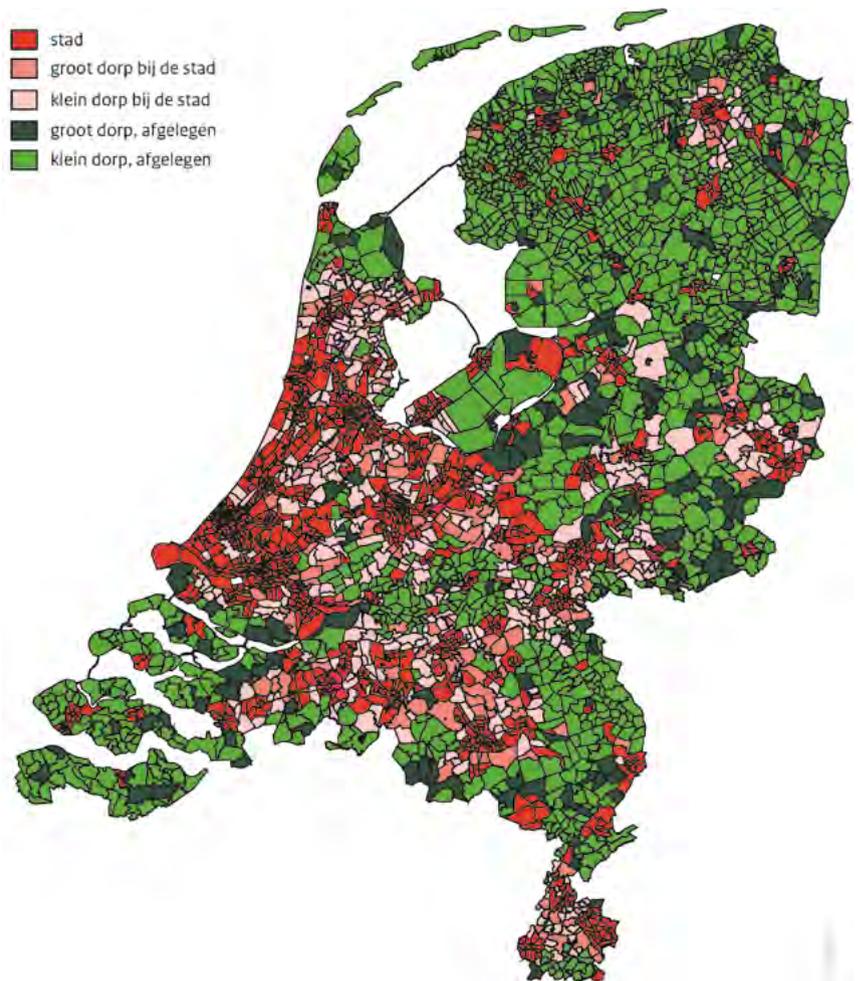
Small (Historic) Settlements with Big (City) Issues Societal Challenges Faced at the Intersection of Small Settlements and Built Heritage in the Netherlands

защищает их коллективные интересы. Большинство провинций и муниципалитетов разработали стратегию поддержки малых поселений на своей территории. Даже в Роттердаме, втором по величине городе Нидерландов, были предложены меры, направленные на помощь деревням, которые были ассимилированы местной широкой портовой территорией. Малым поселениям уделяется достаточное внимание со стороны властей, и уровень самоуправления тоже вполне высок. И хотя ситуация далека от катастрофической, это не значит, что нет общих проблем, на которые стоит обратить внимание. Строительное наследие – одна из них.

Здания, которым еще предстоит стать наследием

Широко признана та роль, которую играет строительное наследие в голландском обществе. Это понимание отражено во взаимосвязанной системе исследований, образования, практики и политических решений, разработанной за последнее столетие. Города и регионы активно стремятся получить статус всемирного наследия не только для того, чтобы сохранить свое достояние, но и чтобы увеличить приток туристов, бизнеса и предприятий. Наследие стало сразу и экономическим, и культурным фактором. По-другому обстоит дело с недавно построенными объектами наследия. Здания, имеющие все необходимые качества, чтобы в дальнейшем быть причисленными к памятникам своей эпохи, идут под снос из-за ложного представления о том, что памятники должны быть старыми.

А таких молодых перспективных объектов, которые могут в будущем стать строительным наследием, немало. Голландская (ландшафтная) архитектура испытала расцвет во второй половине XX века. С 1990-х годов правительство Нидерландов активно поддерживает развитие качественного проектирования, разрабатывая специальные меры для его стимулирования. Лишь несколько зданий, районов и парков, возникших в этот период, получили статус культурного наследия. До 2012 года зданию должно было быть минимум 50 лет, чтобы его официально включили в список. Изменение этого подхода привело к смещению фокуса внимания. Однако общее восприятие «послевоенной» (ландшафтной)

^ Илл. 2. Карта Нидерландов. Город (красным), большая деревня рядом с городом (оранжевым), маленькая деревня рядом с городом (розовым), отдаленная большая деревня (темно-зеленым), отдаленная маленькая деревня (светло-зеленым). (Steenbekkers, Vermeij & van Houwelingen, 2017) / Fig. 2: Map of the Netherlands: city (red), large village near a city (orange), small village near a city (pink), remote large village (dark green), remote small village (light green). (Steenbekkers, Vermeij & van Houwelingen, 2017)

that most of the small settlements are doing just fine (Steenbekers, Vermeij & van Houwelingen, 2017). The stereotypical image of a struggling community isn't justified in most cases. Remote villages do suffer somewhat more from population decline than other settlements. However, also here we should consider that 'remote' is a relative term. Hardly any settlement in the Netherlands is further away than 20 kilometres from the next city (see figure 2).

Small settlements organise themselves in provincial associations, and together these provincial associations form a national platform, the National Association for Small Settlements (Landelijke Vereniging voor Kleine Kernen) that defends their collective interests. Most provinces and indeed municipalities have developed policies for how to care for the small settlements within their territory. Even a city like Rotterdam, the second largest city in the country, has formulated a small settlement policy for dealing with the villages that were assimilated by its vast port area. There is sufficient attention in policy making for small settlements, and there is an adequate level of self-organisation. While the situation may not be dire, it doesn't mean that there aren't any common issues to be addressed. Built heritage is one of those issues.

Buildings that still have to become heritage

The role that built heritage plays in Dutch society is widely understood and accepted. This understanding is reflected in a coherent framework of research, education, practice and policymaking that developed during the past century. Cities and regions strive actively for the designation as a world heritage site, not just to preserve their assets, but also to attract more visitors, businesses and institutions. Heritage has become an economic and cultural factor at the same time. When recently built heritage is concerned, things are different. Buildings that have the essential characteristics to become monuments of their time are demolished without much concern due to the misconception that monuments need to be old.

There are many of those potentially young up-and-coming built heritage objects. Dutch (landscape) architecture flourished in the second half of the 20th century. From the 1990s on the Netherlands government actively supports the development of good design in the built environment with dedicated policies that stimulate architecture. Only a handful of the buildings, districts and parks from this period has received the status of cultural heritage object. Until 2012 buildings officially needed to age 50 years before they

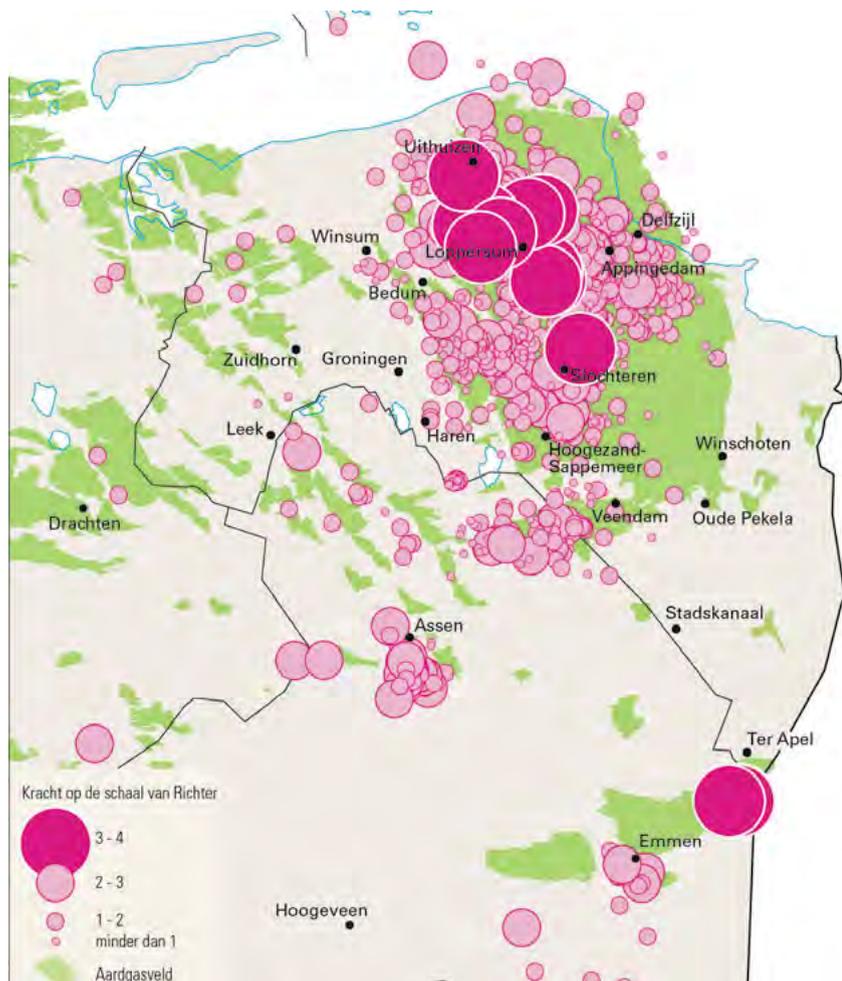
архитектуры или объекта городского строительства как культурного наследия все еще ограничено периодом с 1950-х по 1960-е.

В этих обстоятельствах мы выделяем четыре особые проблемы, которые касаются малых поселений. Проблемы, которые в той или иной степени пересекаются со сферой строительного наследия или незастроенных пространств, включают в себя наведенную сейсмичность, производство синтетических наркотиков, наплыв массового туризма и слабое звено молодого наследия – общественные здания 1970-х и 1980-х гг. Целью при этом не является составить всеобъемлющий обзор актуальных проблем, лежащих в точках пересечения сферы строительного наследия и малых поселений. Вместо этого в статье делается акцент на широком диапазоне и региональном характере данных проблем.

Наведенная сейсмичность

В нидерландской северной провинции Гронинген находится одно из самых больших месторождений природного газа в Европе. За 60 лет с момента его обнаружения, в 1959 году Гронингенское газовое месторождение произвело около 80% всех расчетных запасов, которые насчитывают 2740 миллиардов кубометров природного газа. Эксперты знали, что этот процесс может привести к проседанию поверхности земли данного региона. На данный момент проседание до одного метра превзошло все ожидания. Непредвиденным (или, по крайней мере, необъявленным) был тот факт, что процесс добычи газа и связанное с этим проседание поверхности влекут за собой землетрясения с растущей интенсивностью и частотностью. Самые сильные землетрясения пока что остаются в пределах 3,4-3,6 баллов по шкале Рихтера (Илл. 3).

Поскольку исторически Гронинген считался регионом несейсмичным, при проектировании зданий не предусматривались подобные колебания. Особенно подвержены образованию трещин и дальнейшему разрушению широко распространенные здесь каменные сооружения. Многим старым и историческим домам из камня в Гронингенском сейсмическом районе требуются специальные опоры (Илл. 4).

^ Илл. 3. Наведенная сейсмичность. Карта антропогенных землетрясений, связанных с эксплуатацией Гронингенского газового месторождения (Noordhoff uitgevers, 2019) / Fig. 3: Induced seismicity: map of human-made earthquakes that result from the exploitation of the Groningen gas field (Noordhoff uitgevers, 2019)

could be listed as such. A policy change at this point has led to a particular shift in focus. Still, the appreciation of 'post-war' (landscape) architecture or urban design as cultural heritage is in general limited to objects of the 1950s and 1960s.

In this setting, we outline four specific challenges that small settlements face, challenges that each in a particular way intersects with built heritage or building vacancy: induced seismicity, the illegal production of synthetic drugs, spilt over mass tourism and the vulnerability of 1970s and 1980s community buildings as young heritage. The aim here is not so much to be complete or to produce an exhaustive overview of urgent topics on the crossroads of built heritage and small settlements. Instead, the article tries to underscore the breadth and region-specific nature of the actual challenges faced at this intersection.

Induced seismicity

The Netherlands holds one of the largest natural gas reserves in Europe, located below the northern province of Groningen. In the 60 years since its discovery back in 1959, the Groningen gas field has produced around 80% of the estimated reserve of 2740 billion cubic

meters natural gas. Experts knew that this process would result in subsidence, a downward settling of the surface of the region. The currently modelled subsidence up to one meter is more significant than expected. Not foreseen (or at least not communicated) was the fact that this process of gas extraction and the subsequent subsidence produces earthquakes with increasing intensity and growing event count. The most severe earthquakes so far measure between in the range of 3.4 and 3.6 at the Richter scale (see figure 3).

Because Groningen is a region without any historical seismic activity, buildings are not designed to cope with such tremors. Especially the prevalent masonry constructions are subjective to damage as a result of cracking. Many older and historic masonry buildings now need to be supported in the Groningen earthquake area (see figure 4).

The social unrest under the population that results from the earthquakes and the damage to buildings has steadily eroded the overall trust in the government as a trustworthy public institution. Projections that the earthquakes would further intensify up to a possible level 4–5 at the Richter scale forced the government to

в Илл. 4. Каменное здание в Гронингемском сейсмическом районе с опорами, предотвращающими дальнейшее разрушение конструкции (NOS, 2019) / Fig. 4: Masonry building in Groningen earthquake area supported to prevent further damage to the construction (NOS, 2019)

Общественное недовольство по поводу землетрясений и ущерба, который они приносят зданиям, неуклонно подрывает доверие правительству как к надежному государственному органу. Прогнозы о том, что интенсивность землетрясений в будущем может подняться до 4-5 баллов по шкале Рихтера, заставили правительство снизить эксплуатацию газового месторождения. Даже при прогнозируемом снижении производства в ближайшем будущем ожидается усиление сейсмической активности и увеличение ущерба, который наносится строительному наследию.

Amphetamine
Methamphetamine
MDMA

Нелегальное производство синтетических наркотиков

Южная часть Нидерландов столкнулась с совершенно другой проблемой: производством синтетических наркотиков. В 2017 году Нидерланды произвели МДМА и амфетамин более чем на 18,9 миллиардов евро, став горячей точкой в Европе и «главным игроком на мировом рынке синтетических наркотиков», как было сказано в отчете Голландской полицейской академии (Tops, van Valkenhof, van der Torre & van Sprijk, 2018) (см. Илл. 5). Традиционно производители синтетических наркотиков базируются в южных регионах Нидерландов: Брабант и Лимбург (Илл. 6). Здесь консолидация сельскохозяйственного сектора привела к большому количеству пустующих фермерских построек. Пустующие сараи и амбары стали прекрасным местом для голландского эквивалента сериала «Во все тяжкие», показанного на канале Netflix. Деятельность производителей синтетических наркотиков наносит ущерб обществу, приводя к росту насилия, нелегальных лабораторий в жилых районах и незаконному выбросу производственных отходов. Преступники часто сбрасывают контейнеры с химическими отходами вдоль дорог и

< Илл. 5. Карта зон в Европейском Союзе, где с 2013 по 2015 года производились амфетамин, метамфетамин и МДМА (European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction, 2016) / Fig. 5: Map of Amphetamine, methamphetamine and MDMA production sites in the EU, 2013–15 (European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction, 2016)

cut the exploitation of the gas field. Even with the foreseen cuts in production, Groningen will experience more earthquakes in the near future and more damage to its built heritage.

Illegal production of synthetic drugs

The southern part of the Netherlands is home to a completely different problem: the production of synthetic drugs. The Netherlands produced in 2017 over 18,9 billion euros of XTC and amphetamines. As such, it has become a 'major player on the world stage of synthetic drugs' according to a report by the Dutch Police Academy (Tops, van Valkenhof, van der Torre & van Spijk, 2018) and a hotspot in Europe (see figure 5). Traditionally, the synthetic drugs producers operate from the southern Netherlands: Brabant and Limburg (see figure 6). Here, the consolidation of the agricultural sector has led to an increasing number of farm buildings that are left vacant. Remote sheds and barns have become the ideal place for a Dutch equivalent of 'Breaking Bad' (Netflix series). The activities of synthetic drugs producers undermine the local societies by an increase in violence, illegal labs in residential neighbourhoods, and unlawful disposal of production waste. Criminals frequently dump containers

with chemical waste along the roadside and in nature reserves, posing severe hazards for the local population and the environment (see figure 7).

Overspilling mass tourism

The city of Amsterdam is a huge magnet for tourism. On a population of 860.000 inhabitants, it receives over 17 million tourists and visitors a year. The situation evolved to a saturation point where an increasing number of inhabitants in the capital got enough of tourists and where tourists no longer find a historic Dutch city but an overcrowded theme park instead, known for its monuments, canal district, the availability of soft drugs and its open prostitution. In 2010 Amsterdam managed to get its city centre listed as a UNESCO World Heritage. A shift in the type of tourism may occur, coinciding with more stringent policies for its red-light district that the current mayor Femke Halsema is proposing. Looking at cities like Venice or Dubrovnik, a UNESCO World Heritage site designation will most likely further fuel the influx of tourists. The Dutch tourism industry actively searches for ways to divert these flows of tourists away from the capital to other areas in the Netherlands (see Figure 8).

в природных заповедниках, нанося тяжкий вред местному населению и окружающей среде (Илл. 7).

Избыток массового туризма

Город Амстердам обладает большой притягательной силой для туристов. Этот город с населением 860 000 человек в год принимает более 17 миллионов туристов и гостей. Ситуация достигла предела насыщения, когда при растущем числе населения столицы количество туристов оказалось достаточным и когда туристы уже больше не воспринимали Амстердам как исторический голландский город: он стал похож на переполненный людьми парк развлечений, известный своими памятниками, каналами, доступностью легких наркотиков и легализованной проституцией. В 2010 году удалось добиться включения городского центра в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Сегодня мэр Фемке Халсема предлагает более жесткую политику в отношении квартала красных фонарей, что может совпасть с изменением вида туризма. Если рассмотреть примеры таких городов, как Венеция и Дубровник, включение в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, скорее всего, активизирует приток туристов. Голландская индустрия туризма активно ищет способы отклонить потоки туристов от столицы и направить их в другие районы Нидерландов (Илл. 8).

Одновременно с получением экономической выгоды малые исторические города могут ощутить на себе несоразмерное влияние туризма на повседневную жизнь местного населения. Малые исторические поселения, расположенные вблизи Амстердама, такие, как Волендам или Маркен, демонстрируют четкую картину стремительного захвата этих городов туристами, приносящими неудобства местным жителям. Обычные магазины и услуги вытесняются на периферию, а объекты обслуживания туристов захватывают центр.

Общественные здания 1970-х и 1980-х – слабое звено молодого наследия

В то время как в большинстве восточноевропейских стран ожидается значительное уменьшение численности населения, население западной Европы до 2050 года будет только расти. Этот рост обоснован, главным образом,

^ Илл. 6. Карта мест сброса отходов производства синтетических наркотиков в Нидерландах и Бельгии, 2013–2014 гг. (European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction, 2016) / Fig. 6: Map of Dump sites of waste from synthetic drugs production in the Netherlands and Belgium, 2013–14 (European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction, 2016)

While smaller historic settlements may benefit from this economically, they will experience a disproportional impact on the daily lives of their citizens. Small historic settlements in the proximity of Amsterdam like Volendam or Marken, clearly demonstrate how visitors and tourists can quickly overrun small historic towns, much to the annoyance of their citizens. Regular shops and services are pushed to the edge of the settlement and tourism facilities overtake the centre.

The vulnerability of 1970s and 1980s community buildings as young heritage

While most of eastern Europe is expected to lose a substantial part of its population, the population of Western Europe will grow in the decades leading up to 2050. Most of that increase is due to immigration and the pull of large conurbations. The larger Dutch cities attract young higher educated professionals with their universities, higher education and concentrations of employment. Cities like Amsterdam, Rotterdam, The Hague and Utrecht continue to add (young) inhabitants while the more rural regions in the periphery of the country experience a modest population decline. That decline

^ Илл. 7. Нелегальный выброс химических отходов в природном заповеднике как побочный результат производства синтетических наркотиков (NOS, 2018) / Fig. 7: Illegal chemical waste dump in a nature reserve as the by-product of synthetic drugs production (NOS, 2018)

< Илл. 8. Туристам в Амстердаме предлагается посетить Волендам (Omroep NTR, 2017) / Fig. 8: Tourists in Amsterdam are attracted to visit Volendam (Omroep NTR, 2017)

иммиграцией и включением пригородов в черту городов. Большие голландские города привлекают молодых профессионалов наличием университетов, высшего образования и концентрацией рабочих мест. В Амстердаме, Роттердаме, Гааге и Утрехте продолжается рост молодого населения, в то время как в сельских регионах на периферии наблюдается умеренный спад. Этот спад идет в ногу с растущей индивидуализацией голландского общества: все больше людей живут в домах или квартирах на 1-2 человека; больших семей становится все меньше. Следовательно, в целом по стране ожидается рост числа домов даже в районах депопуляции. Пустующих домов будет немного, или их не будет совсем. С общественными зданиями ситуация оказалась более проблемной. Церкви, школы, библиотеки и медицинские учреждения утрачивают свои позиции. Автономная мобильность и услуги 5G

призваны предотвратить ухудшение жизненных условий в уязвимых районах. Тем не менее, здания, которые обеспечивали традиционные функции района, неуклонно становятся ненужными.

В этом отношении здания, считающиеся историческим наследием, в целом находятся в неплохой ситуации. Их защищают и оберегают, для поддержания их функций организуют различные мероприятия. Напротив, здания, причисленные к молодому наследию, являются слабым звеном. Рассмотрим пример с библиотекой в Винсхотене (маленьком городке в провинции Гронинген) – характерной постройкой 1970-х по проекту Кора Калфсбика. Тремя годами раньше этот архитектор получил за свое творчество ведущую награду в области культуры соседней провинции Дренте – Grote Culturele Prijs Drenthe (Provincie Drenthe, 2018). Тем не менее, здание было

goes hand in hand with further individualisation of Dutch society: more people live in 1- or 2-person households, fewer people live in larger households. It has as consequence that in most of the country the number of households will increase, even in shrinking regions. Housing vacancy will be modest or can be avoided at all. The situation with community buildings proves more problematic than housing. Churches, schools, libraries, and essential medical services are all losing ground. Autonomous mobility and 5G-services are set to prevent a decline of liveability in the affected communities. Nevertheless, the buildings that were home for the traditional community functions become increasingly redundant.

At this point, historic heritage buildings are generally fine. They are often protected and respected and creative ideas are developed to keep them functional. Young heritage buildings, on the contrary, are vulnerable. Take for example the public library in Winschoten, a small town in the province of Groningen, a characteristic 1970s building by Cor Kalfsbeek. The same architect won three years earlier the Grote Culturele Prijs Drenthe, the leading cultural award of neighbouring province Drenthe for his oeuvre (Provincie Drenthe, 2018). The building was nevertheless demolished in early 2019 (see

Figure 9). Many buildings from the 1970s and 1980s face a similar risk of being demolished as they are not yet recognised as being of value. In this way, a critical architectural period might be lost.

Conclusion

Dutch policymakers pay sufficient attention to the generic challenges faced by small settlements and their built heritage. Effective networks that deal with research, education, practice and policymaking in this area exist. Societal changes related to the built environment produce unexpected side effects with profound but regional impacts. Four challenges are presented in this overview: induced earthquakes, the illegal production of synthetic drugs, mass tourism and the vulnerability of 1970s and 1980s community buildings as young heritage. These issues aren't easily addressed as one integral policy topic. Solutions need to be tailor-made and site-specific, and solving them has to start with the acknowledgement that small Dutch (historic) settlements face some serious big city problems.

^ Илл. 9. Снос библиотеки Виншотена, построенной в 1975 году по проекту Кора Калфсбека, 2019 год (DVHN, 2019) / Fig. 9: Demolishment of the Winschoten library in 2019, designed by Cor Kalfsbeek in 1975 (DVHN, 2019)

сносено в начале 2019 года (Илл. 9). Многие здания 1970–1980-х годов оказались под угрозой сноса по причине того, что их ценность еще не признана. Так может уйти в небытие важнейший архитектурный период.

Заключение

Голландские власти уделяют достаточно внимания общим проблемам малых поселений и их строительного наследия. Существуют эффективные структуры, которые занимаются исследованием, образованием, практикой и разработкой стратегии развития этих территорий. Социальные изменения, затрагивающие строительное наследие, создают неожиданные побочные эффекты, имеющие существенное влияние на региональном уровне. В данной статье представлены четыре проблемы малых поселений: наведенная сейсмичность, нелегальное производство синтетических наркотиков, массовый туризм и слабое звено молодого наследия – общественные здания 1970-х и 1980-х гг. Решение этих проблем нелегко рассматривать как единую стратегическую задачу. Решения должны приниматься с учетом конкретных особенностей и местных условий. Для начала необходимо признать тот факт, что малые голландские (исторические) поселения могут сталкиваться с большими городскими проблемами.

Литература / References

- DVHN. (2019, April 10). Architect: De sloop van de oude bieb in Winschoten 'doet pijn'. Retrieved July 8, 2019, from <https://www.dvhn.nl/groningen/Architect-De-sloop-van-de-oude-bieb-in-Winschoten-doet-pijn-24349696.html>
- European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. (2016). EU Drug Markets Report. Retrieved July 8, 2019, from http://www.emcdda.europa.eu/start/2016/drug-markets_en
- Noordhoff uitgevers. (2019, May 22). Forse aardbeving in Groningen. Retrieved July 8, 2019, from <https://nuactueel.noordhoff.nl/force-aardbeving-in-groningen-ob/>
- NOS. (2016, July 23). Ondanks petitie verliest Mariekerke brievenbus. Retrieved July 9, 2019, from <https://nos.nl/artikel/2119236-ondanks-petitie-verliest-mariekerke-brievenbus.html>
- NOS. (2018, May 19). Tientallen jerrycans met vermoedelijk drugsafval gedumpt in Limburg. Retrieved July 8, 2019, from <https://nos.nl/artikel/2232606-tientallen-jerrycans-met-vermoedelijk-drugsafval-gedumpt-in-limburg.html>
- NOS. (2019, March 25). Rutte gaat zelf kijken hoe het met afhandeling aardbevingsschade gaat. Retrieved July 8, 2019, from <https://nos.nl/artikel/2277551-rutte-gaat-zelf-kijken-hoe-het-met-afhandeling-aardbevingsschade-gaat.html>
- Omroep NTR. (2017). Wat doen toeristen in Nederland? - Molens kijken en haring eten. Retrieved July 8, 2019, from <https://schooltv.nl/video/wat-doen-toeristen-in-nederland-molens-kijken-en-haring-eten/>
- Provincie Drenthe. (2018). Overzicht van winnaars van de Culturele Prijs van Drenthe. Retrieved July 8, 2019, from <https://www.provincie.drenthe.nl/onderwerpen/cultuur-sport-vrije/culturele-prijs/prijswinnaars/>
- Steenbekkers, A., Vermeij, L., & van Houwelingen, P. (2017). Dorpsleven tussen stad en land. Slotpublicatie Sociale Staat van het Platteland. Sociaal en Cultureel Planbureau. The Hague, Netherlands.

Процессы концентрации населения в крупных и сверхкрупных урбанизированных агломерациях продолжают во всем мире. Образующиеся мегаполисы и мегалополисы поглощают локальные городские культуры поселений. В результате снижается разнообразие укладов жизни и локальных культур – процесс, аналогичный снижению видового разнообразия при деградации биоценозов. Противодействие деградационным процессам включает формулировку идентичности малых городов. Показано, что словесная (вербальная) формулировка идентичности менее эффективна, чем визуальная. На материале города София (Болгария) показаны результаты эксперимента по визуальному выделению идентичности города в виде серии графических коллажей. **Ключевые слова:** архитектура; урбанистика; малые города; исторические города; идентичность города; маркетинг мест; экономика переживаний; новая экономическая география; София./

The processes of population concentration in large and super-large urbanized agglomerations continue throughout the world. The resulting megacities and megalopolises absorb local urban cultures of the settlements. As a result, the diversity of lifestyles and local cultures is reduced – a process similar to the reduction of species diversity during the degradation of biocenoses. Counteraction to degradation processes includes the formulation of the identity of small towns. It is shown that the verbal identity formulation is less effective than the visual one. The material of the city of Sofia (Bulgaria) shows the results of an experiment on the visual identification of the city's identity as a series of graphic collages.

Keywords: architecture; urban studies; small cities; historical cities; city identity; marketing of places; economy of experiences; new economic geography; Sofia.

< Агония

Скан сетчатки города

Визуальное выражение идентичности городов и конкуренция между ними /

The City's Retina Scan

Visual Expression of the Identity of Cities and the Competition Between Them

Введение. Большие пожирают малых

Люди расселены по лицу Земли крайне неравномерно, и эта неравномерность продолжает нарастать. Крупные города растут опережающими темпами, высасывая ресурсы из окружающих территорий. Образуются зоны сплошной урбанизации, мегалополисы, супергорода, легко преодолевающие государственные границы. Еще в 1989 году французский демограф Роже Брюне зафиксировал образование зоны концентрации населения в Центральной Европе: от юга Великобритании (Манчестер, Бирмингем, Большой Лондон) через «фламандский ромб», Рурский регион, французские и немецкие земли вдоль Рейна, Швейцарию и промышленный северо-запад Италии. По форме эта область похожа на банан в профиль, и Брюне первоначально предложил назвать ее «Процветающий банан» (Boom Banana), но позже не устоял перед соблазном поиграть словами, и область стала называться «Голубой банан» (Blue Banana). Именно здесь сосредоточена треть населения Европы, причем «банановый» дрейф продолжается: сюда движутся человеческие потоки и с востока, и с запада [3].

Аналогичные процессы идут в самых различных регионах мира. На фоне замедляющегося роста общечеловеческой популяции супергорода растут все быстрее – а это значит, что маленькие города становятся все меньше или вовсе исчезают с лица Земли. По данным ООН, процессы концентрации населения в мегаполисах и мегалополисах будут продолжаться, по крайней мере, до 2030 года [6].

В России концентрация населения также принимает острые формы. Население Большой Москвы уже приближается к 20 миллионам и продолжает расти опережающими темпами (быстрее, чем популяция страны в целом). При этом плотность населения в центральных районах города превышает 1000 человек на квадратный километр, внутри «Большой бетонки» (Московское большое кольцо, МБК) – 160 человек, но на окраинах Московской области падает до 2–4 человек на кв. км и даже меньше [10]. Подобные крутые градиенты наблюдаются и возле остальных городов-миллионников. Крупные города, как воронки, стягивают к себе ресурсы – в первую оче-

редь, человеческие, а ресурсы крупных городов утекают в города сверхкрупные.

Может показаться, что в этом процессе нет ничего такого, с чем бы следовало бороться. Предположим, что концентрация населения будет и дальше развиваться беспрепятственно; в таком случае через несколько десятилетий большинство населения Земли окажется сосредоточено в одном гипергороде, расположенном где-нибудь в тропиках. Гипергород займет площадь около миллиона квадратных километров (при плотности населения 10000 человек на кв. км) – примерно, как сегодняшняя Иркутская область. Вся остальная территория планеты останется свободной от людей. В гипергороде, разумеется, будут районы компактного проживания по культурному, религиозному и национальному признаку, как в современных мегаполисах – мусульманский квартал, китайский, немецкий, русский... но единый образ жизни довольно быстро сотрет различия. Через несколько поколений культурное разнообразие исчезнет, усреднившись до некоего общечеловеческого стандарта.

текст

Константин Лидин /

text

Konstantin Lidin

v Портал Героев

^ Вдохновение

^ Диалог

1. Подобные процессы можно наблюдать на примере Японии, в которой большая часть населения оказалась стянута в мегалополис Токайдо–Тайхэй, оставив безлюдными целые регионы страны. Тяжелая комплексная стагнация в сегодняшней Японии – демографическая, социальная, экономическая – грустная реальность [4]. Возможно, высокий уровень концентрации населения – не единственная причина кризиса, или даже и вовсе не причина, а признак, но связь между этими явлениями вполне очевидна.

Параллельно с этим усреднением неизбежно вырастут процессы культурного упадка и вырождения – примерно так же, как вырождается биоценоз при уменьшении разнообразия входящих в него видов. В стандартизированной и единообразной культурной среде исчезнет движущая сила любого развития – энергия соревнования, противоречий и взаимного обогащения.

В масштабах России можно представить себе сценарий развития, при котором Москва, Санкт-Петербург и Краснодар срастаются в единый мегалополис и стягивают в себя большинство жителей страны, так что Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток утрачивают постоянное население и эксплуатируются вахтовым методом. В самом «российском мегалополисе» неизбежно будут происходить процессы сплавления разнообразных местных культур в некую единую культуру «понаехавших». Это не будет культура принимающего города – так же, как иммигранты в Москву или Санкт-Петербург не могут перенять культуру коренных москвичей и петербуржцев. Нет, в плавильном котле гипергорода выварится культура гораздо более примитивная, монотонная и убогая, чем любая из исходных локальных культур. Возникнет уклад жизни, сосредоточенный на самых животных формах консюмеризма с единственным смыслом и содержанием – заработать и потратить как можно больше денег, пропитанный собачьей тоской, тревожностью и смутной агрессией ко всем окружающим. Жизнь в мегалополисах уже сейчас демонстрирует весь набор типичных проблем супер-концентрации людей – от массовых форм депрессии до вспышек бессмысленного насилия. Гипергород усилит эти тенденции многократно¹.

Итак, урбанизация в своих крайних формах грозит катастрофическим истощением «видового разнообразия» локальных городских культур. Но могут ли малые города что-либо противопоставить пожирающему влиянию мегалополисов?

1. Новая экономическая география подсказывает выход
 Научная премия по экономике имени Альфреда Нобеля за 2008 год была вручена Полу Кругману за серию работ по новой экономической географии (НЭГ). Нельзя сказать, что Пол Кругман единолично открыл эту новую область. У теории НЭГ было множество «родителей»

и предшественников. Но именно Кругман привел теорию к настолько завершенному виду, чтобы получать конкретные практические рекомендации.

Один из важнейших выводов из теории НЭГ гласит: даже небольшой город может стать центром опережающего развития и перейти от положения «жертвы» более крупного соседа к положению, когда он сам начнет расти и развиваться за счет ресурсов окружающей среды. Для этого городу нужно вынести на рынок нечто уникальное, нечто такое, чего на рынке до сих пор не было. И в этом новооткрытом сегменте рынка, пока конкуренты еще не успели отреагировать, у города есть шанс вырваться вперед и пойти путем опережающего развития [1].

Разумеется, речь идет не о производстве чего-то вещественного. Любые вещи выгоднее производить в уже имеющихся глобальных центрах по производству вещей (большинство таких центров сегодня находится в регионах с дешевой рабочей силой, в первую очередь – в Южной Азии).

Новые центры могут возникать в области производства образов.

Производство эмоционально нагруженных образов уже довольно давно исследуется в качестве полноценного сегмента экономики, так называемой «экономики переживаний». В него входят не только такие очевидные сферы, как индустрия развлечений, игровая индустрия, реклама и пропаганда, туризм и тому подобное. Огромные средства вращаются в различных видах дизайна, в архитектуре, на рынках произведений искусства, в спорте. Рынки образов далеки от насыщения; человечество жаждет больше, больше разнообразных эмоций и готово за них платить [5].

Новая экономика подсказывает путь, выбирая который, малые города могут избежать участи депрессивных, убывающих и исчезающих населенных пунктов [9]. Этот путь, в духе барона Мюнхгаузена, предполагает осознание своей идентичности, своего уникального образа, формулировку его в удобной для восприятия, убедительной (когерентной) форме – и затем, как за собственную косичку, вытаскивание себя из депрессивного болота [1].

2. Сделайте мне уникально

Эмоционально нагруженные образы все еще произво-

^ Люди и камни

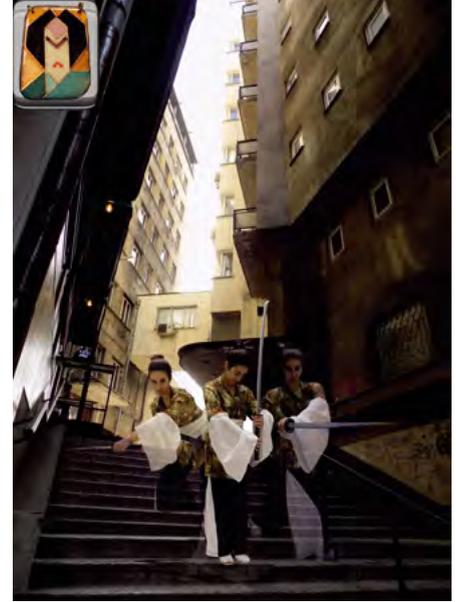
^ Драгоценная печаль

^ Томление

^ Культ уныния

^ Опора в себе

дятся кустарным способом, требующим значительной доли человеческого труда высокой квалификации. Речь идет не о копировании предметов-носителей образа, а о производстве самого образа. Можно купить платье на выставке высокой моды, распорить его, снять лекала и начать выпускать такие же платья массовым тиражом (прием, весьма популярный среди китайских производителей). Для такой операции не нужно ничего, кроме налаженной технологической цепочки и эластичной совести. Но для того, чтобы придумать эту модель, подобрать ткань, цвет, отделку, чтобы преодолеть естественное сопротивление материала и среды – нужно редкое сочетание таланта, творческой смелости и удачи. Все это не поддается алгоритмизации. Никто не знает механизмов, по которым возникают сильные, впечатляющие и, главное, уникальные образы.

Принципиальная неповторимость каждого конкретного случая, когда маленький город добился успеха в поисках своего уникального образа – прямое следствие самой природы такого образа. Широко известна история успеха города Мышкин в Ярославской области, который построил свой оригинальный образ на игре с собственным названием. Мышка, персонаж из сказок и мультфильмов, несет сильный заряд эмоций умиления (хотя реальная мышь – довольно-таки противный, неопрятный и пакостливый грызун). Тем не менее, город Мышкин выиграл этот конкурс. А ведь недалеко от него, в Самарской области, есть поселок Кошкин. Если бы руководство этого населенного пункта чуть раньше вступило в конкурентную гонку, шансов у него было бы больше. Все-таки образ кошки по силе обаяния и богатству эмоций гораздо мощнее, чем образ мышки. Но Мышкин начал первым – и выиграл, а победитель получает все.

Что же делать? Надеяться, что каждому из малых городов в сжатые сроки удастся случайно набрести на формулу своей уникальности – дело пустое. Само количество небольших городов настоятельно требует, чтобы была придумана некий общий способ поиска уникальной идентичности каждого из них. Как ни парадоксально это звучит, нам нужна технология, алгоритм поиска чего-то, принципиально неалгоритмизуемого. И такие попытки непрерывно происходят. Руководство и просто группы

энтузиастов многих городов пытаются определиться с вопросом об уникальной «самости» своего города. Иногда, не доверяя своим силам, приглашают команды экспертов со стороны. Так, недавно группа специалистов пыталась выделить формулу идентичности Иркутска, некоей «иркутскости». Результат, скажем прямо, получился очень сомнительный и мало кого удовлетворил [8]. Да и в других городах, где проводились аналогичные попытки, об особых успехах не сообщалось [7]. Но ведь есть же города, нашедшие свою уникальную идентичность – значит, это возможно.

3. Один раз увидеть

Поиски методов работы с уникальными образами идут во всем мире. Правда, задача идентификации уникальных объектов в основном разрабатывается применительно не к городам, а к людям. Обеспечение безопасности доступа к базам данных и к сервисам (в первую очередь – в среде интернета) требуют разработки надежных методов, позволяющих отличать одного человека от другого. Надо заметить, что люди и даже животные легко решают подобные задачи, начиная с первых лет жизни. Развитие компьютерных сетей потребовало обучить этому навыку машину – и, как это часто случается, компьютер теперь способен распознавать индивидуального человека и быстрее, и надежнее, чем сам человек. Так, сеть крупного банка должна безошибочно узнавать каждого из нескольких десятков миллионов клиентов.

На первых, начальных уровнях идентификации используются специальные слова – пароли, состоящие из букв и цифр (адрес электронной почты, номер мобильного телефона). Средний уровень надежности обеспечивает набор из таких паролей (номер СНИЛС, ИНН, данные паспорта). Но действительно высокий уровень идентификации достигается при использовании не словесных паролей, а изображений – фотографии в паспорте или предъявление лица на веб-камеру. Очевидно, на следующих ступенях повышения надежности идентификация будет опираться на изображения все более сложного и интимного характера – например, на сканированную картинку сетчатки глаза.

Кстати, фотографии в паспорте появились около ста

лет назад именно в связи с резким усилением миграционных потоков после Первой мировой войны, когда потребовалось устанавливать идентичность большого количества людей. Раньше хватало словесного описания некоторых черт внешности – цвета глаз, формы лица, роста и типа телосложения.

Причины перехода от словесных конструкций к изображениям носят принципиальный характер. Словесный язык изначально состоит из размытых, нечетких единиц (слов и грамматических конструкций). Каждое слово живого языка несет не один смысл, а некое размытое поле смыслов (семантическое поле). И это относится не только к абстрактным понятиям (вроде понятия «любимый город»), а и к самым, вроде бы, конкретным. Что, например, означает слово «красный»? Даже без специальной тренировки человек различает больше ста тысяч оттенков красного цвета. Всего же мы различаем от полутора до трех миллионов цветов, в десять раз больше, чем слов

в современном русском языке. А ведь в формировании визуального высказывания участвует еще и композиция, и фактура, а иногда – динамика изображения. Хотя бы отсюда видно, насколько визуальный «язык» богаче и точнее, чем вербальный.

При соединении слов смысловая размытость умножается: чем длиннее текст, тем больше разных смыслов можно в нем отыскать. Энтропия текста нарастает быстро, так что словесное описание самости города в итоге теряет какой-либо конкретный смысл и может означать, буквально, что угодно. А ведь наша задача – обнаружить и зафиксировать очень тонкие различия, позволяющие выделить именно этот город среди сотен и тысяч похожих на него городов-конкурентов.

4. Разные люди ищут счастье в Софии

Теоретические построения в области визуального поиска самости города привели нас к необходимости их экспериментальной проверки. В качестве объекта был выбран

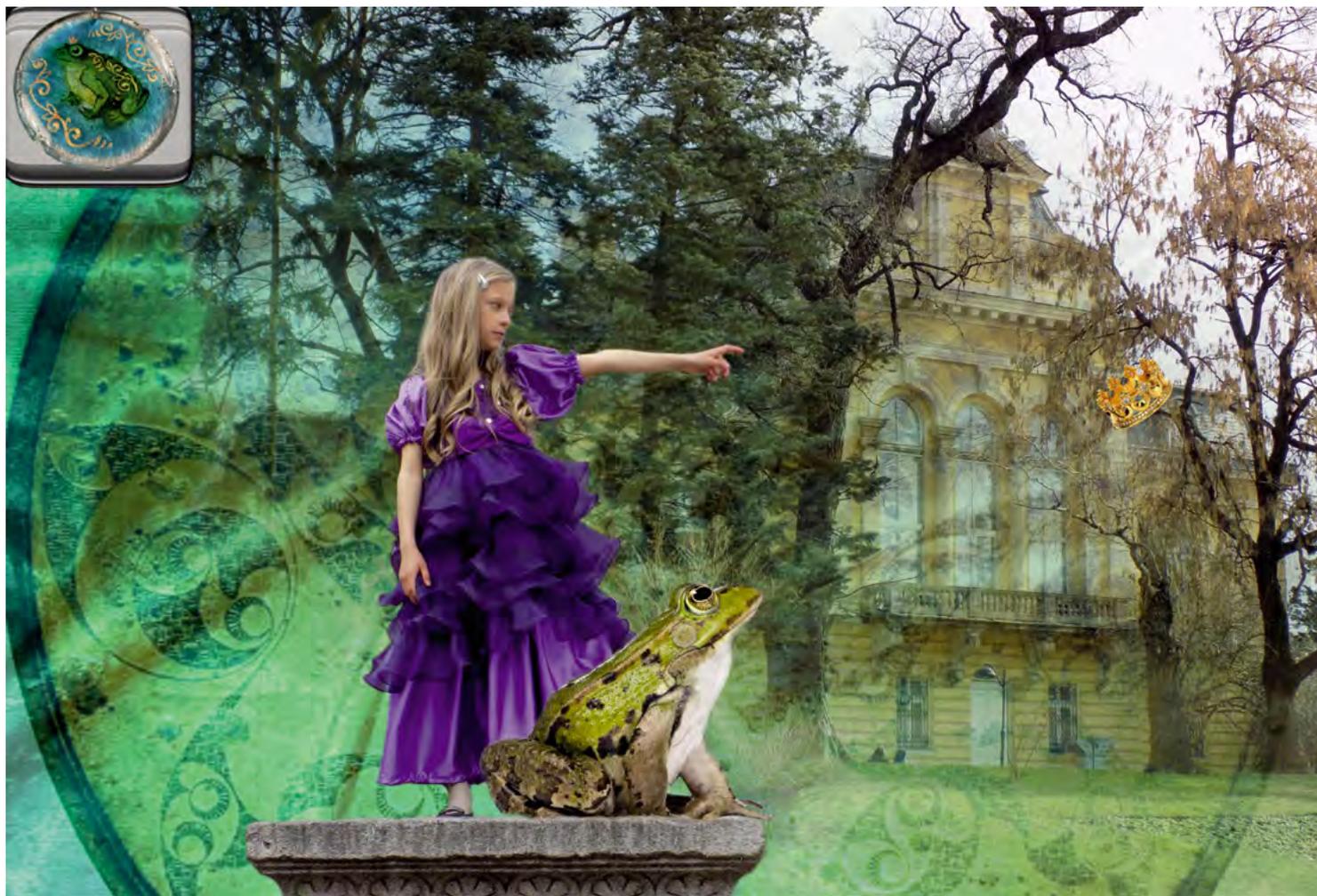
^ Обедня

город София, в котором я сейчас живу. Софию трудно отнести к малым городам: это столица довольно крупного (по европейским масштабам) государства и город-миллионник. С другой стороны, в контексте урбанизированной Европы София занимает промежуточное положение между малыми историческими городами Болгарии и зоной «голубого банана». С одной стороны, в Софию движутся люди из депрессивных восточных зон страны, из Украины, из России, Ирана и так далее. С другой стороны, «софиянцы», особенно молодежь, массово стремятся уехать на запад.

У города длинная тысячелетняя история (бани и купальни на горячих минеральных источниках здесь строили и римляне, и византийцы). В период болгарского Возрождения, после 1878 года и Сан-Стефанского договора, София превратилась в крупный центр международной торговли и обогатилась массой очаровательных зданий в своеобразном варианте стиля сецессион. Вторая половина двадцатого века оставила множество

величественных и добротных памятников социалистического ампира. Есть в городе и современные постройки в духе деконструктивизма и подражания сэру Норману Фостеру. Нельзя не заметить и отчетливые (пока только фрагментарные) признаки депрессии – облезлые и даже руинированные «трупы зданий», заброшенные пустыри и одичавшие парки, дикие сочетания сверхплотной застройки с огромными пустующими пространствами. Рынок жилья в Софии находится в состоянии стагнации – сочетание нелепо завышенных цен со значительной долей невостребованного жилья (в городе пустует около 25% жилого фонда). В общем, вполне типичный пример участника конкурентной гонки городов.

Наш эксперимент заключался в попытке сформулировать самость города Софии, не выходя из визуальной плоскости. Мы исходили из предположения, что на визуальной плоскости «софийскость» не только существует, но и воспринимается горожанами. Восприятие это носит в основном бессознательный характер – примерно

^ Сказочные амбиции

так же, как мы узнаем человека по индивидуальным чертам внешности, но не можем назвать эти черты словами. В группе добровольцев, участвовавших в эксперименте, находились как коренные жители Софии, так и мигранты, приехавшие в город от шести месяцев до десяти лет назад.

Эксперимент протекал в три этапа.

На первом этапе каждому участнику предлагалось выбрать ключ к наиболее привлекательному для него эмоциональному состоянию. В качестве ключей мы использовали коллекцию украшений – брошей и подвесок в технике перегородчатой эмали. Украшения, однотипные по технике изготовления, представляли широкий спектр эмоциональных состояний.

На втором этапе участник надевал выбранное украшение, которое помогало ему прийти в нужное эмоциональное состояние и оставаться в нем. Проводилась фотосессия, в течение которой мы фотографировали этого участника на нейтральном фоне, но таким образом, чтобы максимально точно зафиксировать его эмоции в позе, жестах и выражении лица.

Третий этап эксперимента заключался в том, что мы находили (с помощью участника) такое место в Софии, которое по своему эмоциональному содержанию как можно лучше соответствовало бы эмоциональному состоянию, выбранному и зафиксированному (с помощью ключа) на первом этапе эксперимента.

Четвертый этап заключался в изготовлении коллажной картины, включающей изображение ключа (эмалевого украшения), фотографий участника и фотографий выбранного уголка Софии.

В общей сложности у нас получилось двенадцать картин. Эмоциональные состояния, отраженные в них, варьируются в широком диапазоне. Соответственно различаются и композиционные, и цвето-фактурные ключи картин. Тем не менее, все они вполне отчетливо образуют серию – то есть демонстрируют общие элементы. Некоторые из общих элементов легко поддаются анализу. Так, все картины получились графичными: даже в тех случаях, когда цвет весьма активен, он играет подчиненную роль. Композиционно все картины весьма устойчивы и уравновешены. Мелкая, подробная детализация картин не бросается в глаза, множество подробностей как бы «выплывает» из неглубокого пространства картин при долгом разглядывании. Все это и многое другое, что не поддается словесному пересказу – немного грустное и тонкое, как гравюра по серебру – и составляет уникальную «софийскость», самость города, выраженную визуальным языком.

Показательно, что все участники эксперимента согласились с нашей трактовкой образа города «кот их имени». Каждый заявил, что уверенно узнает именно этот город и свое состояние в нем. Состояние выбранное, наиболее приятное и комфортное, то есть состояние счастья. И в этом, на наш взгляд, заключается самый важный результат эксперимента. Самость города не сводится к набору уникальных фактов из его истории, географического положения, природных или рукотворных достопримечательностей – ни к чему, что можно пересказать словами.

Самость города, его конкурентное преимущество и уникальность заключаются в тех неповторимых способах, которыми разные люди в этом городе могут быть счастливы – каждый по-своему, по-разному. Но что-то общее обнаруживается, проступает сквозь индивидуальные образы счастья конкретных людей. Это «нечто общее», трудно выразимое словесным языком, и есть идентичность города, его самость и его шанс уцелеть в сегодняшнем и завтрашнем мире.

< Циклон приключений

Литература

- Anholt, S. (2016) Places. Identity, Image and Reputation. Palgrave Macmillan UK. London
- Hassink R., Huiwen Gong (2019) New Economic Geography. In: The Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/9781118568446_eurs0222
- Brunet R. (1989) Les villes europeennes. DATAR, Paris
- Mullins M. R., Koichi Nakano (editors) (2016). Disasters and Social Crisis in Contemporary Japan. Political, Religious, and Sociocultural Responses. Palgrave Macmillan UK, London
- Pine J., Gilmore H. (1999) Experience economy. – Harvard Business school press. – Boston, Massachusetts
- The World's Cities in 2018. – URL: https://www.un.org/en/events/citiesday/assets/pdf/the_worlds_cities_in_2018_data_booklet.pdf
- Лидин, К. Л. Кварталы: Пять слоев счастья: Способно ли горожанство сделать людей счастливее? // Проект Байкал. – № 46. – 2015. – С. 58–62
- Лидин, К. Л. Никакой мистики, только бизнес: Имидж как экономическая категория развития территорий // Проект Байкал. – 2018. – № 58. – С. 30–35
- Лидин, К. Л. Я, город // Проект Байкал. – 2014. – № 42. – С. 50–55
- Перельгин, Ю. А. Большая Москва // Управление развитием территорий. – 2013. – № 1. – URL: <http://www.gisa.ru/96565.html>

References

- Anholt, S. (2016). Places: Identity, Image and Reputation. London: Palgrave Macmillan UK.
- Brunet, R. (1989). Les villes europeennes. Paris: DATAR.
- Hassink, R., & Gong, H. (2019). New Economic Geography. In The Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies. Retrieved from https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/9781118568446_eurs0222
- Lidin, K. (2014). Me, the City. Project Baikal, 11(42), 50-55. doi:10.7480/projectbaikal.42.787
- Lidin, K. (2015). Quarters, Five Layers of Happiness: Can urbanism make people happier? Project Baikal, 12(46), 58-62. doi:10.7480/projectbaikal.46.945
- Lidin, K. (2018). It's Not Mysticism, It's Just Business. Project Baikal, 15(58), 30-35. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1391>
- Mullins, M. R., & Koichi Nakano (Eds). (2016). Disasters and Social Crisis in Contemporary Japan. Political, Religious, and Sociocultural Responses. London: Palgrave Macmillan UK.
- Perelygin, Yu. (2013). Bolshaya Moskva [A Big Moscow]. Management of territory development, 1. Retrieved from <http://www.gisa.ru/96565.html>
- Pine, J., & Gilmore, H. (1999). Experience economy. Boston, Massachusetts: Harvard Business school press.
- The World's Cities in 2018. (n.d.). Retrieved from https://www.un.org/en/events/citiesday/assets/pdf/the_worlds_cities_in_2018_data_booklet.pdf

Современная турецкая архитектура сформировалась в первую очередь благодаря международному обмену знаниями с германоязычными странами. Город Измир в ранний республиканский период (1923–1950-е гг.) представляет исключительный интерес для изучения влияния архитектурных конкурсов на дальнейшее развитие портового города в Восточном Средиземноморье. Обмен опытом между местными и иностранными участниками архитектурных конкурсов в определенном географическом контексте помогает рассмотреть изменения в мировых тенденциях и идеологиях и их влияние на проект национального строительства, утвержденный центральным правительством в столице Турции Анкаре.

Ключевые слова: международный обмен; турецкая модернизация; германоязычные архитекторы; портовые города; Измир.

Architecture and urban design competitions played an essential role in the formation of the Turkish architecture culture in particular contributing to and application of the modern architecture in Turkey (1923–1950s). Turkish modern architecture in the modern era emerged notably from transnational exchange with the German speaking world. The city of Izmir in the early Republican Era 1923–1950s is an exceptional case to investigate impact of the architecture competitions in the further development of the East Mediterranean port city. Exchanges between local and foreign actors within the architecture competitions in a specific geographical context helped reflecting on changing global movements and ideologies in relation to nation-building project approved by the central government in the capital city Ankara that altered architectural and urban developments.

Keywords: transnational exchanges; Turkish modernization; German-speaking architects; port cities; Izmir

Формирование архитектурной культуры Турции

Роль конкурсов в международном обмене знаниями на примере Измира /

ТЕКСТ

Фатма Таныш,
Франк ван дер Хувен /
text
Fatma Tanış
Frank van der Hoeven

Введение

В последние десятилетия вопрос о том, как и при каких обстоятельствах архитектурные знания распространяются по миру, находится в центре внимания историков архитектуры и градостроительства (Akcan, 2012; Avermaete, Havik, & d'Auria, 2015; Ward, 2017; Avermaete, Geseye, 2018). Основное внимание уделяется импорту и экспорту идей (Volait & Nasr, 2003), при этом упускается из виду местный комплексный процесс циркуляции и формирования этих знаний. Мы придерживаемся альтернативной точки зрения, которая помогает понять динамические процессы международного обмена знаниями и их вклад в общую архитектурную культуру Турции в период преращения страны из крупной мультиэтнической империи в более локализованное современное национальное государство.

Важную роль для развития национальной культуры играл турецкий журнал *Mimar* (1931–1934), позднее переименованный в *Arkitekt* (1935–1980), ведущий источник информации о новом в архитектуре. *Arkitekt* освещал весь конкурсный процесс – от анонса конкурса до результатов работы жюри. Дополнительным источником информации в этот динамичный период служил Турецкий национальный архив, содержащий ведомости конкурсов (Meltem, 2010; Sayar, 1998; Yaramiş, 2000).

Внимание авторов сосредоточено на роли конкурсов в формировании турецкой архитектурной культуры. В исследовании используется теоретическая концепция «контактной зоны», разработанная Мэри Луизой Пратт, которую она характеризовала как «пространство столкновения культур, пространство, в котором народы, исторически и географически разделенные, входят в контакт друг с другом и устанавливают длительные отношения, часто в условиях принуждения, крайнего неравенства и неразрешимого конфликта» (Pratt, 1992). Сообразно характеристике Пратт, исследование контактной зоны архитектурных конкурсов в Турции помогает понять, как различные участники процесса с разными полномочиями сошлись в одной сфере и каким образом эти культурные и социальные столкновения внесли вклад в развитие архитектурной культуры Турции. Среди этих участников были, например, привлеченные к работе

архитекторы, архитекторы-профессора, архитекторы – члены комитетов из министерств и муниципалитетов, которые представляли разные культуры, разный международный опыт, а также разные профессии.

Обзор истории архитектурных конкурсов в Турции

Государственное управление экономикой и финансами, вместо того, чтобы заказать проект выставочного здания иностранному архитектору, как это делают некоторые организации, объявило конкурс, где местные архитекторы могут соревноваться с архитекторами из-за рубежа, что пойдет на благо всему архитектурному сообществу.

Мы выражаем искреннюю признательность Государственному управлению экономикой и финансами за предоставленную турецким архитекторам возможность достичь высочайшего уровня своих зарубежных коллег и надеемся, что другие официальные учреждения будут строить свои здания, в особенности здания министерств, исходя из того же принципа организации конкурса проектов, открытого для общестественности.

Аноним, 1993

С 1930 по 2010 гг. в Турции 90% зданий было построено по проектам, выбранным в результате конкурсов (Meltem, 2010). Заметную роль в этом играли Анкара, Стамбул и Измир, где благодаря конкурсам было реализовано 223, 147 и 27 проектов соответственно (Meltem, 2010). Особое значение конкурсы начали приобретать до 1950-х, став важной площадкой для международного обмена знаниями. В этот период некоторые иностранные специалисты уже работали в Турции (более подробно см. (Nicolai, 1998)).

До и во время Второй мировой войны политическое развитие нового национального турецкого государства создало условия для приезда экспертов из Европы, где растущая политическая нетерпимость явилась причиной миграции (или высылки) в Турцию этих экспертов (Harzig & Hoerder, 2013, с. 66–69). Турецкая Республика также стала прибежищем для ссыльных архитекторов и градостроителей. Вновь созданное государство нуждалось

The question of how and under which conditions architectural knowledge spreads across the globe has become the focus of architecture and planning historians in the last decades (See for instance (Akcan, 2012; Avermaete, Havik, & d'Auria, 2015; Ward, 2017; Avermaete, Goseye, 2018)). Much of the understanding that is developed at this point centres on importing and exporting ideas (Volait & Nasr, 2003). It overlooks, however, the complex local process of circulation and formation of that same knowledge. This article explores an alternative viewpoint that helps to understand the dynamic processes of the transnational exchanges and their contribution to the overall architectural culture in Turkey in a period when the country transformed from a vast multi-ethnic empire into a more confined and modern nation-state.

The Turkish journal called *Mimar* played a vital role in this culture between 1931-1934, after which it was renamed as *Arkitekt* (1935-1980). Both publications were the leading sources for understanding that emerging architecture culture. *Arkitekt* was the essential outlet for the entire process of competitions: from announcements to jury reports. Additional sources of information on this dynamic period are

provided by the Turkish national thesis repository as it contains inventorial works on competitions (Meltem, 2010; Sayar, 1998; Yaramiş, 2000).

The main focus of this article is the role of the competitions in Turkish architectural culture formation that emerged from the transnational movements. The study uses the theoretical concept "contact zone" introduced by Mary Louise Pratt, which she referred to "the space of imperial encounters, the space in which people geographically and historically separated come into contact with each other and establish ongoing relations, usually involving conditions of coercion, radical inequality, and intractable conflict" (Pratt, 1992). In line with the definition of Pratt, exploring the architectural competitions in Turkey with the lens of the contact zone helps to understand how different actors with uneven powers met in a common sphere and how these intellectual and social encounters contributed to the architecture culture of Turkey. Among these actors were i.e. architects as participants; architect-professors, architects, decision makers from ministries and municipalities as committee members, who were representing diverse cultures – not only different international backgrounds, but also different professions.

Architecture Culture Formation in Turkey

The Role of the Competitions in Transnational Exchanges in the Case of Izmir

в повышении качества проектирования. Изначально внимание было направлено на развитие столичной Анкары. Позднее процесс охватил всю страну (см. статью «Взаимная транслокация домов города-сада» (Akcan, 2007) и главу «Новый город: перемещающийся город-сад» (Akcan, 2012, с. 30–76)). Турецкое правительство пригласило специалистов из-за рубежа для помощи как в градостроительной практике, так и в обучении студентов в университетах. Этот двусторонний интерес способствовал установлению прочных взаимоотношений. Закон о стимулировании деятельности в сфере промышленности от 1927 года позволил принять на работу в Турции 27 иностранных архитекторов и проектировщиков (Sayar, 1998, с. 94). Двадцать из двадцати семи приехали из немецкоязычных стран: Германии, Австрии и Швейцарии. Турецкие власти предоставили все необходимое для иностранных профессоров, чтобы те чувствовали себя комфортно во время своего пребывания в Турции: освободили их от уплаты налогов, предоставили бесплатное жилье и турецкое гражданство (Shaw, 2016).

Присутствие иностранных экспертов в Турции в первой половине XX века стало движущей силой модернизации и реконструкции страны. Приглашенные эксперты зачастую участвовали в проектировании общественных зданий. Клеменс Хольцмайстер из Австрии и его помощник Эрнст Эгли из Швейцарии, например, были привлечены к проектированию зданий министерств и школ, которые должны были отражать могущество новой республики (Atalay Franck, 2004). Их главной задачей было проектирование зданий в эстетике западного модернизма. Кроме того, они организовывали конкурсы, что способствовало профессионализации молодых турецких архитекторов.

Конкурсы этого периода, которые проводились в Турции, критиковались за то, что они служили механизмом управления в руках турецких чиновников (Sayar, 1998). Но в то же время они создали условия, в которых молодым турецким архитекторам было легче повышать уровень своего профессионализма. Статья, опубликованная в журнале *Arkitekt* в 1933 году под названием «Обучение архитектора может быть реализовано посредством поручения ему заказа», подтверждает этот аргумент. В статье говорилось об умении турецких архитекторов

достойно конкурировать с иностранными архитекторами в этих международных конкурсах в доказательство того, что молодые турецкие архитекторы достигли понимания современных методов и эстетики.

На примере Измира мы видим, какой вклад внесли международные конкурсы в развитие архитектурной культуры Турции. Этот же пример определяет роль архитектурного конкурса в процессе перехода от многонациональной Смирны к националистическому Измиру. Это помогает нам понять, как и в какой форме международный обмен знаниями повлиял на градостроительство и архитектуру конкретного места – города Измир.

Международный урбанизм в Измире в ранний республиканский период

Портовый город Измир

После двух последовательных войн начала XX века Измир понес потери в области торговли, индустрии и ремесел (İmamoğlu, 2010, с. 116). Во времена Османской империи строительством зданий (в особенности каменных) занимались греческие мастера. Когда в 1922 году греческое население Анатолии сменило турецкое население Греции, Турецкая Республика потеряла важную часть своего городского производства (İmamoğlu, 2010, с. 33). Лозаннский договор, подписанный 24 июля 1923 года, отменил контракты между Османской империей и европейскими державами в рамках так называемых капитуляций Османской империи. Молодая Турецкая Республика теперь стремилась к «капиталистическому, и в то же время антиимпериалистическому» экономическому развитию (Ahmad, 1996, с. 193. Цитировано в İmamoğlu, 2010, с. 33). На Измирском экономическом конгрессе в 1923 году решили учредить новые горнодобывающие предприятия для поддержки предпринимателей Анатолии (İmamoğlu, 2010, с. 33). За этим решением последовало открытие двух новых банков: *Türkiye İş Bankası* (Делового банка Турции) в 1924 году и *Türkiye Sanayi ve Maadin Bankası* (Промышленно-металлургического банка Турции) в 1925 году (İmamoğlu, 2010, с. 33). Экономика Турции стремительно преобразовалась. Только некоторые европейские торговцы решили сохранить свою деятельность

An overview on the history of architectural competitions in Turkey

"National Economy and Savings Society, by not ordering the project of the exhibition building that it will construct to a foreign architect like some other institutions, and, instead, opening a competition where the native architects could compete with the foreigners, has rendered the whole architectural community grateful.

With respect, we thank the National Economy and Savings Society for giving a Turkish architect the opportunity to achieve a superior degree to his foreign counterpart and hope that the other official offices have their buildings, and especially the Ministry buildings, built accordingly, to projects that are determined by competitions open to the public."

(Anonim, 1993)

Between 1930 and 2010, the Turkish state commissioned 90% of the buildings as an outcome of competitions (Meltem, 2010). The capital Ankara, Istanbul and Izmir were the most prominent cities with respectively 223, 147 and 27 projects where architects were recruited using competitions (Meltem, 2010). In particular, before the 1950s, competitions created an important theatre for the transnational exchange of knowledge. Some of the foreign experts involved were already working in Turkey in this period (for further elaboration, please see (Nicolai, 1998)).

Political developments in the newly founded modern nation-state Turkey encouraged the mobility of the European experts prior to and during the Second World War, while growing political intolerance abroad led to the migration (exile) of foreign experts (Harzig & Hoerder, 2013, pp. 66-69). The Turkish Republic became a safe haven for foreign architects and town planners who were exiled. The newly founded country needed to ameliorate its planning matters. Initially, the focus was on the development of the capital city Ankara. Later it gradually dispersed towards the whole country (see the article "Reciprocal Translations of Garden City Housing" in Akcan, 2007, and the chapter "New City: Travelling Garden City" in Akcan, 2012, pp. 30-76). The Turkish Government invited the experts to Turkey to support both town planning practices and educational practices at the universities. This double-sided ambition helped to establish mutual relations. The Industrial Encouragement Law of 1927 allowed the appointment of 27 architects and planners in Turkey (Sayar, 1998, p. 94). Twenty out of 27 came from German-speaking countries: Germany, Austria and Switzerland. Turkish authorities provided tax exemptions, free housing and Turkish citizenship for the foreign professors to make them comfortable during their stay in Turkey (Shaw, 2016).

в городе, например, потомки франко-британской семьи Жиро (их хлопчатобумажная фабрика просуществовала до 2006 года) и потомки франко-венецианской семьи Аркас (их морское транспортное предприятие до сих пор является ведущим). Оба предприятия произошли от семей ведущих торговцев, которые иммигрировали в Измир, воспользовавшись Османскими привилегиями, дарованными султаном иностранным торговцам.

Направление развития Измира коренным образом изменилось в начале XX века. Смирна, космополитический портовый город, превратилась в модернистский Измир, нацеленный на увеличение внутренней миграции и национальный экономический рост. Почти все связи, которые соединяли портовый город с миром, были прекращены.

К современному турецкому городу: генеральный план братьев Данжер от 1924 года

В Турции разработка эстетики городской среды впервые началась в начале XX века. Ее применяли в столичной

Анкаре в 1925 и 1927 годах; в Стамбуле ее воплотил Джозеф Антуан Бувар в 1902 году, в 1922 и 1924 годах – Карл Лёрхер при участии А. Агаше, в 1933 году – Х. Элгётц и Дж. Х. Ламберт, в 1934 году – М. Вагнер, а в генеральном плане 1937–1951 годов – Анри Прост. В Измире городскую эстетику в 1924 году предложили Рене и Реймонд Данжер под руководством Анри Проста (Hastaoglu-Martinidis, 2011, С. 155). В этих попытках политики и местное руководство воспринимали историческую застроенную среду не столько с позиции культуры, сколько с экономической, социальной и политической точки зрения. В других случаях это была необходимость реконструкции (например, после больших пожаров) (Hastaoglu-Martinidis, 2011, с. 155). Во всех этих случаях наблюдалось столкновение турецких и европейских концепций проектирования. Европейским планировщикам и проектировщикам, которые придерживались западных идей, не хватало понимания и осознания османского (турецкого) гения места (Hastaoglu-Martinidis, 2011, С. 155).

> Генеральный план Измира, разработанный братьями Данжер под руководством Анри Проста, 1925 год / Masterplan Izmir by the brothers Danger under supervision of Henri Prost, 1925

The presence of foreign experts in Turkey during the first half of the century was a driving force behind the modernization and reconstruction of Turkey. Invited experts often designed public buildings. Clemens Holzmeister from Austria and his assistant Ernst Egli from Switzerland were for instance appointed to design ministries and schools to reflect the power of the new republic (Atalay Franck, 2004). Their main task was to design buildings in line with the modernist approach in which they have followed the Western aesthetics. Besides, they also facilitated the professionalization of young Turkish architects through competitions.

The competitions that took place in the first half of the 20th century in Turkey have been widely criticized for being a controlling mechanism in the hands of the Turkish bureaucracy (Sayar, 1998). However, at the same time, these competitions helped young Turkish architects to professionalize. An article, published in 'Arkitekt' in 1933 and titled "Training of the architect can be realized through commissioning him" supports this argument. The article uses the fact that Turkish architects were able to participate and compete with foreign architects in these international competitions as prove that young Turkish architects gained understanding of contemporary techniques and aesthetics.

Большую роль в становлении модернизма и трехмерного проектирования городского пространства в городе Измире играл Анри Прост, продолжая традиции стиля «Бозар» (Beaux Arts) (Hastaoglu-Martinidis, 2011, с. 154). Под его руководством французские градостроители Рене и Реймонд Данжер разработали генеральный план в 1924 и 1925 годах для городских территорий, разрушенных пожаром 1922 года по окончании войны за независимость. План пересмотрен муниципальным руководством, и город был застроен исходя из новых норм. Градостроительные идеи братьев Данжер соответствовали принципам Камилло Зитте (санитарные условия, транспорт и эстетика) (Hastaoglu-Martinidis, 2011, с. 169). Братья Данжер были инженерами-геодезистами из Парижа (Hastaoglu-Martinidis, 2011, с. 169). Их главной задачей было адаптировать аспекты городской эстетики для обеспечения перехода от космополитической истории к современной нации (Hastaoglu-Martinidis, 2011, с. 156). Для территорий, пострадавших от огня, братья Данжер предложили план регулярной застройки, которая включала большие открытые пространства. Были усилены визуальные связи с замком Кадифекале на горе Пагос и с морем на нижнем уровне.

В плане Измира братья Данжер применили классические принципы стиля «Бозар». Диагональные оси задавали направление транспортным потокам. Монументальный административный центр под названием «Площадь Республики» расположен на пересечении радиальных улиц на прибрежной территории как продолжение знаменитой общественной набережной. Планировка больше не фокусировалась на портовых функциях, вместо этого главной задачей стало развитие города, олицетворяющее молодую нацию.

Этот план сохранял исторические черты города. Предполагалось оставить традиционный базар (Kemeralti), верхнюю часть старого города и район Пунта с характерными для данной территории современными домами, которые появились в середине XIX века.

Однако Германом Янсенем, представителем правительства Анкары, на план было наложено вето (Serçe et al., 2003, с. 63–64. Процитировано в Hastaoglu-Martinidis, 2011, с. 174). Техническая комиссия муниципалитета

The case Izmir sheds light on how international competitions enhanced the architecture culture in Turkey. The case also positions the architecture competition in the transition from the multi-national city Smyrna to the nation-state Izmir. This helps us to understand how and in which form the transnational exchange altered the urban development and architecture of a specific place: Izmir.

Transnational Urbanism in Izmir in the Early Republican Era

The Port city of Izmir

Izmir lost in the aftermath of two successive wars in the early 20th century considerable numbers of mercantile, industry and craftsmanship (Imamoglu, 2010, p. 116). In Ottoman times, Greek masters were in charge of building activities, especially for the stone works. When in 1922 the Greek population of Anatolia was replaced with the Turkish population of Greece, the Turkish Republic lost an important part of its urban production (Imamoglu, 2010, p. 33). The Treaty of Lausanne, signed on 24 July 1923, abolished the contracts between the Ottoman Empire and the European powers, the so-called Ottoman Capitulations. The young Turkish Republic now aimed for a "capitalist, but at the same time anti-imperialist" economic development (Ahmad, 1996, p. 193, cited in Imamoglu, 2010, p. 33). The Izmir Economic

пересмотрела генеральный план, принимая во внимание предложения Янсена касательно санитарных и экономических аспектов (Serçe et al., 2003, с. 63–64. Процитировано в Hastaoglu-Martinidis, 2011, с. 174). Поправки комиссии включали сокращение ширины улицы (от 35 м до 15 м) и общественной прогулочной набережной (Serçe et al., 2003, с. 63–64. Процитировано в Hastaoglu-Martinidis, 2011, с. 173).

Когда пост мэра Измира занимал Бехчет Уз, муниципалитет пришел к выводу, что и план братьев Данжер, и план Проста не подходили для дальнейшего развития города (Serçe et al., 2003, с. 63–64. Процитировано в Hastaoglu-Martinidis, 2011, с. 174). Поэтому реализация этих планов была прекращена в середине 1930-х. Подписание Лозаннского договора в 1923 году повлекло за собой обмен населением между Грецией и Турцией и ускорило рост численности жителей Измира. Увеличение экономических возможностей в Измире привело к внутренней миграции из разных городов Анатолии. В результате население города в период с 1927 по 1950 год выросло со 153 до 230 тыс. Такой быстрый рост вынудил местное правительство подготовить новый генеральный план для регулирования развития города. Итак, после периода, озаглавленного приглашением иностранных экспертов, правительство Измира выбрало иной путь городского развития.

В 1945 году архитектор Зеки Сайар выразил свое беспокойство по поводу конкурсов, которые проводились до 1945 года (Sayar, 1945, с. 126). Его критика была направлена главным образом на их ограниченность национальным уровнем и недостаток профессионализма. Он с восторгом отзывался о международных конкурсах, проходящих в других странах. Сайар подчеркивал необходимость четкого определения условий участия и программы конкурсов. В этом отношении Измирский конкурс 1951 года стал хорошим примером для турецких архитекторов.

Первый международный конкурс в Измире 1951 года

Изначально в 1951 году международный конкурс был организован Банком провинций. Необходимые документы были предоставлены Банком провинций в Анкаре, муни-

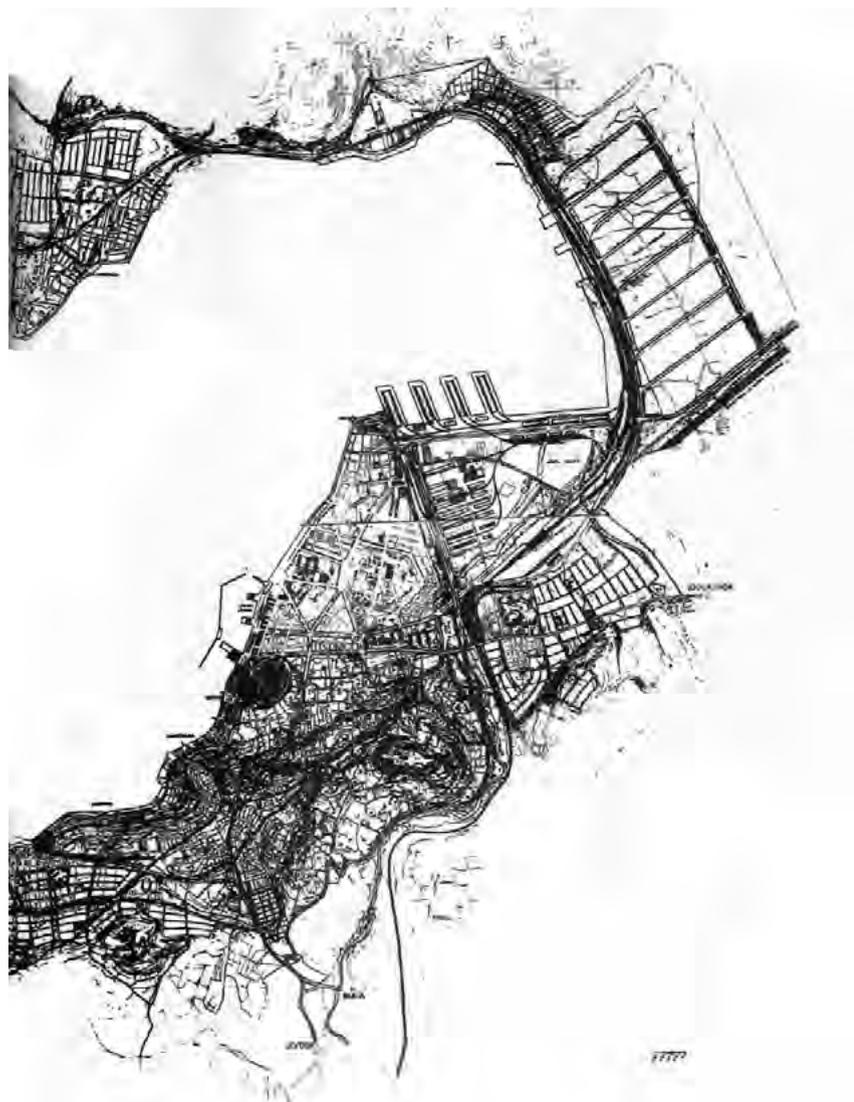
Congress, held in 1923, decided upon establishing new factories, mining and supporting Anatolian entrepreneurs (Imamoglu, 2010, p. 33). Following this decision, two new banks were established: Türkiye İş Bankası (Business Bank of Turkey) in 1924 and Türkiye Sanayi ve Maden Bankası (Industry and Metallurgical Bank of Turkey) in 1925 (Imamoglu, 2010, p. 33). The economic development of Turkey changed dramatically. Only a few European traders decided to maintain their commercial activities in the city: i.e. the Giraud Family of French-British descent — maintained their textile factory until 2006 — and the Arkas Family of French-Venetian descent — still leading in the shipping industry. Both families are descendants of leading trader families who immigrated to Izmir, using the Ottoman privileges granted by Sultan to foreign traders.

The development of Izmir changed its emphasis decisively in the early 20th century. Smyrna, the port city with its cosmopolitan orientation turned into Izmir, the modernist city, with its focus on the increasing internal migration and national economic growth. Almost all ties that connected the port city globally were severed.

Towards a Modern Turkish City: Danger Brothers Master Plan in 1924
Urban aesthetics were first adopted in Turkey in the early 20th cen-

tury. They were applied in the capital city Ankara in 1925 and 1927, in Istanbul in 1902 by Joseph Antoine Bouvard, in 1922 and in 1924 by Carl Lörcher with a contribution by A. Agache, by H. Ehlgötz, J. H. Lambert in 1933 and by M. Wagner in 1934, and in the master plan by Henri Prost in 1937-1951. In Izmir urban aesthetics were proposed in 1924 by Rene and Raymond Danger under the consultation of Henri Prost (Hastaoglu-Martinidis, 2011, p. 155). In such attempts, politicians, local governors and decision makers perceived the historic built environment mainly from an economic, social and political point of view, not so much from a cultural perspective. In other cases, there was a need for reconstruction, such as the aftermath of great fires, for instance (Hastaoglu-Martinidis, 2011, p. 155). In all these cases a cultural clash can be observed between Turkish and European planning perspectives. European planners and urban designers, preconditioned with their Western planning ideas, lacked the consciousness and understanding of the Ottoman/Turkish *genus loci* (Hastaoglu-Martinidis, 2011, p. 155).

In the city of Izmir, Henri Prost played an important role in the transfer of the emerging modernism, the three-dimensional design of urban space as a continuity of the Beaux Arts tradition (Hastaoglu-Martinidis, 2011, p. 154). Under the supervision of Henri Prost, French

ципалитетом Измира и Стамбульской палатой архитекторов. Турецкое посольство официально выступало в роли распространителя информации по конкурсу среди международных участников. Информация включала в себя условия конкурса, основную карту (масштаб 1:5000), карту центральных районов Конак и Альсанкак (масштаб 1:1000), схематический план (масштаб 1:20000), отчет комиссии по реконструкции и эскиз, который показывал границы города Измира (—, 1952b).

Комиссия конкурса также предоставляла участникам такие данные, как план Рене и Реймонда Данжер от 1925 года, аэроснимок участка, путеводитель по Измиру, каталог с фотографиями, содержащий важнейшие даты и события со дня основания Измира, а также предварительные условия, основанные на предыдущих решениях (например, местоположение промышленного порта, определенное Министерством строительства объектов общественного значения (—, 1952a).

Программой конкурса определялся застраиваемый участок и границы плана. Большое внимание уделялось экономическому потенциалу города: сельскому хозяйству, торговле, промышленности, различным видам портовой деятельности и туристическим объектам. Ожидалось, что этот потенциал послужит основой для работ конкурсантов. Существующие железнодорожные пути необходимо было сохранить и включить в проект.

Договор на участие в конкурсе подразумевал, что конкурсанты должны приехать в Измир и пробыть на застраиваемом участке минимум 15 дней в течение первых трех месяцев рабочего процесса. В договоре также говорилось, что муниципалитет будет оказывать помощь в размещении гостей и их деятельности в городе (—, 1952b, с. 144). Участников просили предоставить план в масштабе 1:500; проект дорожно-транспортной планировки и региональный план; проект детальной планировки районов Конак и Альсанкак; перспективные чертежи двух главных площадей, расположенных в этих двух районах; отчет; подтверждение участника своего посещения города Измира; данные участника и адрес для возврата заявки (—, 1952b, с. 145).

Использование печатных изданий для построения архитектурного дискурса было важнейшей частью

^ Первое место. Генеральный план турецких архитекторов Кемала Ахмета Ару, Гюндюзя Оздеша и Эмина Кана Болата (источник: Arkitekt) / 1st prize, the master plan by Turkish architects Kemal Ahmet Aru, Gündüz Özdes, Emin Can Bolat (source Arkitekt)

urban planners Rene and Raymond Danger prepared a master plan in 1924 and 1925 for the urban areas that were destroyed by fire in 1922 at the end of the War of Independence. The plan was revised by the officers in the municipality and the city was constructed in line with the new regulations.

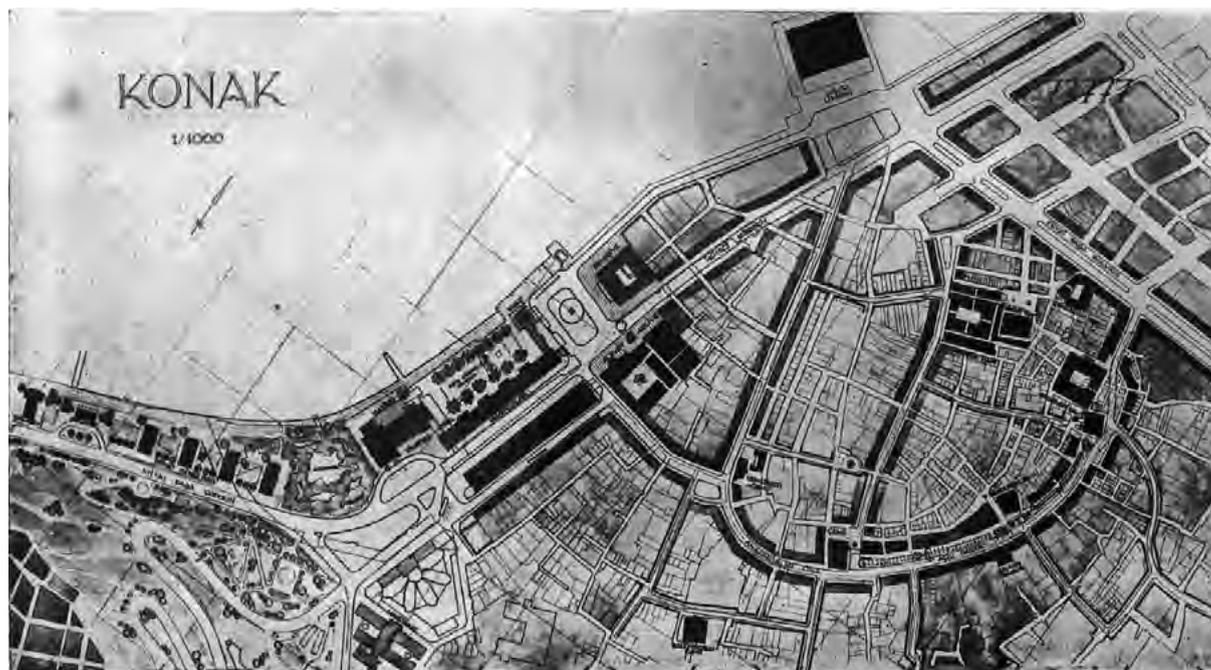
The urban design concerns of the Danger Brothers were in line with the principles of Camillo Sitte: sanitation, transport and aesthetics (Hastaoglu-Martinidis, 2011, p. 169). The Danger Brothers were surveying engineers based in Paris (Hastaoglu-Martinidis, 2011, p. 169). The adaptation of the urban aesthetic aspects was the central aim to consolidate the transition from cosmopolitan history to modern nation (Hastaoglu-Martinidis, 2011, p. 156). Dangers' proposition for the areas destroyed by the fire was a regular plan that included large open spaces. Visual connections with the Kadifekale Castle on the top of the Mountain Pagos and the sea on the lower level were strengthened.

Classical Beaux Arts principles were applied in Izmir with the Danger Plan. Diagonal axes accommodated the traffic. A monumental civic center called "Republic Square" was located in the intersection of the radial avenues on the waterfront as an extension of the prominent public waterfront. The planning interventions no longer concerned

primarily with the port activities instead, the development of a city as an expression of a modern nation became the main concern. The Danger Brothers' plan did preserve the historical traces in the city. The plan preserved the traditional Bazaar (Kemeralti), the upper old town, and the Punta District, which was characterized by the modern housing that emerged in the mid 19th century as a site-specific example.

However, the plan encountered the veto of Herman Jansen, representing the central government in Ankara (Serçe et al., 2003, p. 63-64, as cited in Hastaoglu-Martinidis, 2011, p. 174). The municipality's technical committee revised the plan based on Jansen's suggestions in line with hygiene and economic concerns (Serçe et al., 2003, p. 63-64, as cited in Hastaoglu-Martinidis, 2011, p. 174). Their intervention included the reduction of the width of the street (from 35 m to 15 m) and the public promenade along the seashore (Serçe et al., 2003, p. 63-64, as cited in Hastaoglu-Martinidis, 2011, p. 173).

During the presidency of Turkish governor Behçet Uz, the municipality of Izmir argued that both the Danger and the Prost Plan were inadequate to foster the further development of the city (Serçe et al., 2003, p. 63-64, as cited in Hastaoglu-Martinidis, 2011, p. 174). As a result, their implementation was halted in the mid-1930s. The signing

< Первое место. План площади Конак и близлежащей территории (источник: Arkitekt) / 1st prize, the plan for the Konak Square and its surroundings (source: Arkitekt)

в Второе место. Генеральный план Александра Фрайхерра фон Бранки и его помощника архитектора Райнхольта Вирле (источник: Arkitekt) / 2nd prize, master plan by Alexander Freier von Branca and assistant Architect Reinholt Wierle (source: Arkitekt)

архитектурной культуры Турции. Журнал Arkitekt был ведущим изданием, где публиковались анонсы конкурсов, их условия и отчеты жюри. Договор на участие в конкурсе также вышел в свет (он был сокращен до первых шести пунктов из тридцати четырех) на радио- и телевизионных станциях (–, 1952b, с. 145).

После семи месяцев интенсивной работы – с 1 мая по 1 декабря 1951 года – представленные работы продемонстрировали, что конкурс стал настоящей платформой международного обмена архитектурными идеями. Среди международных участников были Лео Хафнер и Нури Юксель из Швейцарии (проект № 13579), Александр Фрайхерр фон Бранка и его помощник архитектор Райнхольт Вирле из Мюнхена (№ 93100), Ричард Браун, Анна Браун и Отто Грюн из Вены (№ 12203), Фриц Йелпке, Вилли Шютте и др. из Германии (№ 11110).

of the Lausanne Treaty in 1923 had brought about an exchange of populations between Greece and Turkey that rapidly boosted the population of Izmir. Increasing economic opportunities in Izmir resulted in internal migration from various cities across Anatolia. As a result, the population of the city increased between 1927 and 1950 from 153.000 to 230.000 inhabitants. This rapid growth put pressure on the local government to steer the development of the city by preparing a new master plan. So, after a period in which the central government invited foreign experts, Izmir followed a different path for urban development.

Architect Zeki Sayar expressed in 1945 his concerns with the competitions held until 1945 (Sayar, 1945, p. 126). His criticism targeted especially the competitions that were limited to the national level and their lack of professionalism. He referred with deep admiration to the international competitions that were held in other countries. Sayar stressed that the participation conditions and the programme had to be defined very sharply. In this respect, the 1951 Izmir competition became a good model for Turkish architects.

The First International Competition in Izmir, 1951

It was the Bank of Provinces that initially set up an international

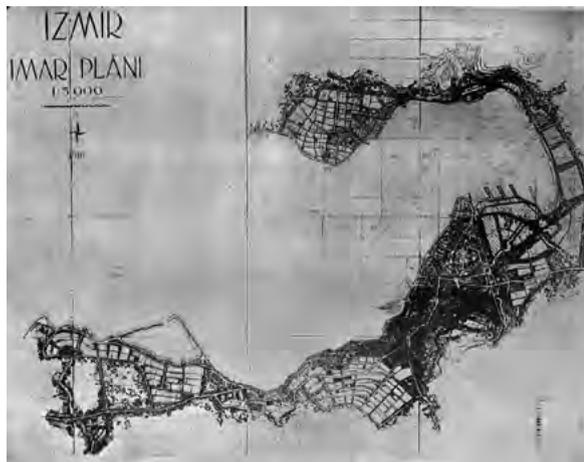
competition in 1951. The required documents were supplied by the Bank for Provinces in Ankara, the Izmir Municipality, and the Istanbul Chamber of Architects. The Turkish Embassy acted as the official office for the distribution of the competition data to international participants. That data included the terms and conditions of the competition, a base map (scale 1/5000), a map of the central districts Konak and Alsancak (scale 1/1000), a schematic plan (scale 1/20.000), a report written by the reconstruction commission, and a sketch that showed the boundaries of the city of Izmir (—, 1952b).

The competition committee provided the participants furthermore a set of data that included the Rene & Raymond Danger's plan from 1925, an aerial photo of the site, an Izmir City Guide, a catalogue enriched with photographs that was representing the important historical dates and events since the establishment of the city of Izmir, and preconditions based on the former decisions. This included the choice for the location of the industrial port that was decided by the Ministry of the Construction and Public Works (—, 1952a).

The programme of the competition entry defined Izmir's built-up area and the limits of the plan. It put a strong emphasis on the economic potentials of the city: agriculture, trade, industry, busy port activities and touristic attractions. The jury expressed the explicit expectation that the participants took these potentials into consider-

^ Второе место. План площади Конак и близлежащей территории Александра Фрайхерра фон Бранки и его помощника архитектора Райнхольта Вирле из Германии (источник: Arkitekt) / 2nd prize, the plan for the Konak Square and its surroundings by German Alexander Freiherr von Branca and assistant Architect Reinhold Wierle (source: Arkitekt)

> Третье место. Генеральный план турецкого архитектора Рауфа Бейру (источник: Arkitekt) / 3rd prize, master plan by Turkish architect Rauf Beyru (source: Arkitekt)

Победителем конкурса стала турецкая команда, куда вошли профессор и архитектор Кемаль Ахмет Ару и его помощники – архитекторы Гюндюз Оздеш и Эмин Кан Болат. Команда из Германии (Александр Фрайхерр фон Бранка и его помощник архитектор Райнхольт Вирле) заняли второе место, а третье место досталось турецкому архитектору Рауфу Бейру (—, 1952a, с. 138). После конкурса началось тесное сотрудничество между местным правительством, технической комиссией министерства и победителем.

В соответствии с пунктом 12 договора на участие в конкурсе, муниципалитет должен был заключить контракт с победителем (—, 1952a, с. 144). В следующем пункте ясно говорилось, что точка зрения жюри имеет больший вес, чем предложения архитектора-победителя. Архитектору необходимо будет принять рекомендации жюри (—, 1952a, с. 144). В своем отчете жюри выразило признательность за плодотворный процесс, возникший благодаря международному обмену. В первом абзаце отчета были снова объявлены цели и ожидаемые результаты конкурса. В отчете говорилось, что жюри хотело бы найти прочную связь с прошлым через соединение с территорией древней агоры, которая находится вблизи центра города. Жюри также обращало внимание на решение транспортных проблем, которые касались возрождения железнодорожных путей, ведущих в город, и дальнейшего развития дорог в южном и юго-западном направлении, что открыло бы дополнительные возможности для расширения города (—, 1952c, с. 119).

Заявки на конкурс

Каждая заявка, поданная на конкурс, помогает нам понять архитектурные тенденции, которых придерживались участники, и их восприятие участка. Их опыт местного и международного уровня отражен в представленных проектах. Публикация этих проектов вызвала интерес у широкой аудитории, а сами проекты стали частью архитектурной культуры Турции.

Перспективный чертеж, представленный в заявке № 12203 Ричардом Брауном и Отто Грюном из Вены, демонстрирует вид на площадь Конак и Эгейское море со стороны суши. Перспективный вид на море не только

ation. The existing train lines had to be preserved and integrated into the design.

The competition agreement required that participants visited Izmir and stayed at the project site for at least fifteen days during the first three months of the process. The agreement also stated that the municipality would host and ease the guests' stay and activities in the city (——, 1952b, p. 144. The participants were asked to submit a plan scale 1/500, a transportation plan and a regional plan; detailed plans for the central neighborhoods Konak and Alsancak; perspective drawings for the two main squares that were located in Konak and Alsancak; a report; proof that the participant did visit Izmir; identity information; and an address for the return of the entry (——, 1952b, p. 145).

The use of the printed press was an important part of the architecture culture in Turkey in terms of the constitution of architectural discourse. Arkitekt was the leading magazine in which both competitions were announced, conditions were publicized and jury reports were published. The competition agreement had also been announced (limited to the first six points out of thirty-four articles only) using radio and television stations (——, 1952b, p. 145).

дает интересный ракурс, но и отражает изменения, которые происходили в городе в середине XX века. Набережная Измира всегда была главным местом осуществления портовой деятельности. Архитектура первого ряда домов, идущего вдоль берега, поддерживала развитие торговых функций. До той поры эту территорию считали, сознательно или неосознанно, «визитной карточкой» города (Hein, 2011, с. 5). Для тех, кто прибывает в город с моря, это место долгое время укрепляло имидж портового города Измир. Поэтому городские власти уделяли большое внимание архитектурным качествам зданий на набережной. Вид на береговую линию был отображен в картинах, гравюрах, фотографиях европейцев, посещавших Измир в космополитический период его истории – с XVI века по конец XIX – начало XX века. Однако в 1950-х годах город уже воспринимался не только со стороны моря – его жители и гости подходили к набережной со стороны суши. Произошел важный перелом в восприятии пространства и места.

То же восприятие просматривается в чертежах Кемали и Харики Сойлемезоглу, проект которых был удостоен почётной премии. Их перспективный чертеж с видом на море отобразил новую площадь города – площадь 26 августа, которая исторически не существовала, в отличие от площади Конак.

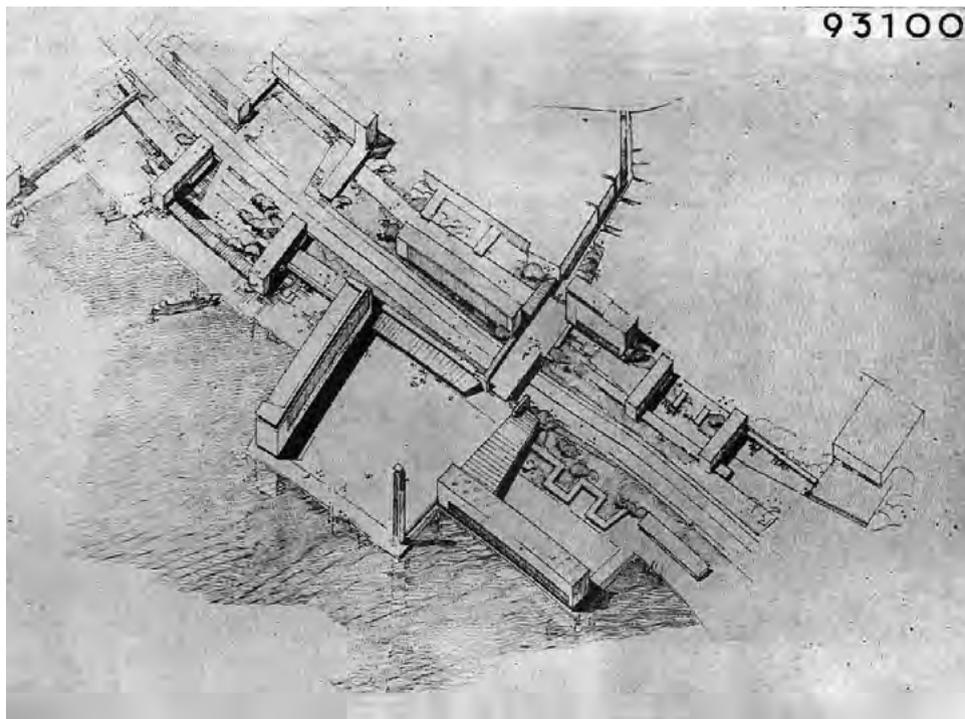
За Измирским конкурсом 1952 года последовал конкурс 1955 года на проект района Конак, а в 1958 был организован конкурс на проект университетского кампуса в Борнове, одном из центральных районов Измира. В отличие от конкурса на генеральный план Измира, эти два конкурса были снова организованы на национальном уровне.

Заключение

Обмен знаниями во время проведения конкурсов стал неотъемлемой частью культурной самобытности и архитектурной культуры Турции. Конкурсы внесли значительный вклад в развитие архитектурного дискурса благодаря письменным отчетам, представлению проектов, публикациям условий участия и описания всего конкурсного процесса. В то же время результат такого обмена воплотился

After seven months of intensive work between May 1st 1951 and December 1st 1951, the competition entries demonstrated that the competition had become a platform for an international exchange of architectural ideas. Among the international participants were Leo Hafner and Nuri Yüksel from Switzerland with their entry number 13579, Alexander Freiher von Branca and assistant Architect Reinholt Wierle from Munich, 93100, Richard Braun, Anna Braun and Otto Grün from Vienna, 12203, Fritz Jelpke, Willi Schütte et. al. from Germany, 11110.

The constitution of the jury was particularly important and brought modernizing interventions by transnational exchanges. The jury consisted of national and international experts, a professor, the local governor, a representative from the ministry and various other stakeholders. The jury for the international competition for the Izmir's 1952 master plan included: Rauf Onursal (mayor of Izmir), architect Kemal Ardoğa (director of technical works in the municipality of Izmir), Professor Paul Bonatz (Istanbul Technical University), Patrick Abercrombie (an English town planner and the head of the chamber of architects in England). Representatives from the Bank of Provinces also sat on the jury, as well as Mithat Yenen (the director of urban development), Cevat Erbel (a representative from the ministry of

в застроенной среде, демонстрируя некоторые международные подходы.

Конкурсы в Турции стали важной платформой обмена знаний в период перехода от имперского к национальному государству. Конкурсы проектов играли роль контактной зоны и источника информации, а также способствовали объединению современных архитектурных подходов в Турции. Состав жюри и участников дал возможность ознакомиться с широким спектром знаний и идей из различных областей, поделиться опытом. Конкурсы подготовили общую благодатную почву, на которой известные архитекторы – участники жюри высказывали свои взгляды по поводу дальнейшего развития как проектов, так и архитекторов.

^ Третье место. Перспективный чертеж площади Конак и близлежащей территории турецкого архитектора Рауфа Бейру (источник: Arkitekt) / 3rd prize, a perspective drawing for the Konak Square and its surroundings by Turkish Architect Rauf Beyru (source: Arkitekt)

reconstruction and public works), architect Orhan Alsaç (the assistant director of reconstruction works), engineer Muammer Tansu and architect Necmettin Emre (——, 1952a, p. 138). The winner of the competition was the Turkish team formed by professor and architect Kemal Ahmet Aru and his assistants, architects Gündüz Özdeş and Emin Can Bolat. The team from Germany, Alexander Freiherr von Branca and assistant Architect Reinholt Wierle won the second prize and the Turkish architect Rauf Beyruwas awarded with the third prize (——, 1952a, p. 138). After the competition a close collaboration was started between the local government, the technical committee of the ministry and the prize-winning architect.

According to article 12 of the competition agreement, the winning designer would be recruited by the municipality (——, 1952a, p. 144). The following article made clear that the jury and their view on the project could overrule decisions by winning architect. The architect was required to meet the suggestions of the jury (——, 1952a, p. 144).

The jury expressed in its report gratitude for the fertile process that emerged from the mutual and international exchanges. The report restated in the first paragraph the aims and expectations of the competition. According to the report, the jury was looking for a strong

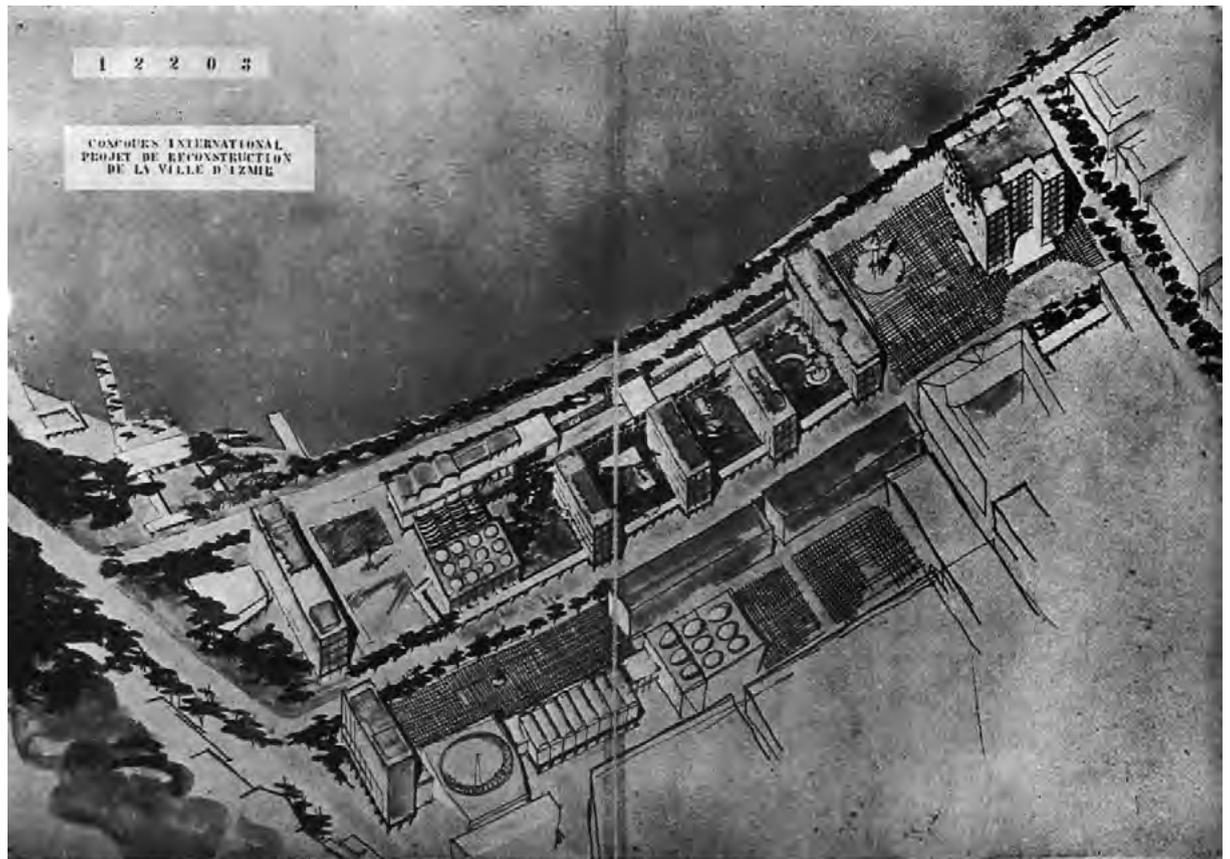
connection to the past through the linkage to the ancient site Agora that is close to the city centre. The jury also sought for solutions in the field of transportation, for the re-emergence of the rail lines and roads into the city, and for new ideas for the further development of the roads towards south and southwest directions that would open up additional opportunities to the possible expansion of the city (——, 1952c, p. 119).

Competition Entries

Each competition entry enables us to understand the architectural tendencies of the participants and their perception regarding place. Their background and national or international experiences are reflected in their designs. By publishing the competition entries, these contributions reached a wider audience and became a part of Turkish architecture culture.

The perspective drawing in the 12203 numbered entry, by Richard Braun and Otto Grün from Vienna, is drawn in a frame that allows one to perceive the Konak Square and the Aegean Sea from the land. The seawards looking perspective not only provides an intriguing angle, but it also reflects the changing realities of the city in the mid 20th century. The waterfront of Izmir had always been an essential

> Заявка № 12203. Аксонометрическая проекция площади Конак и близлежащей территории (источник: Arkitekt) / 12203 nr. entry. Axonometric perspective on the Konak Square and its surroundings (source: Arkitekt)

Литература/References

- . (1952a). İzmir Şehri İmar Plânı Milletlerarası Proje Müsabakası Programı (1 Mayıs 1951–1 Aralık 1951). Arkitekt (1952-05-08 (249-250-251-252))
- . (1952b). İzmir Şehri İmar Plânı Milletlerarası Proje Müsabakası Şartnamesi (1 Mayıs 1951–1 Aralık 1951). Arkitekt (1952-05-08 (249-250-251-252))
- . (1952c). İzmir Şehri Milletlerarası İmar Plânı Müsabakası Jüri Raporu. Arkitekt (1952-05-08 (249-250-251-252))

Ahmad, F. (1996). İttihatçilikten Kemalizme («From Unionism to Kemalism»). Kaynak Yayınları: İstanbul

Akcan, E. (2007). Reciprocal Translations of Garden City Housing in Intertwined Histories. Turkey and Central Europe. 2 vols. Vol. 7

Akcan, E. (2012). Architecture in Translation: Germany, Turkey, and the Modern House: Duke University Press

Atalay Franck, O. (2004). Politik und Architektur, Ernst Egli und die Suche nach einer Moderne in der Türkei (1927–1940) (Doctoral dissertation, ETH Zurich)

place for the port activities. The architecture of the first row of the buildings along the shore represented and promoted trade. It had so far been conceived, consciously or unconsciously, as a “business card” of the city (Hein, 2011, p.5). For those that approached the city from the sea, by boat it contributed for long to the branding the port city of Izmir. The city, therefore, paid attention to the architectural qualities of the buildings on the waterfront, on the quay. The landward-looking landscape view was depicted in numerous artworks (i.e. paintings, engravings, photographs) by, often European, travellers during the cosmopolitan past of Izmir between 16th and late 19th / early 20th century. However, in the 1950s the city was no longer perceived by the sea alone, its inhabitants and visitors were now approaching the waterfront from the land. This was a crucial shift in the perception of space and place.

The same recognition is visible in the drawings of Kemali and Harika Soylemezoglu’s project that was awarded an honourable mention. Their seawards looking perspective captured the most recent plaza of the city: 26 August Square which did historically not exist, unlike Konak Square.

The 1952 Izmir competition was followed with another competition for Konak in 1955, and a further competition was established for the

university campus in Bornova, one of the central boroughs of Izmir in 1958. In contrast to the master plan of Izmir, these two competitions were once again organized at a national level.

Conclusion

The exchanges during the competitions constituted an integral part of the cultural identity and architecture culture in Turkey. The competitions contributed to the architectural discourse by written reports, participation conditions, representation of the project and publications of the entire process. At the same time, the outcome of these exchanges embodied and concretized in the built environment as a part of transnational approaches.

Competitions became in Turkey an essential place for the exchange of knowledge in the transition of the imperial era to the nation-state. Design competitions functioned as a contact zone, as sources of knowledge and as catalysts for the consolidation of modern architectural approaches in Turkey. The constitutions of jury and participants of competitions brought diverse knowledge and ideas from different fields as well as from different backgrounds. It was a common and fertile ground in which prominent architects, who took part in the jury, provided their insights for the further development of projects and architects.

Avermaete, T., & Gosseye, J. (2018). *The Travelling Type: How Buildings and Practices Migrate Across Cultures*. In *Acculturating the Shopping Centre* (pp. 164–173). Routledge

Avermaete, T., Havik, K., & d’Auria, V. (2015). *Crossing boundaries: transcultural practices in architecture and urbanism*. *Oase: Tijdschrift voor Architectuur*, 95, 3–7

Harzig, C., & Hoerder, D. (2013). *What is migration history?:* John Wiley & Sons

Hastaoglou-Martinidis, V. (2011). *Urban aesthetics and national identity: the refashioning of Eastern Mediterranean cities between 1900 and 1940*. *Planning Perspectives*, 26 (2), 153–182

Hein, C. (2011). *Port cities: Dynamic landscapes and global networks*: Routledge

Imamoglu, B. (2010). *Architectural production in state offices: an inquiry into the professionalization of architecture in early Republican Turkey*. TU Delft, Delft University of Technology

Meltem, I. A. (2010). *1930*2010 Yılları Arasında Bir Proje Elde Etme Yöntemi Olarak Türkiye’deki Mimari Tasarım Yarışmalarının İrdelenmesi*. (Masters Degree). Yıldız Teknik Üniversitesi, İstanbul

Nicolai, B. (1998). *Moderne und Exil.: Deutschsprachige Architekten in der Türkei 1925–1955*: Verlag Fur Bauwesen

Pratt, M. L. (1992). *Travel writing and transculturation*. London and New York: Routledge, 2 (4), 5

Sayar, Y. Y. (1998). *The Impact of Architectural Design Competitions in Evaluation of Architectural Design Trends for a Secular Identity*. (PhD). Dokuz Eylül Üniversitesi, İzmir

Sayar, Zeki. (1945). *Müsabakalar ve Juriler*, *Arkitekt*, nr. 1945-05-06 (161–162)

Serçe, E., Yılmaz, F., & Yetkin, S. (2003). *Küllerinden Doğan Şehir: The City Which Rose From the Ashes*. In: *İzmir: İzmir Büyükşehir Belediyesi Kültür Yayını*

Shaw, S. J. (2016). *Turkey and the Holocaust: Turkey's Role in Rescuing Turkish and European Jewry from Nazi Persecution, 1933–1945*: Springer

Volait, M., & Nasr, J. (2003). *Urbanism: Imported or Exported? Native Aspirations and Foreign Plans*: Wiley-Academy

Ward, S. V. (2017). *Planning Difusion: Agents, Mechanisms, Networks, and Theories*. In *The Routledge Handbook of Planning History* (pp. 90–104): Routledge

Yaramış, A. B. (2000). *1930–2000 yılları arasında Türkiye’de gerçekleştirilen mimari tasarım yarışmalarının belgelenmesi ve genel bir değerlendirme*. (Masters Degree). Istanbul Technical University, Istanbul

^ Перспективный чертёж кемали и Харики Соylemezogлу с видом на берег (источник: Arkitekt) / Landward-looking perspective drawing by Kemali and Harika Soylemezoglu (source: Arkitekt)

Архитектурно-средовая специфика армянского города Гюмри (ранее Александрополь, Ленинанкан) заключается в наличии мощного срединного слоя исторической «архитектуры без архитекторов» – вернакуляра, построенного местными искусными мастерами-каменщиками из местного материала – черного туфа. В начале статьи развернуты разрабатываемые автором новые теоретические концепты живого вернакулярного города и вернакулярного ансамбля. Далее в трех этюдах раскрывается специфика порождения вернакулярной архитектуры на разных этапах формирования города и ее сегодняшнего бытования. Высокие торжественные арочные порталы-врата – архетип городской среды александропольского периода – выполняют важные символические функции и играют ключевую роль в средовом антураже многих армянских фильмов. Процесс воспроизводства вернакулярной среды в социалистический и постсоветский периоды показан на конкретных примерах построек 1950-х и 2000-х годов.

Ключевые слова: вернакуляр; живой вернакулярный город; вернакулярный ансамбль; черный туф; мастер. /

Architectural and environmental peculiarities of the city of Gyumri (former Alexandropol, Leninakan) lie in the vernacular – a thick middle layer of historical “architecture without architects” built by local skilled bricklayers from the local material, black tuff. In the beginning of the article the author presents his new theoretical concepts of the living vernacular city and vernacular ensemble. Then the studies speak about peculiarities of the emergence of vernacular architecture at different stages of urban formation and its present-day existence. High grand arch-shaped portal gates – the archetype of the city environment of the Alexandropol period – perform important symbolic functions and play a key role in the environmental entourage of many Armenian films. The process of reproduction of the vernacular environment in the socialist and post-Soviet periods is shown by the examples of the buildings of the 1950s and the 2000s.

Keywords: vernacular; living vernacular city; vernacular ensemble; black tuff; master.

^ Панорама старого города с чертова колеса в Горки-парке

Этюды о вернакулярном Гюмри (из будущей книги) /

текст и фото
Андрей Иванов /
text and photos
Andrei Ivanov

That far land we dream about,
Where every man is his own architect.

Роберт Браунинг [24]

На идише говорится само собой, а на иврите надо говорить.

Хаим Бялик [21]

Все уже есть.

Александр Скокан [18]

Лексикон вернакулярной среды

В юности мне понравилась песенка «Окраины» Новеллы Матвеевой, раскрывшая простыми словами поэтику самой обыденной, непритязательной среды, теплоту повседневного вещного мира. Думаю, что влечение к вернакулярю как-то связано с этим текстом.

*...Эти дома без крыш
Словно куда-то шли,
Шли, – плыли, как будто были
Не дома, а корабли.
Встретилась мне в пути
Между цементных волн
Кадка с какой-то краской,
Точно в теплом море – челн.
Палка-мешалка в ней,
Словно в челне весло...
От кораблей кирпичных
Кадку-лодку отнесло.
Было волшебное все:
Даже бумажный сор,
Даже мешалку-палку
Вспоминаю до сих пор.*

В старом Гюмри многие дома – только не из кирпича, а из черного туфа – тоже, уже 30 лет, – без крыш... Там тоже волшебное все. Главное – угол зрения. «На прозу жизни он смотрел так, как если бы она сама по себе являла собой образец искусства прозы», – писал Андрей Арьев о Довлатове. Вот и я буду говорить здесь не только о природе, но и об искусстве вернакулярности – главного, на мой взгляд, качества среды города АЛГ¹. Что же это такое?

Феномен живого вернакуляра

Категориальный аппарат анализа городского вернакуляра практически не разработан. Я разберу некоторые важные понятия из словаря вернакуляра и те принципы построения вернакулярной среды Гюмри, которые мне удалось подметить и которые, как я думаю, достаточно адекватно отражают ее архитектурную и социальную специфику.

В архитектурных текстах термины «вернакуляр» и «вернакулярный»² употребляются в применении к застройке, выполненной без участия профессиональных зодчих, обладающей определенными средовыми и художественными достоинствами и названной Бернардом Рудолфски «архитектурой без архитекторов» [28].

Интерес к такой застройке, медленно нарастающий в течение всего XX века, оформился в его конце в «Хартии по построенному вернакулярному наследию», ратифицированной в 1999 году 12-й Генеральной ассамблеей ИКОМОС в Мехико. Вернакулярное наследие или, иными словами, историческая вернакулярная архитектура, оценивалась в ней как «занимающее центральное место в привязанностях людей к их среде обитания <...> составляющее ядро существования человека как такового <...> фундаментальное выражение культуры сообщества, его отношений с занимаемой им территорией и, в то же время, выражение культурного разнообразия мира». «Оно появляется неформальным образом, но тем не менее упорядочено. Оно выполняет утилитарные функции и в то же время обладает уникальностью и красотой. Это фокус современной жизни и в то же время свидетельство истории общества. Это создание человека, но также и результат работы времени. Было бы антигуманно не принимать мер по сохранению этого традиционного гармоничного наследия».

Хартия установила следующие определяющие признаки исторической вернакулярной застройки: а) способы строительства, разделяемые всем сообществом; б) узнаваемые местные или региональные особенности, соответствующие окружающей среде; в) согласованность стиля, формы и облика, применение исторически сложившихся типов зданий; г) использование в проектировании и строительстве традиционных знаний, передающихся

1. Одно из авторских именовании города Александрополя(А)-Ленинанкана(Л)-Гюмри(Г) в будущей книге.

2. От англ. vernacular – местный, народный; свойственный данной местности; разговорный, просторечный (о языке).

^ Вернакулярные детали: сбивка осей кронштейнов на «Доме с двойным карнизом»; резная импровизация на здании таверны «Полоз Мукуч».

Studies of Vernacular Gyumri (from a future book)

неформальным образом; д) эффективное реагирование на функциональные, социальные и экологические ограничения; е) эффективное применение традиционных строительных систем и ремесленных умений» [26].

Но если в западных архитектуроведении, урбанистике, гуманитарной географии, антропологии вернакуляр исследуется широко и достаточно активно, на российской почве термин только пробивает себе дорогу³.

Одним из первых отечественных адептов этого понятия был урбанист Александр Высоковский, который в своей лекции 2013 года «Вернакулярный город» говорил о «невидимой, но очень мощной структуре понимания и идентификации места, в котором живут горожане», как о «мыслительной конструкции, порожденной самими людьми в процессе жизнедеятельности», и назвал ее «вернакулярным городом или вернакулярной структурой, по аналогии с вернакулярным районом и другими вернакулярными конструктами, которые не являются результатом осознанной технической или научной деятельности, а возникают в процессе жизнедеятельности, проживания и живания, взаимодействия с окружающими физическими объектами и социальными средами».

На уникальном материале сохранившегося в Гюмри мощного слоя художественно ценной исторической вернакулярной застройки я попытаюсь раскрыть некоторые аспекты формирования и бытования ее особого типа – регулярного (или «регуляризованного») вернакуляра, созданного искусными местными мастерами-каменщиками – акторами срединной архитектурной культуры. Именно ими – в парадигме «свобода внутри решетки», при «рамочном» участии военных инженеров и инженеров-строителей (возможное в ряде случаев участие профессиональных зодчих пока твердо не подтверждено) и был создан город Александрополь.

Но и после появления в Ленинкане в середине 1920-х годов дипломированных архитекторов «рядовая» частновладельческая жилая застройка возводилась чаще всего вернакулярным образом.

Традиции александропольского вернакуляра живы и в сегодняшнем Гюмри. Состоятельные горожане, возводя дома в историческом центре, не утратили интерес

v 25-я улица: церковь Семи Ран и неовернакулярная застройка 2010-х гг.

к архитектуре и используют приемы местного каменного строительства, идя при этом на весьма немалые дополнительные «затраты на красоту».

Сделаю два замечания, важных для понимания специфики нашего предмета.

А) Старый Александрополь был городом в том античном или раннесредневековом понимании этого слова, которое подразумевает в качестве основной градоформирующей силы самодеятельность горожан – ремесленников-мастеров, субъектов собственной жизни, умело и красиво строящих свой «горизонтальный» мир.

Но этот город создавался в заданных «сверху» рамках:

- планировочных («решетка» регулярного плана);
- правовых (предписания о необходимости вписываться в «решетку» и согласовывать «рамочные» строительные проекты, указы городских властей «о выпрямлении улиц»⁴ и т. д.);

3. Ряд адресованных к этой тематике русскоязычных работ будет не слишком длинным. Это публикации Г. М. Казаковой, В. Н. Калущкова, В. В. Мирошниченко, С. Г. Павлюка, К. А. Пузанова; Д. В. Русина, Л. В. Смирнягина, А. В. Требунских, а также некоторые работы автора [11; 12]. Работы по исследованию вернакуляра армянских исследователей мне пока не известны

4. Такие указы предусматривали снос зданий, построенных в противоречии регулярному плану, и переселение жителей на новые «правильные» места (информация ушедшего от нас в 2018 году Степана Тер-Маргаряна, бывшего директора музея-заповедника «Кумайри», формально воссозданного в 2013 г.).

^ Свадебная церемония в церкви Семи Ран

^ Улица Абовяна. Гюмрийская семья

– эстетических (использование архитектурных прототипов и образцов: «высоких» – как кафедральный собор древней столицы Армении Ани – и «срединных» – как разного рода альбомы и каталоги проектов).

Б) Это – свободный город, созданный при минимальном участии бюрократии и максимальном – «рядовых» жителей.

«В городе заправляли царские чиновники, но им так никогда и не удалось проникнуть в глубины его жизни, так и не удалось окрасить ее в свой цвет – серый. Правда, на улицах стояли городовые, в пригородных казармах и в крепости – войска, но это было всего-навсего кольцо, охватившее жизнь города по поверхности, извне. Внутри этого кольца Гюмри имел свои собственные краски и отстаивал их, как только мог» [2].

Административные функции сосредотачивались: в масштабе города – в Александропольской крепо-

сти [13] – форпосте империи на границе с Османской Турцией (город управлялся извне скорее по военной, чем по гражданской линии. По данным изучавшего этот вопрос гюмрийского архитектора Р. Егояна, «Николаю I посылались ежегодные отчеты относительно текущего состояния строительства крепостей, и без получения его одобрения работы не продолжались» [22]. Александрополью как пограничному городу предоставлялся ряд особых финансовых и экономических льгот); в региональном масштабе – в Эривани, назначенной губернским центром, но в то время меньшей по численности населения, более «восточной» и менее развитой, чем Александрополь.

Архитектурно-средовой феномен города АЛГ заключается в наличии мощного среднего средообразующего слоя исторической вернакулярной архитектуры, существующего на стыке «высокой» и «низовой» архитектурных культур.

Но гюмрийский феномен выходит за пределы застройки как таковой. Здесь наличествует живой вернакулярный город, причем в смысле, несколько отличающемся от того, который вкладывал в это понятие А. Высоковский. Если для Высоковского «вернакулярный город» – «мыслительная конструкция», которая зарождается в уже данной людям среде при ее обживании, переживании и осмыслении, то в случае АЛГ, помимо (и прежде) этого – это город, созданный именно вернакулярным образом. В отношении исторического Гюмри это понятие перестает быть метафорой или сугубо теоретическим концептом и становится прямым определением местной реальности.

Спросим себя: разве почти все исторические города, по крайней мере на стадии становления, не являлись по сути вернакулярными? И если это так, в чем смысл акцентирования этого термина? Не избыточен ли он, и не лучше ли называть подобную застройку просто «народной архитектурой»?

Для прояснения разницы понятий «народная» и «вернакулярная» архитектура я воспользуюсь мнением известного исследователя вернакуляра Аллена Нобла, считающего, что если авторами народной архитектуры обычно являются лица, не обученные профессионально строительному искусству, то вернакулярная архитектура также создается простыми людьми (the common

v Дом «Доброе утро» на ул. Варпетца

^ Вернакулярные детали: «виноград» и виноград в районе Боши майла; фрагмент склепа на 1-м городском кладбище

people), но может быть создана и профессионалами, прошедшими обучение по системе «мастер-подмастерье» (apprenticeship), с использованием при этом местных, традиционных образцов и материалов [27].

И тогда на вопрос о том, не являются ли лишними, «избыточными» термины «вернакулярного ряда», можно ответить следующим образом. Действительно, большинство городов, считающихся сейчас историческими (за исключением создававшихся на чистом месте столиц или совершенно новых индустриальных городов) поначалу строились вернакулярно – либо стихийно иррегулярно (как, например, ереванский Конд), либо планомерно с вернакулярным заполнением структурно-планировочных единиц (как Александрополь). Но к сегодняшнему дню в большинстве из них «вернакулярность» сохранилась лишь в виде застывших «следов», отдельных зданий-реликтов, которые могут даже состоять на охране как памятники как раз-таки «народной архитектуры». В этих случаях, в самом деле, вполне можно обойтись и без всяких терминологических новаций. Но такие города, как Гюмри или ранее исследовавшиеся мною поволжский Городец [9] и киргизский Узген [10], остаются и сейчас живыми вернакулярными городами, ибо в них продолжают бытовать спонтанные, низовые вернакулярные практики. Социальное, деятельностное, нарративное наполнение среды, во многом следующее исторической традиции, в них не менее важно, чем ее собственно архитектурные составляющие.

В Александрополе на простую планировочную сетку накладывались плотные и сложные сети многообразных человеческих взаимодействий, экономических и культурных трансакций, черных и черно-красных фасадов, гетерогенных художественных образов, городских преданий и анекдотов, жизненных историй. В отличие от первой, эти сети никто не проектировал – они были полностью естественны, самоорганизованы, стохастичны. Так порождался и укреплялся вернакулярный город.

Это наложение продолжается и сегодня. И одним из результатов взаимоналожения естественного (непланировавшегося) и спланированного становится непреднамеренная красота городской среды.

Вернакулярный ансамбль

Разумеется, все составные формы были заимствованы: колонны, фронтоны, пилястры, позднее – классические барельефы, аттики, вазы были взяты напрокат из Франции, Италии и Германии. И однако же, все это сгруппировалось настолько особенно, что в конце концов получилось нечто великолепное и совершенно своеобразное.

Александр Бенуа. Живописный Петербург [5]

Да, Гюмри уникален и с точки зрения эстетичности городской материальной субстанции. Применительно к его историческому центру можно говорить не просто о вернакулярной среде «срединного» уровня, но о среде весьма высокого архитектурного, эстетического качества. Для более адекватного описания этого урбанистического феномена – в порядке терминологического эксперимента – я предлагаю использовать понятие «вернакулярный ансамбль» (ВА).

Замечу, что далеко не каждый город может быть оценен и описан как ансамбль. Так, Петербург был распознан как классицистический ансамбль лишь в начале XX века, через 200 лет после его основания.

А «проявить» ансамбль в городе вернакулярном – вызов, пожалуй, еще более волнующий.

Не является ли предложенное понятие своего рода оксюмороном? Ведь «ансамбль» – сугубо профессиональный, даже внутрипрофессиональный термин. Корректно ли применять его к «непородистой» (non-pedigreed, по словам Б. Рудофски) архитектуре?

Не претендуя на окончательность суждений, отмечу, что использование термина «ансамбль» в случае АЛГ может быть оправдано наличием очевидной эстетической ценности и образного единства архитектурной среды исторического центра Гюмри, а также ряда других качеств, традиционно приписываемых архитектурному ансамблю – соразмерности, согласованности частей, уникальности, социокультурной признанности (в противном случае здесь не появился бы уже в 1980 году государственный историко-архитектурный музей-заповедник «Кумайри», включивший в свои границы всю историче-

^ v Вернакулярный ансамбль улицы Спандаряна

5. Так, БСЭ определяла архитектурный ансамбль как «гармоническое единство пространственной композиции зданий, инженерных сооружений (мосты, набережные и др.), произведений монументальной живописи, скульптуры и садово-паркового искусства». В отечественном архитектуроведении проблематика ансамбля была особенно актуальна в 1930-е – 50-е гг. и напрямую связывалась с методом соцреализма и «идеологическим содержанием» советского города

6. Конечно же, ВА реального исторического города не ограничивался недвижимыми составляющими. Так, существенным визуальным компонентом ансамбля был национальный армянский черно-белый костюм (в каких горожанки ходили еще в начале XX века), гармонировавший с черно-белыми (туфтовые стены – крашенные белым окна, ставни, двери) домами города

7. «Ленинанканцы – гюмрийцы, или александропольцы – “широкороты”, т. е. они говорят пафосно. <...> Из Ленинакана был великий армянский поэт Исаакян <...>, и другой очень талантливый поэт – Ованес Шираз. По сути их талантов сразу видно,

скую часть города площадью около 1000 га). Но ценность эта – все же не универсального, а локального, местного порядка, а целым рядом других атрибутивных свойств ансамбля в его конвенциональном понимании этот

в чем соль Ленинакана: риторика, громогласность, такая богатая армянская красота, как армянские фрукты, спелая, не очень тонкая. <...> На ленинанканском хорошо тосты говорить: он торжественен. По-ленинанкански не скажешь: “То, что ты эту штуку туда засунул – ты это сделал, потому что твой папа так велел или своим умом дошел?” По-ленинанкански, зато, скажешь: “Сколь бы ни было великих творений господа под небом нашим, этот дом – особое творение” [19].

объект, очевидно, не обладает (композиционная продуманность, стилистическое единство, художественная осмысленность, иерархичность частей, синхронизированность элементов, неразрывность целого). Так что если это и «ансамбль», то ансамбль особый, и ему присущи некоторые качества, принципиально отличающие его от классического «архитектурного ансамбля».

Наиболее важной отличительной особенностью ВА является *субъект ансамблевости*. Ему свойствен иной, чем классическому архитектурному ансамблю, тип создателей («авторов», акторов, «агентов» или субъектов среды). Из многочисленных определений «ансамбля»⁵ моему пониманию ВА, пожалуй, более всего соответствует определение «ансамбля в сценическом искусстве» в словаре Брокгауза и Ефрона: «Для полного А. необходимо иметь эстетически образованных артистов, добросовестно относящихся к своему делу» [23]. Именно такими «артистами» были строители вернакулярного АЛГ. Коллективный субъект ВА – мастера-ремесленники, «эстетически образованные» в ходе обучения у старших коллег и ознакомления с материальными и печатными образцами и прототипами, творчески действующие в рамках местных традиций и планировочных, юридических и эстетических ограничений.

Марк Оже говорил об особом «антропологическом месте», отличающемся от других мест среды: ««Антропологическое место» складывается из уникальных идентичностей – местных языковых особенностей, примет пейзажа, неписанных правил жизни...» [16]. Эти качества также отличают вернакулярный ансамбль от классического.

Итак, исторический центр Гюмри обладает признаками средового феномена особого типа – *городского вернакулярного ансамбля*, – который можно определить как созданное преимущественно вернакулярным образом в результате долговременного взаимодействия различных субъектов городской среды архитектурно-средовое единство, художественная цельность которого обеспечивается преобладанием среди его компонентов «архитектуры без архитекторов» – проявления срединного уровня архитектурной культуры⁶.

Приживется ли этот термин, признают ли профессиональное сообщество и сами гюмрийцы правомерность

^ Капитель пилястры на здании таверны «Полоз Мукуч»

^ v Вернакулярный ансамбль улицы Абовяна: общий вид (вверху); фрагмент (внизу)

его приложения к городскому архитектурно-градостроительному наследию – покажет время. Но успех подобной попытки вековой давности в Санкт-Петербурге говорит, что актуализация такого «возвышенного» понимания действительно ценной городской среды в принципе возможна и потенциально продуктивна.

Ведь тогда сравнительно небольшой группе архитекторов, искусствоведов и критиков во главе с Александром Бенуа *«всего за несколько лет удалось создать моду на город, на архитектуру, до того бывшие на абсолютной периферии общественных интересов. За несколько лет – срок, ничтожный по историческим меркам, – Петербург и русская архитектура «петербургского периода» превращаются из малоценных и практически неизученных декораций к истории и литературе в очевидную и безусловную ценность (но также и в предмет внимательного исторического исследования)»* [4].

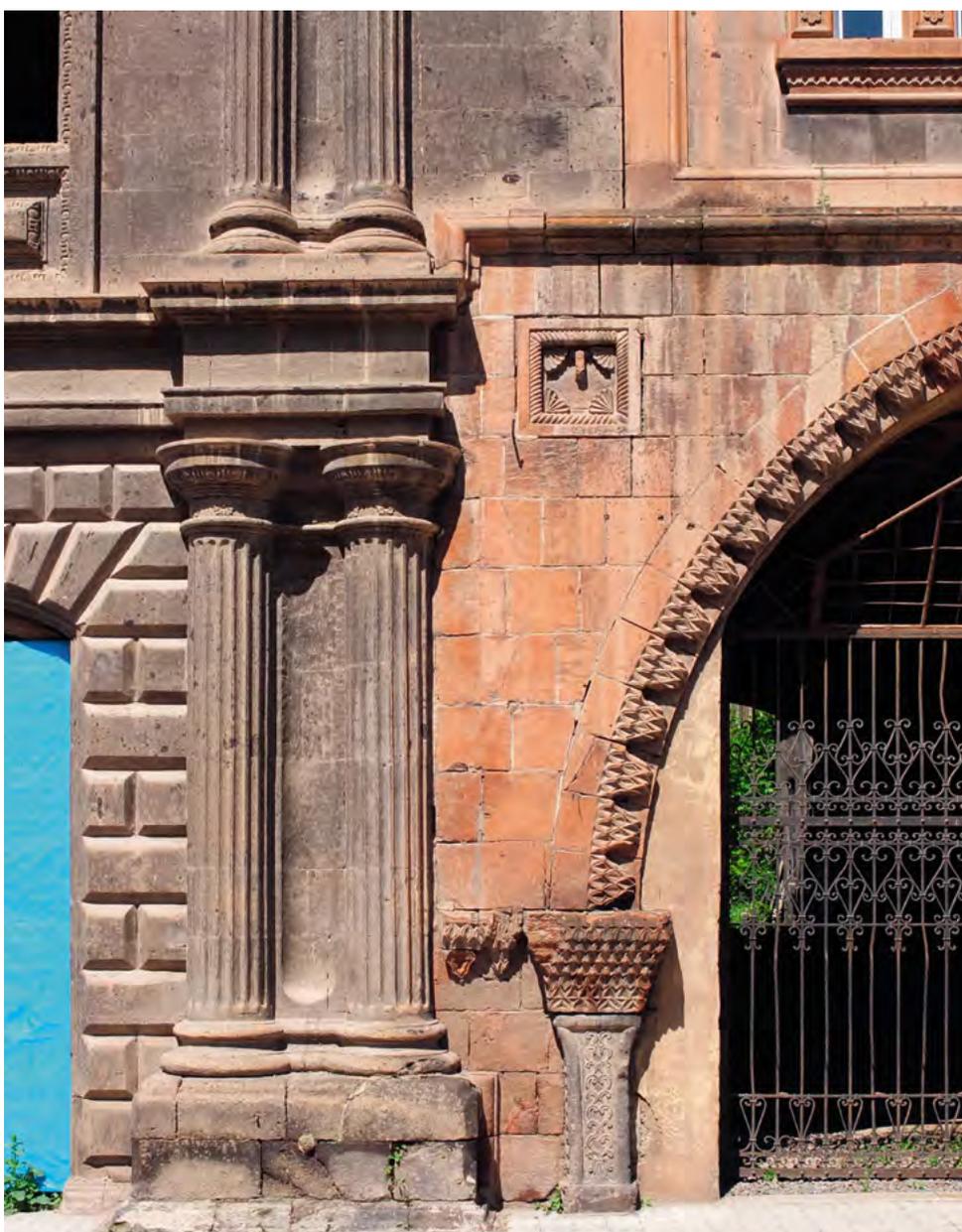
Более того, по мнению Вадима Басса, новое отношение к старой среде постепенно стало играть и практическую роль: *«Этот сконструированный на рубеже столетий умозрительный, идеальный образ сохраняет свое значение и по сей день, именно при его посредстве горожане и архитекторы видят реальную городскую среду, именно на него ориентируются при проектировании новых сооружений»* [4].

Архитектор, родившийся или получивший образование в Европе – это, по выражению Адольфа Лооса, «строитель, выучивший латынь». Гюмрийские мастера латыни, скорее всего, не знали – они разговаривали на своем языке (и в переносном – на местном архитектурном лингва франка, – и в прямом смысле: гюмрийский диалект и гюмрийский юмор до сих пор четко распознаются в Армении)⁷.

И еще – они были открыты для творчества, и они импровизировали, свободно смешивая в своих произведениях элементы высокой, срединной и низовой архитектурных культур.

«В классической музыке музыкальное сочинение важнее, чем его исполнение, а в джазе наоборот», – говорил американский композитор Андре Превин.

Так, по-джазовому, и был исполнен этот город-джемсейшен, и эта его непредсказуемая импровизационность – еще один фактор его особой привлекательности.

^ «Дом с двойным карнизом» и трансформаторная будка 1950-х гг. – фрагмент вернакулярного ансамбля ул. Руставели

^ Врата бывш. усадьбы Дзитохцянгов (Музей народной архитектуры и городского быта)

8. Дом интересен, в частности, «шахматной» сбивкой осей кронштейнов двух карнизов в боковых частях фасада при их согласованности в центральной части. Мастер импровизировал от души!

> Высокие врата – фрагмент вернакулярного ансамбля улицы Спандаряна

v Вернакулярные соседи: улица Варпетаци

Приведу характерный пример из застройки улицы Руставели (бывшей 14-й). Есть там на первый взгляд странная пара – один из самых роскошных вернакулярных домов Алекполя (т. н. «дом с двойным карнизом»⁸) и довольно бесцеремонно поставленная рядом с ним, скорее всего в 1950-е годы, башенка электроподстанции.

Строители башенки работали в совсем иное время, чем строители дома, в ином социуме, с иного рода заказчиком. А получился в итоге своего рода вернакулярный (микро) ансамбль, сложенный по тем же базовым принципам – рукодельность, любовное отношение к материалу, сомасштабность человеку, уважение к контексту, вписанность в ткань места. Как же увлекательно находить такие средовые жемчужинки в ткани города!

Врата и фильмы

*Когда покинул я свой мир,
мир тайны сокровенной,
и взмыл, подобно соколу,
в просторы необъятные вселенной,
никто из мудрых там меня не встретил,
чтобы поведать истину, любя.
Тогда назад к себе я устремился,
и тесными – все теми же – вратами
Пришел в себя.*

Омар Хайям [8]

Хорошее кино соприродно городу. Но не всякому. Только настоящему.

Как понять это совпадение? Что общего?

И в том, и в другом случаях – сгущенность самых важных вещей. Уплотнены события. Сжато пространство. Усилены переживания – героя, зрителя, участника фильма, жителя города.

Как этого достигают великие режиссеры, не знаю. Но в случае города это получается только там, где жива энергия и любовь его строителей-авторов, вложенные в почву и здания. Таков – Гюмри.

XIX век. Рядом с маленьким приграничным селением Гумры одновременно с новой русской крепостью строится город Александрополь (в народе – Алекполь). Вроде бы ничего особенного: простейшая планировка, туфовые домики вдоль улиц... А получился – вернакулярный ансамбль. Торжество камнетесного рукоделия. Симфония домов и людей.

Вернакулярный дом соотносится с городом и миром посредством разного рода «заслонок», регулирующих контакт дома/двора и улицы (изошренные филенчатые двери, белые ставни, кружевные занавески на окнах). И главное: во многие дворы здесь ведут высокие торжественные арочные порталы, которые часто выше и величественнее самих зданий. Эти врата выполняют несколько функций: и разграничение общественного и интимного, частного пространства, и торжественное обрамление выхода или выезда хозяина в город (размеры арок отвечали габаритам знаменитых гюмрийским фазтонов), и символическое обозначение небосвода.

^ Врата на улицах Терьяна и Анесогляна

9. Халис-гюмрийка (потомственная горожанка) Звездочка, прабабушка гюмрийского режиссера и писателя Армена Гаспаряна, по просьбе которого был написан текст, легший в основу этого этюда, «после смерти мужа ровно 51 год ходила в черном, и для нее женщина, которая не умела правильно готовить бозбаш – уже проститутка!» (пост в Фейсбуке от 29.01.2017)

Арки – это и образ каждодневного «триумфа» хозяина – они обрамляют его торжественный выход (выезд) в город и возвращение в дом, и «домашняя» модель небосвода.

Кино еще нет, а алекпольцы вовсю участвуют в личных, семейных «картинах». Проезжая на фаэтоне сквозь парадные врата своей усадьбы, ремесленник мастер Мкртич в серебряном поясе, черном картузе и высоких начищенных сапогах становится «звездой» сериала «Я и мой город» – длиною в жизнь.

Ну а прорезанные в высоких деревянных створках маленькие косые калитки – не пройти, не преклонив головы, – меняют амплуа, возвращают в земной, «горизонтальный» мир. Проходя через них, герой превращается в персонажа второго плана?

Преодоление врат – важнейшее сюжетное событие алекпольской жизни.

Если применить дихотомию Ричарда Сеннета, каменные врата являются местом контакта смыслов плоти и камня Алекполя – тела ремесленника (и членов его семьи) и камня дома, переходящего в город – да что там, камня города (врата ведь порождены скорее городом, чем домом). Плоть проходит сквозь камень.

Драма перехода границы: внешнее – внутреннее. Геометрия – метафизика. Линейное, анонимное, открытое (улица) – центричное, интимное, сокровенное (двор и дом). Быстрое время города – медленное время частной жизни. Не так ли и мы меняем темпы и ощущения, входя в кинозал, погружаясь в глубь будто бы плоской «картины»?

В этих сценах были, конечно, и элементы позерства, лицедейства – но разве, опять-таки, это не атрибуты настоящего города? И настоящего художественного кино?

Смотрим из города. За воротами частный, закрытый, мирный мир. Туда можно только близким. Однако брутальные или искусно украшенные каменные арки ворот возвышают тебя, даже если ты видишь их только снаружи и лишь пытаешься представить, что за.

Алекпольские врата – городские экраны. Горожане – кинопроекторы.

Но у них есть и обратная сторона – закрание – завратье.

Смотрим из двора. За вратами – улица, ведущая на площадь, базар, к ремесленным рядам, храмам, школам. У тебя есть, по крайней мере, две возможности – двинуть направо или налево. Но куда бы не вел твой путь, очень важно, как он начнется. Лучше всего сделать это, проходя под такой обыденной – и одновременно божественной – собственной аркой. Ты каждодневно благославляем ею...

Ни страшным землетрясениям, ни архитектурному модернизму здесь, в отличие от большинства современных городов, не удалось разрушить важнейшие институты связи и различия города и дома, небесного и земного. Врата – один из них.

Я уже писал о «джазовости» Алекسانдрополя: мастера-строители были открыты для творчества и импровизировали, легко смешивая элементы высокой, срединной и низовой архитектурных культур. Так вот, врата создают в этом джем-сейшене города эффект синкопы: дают возможность сделать краткую паузу в установленном ритме каждодневного пути. И осознать себя – уважаемым всеми варпетом, почтенным отцом семейства, хозяином собственной жизни, но порой – рабом рока, жертвой судьбы...

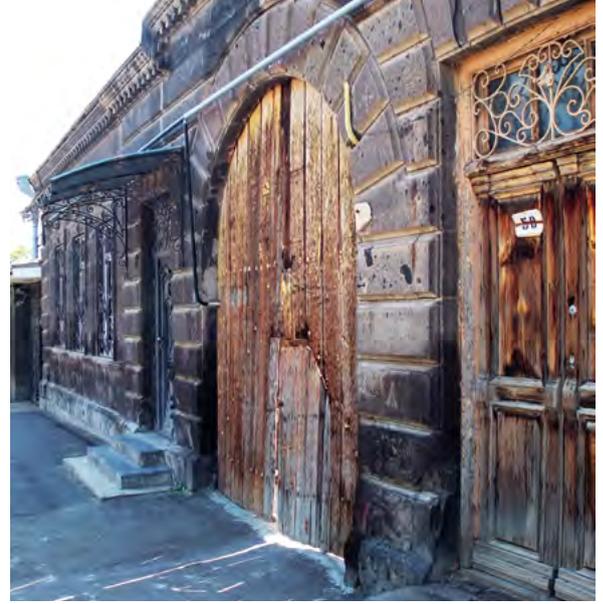
Так что задолго до изобретения кино здесь были созданы своего рода «кинематографические врата». И уже потом их потенциал использовали армянские режиссеры в снятых в Гюмри и о Гюмри картинах – на пути из города в фильм и обратно.

Вот несколько примеров.

«Родник Эгнар» (1970, режиссер Арман Манарян, сценарий Мкртича Армена по его одноименной повести), любовно-нравоучительный триллер из жизни сверхконсервативного города⁹. Среди средовых сюжетов лидируют родники. Но и врата – вовсе не фоновый компонент «картинки». Через них убегают в тайну герои и преследуют нарушителей «кодекса» нормальные горожане, за ними – снимают маски и прячут запретную любовь, из них выступают на свет парадных улиц, быстро сменяемый тьмой подворотен и тупиков. Их в фильме много, и они разные – от бревенчатых протопрат бедного огородника до гордых черных порталов лучших домов.

^ Врата на улицах Горганяна и Дживани

v Высокая калитка: улица Аджемяна

Но все они работают как прорывы в неодолимых преградах, окна возможностей, шиватели контрастных миров.

Снятая не совсем о Гюмри, но полностью в Гюмри «Пощечина» (в армянском прокате – «Кусочек неба», режиссер Генрих Малян, 1980), романтическая идиллия с хеппи-эндом. Периодические выходы через домашние врата отбивают ритм роста героя – от робкого мальчика не от мира сего до юного, но уверенного в себе мастера, готового ради любви пройти через любые трудности.

«Треугольник» (режиссер Генрих Малян, сценарий Агаси Айвазяна, 1967), суровый и поэтичный гимн последним алекпольским мастерам, пытающимся хранить традиции в новом социуме Ленинакана. Врата кузнечной мастерской впускают надежду, захлопываются перед непонятой любовью, вновь раскрываются для новых героев, принимающих целостный мир «пяти Мрктичей» и в ответ принимаемых ими – мальчика Ваню, русской девушки Любы, юных солдат перед уходом на фронт.

Ностальгическая мелодрама «Танго нашего детства» (1985). Режиссер фильма Альберт Мкртчян понимал, что даже при распахнутых створках плоскость ворот остается надежной границей между мирами улицы и двора. Такой невидимой завесой разделены ареалы двух женщин Рубена, главного героя картины, в артистичной сцене их перебранки: прежняя жена Сирануш с детьми перед вратами, на улице, и новая жена Вардуш за ними, во дворе, яростно защищают свои миры, но прямой конфликт невозможен. Врата есть врата.

Нынешний старый Гюмри наполовину опустошен и все так же кинематографичен. Но, бродя по нему, я никогда не чувствую себя, «как в кино». Многие дома покинуты, руинированы и сами по себе будто мертвы. А для города они живы. В них – та самая сила первоалекпольцев, строивших собственную жизнь, а построивших – город.

Черные туфовые камни стен и ворот впитали эту энергию и до сих пор отдают – ее так много, что и на кино хватило с избытком.

Фильмы, созданные здесь, наполнены этой сжатой энергией города, обязаны ей. Достоверны благодаря ей.

Краткая жизнь фильма и долгая жизнь города скрещены вратами Алекполя. В них высекается искра, вклю-

^ Врата на улицах Руставели и Спандаряна

чающая фантазию режиссера, движение камеры, свет в глазах зрителя.

Иногда спрашиваю себя: должен ли человек, создающий какие бы то ни было произведения об этом городе (фильмы, картины, книги) быть гюмрийцем? Лучше бы так. Но в любом случае ему нужно «привиться» к этому городу, прикипеть к нему. И не раз пройти сквозь алепольские врата – туда и обратно.

Армянское кино в долгу у Алеполя. Ведь киноленты, снятые здесь, запустила сила этого города. Только теперь, по словам Алексея Парщикова,

*Сила уходит через распахнутые ворота.
Сила уходит, являясь тому, кто зряч,
в виде короны на моментальном фото,
где в молоко угождает теннисный мяч.*

Александр Раппапорт, разбирая генезис образов города, предложил на своей страничке в Фейсбуке (31.12.2018) «формулу – порожденное городом им и управляет».

Это значит, что сегодня архитекторы строят города, опираются на романы, романсы, законы, ораторское искусство, пейзажи на живописных картинах и театры с их костюмами и сценами. <...> Когда современные архитекторы говорят о среде, психологии ее переживания – они мыслят романами и фильмами, фотографиями и гравюрами. Одним словом, весь тот массив средств и предметов изображения, которые город создал и благословил, теперь, объединившись в культурном сознании, становится орудиями и материалами искусства самой архитектуры и градостроения».

Таким образом, если бы сегодняшней Гюмри существовал и развивался бы в рамках нормальной, преемственной культурной системы (А → Л → Г = АЛГ), его образы, дистиллированные в лучших армянских фильмах периода Л (и врата – важнейший из них), существенно влияли бы, по Раппапорту, на его сегодняшнюю среду. Но реальная жизнь разрывна. В опустевших, необитаемых домах, в ничейных дворах, куда можно беспрепятственно зайти с улицы (таких много сейчас в центре Гюмри), эта тонко оркестрованная граница публичного и частного как бы «снимается». И среда теряет свою структурированность.

*Ряды ль колонн торжественных иль дыры
Дверей вчерашних – путника все так же
Из пустоты одной ведут они в другую
Таковую же... (Владислав Ходасевич)*

Но они все равно влияют, пусть и не так существенно, как могли бы...

В целом кино, снятое в Леникане, но основанное на образах старого Алеполя и во многом посвященное самому городу, стало тем порталом, через который город

> Кадры из фильмов «Пощечина» и «Родник Эгнар»

< Дом № 146 по улице
Гукасяна

выходил в большой мир. И он выходит в него каждый раз, когда кто-то в мире смотрит «Танго нашего детства».

Продолжающийся вернакуляр

Каждое воскресенье я шел и смотрел старые здания. Чем больше вы смотрите на хорошие здания, тем больше в вас любви.

Тадао Андо [3]

Американский историк архитектуры Грег Кастилло считает, что в «восточных» национальных республиках СССР в целом использование местных, национальных архитектурных форм в государственном строительстве имело чисто внешний, декоративный характер: «Пресле-

дую цель преобразования "отсталых" обществ по образу социализма, культурные власти [Советского Союза] монументализировали формы вернакулярной архитектуры, чтобы символизировать региональную идентичность населения, и в то же время ликвидировали социальные и политические структуры, которые лежали в основе вернакулярных традиций» [25].

В Ленинкане «структуры, лежавшие в основе вернакулярных традиций», каким-то образом продолжали существовать – это видно по результатам преемственного «низового» воспроизводства алекпольского вернакуляра вплоть до конца 1950-х годов.

В мире, инаковом по отношению к официальным, государственным пространствам социалистического Ленинканана, продолжала жить и воспроизводиться вернакулярная среда. Принцип «свобода внутри решетки» устоял, приобретя уже не только архитектурные коннотации.

Как решался жилищный вопрос в советском Ленинкане?

Марк Меерович, описывая в целом жилищную политику советской власти в период индустриализации, подчеркивал ее принципиальное отличие от старорежимных практик: «В противоположность дореволюционному автономному домохозяйству – частному, индивидуальному жилому пространству – с первых дней советской власти был практически сформирован новый тип жилища – коммунальное»; «Принципиальное отличие советских городов-новостроек, которые именовались «соцгородами», от дореволюционных состояло в том, что они на 90% состояли из барачков» [14].

Но так ли радикально было покончено с «дореволюционным» укладом в Ленинкане?

В конце 1920-х в исторической части города появились квартирные дома архитектора Дмитрия Числиева (комплексы на Интернациональной, вокруг Боши сада, отдельно стоящий дом у Горки-парка), куда расселялись привилегированные граждане – руководители заводов и фабрик, ИТР, чиновники, артисты театра и т. д. Но следов барачков (в отличие от коммуналок, в которые были превращены многие большие частные жилые дома) здесь не прослеживается.

< Кадры из фильмов
«Танго нашего детства» и
«Треугольник»

10. В Гюмри до сих пор называют улицы по-нью-йоркски – по номерам, присвоенным им на первых планах Александрополя. В данном случае большие числа говорят об удаленной локации относительно центра города

^ Здание постройки 1955 г. на улице Атарбекяна

11. Беседа автора с Анаит Карапетян, 08. 05. 2017, Ереван (перевод Виктории Сукиасян). Бабушка Анаит ушла из жизни 12 мая 2019 года в возрасте 97 лет. Светлая ей память! До самых последних дней она оставалась носителем городского «кодекса» – готовила родных к своему уходу, просила на похоронах вести себя достойно и не допускать чрезмерных рыданий, повторяя типично гюмрийское выражение: «Большое горе требует большого ума».

v Семья Карапетян (фото 1950-х гг. из семейного архива)

А самое главное – что советской властью не были уничтожены вернакулярные практики жилищного строительства. «Городу ремесленников» удалось удержать традицию частной вернакулярной жилой застройки по историческим прототипам по крайней мере до 1960-х годов.

Формально с вернакуляром боролись.

«В 1931 году вышло постановление ЦК КП/б/А «О бесплановом строительстве и дефектах в архитектурно-строительном деле», в котором говорилось о запрещении практики заказывания проектов частным лицам, подчас мало квалифицированным, и ведения строительства без утвержденных проектов» [6].

Но в реальности официальный город как бы закрывал глаза на повседневную жизнь, проходившую в кварталах регулярного вернакуляра, частично огороженных в 30-е – 50-е годы ширмами парадных проспектов, по своим, во многом неподвластным ему правилам... Существовал своего рода консенсус власти, создавшей свой показательный мир меж классицистических фасадов площадей и магистралей, и простых горожан, оставшихся за ширмами.

^ Вернакулярная застройка за «ширмой» новой части улицы Горького

В исторических кварталах, не до конца застроенных до революции, продолжалось строительство нормального, человеко- и историкосообразного (не-социалистического, не-модернистского) города – руками его жителей...

Характерный пример – дом № 146 по улице Гукасяна (45-й) на перекрестке с улицей Гарибджаняна (32-й¹⁰), построенный мастером Петросом Карапетяном в 1957 году. Согласно рассказу вдовы мастера бабушки Анаит¹¹, дом возведен на предоставленном горисполкомом свободном угловом земельном участке в юго-восточной части исторического города, распланированной еще в начале XX века, и был уже третьим по счету, сооруженным мастером для своей семьи по мере ее роста.

Черные туфовые камни для облицовки фасадов по 5 рублей за штуку¹² мастер заказывал на карьере, а затем собственноручно обтесывал с выполнением архитектурных деталей. Остальные материалы были не столь дороги, но весь дом был сложен Петросом собственноручно. На стройке каждодневно работала и его жена – выносила обломки туфа и прочий строительный мусор и заделывала им ямы на прилегающих участках улиц. Интересна трудовая этика гюмрийской семьи, принципиальное равенство ее членов. Анаит рассказывала:

«– Мы этот дом построили вдвоем.

– Вы помогли мужу?

– Я не помогала, я работала! Обычно на стройке бывают мастер и рабочие. Так вот, Петрос был мастером, а я – рабочим. Потому что пятеро детей было, и не было возможности рабочего нанять. Работали рано утром, до ухода мужа на работу. Отходы от камней я собирала в ведра и заполняла ямы на улице».

На иждивении мастера (он и формально работал в то время мастером в строительной бригаде при железнодорожной станции – не худшая, но и далеко не самая высокая должность в тогдашнем Ленинакане) находилось шесть человек (жена, сын и четверо дочерей), детей нужно было готовить к поступлению в институты, девочек – к замужеству, и каждый рубль в семье был на счету. Несмотря на это, только на украшение двух уличных фасадов дома потрачены немалые деньги. Было важно построить дом «не хуже, чем у людей». А по возможности

^ Вернакулярные детали: дом № 146 по улице Гукасяна

и лучше – особняк стал первым в округе, оборудованным ванной с горячей водой, что вызвало любопытство и зависть соседей.

«На окнах были ставни, которые закрывали на железные замки. Паровое отопление муж провел – не было ни у кого. Отдельная ванная комната. Люди удивлялись, просились посмотреть – ни у кого такого тогда не было».

Рассказчица подробно описала роль в процессе строительства знакомого ее мужа – городского инженера, бесплатно выдавшего мастеру проект двухэтажного дома (причина проста: он был влюблен в племянницу Петрося), а затем закрывшего глаза на то, что из-за нехватки средств был построен совершенно другой – одноэтажный дом. Интересно, что именно фигура инженера (не архитектора) в этом нарративе упоминается в качестве представителя власти, ответственного за городскую застройку.

«– Был ли какой-нибудь проект дома?»

– Знакомый инженер сказал, что нарисует проект. А муж ответил, что денег на это нет. Тот говорит, что без денег проекта не будет. В конце концов мой брат приехал и вырыл подвал. Заливали уже бетонный фундамент. И тут инженер пришел, начал ругаться: что это вы тут делаете? Петрося отвечает, ну а что я могу, денег у меня нет на проект. И инженер тогда вошел в положение и начертил все-таки проект – двухэтажного дома. Но этого проекта муж не придерживался. Не было денег на два этажа. И когда уже крышу делали – опять приходили из горисполкома, покрикивали – потому что дом не соответствовал проекту. Трудно с этим было в советское время».

Дом был продан в 1968 году, когда семья переехала в Ереван.

«– Как продали?»

– Три дочери переехали в Ереван учиться, мужа перевели туда работать, и я жила там одна с двумя детьми. Сначала была только устная договоренность с покупателями – и вдруг они со всем скарбом приехали из своей деревни. Я рассердилась – но пустила домой, позвонила мужу, он тоже рассердился, но выгонять людей с вещами не стал. И начали торг. Муж по телефону сказал,

что дом стоит 10 тысяч, а я перепутала и сказала – 9. Он приехал в Ленинакан – а как сказать про ошибку?

Я говорю, ты скажи им, что жена не знала, неправильно поняла. А муж говорит: «Я так сказать не могу, уважаю свою жену, раз сказала 9, то пусть так и будет. Не хочу, чтобы подумали, что она глупая. Я свою честь на деньги не меняю», – сказал.

Вот это наша история, сынок».

Этот простой с виду дом и по сей день украшает город, закрепляя один из углов его прямоугольных кварталов, как и множество подобных ему вернакулярных построек местных мастеров. Такие дома выстояли и живы. В тридцатую годовщину катастрофы 1988 года внучка мастера, Ани Саркисян, вспомнила в своем посте в Фейсбуке: *«Мой дед Петрося был каменщиком... После страшного землетрясения он попросил его отвезти в Гюмри, прошелся по всем своим постройкам... впервые я видела слезы на глазах деда... «Ба, бала джан, им огин ангист э (моя душа спокойна), всем свое дело надо делать на совесть, тогда не было бы столько жертв...» Дома, которые построил мой дед в Гюмри, были целы после землетрясения и стоят по сей день...»*

Вернакулярная архитектура – всегда устойчива (в полном значении термина sustainable). В случае Гюмри она устойчива и в буквальном смысле.

На видных местах фасадов здесь часто высечена дата строительства здания. Читая этот «вернакулярный дневник» города, можно установить рубеж бытования традиционного вернакуляра в Ленинакане. Это конец 1950-х – начало 1960-х гг., время запуска массового жилищного строительства, когда у горожан впервые появилась возможность решить жилищный вопрос иными способами, получая квартиры в пятиэтажках.

Так что, зная про дом на Гукасяна, 146 и множество ему подобных, я не могу согласиться с суждением корреспондента сталинского «Огонька»: «Город издавна славится своими каменщиками, но не было для них раньше простора, нечего было им строить. Ныне в городе множество красивых многоэтажных домов из арктического туфа» [17]. Простор был! – но только «внутри решетки», в слое вернакулярной ткани, как бы невидимой в государственную оптику. Там было что, для кого и кому строить.

12. На вопрос, о каком именно исчислении денег идет речь – до или после денежной реформы 1961 г., – рассказчица не смогла ответить определенно, но четко вспомнила свое тогдашнее ощущение: «камни стоили очень дорого». Для справки: средняя зарплата в СССР в 1957 г. составляла около 750 рублей.

13. Парадоксально, но они – в виде т. н. временных «домиков» для семей, потерявших кров при землетрясении 1988 года, – появились уже в Гюмри в 1990-е и, к сожалению, существуют в нем до сих пор

^ Вернакулярные детали: дома на улицах Мясникова и Атарбекяна

Тот «элемент современного мировоззрения», «сильно усложнивший призвание художника», который Уистен Хью Оден с печалью обозначил как «утрату веры в норму человеческой природы, которая всегда нуждается в одном и том же рукотворном мире, где человек чувствует себя дома» [15], не возобладал в городе АЛГ даже в модернистский период. И, как я покажу дальше, эта вера не утрачена и сейчас.

Включение в палитру советского жилищного строительства живого вернакуляра позволяет уточнить, а то и пересмотреть «черно-белую» картину советского жилищного строительства, которую отстаивает, например, историк архитектуры Дмитрий Хмельницкий: «Архитектура и ансамблевая застройка сталинского времени была, как сегодня говорят, «элитной». Рассчитанной на 2–3% населения. А массовая архитектура тогда была труппой, то есть за пределами того, что называется архитектурой – земляночно-барачной» (заметка на его странице в Фейсбуке от 16. 02. 2018).

А вот в Ленинкане, по крайней мере, в историческом центре, «труппой» не строили¹³.

Почему за ширмами чувствуешь себя лучше? Вернакулярные дома построены свободными людьми, пусть не политически и социально, но хотя бы «строительно», свободными в своем мастеровом деле. А дома-ширмы – построены по шаблону, приказу, заказу – устроить «радость». Но эта дареная радость была искусственной... Настоящая создается только самостоятельно.

В домах-ширмах жили «привластные» люди, получившие там квартиры бесплатно и потому вдвойне зависимые от власти. А за ширмами – в вернакулярных кварталах – построившие свои жилища своими руками и на свои сбережения или получившие их в наследство мастера, друзья мастеров и их семьи – тоже зависимые от начальства, конечно. Но – меньше.

Конечно, в небольшом городе эти жизненные парадигмы постоянно пересекались. В Гюмри вспоминают «дом Варданяна». Он «был одноэтажным, но оказалось, что в нем три, а то и четыре этажа. Просто дом построили еще в советские годы, когда Варданяна назначили директором крупного завода, и его характер в тот же день изменился. <...> Когда строил дом, три

раза приказывал сносить фундамент. Он получался недостаточно высоким и не отражал его солидного положения в обществе. Приезжал на белой Волге, недовольно сжимал губы, морщил лоб, и все понимали без слов, что фундамент нужно сносить. Пока однажды, к всеобщей радости строителей, ему все-таки понравилась «солидная высота», и дом быстро и качественно достроили с заборами, воротами, садом и самым высоким тополем в Старом городе» [1].

Вот она, вернакулярность в живом виде: дом в процессе строительства подлаживается под «характер» и «положение в обществе» хозяина. Правда, об архитектурных достоинствах этого неовернакулярного дома рассказчица не упоминает, и что-то заставляет тревожиться за их уровень...

Новое черное: черный вернакуляр и «Черный ящик»

Архитектура имеет право на существование, если только она служит созданию пространства свободы.

Вольф Прикс [7]

Новые черные дома начала нового тысячелетия. Иногда они безыскусны, порой – если хозяева побогаче – с претензией на «роскошность»; пропорции их больше не идеальны, детали вычурны и порой вульгарны. Но они появлялись и при негласном неодобрении бывшего мэра города, любителя фельзитовой желтизны, будто бы запретившего в городе строительство новых домов из черного туфа («они печальны, желтые – веселее»), но для себя построившего в центре старинного района Слабодка черный нео-вернакулярный особняк, шикарный по меркам не только сегодняшнего Гюмри.

Черный по цвету стен, черный по стилю. Это «старорежимное» написание кажется более уместным в применении к подобным слишком щедро, чрезмерно украшенным домам, появляющимся сегодня в историческом центре города. В отличие от традиционного, сугубо контекстуального алекпольско-ленинканского вернакуляра, градоустроительные задачи заказчиков черных зданий амбициозней. Не просто влиться в городской ансамбль, дополнить и укрепить его, но проявить собственную

^ Фрагмент здания постройки 1988 г. (офис Ординариата Армянской католической церкви в Армении, Грузии, России и Восточной Европе)

^ Фрагмент застройки 2000-х гг. на улице Маяковского

значимость, выделиться из общего ряда. Вроде бы они внутри традиции, исходят из желания следовать устоям «гюмрийства» (только по красным линиям, этажность не выше двух, традиционные материал и декор). Но при этом – перебор в деталях, их взаимонесоответствие, нарушение негласных правил построения фасадов, коим следовали старые мастера...

И все же новый черный вернакуляр выполняет очень важную функцию – залечивает раны последнего землетрясения, которых еще так много в городе...

Примерно в то же время – 2000-е – появляется, да еще и на главной площади, в непосредственной близости от городской святыни – церкви Семи Ран, – новый черный дом совершенно другого типа – т. н. «Черный ящик» архитектора Гарегина Егояна. Дом-вызов гипер-традиционному, слишком консервативному и этически, и эстетически городу, который мало и медленно меняется и после катастрофы 1988. Важно, что на эту инновацию решился коренной ленинканец, хорошо знающий местные нравы. Наверняка он предполагал, что дом вызовет неприятие и пересуды – так и случилось. Зодчий пошел наперекор мнению большинства жителей и коллег – как юный мастер Торик в «Пощечине», но тот-то ради любви, а этот, я думаю, ради города.

Возможно, это попытка «уплотнить» (а не разбавить) и как-то ускорить местное время, domestifyцировать веяния современной жизни, актуальные глобальные тренды (по первому назначению в здании находился магазин электроники «Зигзаг» – отсюда «нервный» рисунок переплетов, – а сейчас происходит банковские транзакции), сделать глобальное локальным, «гюмрийским». Без прямого цитирования и формального подражания старине.

Так возникла, наконец, особая – ассонансная – партия в «черном джем-сейшене» города.

Достаточно ли он «тактилен»? Хватает ли для адекватности все еще относительно однородному историческому контексту лишь отражений в остеклении здания, которые, как получилось, доминируют при его восприятии, даже если это отражения самого сакрального городского черного – церковью Семи Ран и Аменопркич (вернакулярной копии кафедрального собора Ани)?

Дом был задуман вполне тактильным внутри – в интерьере как бы продолжалась туфовая стена фасада соседнего кинотеатра «Октябрь». Переделка магазина в банк, к сожалению, исказила этот эффект.

По критерию материальности «Черный ящик» можно сравнить со зданием новой Главной синагоги в Мюнхене (архитектор Wandel Hoefer Lorch, 2006), такой же архитектурной инновацией, вставленной в исторический контекст. Там тоже есть осознанная работа именно с камнем – иерусалимским, напоминающим о Стене Плача – то есть с таким материальным, которое тут же переключает в духовное. Без такой работы здание выскользнуло бы из сложной старгородской среды – ему нечем было бы за нее зацепиться и враспи.

А по использованию цвета – повысим планку еще немного – он напоминает черные башни Миса ван дер Роз в Чикаго и Нью-Йорке, про которые кто-то сказал – «элегантность black tie», или его же Новую национальную галерею в Берлине, сходную с «Ящиком» черным металлом колонн, импостов, переплетов. И по мне, черный металл подходит Гюмри больше, чем желтый камень.

Здание-вопрос. Какой может быть современная архитектура в патриархальном городе, если бы последний захотел жить современной городской жизнью?

Философ Александр Филиппов вспоминал о своем посещении парижского Центра Помпиду: *«Я понял, что способность современного искусства развязать человеческое воображение, заставить его видеть, творить, фантазировать по-другому – это такая вещь, без которой любая страна, в конце концов, умирает. Именно непопулярное, не народное, не несущее ничего утешительного и не укрепляющее солидарность должно быть поддержано как публичное, потому что это сложным образом влияет на состояние общества в целом. Как есть живая традиция, так есть живой модерн, ставящий на ней крест, и эта борьба благотворна для зрителя»* [20].

Ну что же, благодаря «Ящику» в Гюмри переплетаются живой модерн и живой вернакуляр. Символична небольшая каменная арка, сшивающая задний кубический объем «Ящика» с соседним историческим домом: она появилась на моих глазах и закрепила этот союз.

^ Чорный дом 2000-х гг. на ул. Абовяна – имитация «Дома с двойным карнизом»

^ Гюмрийская девушка, фрагмент здания «Черный ящик» и церковь Семи Ран

Совсем новые черные и черно-красные дома продолжают строиться: одноэтажные здания на 25-й улице, 2-этажный дом на улице Пушкина напротив библиотеки им. Мкртича Армена, другие. И ко многим из них слово «чорный» неприменимо – они вполне корректно встраиваются в среду, продолжая в XXI веке лучшие традиции мастеров алекпольского вернакуляра и их наследников, работавших в Ленинакане еще в 1950-х – 60-х годах.

Я занимался разработкой ограничительных режимов нового строительства в центрах исторических городов и знаю, как трудно они принимаются и, тем более, исполняются. Тем удивительнее само появление подобных зданий, полностью уместных и «правильных», происходящее здесь без всяких писанных правил.

Здесь как будто бы действует какой-то невидимый, очень строгий регламент, преступать который не то чтобы невозможно – многие сами не хотят.

Ну, так он и в самом деле тут действует. Это живые традиции вернакулярного строительства + неписанный «кодекс» города АЛГ. И это – феноменально.

*Был бы я крестным ходом,
Я от каждого храма
По городу ежегодно
Нес бы пустую раму. <...>
Левая сторона улицы
Видела бы святую правую.
А та, в золотой оправе,
Глядя на нее, плакала бы.*

Провидец Андрей Вознесенский в этом стихотворении 1980 года как бы предсказал мой метод и-средовидения – наведения собственной «рамы», одновременно нормализующей и сакрализирующей, на обыденные места и объекты города.

Но ведь точно такую «рамку» наводил на город его средостроитель – вернакулярный мастер, видя сакральное в своих вроде бы обыденных зданиях.

Собственно, так видят свой город и любящие его жители, и не раз в год – всю жизнь.

В АЛГ из врат и окон левой стороны вернакулярной улицы всегда видны врата и окна домов на правой сторо-

не. А при взгляде вдоль улицы часто – колокольня того или иного храма.

Обыденное и сакральное переплетены.

Литература

1. Арабаджян, Л. Город воскресных голубей. – Ереван: Тигран Мец, 2017. – С. 83
2. Армен, М. Родник Эгнар. – Ереван: Советакан грох, 1984. – С. 35
3. Архитектор без образования: пять великих самоучек – URL: <http://www.interior.ru/architecture/trend/2100-arkhitektor-bez-obrazovaniya-pyat-velikikh-samouchek.html> (дата обращения: 10.07.2019)
4. Басс, В. Изобретение «Старого Петербурга» 100 лет назад: к истории самого успешного отечественного предприятия по отделению архитектуры от политики // НЛО. – 2018. – № 1. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2018/1/izobretenie-starogo-peterburga-100-let-nazad.html> (дата обращения: 10.07.2019)
5. Бенуа, А. Н. Живописный Петербург // Мир искусства. – 1902. – № 1
6. Долуханян, Л. К. Архитектура Советской Армении: 20-е годы. – Ереван: Советакан грох, 1980. – С. 10
7. «Дом строителей будущего» – Вольф Прикс и мастерская «Народный архитектор»/«Дом архитектора»: Авторский проект Ирины Коробьиной. – URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/63969/episode_id/2168140/ (дата обращения: 10.07.2019)
8. Другой Хайям. Поэтический перевод английского собрания The Rubaiyyat of Omar Khayyam by Robert Graves & Omar Ali Shah. – Москва: Издательская группа Традиция, книгоиздательство АБВ, 2014. – С. 48
9. Иванов, А. В. Продолжающаяся жизнь деревянного города: Городец, Экфьё, Иркутск // Проект Байкал. – 2009. – № 21. – Сс. 66–75
10. Иванов, А. В. Историческая социально-территориальная структура города (махалля) как основа формирования правил землепользования и застройки: пример ПЗЗ города Узген (Киргизия) // Землеустройство: история и современность: мат-лы межд. науч. конференции 19–21 мая 2011 г. – Пермь, 2011. – Сс. 171–185
11. Иванов, А. В. Вернакулярная архитектура Еревана XIX – середины XX в.: Средняя ценность и необходимость сохранения // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – Вып. 6. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. – Сс. 264–282

^ Вернакулярные соседи на улице Горького: черный и черный

^ «Чёрный ящик» на главной площади Гюмри

12. Иванов, А. В. Регулярный вернакуляр: свобода внутри решетки (исторический центр Гюмри XIX – середины XX в.) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – Вып. 9. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. – Сс. 159–192

13. Иванов, А. В. Война и мир: Чёрный форт, Александрополь-Гюмри // Проект Байкал. – 2018. – № 55. – Сс. 36–41

14. Козлов, И. «История советской архитектуры – это лживая каша»: интервью с Марком Мееровичем: 30 апреля 2018. – URL: <http://zvzda.ru/interviews/a338b6638a61> (дата обращения: 10.07.2019)

15. Оден, У. Х. Поэт и город (эссе из книги «Рука красильщика», 1962) // Новая Юность. – 2018. – № 2. – URL: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2018/2/ruka-krasilshika.html (дата обращения: 10.07.2019)

16. Оже, М. Не-места: Введение в антропологию гипермодерна. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – С. 109

17. Семенова, И. Текстильщики Лениакана // Огонек. – 1952. – № 17 (1298), 20 апреля. – С. 5

18. Скокан, А. Субъективная попытка рассказать о профессиональных проблемах. 10.01.2019. – URL: <https://archi.ru/russia/82109/arkhitektob-arkhitekture-i-arkhitekturakh> (дата обращения: 10.07.2019)

19. Тер-Габриэлян, Г. Грант. Мемуарная повесть. – URL: <http://southcaucasus.com/old/index.php?page=publications&id=1533> (дата обращения: 10.07.2019)

20. Филиппов, А. У нас осталось в запасе несколько спокойных лет. 22.12.2017. – URL: <https://republic.ru/posts/88616?code=216d6ae9fe0fb84a24e469f7fa428ec0> (дата обращения: 10.07.2019)

21. Харшав, Б. Язык в революционное время. 13 марта 2008 года. – URL: <http://booknik.ru/library/all/bendjamin-harshav-yazyk-v-revolutsionnoe-vremya/> (дата обращения: 10.07.2019)

22. Шагоян, Г. «Первый» и «второй» в образах Гюмри: опыт семиотического анализа городского текста // Критика и семиотика. – Вып. 16. – 2012. – Сс. 17–47. – URL: <https://docplayer.ru/33560274-Pervyy-i-vtoroy-v-obrazah-gyumri-opyt-semioticheskogo-analiza-gorodskogo-teksta.html> (дата обращения: 10.07.2019)

23. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона/под ред. И. Е. Андреевского. – Т. 1а. – СПб.: Семеновская Типо-Литография (И. А. Ефрона), 1890. – Сс. 821–822

24. Browning, R. Red Cotton Nightcap Country or, Turf and Towers (1873), pt. II

25. Castillo, G. Soviet Orientalism: Socialist Realism and Built Tradition // Traditional Dwellings and Settlements Review. – Volume VIII. – Number 2. Pp. 33–47, 1997. – URL: <http://iaste.berkeley.edu/pdfs/08.2d-Spr97castillo-sml.pdf> (дата обращения: 10.07.2019)

26. Charter on the Built Vernacular Heritage. 1999. URL: www.icomos.org/charters/vernacular_e.pdf (дата обращения: 10.07.2019)

27. Noble, A. Traditional Buildings: A Global Survey of Structural Forms and Cultural Functions. – London: I. B. Tauris, 2007

28. Rudofsky, B. Architecture without Architects: A Short Introduction to Non-Pedigreed Architecture. – New York: Museum of Modern Art, 1964

Состав местного населения в малых исторических городах будет меняться. Уже сейчас в них селятся люди, которые по роду своих занятий могут работать в режиме он-лайн. Именно они сохранят, возродят и омолодят такие городки, как Кулдига.

Ключевые слова: малый исторический город; изменение состава населения; работа он-лайн; сохранение; возрождение. /

The local population composition in small historic towns will change. Even now, people that can work online settle down in such towns. These very people will save, revitalize and bring new blood in such towns as Kuldīga.

Keywords: small historic town; change in the population composition; online job; preservation; revitalization.

Кулдига – город будущего /

текст

Александр Раппапорт

text

Alexander Rappaport

Кулдига – маленький город в Латвии, в области Курземе (бывшей Курляндии), и один из красивейших старых городов Прибалтики. В последние годы усилиями городских властей город начал масштабные работы по благоустройству, реставрации старинных деревянных построек, новому мощению дорог и тротуаров.

Город расположен в живописной долине реки Венты, которую пересекает широчайший, хоть и невысокий водопад, считающийся одним из достопримечательностей Латвии. Здесь некогда была спичечная фабрика, но она сгорела, и город для ведения своих реставрационных работ постоянно нуждается в помощи со стороны.

Власти возлагают надежды на туризм и с этой целью пытаются проводить в Кулдиге разного рода праздники и фестивали, выставки и летние школы. В последнее время появилась идея создать в Кулдиге музей деревянных дверей и архитектурной фотографии.

Попытки реставрировать старые деревянные постройки встречают все большее понимание местных жителей, но это дорогое удовольствие многим не по карману.

Не остаются в стороне и проблемы сохранения планировочной структуры и самого образа города, в котором начинают строиться новые современные здания, плохо вписывающиеся в исторический ландшафт.

Что же делать, и чем вызвано нынешнее желание сохранить деревянную Кулдигу XIX века? Не очередной ли это всплеск моды, который, как и всякая мода, уйдет в прошлое? Нынче восстановление старой архитектуры распространяется с отдельных выдающихся памятников зодчества – храмов, крепостей и пр. – на рядовую застройку, которая ветшает и не в силах сопротивляться напору нового строительства, особенно в больших городах, таких, как Москва, Казань или Иркутск. Есть, конечно, опасность превращения реставрационной работы в новый градостроительный китч, растекающийся по планете под ветром туристического бизнеса.

Нынешний энтузиазм охранного движения – движения по спасению исторического облика городов – по своему размаху напоминает столь же необоримое желание осовременить эти города стеклянными коробками или даже небоскребами, которые тоже все еще не вышли из моды. Стоит вспомнить битвы петербуржцев с Охта-центром.

Встает вопрос: как относятся к этим нововведениям и реставраторскому энтузиазму не власти, мечтающие придать городу рыночный вид и привлечь туристов, а сами жители города, так называемое «местное» население? И тут начинается невидимая на первый взгляд диалектика. Кто это местное население?

Те ли это одинокие старушки, внуки которых давно уехали в Ирландию и Норвегию и вряд ли намерены возвращаться по домам? Или это какие-то богатые чудаки, которым надоели мегаполисы и которые на старости лет не прочь пожить в городке, где до любого места можно дойти пешком или доехать в инвалидной коляске?

Мне в голову приходит мысль, что само это «местное население» будет меняться и едва ли подвергнется реставрации. Внуки старушек, если они и останутся в Кулдиге, будут уже не только колоть дрова и топить печи; они будут ежедневно по утрам окупаться в безбрежный океан интернета со своими iPads & iPhones. Город как символ эпохи, мечтающий обзавестись своим маленьким конструктивизмом или хайтеком, уже перестал быть для людей самым очевидным символом времени. На место чудаков и отшельников могут приехать люди, которые работают на других континентах, а жить хотят там, где еще слышен по утрам крик петуха.

Воздух города, делавший человека средних веков свободным от власти баронов, сегодня лишь засоряет легкие. Ритмы Большого города, подстегивавшие: «время – вперед!», сегодня становятся угрозой для психического здоровья миллионов. Все меняется.

Начинается новое переселение народов: алжирцев в Париж, турок в Германию, пакистанцев в Лондон, азербайджанцев в Москву, москвичей и лондонцев в Кулдигу.

Большим городом стала сегодня вся земля, а Большие города вымирают, как динозавры.

И уже не Хрустальный дворец Гайд-парка (1851) кажется нам образом «города будущего», а лишь сам Гайд-парк, или «город-сад», созданный неподалеку от Лондона по замыслу социолога-утописта Эбенизера Говарда. Но не тот «город-сад» который проектировал Ле Корбюзье, не тот, о котором мечтали воспетые Маяковским рабочие, лежа в холодных лужах под старыми телегами, не «Лучезарный город» или «Город солнца», а живой

Kuldiga, the City of the Future

небольшой, вечно молодой и вечно старый Гороховец, Марбург, Кулдига.

Новые племена начали растекаться по планете – ученые и художники, фотографы и поэты, генетики и философы. Русские, испанцы, китайцы, казахи, французы осваивают заново места своих далеких предков и возвращают молодость малым историческим городам не топотом сандалий празднующихся туристов, а свежим ветром идей и мыслей о будущем, которое нам еще никогда не снилось, и о человеке, который еще только просыпается в людях.

Небольшие старые города хороши не своим ярмарочным видом и даже не снобистским обликом Кембриджа

и Оксфорда, а незатейливой простотой обыденной жизни, которая обладает свойствами еще лучшими, чем красота – достоинством и уместностью.

Литература

Григорьева, Е. И. Доступная история // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 28–30

References

Grigoryeva, E. (2014). An Accessible Story. Project Baikal, 11(39-40), 28-30. doi:10.7480/projectbaikal.39-40.696

Статья посвящена особому качеству среды малых городов юга Италии. Отмечается пространственная, масштабная и символическая специфика такого типа поселения, как коммуны. Отмечается, что эти города задают особую, архетипическую микромодель полноценного города.

Ключевые слова: коммуна; малый город; пространство; масштаб; микрокосм. /

The article is devoted to peculiarities of the environment of small towns in the south of Italy. It points out spatial, scale and symbolic features of such settlements as communes. Such towns provide a special archetypical micromodel of a full-featured town.

Keywords: commune; small town; space; scale; microcosm.

Величие малого

Среда малых городов юга Италии через фотообъектив /

The Greatness of the Small

The Environment of Small Towns in the South of Italy Through the Camera Lens

По размерам территории и населения, как и по иным привычным для нас российским представлениям о масштабе урбо-поселений, абсолютное большинство городов Италии можно считать «малыми городами». К городам итальянского (преимущественно аграрного) юга это относится в особенности. Города Апулии и Базиликаты, Кампании, Калабрии и Сицилии почти все имеют территориальную протяженность, доступную неутомительному пешеходному освоению. То же касается и населения,

число которого в иных местах таково, что почти всех жителей можно знать в лицо. В Апулии, за исключением нескольких сравнительно крупных городов (Бари, Таранто, Леччо, Бриндизи), основной тип поселения – компактная коммуна, естественно разросшаяся вокруг плотного исторического ядра. Среди таких коммун, например, Монополи с его населением около 49 тысяч человек – уже достаточно крупный город. Соседние же Полиньяно-а-Маре (18 тысяч), Остуни (31 тысяча) или Путиньяно (около 28 тысяч) – по российским меркам, поселки городского типа – смело можно отнести к «малым городам». Демографически не слишком сильно отличаются и гордость Базиликаты – Матера, и сицилийский Агридженто (оба, приблизительно, по 60 тысяч населения).

Любого жителя мегаполиса, чье восприятие неизбежно искорежено циклопическими масштабами пространства и хроническим ощущением своей в нем микроскопичности, южные коммуны Апеннинского полуострова, эти удивительные «малые города» Италии, заставляют напрочь изменить представление о «малом городе» как о чем-то неполном, не достигшем совершенств и преимуществ большого города. Напротив, своим гуманистическим масштабом, своей соразмерностью человеку, ограниченностью своих территориальных пределов эти компактные сгустки урбанизма задают модель города как человеческой обители, в которой индивидуальность человека, всякий его жест не утрачивают своего возвышенного и возвышающегося над временем и пространством значения. В плотном пространстве коммуны обнаруживается гармоническая взаимосвязь между суверенностью отдельного человеческого тела и всеобщностью тела города, между горожанином и городским сообществом, между приватностью и публичностью, между интимным лиризмом личного переживания пространства и пафосом общегражданского единения в этом пространстве.

Коммуны южной Италии учат нас подлинному величию – величию малого. Микрокосм городка, где каждый знает каждого и ощущает все его пространство как свое, становится для горожанина макрокосмом человеческого общежития. Духовная вертикаль и социальная горизонталь явлены в архитектуре и пространствах города

текст

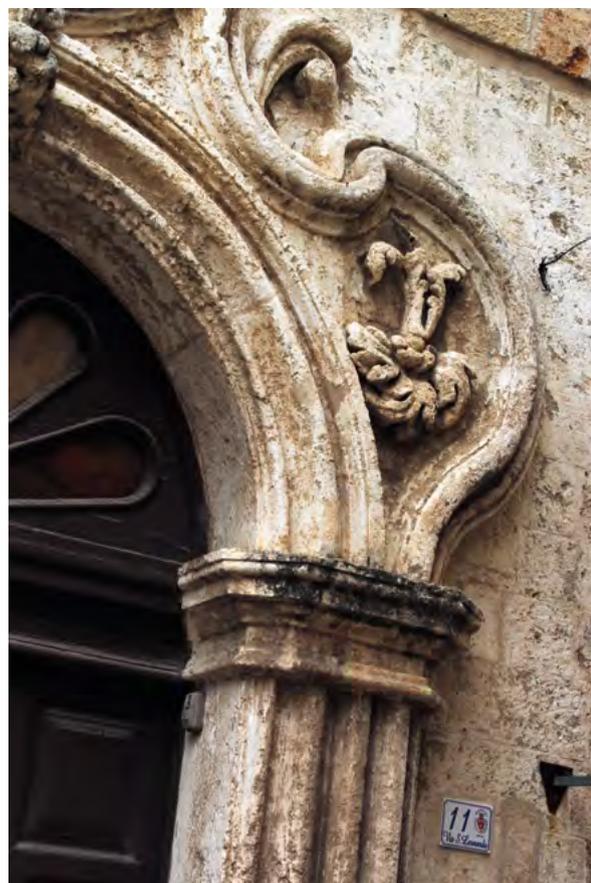
Леонид Салмин /
text
Leonid Salmin

Фото автора /

Photos by the author

На фото города:

Агридженто, Монополи,
Полиньяно-а-Маре,
Путиньяно, Остуни, Матера
/ The photos represent
the cities of Agrigento,
Monopoli, Polignano a Mare,
Putignano, Ostuni, Matera

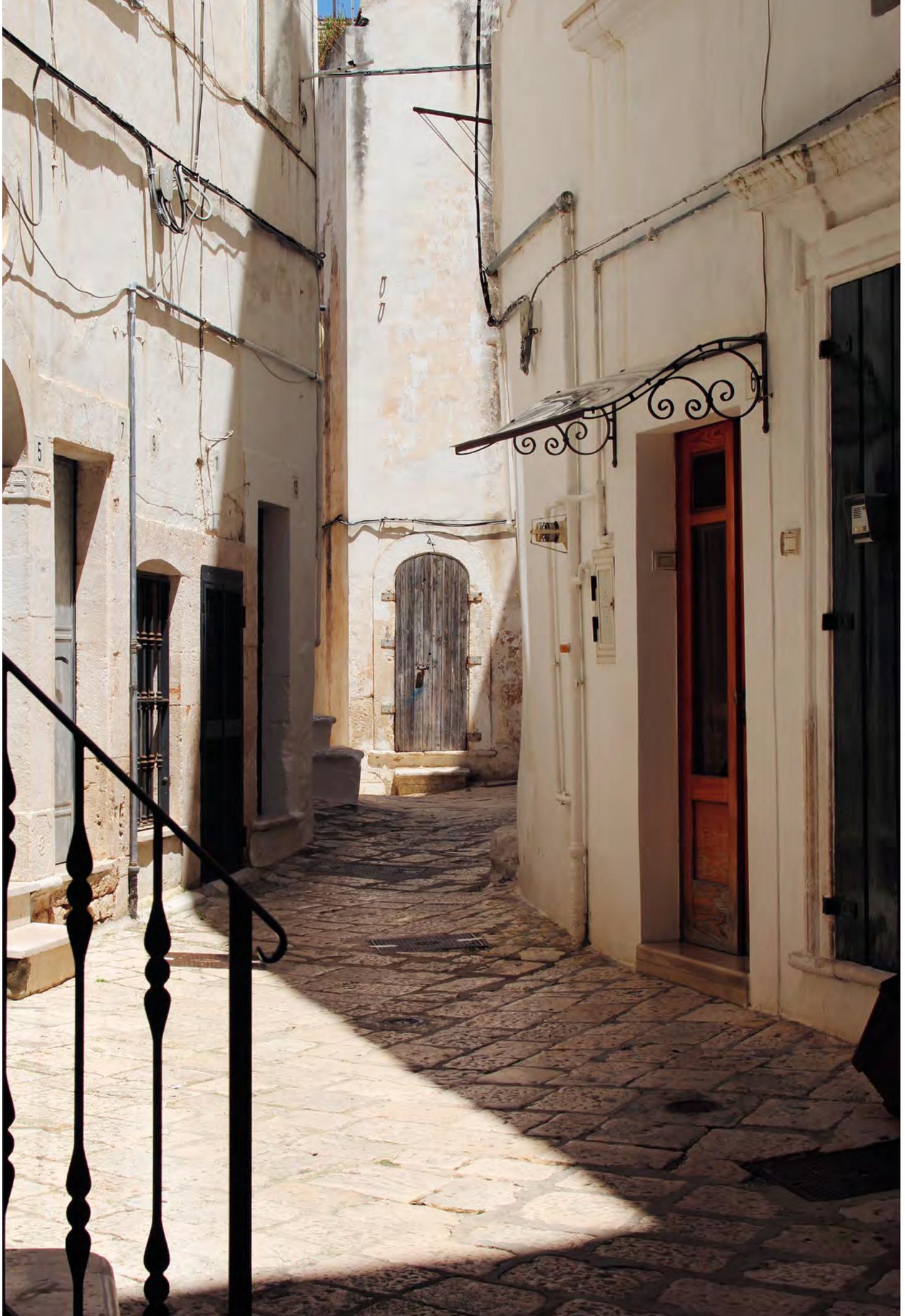

как скрещение божественного и человеческого. Это прочитывается как в выточенной человеком пластике окружающих каменных тел, так и в отприродной пластике ландшафта. Нет сомнения, что здесь человек бродит по улочкам, встречая Бога за ближайшим поворотом.

«Малый город» итальянского юга полон достоинства. Это достоинство, прежде всего, в нажитом за многие века умении быть собой, в простирающемся во времени чувстве исторической преемственности, в любви к месту. Именно такая самодостаточность всякий раз делает пространственную среду коммуны центром мира, маленькой колыбелью величия.

Для всякого любителя визуальности итальянская коммуна – образец фотогеничности. На этих страницах – всего лишь несколько из тысяч кадров, снятых автором в разных южноитальянских городках. Выбор этих кадров достаточно случаен и условен. Невозможно в нескольких картинках передать то ощущение пространства, которое рождается лишь в «сплошности» его созерцания, лишь в связности его телесного осязания и духовного освоения. Фотография в своей дискретности, конечно же, противоречит континууму города. Однако же именно фотография позволяет выхватить те детали, ракурсы, секундные состояния, поток которых обычно непрерывно несется, не позволяя простому путешественнику врастать в место, вживаться, становиться частью города. Фотография – способ остановить время и, вопреки всему, пожить там, где не случилось родиться.

авторы

Анисимов Александр Викторович – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, академик МААМ, заслуженный архитектор России, главный научный сотрудник Отдела современных проблем средоформирования и градорегулирования Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ) (филиал ФГБУ ЦНИИП Минстроя России), профессор ВГИК

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Бодэ Андрей Борисович – кандидат архитектуры, советник РААСН, научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ФГБУ ЦНИИП Минстроя России)

Боков Андрей Владимирович – доктор архитектуры, академик РААСН, президент МААМ, народный архитектор России (Москва)

Большаков Андрей Геннадьевич – доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой архитектурного проектирования ИРНИТУ

Булгакова Елена Александровна – кандидат архитектуры, советник РААСН, зав. кафедрой архитектуры МИТУ–МАСИ

Гельфонд Анна Лазаревна – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, профессор, зав. кафедрой архитектурного проектирования, главный архитектор Архитектурной мастерской ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, вице-президент Союза архитекторов России (Иркутск)

Дружинина Инна Евгеньевна – член Союза архитекторов России, доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНИТУ)

Дуцев Михаил Викторович – доктор архитектуры, советник РААСН, профессор, зав. кафедрой дизайна архитектурной среды ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», ведущий научный сотрудник отдела проблем теории архитектуры НИИТИАГ (филиал ФГБУ ЦНИИП Минстроя России)

Евтюхина Дарья Владимировна – архитектор ООО «Студия «АрНуво» (Рязань)

Заславская Полина Александровна – архитектор Сибирской лаборатории урбанистики (Иркутск)

Иванов Андрей Владимирович – архитектор, урбанист, исследователь, советник департамента планирования и развития территорий, научный сотрудник Сектора проблем культурной среды поселений ФГНИУ Российского института культурологии

Казакова Валентина Игоревна – архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (Иркутск)

Клименко Юлия Гавриловна – кандидат архитектуры, старший научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ФГБУ ЦНИИП Минстроя России), профессор МАрХИ, член ИКОМОС и Российского общества по изучению XVIII века (РАН)

Князева Марина Вячеславовна – кандидат исторических наук, член Союза дизайнеров России, зав. кафедрой «Архитектура и градостроительство» Рязанского института (филиал) Московского политехнического университета

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, профессор

кафедры архитектуры и урбанистики Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии (София, Болгария)

Литовкина Полина Дмитриевна – студентка Института архитектуры, строительства и дизайна ИРНИТУ

Макаров Андрей Юрьевич – член-корреспондент МААМ, президент коллегии СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров» (Иркутск)

Маяренков Сергей Юрьевич – член Общественной палаты г. Иркутска, руководитель АНО «Иркутские кварталы»

Мельникова Виктория Константиновна – член Союза дизайнеров России, доцент кафедры «Архитектура и градостроительство» Рязанского института (филиал) Московского политехнического университета

Митичкина Анастасия Евгеньевна – генпланист ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа», аспирантка ИРНИТУ

Нащокина Мария Владимировна – доктор искусствоведения, академик РААСН, почетный член РАХ, заслуженный архитектор РФ, главный научный сотрудник и руководитель отдела НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»)

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, научный сотрудник филиала НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»)

Репина Анастасия Владимировна – архитектор Сибирской лаборатории урбанистики (Иркутск)

Салмин Леонид Юрьевич – кандидат искусствоведения, дизайнер, архитектор, профессор кафедры графического дизайна Уральского архитектурно-художественного университета (Екатеринбург)

Селиванов Роман Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования ИРНИТУ

Соколов Станислав Олегович – архитектор Сибирской лаборатории урбанистики (Иркутск)

Таныш Фатма – аспирант кафедры истории архитектуры и градостроительства факультета архитектуры и строительства Дельфтского технического университета (Нидерланды)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, член Союза журналистов России (Иркутск)

Фальковский Дмитрий Константинович – генеральный директор ООО «Мастерская архитектуры и дизайна ФОКС» (Иркутск)

Холявко Анастасия Олеговна – магистрант ИРНИТУ, архитектор Сибирской лаборатории урбанистики (Иркутск)

Хувен Франк ван дер – доктор наук, доцент кафедры градостроительного проектирования, директор по науке факультета архитектуры и строительства Дельфтского технического университета (Нидерланды)

Чертилов Алексей Константинович – архитектор, председатель Совета ИРО ВООПИК, доцент ИРНИТУ (Иркутск)

Ямова Евгения Викторовна – архитектор, генеральный директор ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа»

Благодарим за участие в подготовке номера и работе редакции архитектора **Евгению Сурикову**, администратора ИДА **Наталью Князеву** (Иркутск) и архитектора **Елену Евсееву** (Томск)

authors

Alexander Anisimov – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, full member of IAAM, honored architect of the RF, chief researcher of the Department of Contemporary Problems of Environment Formation and Urban Regulation at Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia, professor of All-Russian State Institute of Cinematography

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Andrei Bode – Ph.D. in Architecture, advisor of the RAACS, researcher of Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Andrey Bokov – Doctor of Architecture, full member of the RAACS, president of IAAM, people's architect of Russia (Moscow)

Andrey Bolshakov – Doctor of Architecture, professor, head of the Department of Architectural Design of Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Elena Bulgakova – Ph.D. in Architecture, advisor of the RAACS, head of the Architecture Department at Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute (MITU-MACI) (Moscow)

Anna Gelfond – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, professor, head of the Department of Architectural Design, chief architect of the architectural bureau at Nizhegorodsky State University of Architecture and Construction

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, honored architect of the RF, full member of IAAM, vice president of the UAR (Irkutsk)

Inna Druzhinina – member of the UAR, Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering of INRTU

Mikhail Dutsev – Doctor of Architecture, advisor of the RAACS, professor, head of the Department of Design of Architectural Environment, Nizhegorodsky State University of Architecture and Construction, leading researcher of the Department of the Problems of Architectural Theory at Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Darya Evtyukhina – architect, 000 ArtNouveau Studio (Ryazan)

Polina Zaslavskaya – architect, Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Andrei Ivanov – architect, urbanist, researcher, advisor of the Territorial Planning and Development Department, research officer of the Sector for Problems of Cultural Environment of Settlements at Russian Institute of Cultural Studies

Valentina Kazakova – architect, Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Julia Klimenko – Ph.D. in Architecture, senior researcher of Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia, professor of MArchI, member of ICOMOS and the Russian Society for the Study of the XVIII Century (RAS)

Marina Knyazeva – Ph.D. in History, member of the Union of Designers of Russia, head of the Department of Architecture and Town Planning at Ryazan Institute, branch of Moscow Polytechnic University

Nikolai Kradin – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, honoured architect of Russia, professor of the Department

of Architecture and Urbanistics at Pacific Ocean State University (Khabarovsk)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Polina Litovkina – student of INRTU Institute of Architecture, Construction and Design

Andrey Makarov – corresponding member of IAAM, president of the collegium of SRO NPO Baikal Association of Architects and Engineers (Irkutsk)

Sergey Mayarenkov – member of the Civic Chamber of Irkutsk, director of the ANO "Irkutsk Quarters"

Victoria Melnikova – member of the Union of Designers of Russia, Ass. Professor of the Department of Architecture and Town Planning at Ryazan Institute, branch of Moscow Polytechnic University

Anastasia Mitichkina – master planning specialist, 000 Agency of Development of Territories "Town Planning School", PhD Candidate, INRTU

Maria Nashchokina – Doctor of Art History, full member of the RAACS, honorary member of Russian Academy of Arts, honored architect of the RF, chief researcher and head of the Department at Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, researcher of the Branch of Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Anastasia Repina – architect of Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Leonid Salmin – Ph.D. in Art History, designer, architect, professor of the Department of Graphical Design at Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)

Roman Selivanov – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering of INRTU

Stanislav Sokolov – architect of Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Fatma Taniş – PhD candidate, TU Delft, Faculty of Architecture & the Built Environment, Department of Architecture, History of Architecture and Urban Planning Chair (Netherlands)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, member of the Union of Journalists of Russia (Irkutsk)

Dmitry Falkovsky – director general of 000 "Fox Architecture & Design" (Irkutsk)

Anastasia Kholyavko – master student of INRTU, architect of Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Frank van der Hoeven – Ph.D., Associate Professor & Director of Research at TU Delft, Faculty of Architecture and the Built Environment (Netherlands)

Alexei Chertilov – architect, chair of the Board of IRO All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, Ass. Professor of INRTU (Irkutsk)

Evgenia Yamova – architect, director general of 000 Agency for Development of Territories "Town Planning School"

We are thankful to architect **Evgeniya Surikova**, manager of the Irkutsk House of Architects **Natalia Knyazeva** (Irkutsk) and architect **Elena Evseeva** (Tomsk) for their help with the preparation of the issue and the editorial work.

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism